

Сергей Родин

«УКРАИНЦЫ»

АНТИРУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СЕПАРАТИСТОВ В МАЛОРОССИИ

1847—2009

С.С. Родин

«УКРАИНЦЫ»

**АНТИРУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СЕПАРАТИСТОВ В МАЛОРОССИИ**

1847–2009

**Санкт-Петербург
2010**

На фоне кажущегося изобилия литературы по «украинскому вопросу» новая книга С. Родина стоит совершенно особняком. По двум причинам:

1. Это единственная работа, которая рассматривает всю историю украинского движения — от его зарождения в начале 19 века и вплоть до наших дней. Конечно, подобный анализ делали и другие авторы, почему и рассеян он сегодня в десятках книг и сотнях статей, и только у С. Родина — собран в одной книге, что делает ее незаменимой для всякого, кто хотел бы получить информацию по «украинскому вопросу» в максимально сжатом виде и при этом совершенно объективную, т.е. построенную не на авторских измышлениях, а на многочисленных (и признаваемых всеми!) фактах исторической реальности.

2. Все книги современных авторов, посвященные «украинской теме», страдают одним роковым изъяном — то ли прямо, то ли косвенно (через авторский контекст) они заставляют нас поверить, что «украинцы» все-таки представляют собой отдельный народ, хотя и очень близкий к русскому, а в прошлом даже составлявший с ним единое целое. Сжатым выражением подобного подхода может служить распространенное ныне среди русских патриотов выражение: «Русские, украинцы и белорусы — три ветви единого народа». И у «белорусов» и «украинцев» тут же возникает вопрос: а как называть этот «единый народ»? — и когда они слышат: Русскими, то начинают выступать с претензиями и излагать бредни о бесцеремонности и наглости «старшего брата». Авторская концепция С. Родина лишена всякой неясности и проистекающей из нее путаницы, он рассматривает самостийническое движение и «украинцев», и так называемых «белорусов», с единственно правильной, научной и фактически обоснованной точки зрения — как обычное движение СЕПАРАТИСТОВ.

Эта книга востребована именно сегодня, когда на «Украине» и в ее отношениях с РФ назревает решающий поворот. Следует помнить, что мировая закулиса не заинтересована в «расколе Украины», о возможности которого сегодня так много говорят. Она заинтересована в ЗАТЯЖНОМ «УКРАИНСКО-РОССИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ», который призван окончательно похоронить Русский народ в кровавой взаимной резне. Сегодня мы уже должны говорить не об «украинском вопросе», а прямой «УКРАИНСКОЙ УГРОЗЕ», к нейтрализации которой мы должны быть готовы и политически, и идеологически. И в этом плане книга С. Родина, безусловно, будет важным подспорьем для всякого, кто озабочен будущим ВСЕЙ исторической России, от Карпат до Тихого океана. Господи, помоги нам и не оставь нас Своею помощью и водительством!

Родин С. С.

Р 60 «Украинцы». Антирусское движение сепаратистов в Малороссии 1847–2009. С-Пб.: Издательство Русского Имперского Движения, 2010. — 448 с.

ISBN 5-87774-063-4

© Сергей Родин, 2010

«Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке... Но и у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснется он когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками; схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело...

Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое Православная Русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой Царь, и не будет в мире силы, которая не покорилась бы ему!

Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!»

Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВИРТУАЛЬНАЯ НАЦИЯ И ЕЕ ЯЗЫК

*«Русь не русская видится мне диковинкою,
как если бы родился человек с рыбьим
хвостом или с собачьей головой».*

Григорий Сковорода

Глава 1. Украинский волапюк: цель и методы создания (40-е годы XIX — начало XX века)

Волапюк, как известно, представлял собой искусственный международный язык, изобретенный в 80-е годы XIX столетия пастором Шлейером в герцогстве Баденском. Пастор считал, что наличие у людей разных национальностей единого языка значительно облегчит им взаимопонимание и поможет избежать международных конфликтов, очень часто завершающихся кровавыми войнами. Несмотря на масонский утопизм идеи, у Шлейера нашлось немало приверженцев, и тысячи кружков его последователей в короткий срок разползлись по всей Европе. Немного странное стремление многих тысяч людей отказаться от собственного национального языка стало первым демонстративным проявлением набравшего силу *глобализма*. Но в тот момент из этой аб-

сурдной затеи ничего не вышло, и очень скоро *волапюк* стал синонимом тарабарщины и мешанины непонятных слов, что отнюдь не ослабило усилий по подрыву национальных языков. Так, в 1887 г. варшавским врачом Заменгофом на основе грамматических и лексических элементов ряда западноевропейских языков был создан еще один искусственный язык — *эсперанто*. Судьба этого новояза была более успешной, и еще во второй половине XX столетия можно было встретить его сторонников, которые даже умудрялись проводить международные «научные» конференции, но и *эсперанто*, в конце концов, отправился на свалку истории, хотя отдельные секты его почитателей существуют до сих пор.

Так называемый «украинский язык» из разряда тех же *искусственных языков*, разве что не претендует на статус международного средства общения.

Еще две сотни лет назад никакого «украинского языка» в Малороссии и в помине не было, и никому не приходило в голову вынашивать планы его создания. Малорусский этнограф А.Ф. Шафонский (1740—1811), составивший в конце XVIII века описание Черниговского наместничества (южной половины Черниговской губернии и западной половины губернии Полтавской), о языке малорусского населения писал, что он есть славянорусский и различается от великорусского (Русского) только произношением и выговором некоторых слов, а в существе, *вся Малая Россия со всей Российской Империей употребляет один язык*¹.

Конечно, попытки литературного использования разговорной малороссийской «мовы», сложившейся за время трехсотлетней польской оккупации и представлявшей собой смешанный русско-польский диалект, имели место уже в XVIII веке в виде интермедий и виршей (поздравительных, шуточных, любовных), но спрос на такую литературу был невелик, а лексический багаж ее крайне беден. И в дальнейшем усилия придать ей литературность носили спорадический характер, и только на заре XIX столетия среди малороссов появился ряд любителей, писавших на «мове» более или менее удачные произведения. Наибольшую известность среди них приобрела «Перелицованная Энеида» И.П. Котляревского (1769—1838), для которой он восполь-

зовался готовой канвой и даже стихотворной формой Русской «Энеиды наизнанку» Осипова. Богатая Русскими лексическими заимствованиями, эта пьеса представляла собой скорее поэтический *шарж*, чем «высокую литературу», и не зря Шевченко презрительно называл ее «смеховиной на московский лад». Да и сам Котляревский смотрел на свои малорусские произведения как на «баловство», и именно этим объясняется то обстоятельство, что его «Энеида» увидела типографский станок помимо желания автора.

Тем не менее, у Котляревского нашлись подражатели: харьковский поэт В.Г. Маслович (1793–1841), помешавший с 1816 года малорусские стихотворения в им же издаваемом сатирическом журнале «Харьковский Демокрит» и П.П. Гулак–Артемовский (1790–1865), студент, а затем и ректор Харьковского университета, печатавший с 1818 г. плоды своей малорусской музыки в харьковском же периодическом органе «Украинский вестник». Большую популярность приобрела басня Гулака «Пан та собака», представлявшая переделку двух произведений польского писателя Красицкого («Pan i pies» и «Pan nie wart slugi»).

Но все эти попытки по-прежнему не выходили за рамки вполне безобидного *чужачества*, своего рода литературного эпатажа, и носили характер случайный и эпизодический. Даже для их создателей они представляли занятие побочное и второстепенное, а основным языком их общения и творчества являлся именно Русский. Лишь со временем в этих по виду чисто литературных опытах все более ясно стала сказываться *политическая* составляющая. Типичным выразителем ее явился историк Н.И. Костомаров (1817–1885). Будущий идеолог малороссийского сепаратизма до двадцати лет не только не говорил на «мове», но и совершенно ее *не знал*. Не понимал и произведений, написанных на ней. В своей «Автобиографии» он признается, что поначалу в качестве «учителя» и «переводчика» ему служил его шестнадцатилетний слуга, выходец из Малороссии. «Кроме того, где только я не встречался с коротко знакомыми малороссами, то без церемонии осаждал их вопросами: что значит такое-то слово или такой-то оборот речи»². К созданию собственных произведений на «мове» Костомарова подталкивало уже не литературное

«баловство», а сугубо политические мотивы. Именно литературу на разговорном малорусском диалекте выставлял он впоследствии в качестве «неопровержимого» доказательства существования отдельного «украинского народа». Между тем все сочиненные им «ви́рши» (изданные в Харькове в 1839 г. под названием «Украинские баллады») со всей очевидностью демонстрируют, что в момент их создания никакого отдельного от Русского «малороссийского языка» не существовало, ибо написаны они, хотя и *намеренно испорченным*, но все же Русским языком. С.Н. Щеголев называл эти стихотворения «опытами выворачивания русского языка на малорусский лад», и в обоснование своей мысли цитировал следующие перлы «малорусской поэзии» Костомарова:

«Не нам, Боже, розгадаты
Небесны глаголы;
Суди, Боже, нашу долю
Та по Твоїй волі.

.....

Свиты, зоре, на всю землю,
Поки сонце зійде,
Поки Божій день на землю
Красотворний прійде.

* * *

Нас неволя, наша доля,
На свит породыла,
Подражныла свободою,
Тай не вдовольныла.
Свитять зори, як свитылы,
И будуть свитыты,
А мы, на их надивывшись,
Ляжем в землю тлиты»³...

Конечно, и сам Костомаров прекрасно знал, что «самостоятельный малорусский язык» еще только предстоит соз-

давать, почему и двадцать лет спустя, приступая к изданию украинского журнала «Основа», по-прежнему был озабочен разработкой аргументов, которые подтверждали бы наличие отдельного «украинского языка», принципиально отличного от Русского. В письме к А. Котляревскому он писал (1859): «Необходимо написать большую, ученую, филологическую работу, где показать, что *южнорусское наречие есть самостоятельный язык*, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, *от этого зависит наше дело*»⁴.

Странная вывернутая логика: разрабатывать «научные» доказательства наличия «языка», который еще только *намеревались* создать. В 1857 г. еще один столп малорусского сепаратизма П.А. Кулиш (1819—1897), хлопоча об издании украинского журнала, писал: «Если бы был журнал, то есть деньги на него, то можно б и найти дельных ребят, которые поняли бы, *что нам нужно, и создали бы свой язык* не хуже чехов и сербов». Сам Кулиш был как раз из таких «дельных ребят» и с чувством законной гордости сообщал своему корреспонденту: «Вот я, *отдыхаючи*, перевел по-нашему первую песню Чайлд—Гарольда так, будто и нет на свете московской речи, а только английская и наша»⁵...

«Отдыхаючи» можно, конечно, состряпать псевдолитературный *жаргон* (дурное дело нехитрое!) и даже строчить на нем бездарные произведения, но проблема *читателей* подобного чтива при этом остается *неразрешимой*. Что, собственно, и произошло с первым украинским журналом «Основа», на который идеологи малороссийского сепаратизма возлагали исключительные надежды. Не просуществовав и двух лет (с января 1861 по сентябрь 1862 года), он без всякого давления со стороны властей заглох сам собою по одной-единственной причине — *отсутствию читателей*. Уже тираж за 1861 г. не был распродан до конца, а с начала 1862 журнал стал испытывать серьезные финансовые затруднения из-за недостатка подписчиков, постоянно задерживал выход очередных номеров и совсем закрылся к концу года. Ничего удивительного: «украинский язык», на котором публиковалась большая часть его материалов, был понятен считанным единицам, и именно тем, кто принадлежал к избранному кругу его непосредственных изобрета-

телей. Ни в Петербурге, ни в самой Малороссии читающая публика ничего не знала о существовании такого языка и, естественно, не могла его *понимать*.

В этом плане весьма показательный эпизод случился в 1861 году. Именно в «Основе» П.А. Кулиш решил предпринять попытку официального издания на «малорусском наречии» «Положения 19 февраля» об отмене крепостного права. Его хлопоты в этом направлении увенчались успехом, и 15 марта 1861 г. последовало разрешение на «перевод». Работа закипела. Кулиш при сотрудничестве Костомарова, Маркевича и официального редактора «Основы» В.М. Белозерского (1825—1899) разработал (т.е. *придумал*) юридическую терминологию. В апреле (темпы *ковки* новых слов просто неслыханные!) уже были отпечатаны корректурные листы первых 114 параграфов «Положения» и отданы на рассмотрение Государственного Совета. Здесь-то и обнаружилась вся нелепость затеи. Вместо непонятных крестьянину юридических терминов и других выражений официального (Русского) текста, которые ему мог легко растолковать любой местный интеллигент (священник, мировой посредник, местный учитель) в малорусском «перекладе» кишмя кишели и полонизмы, и исковерканные русизмы, и вновь образованные слова, смысл которых составлял секрет изобретателей и заведомо был не доступен расшифровке читателем-малороссом любого уровня грамотности. Получив соответствующие разъяснения от секретаря Госсовета, Кулиш должен был отказаться от своей фантастической затеи. «Перевод» так и остался незавершенным. «Украинская мова» упорно не приживалась на Русской почве...

Даже публикация в каждом номере «Основы» произведений Тараса Шевченко (ум. в феврале 1861) не спасла журнал от краха. Не вдаваясь в *оценку* творчества «малорусского кобзаря», заметим только, что едва ли не большую часть своих произведений он написал по-русски, причем на Русском языке писал во всех родах словесности: и поэмы, и повести, и драмы. В 1841 году написаны им повесть в стихах «Слепая», драма «Никита Гайдай» и историческая мелодрама «Невеста». К 1842 г. относится написание драмы «Данило Рава», к 1843 — драмы «Назар Стодоля». В 1844—1846 годах

он написал повесть «Наймычка», в 1845 — повесть «Варнак». К этому же периоду относятся его рассказы на Русском языке: «Художник», «Музыкант», «Прогулка» и ряд других. Даже свой *дневник (!)* Шевченко писал по-русски. Но утвердиться в Русской литературе, где в это время тон задавал великий Гоголь, у него не было никаких шансов. Слишком убогим и примитивным был его поэтический дар. Иное дело произведения на «малорусском наречии». Да при этом еще и с русофобской начинкой. В тогдашнем Петербурге, где вовсю уже орудовали идейные наследники декабристов, спрос на такого рода литературу был гарантирован. Талант при этом особой роли не играл. Шевченко, не без помощи Кулиша и Костомарова, быстро сориентировался в выгодах момента и стал ударно штамповать свои злобные, исполненные ненавистью «вирши». Три четверти из них были подражательны, безвкусны, глубоко провинциальны, и невысоко котиrowались в стане истинных ценителей поэзии. Зато любители «революционных потрясений» по достоинству оценили их разрушительный пафос и массово тиражировали под видом оригинальной «малороссийской литературы», вознеся Шевченко в ранг «национального пророка» и поэтического «гения». У того естественным образом закружилась голова, но даже после этого он не стал экспериментировать с языком и по-прежнему писал свои произведения на том разговорном малороссийском *суржике*, который знал с детства и который, несмотря на известную полонизацию, сохранял свою Русскую основу, почему и был понятен любому Русскому читателю. Если Шевченко и проявлял пристрастие к *политическому* малорусскому сепаратизму, то в литературном сепаратизме грешен не был. М.П. Драгоманов (1841—1895) замечал по этому поводу: «Шевченко не имел мысли непременно создавать отдельную украинскую литературу, ибо он писал свои повести по-русски, так же писал свой дневник, сценарий к «Стодоле» и тому подобное; видимо, Шевченко выбирал себе язык более легкий и более подходящий для данного случая, а не думал непременно создавать особую самостоятельную литературу и язык»⁶. В этом плане он ничем не мог помочь Кулишу и компании...

Многочисленные неудачи на пути создания псевдонародного «украинского языка» нисколько не поколебали энтузиазма его творцов. Впрочем, успехов им тоже не добавили. Показательна в этом плане судьба еще одного украинского журнала «Громада», издание которого предпринял М.П. Драгоманов. В 1876 г. он покинул Россию и со специальной целью основать за границей «свободное украинское слово» осел в Женеве, где и начал выпуск «Громады». Журнал издавался на пожертвования, собранные в Малороссии. Здесь же обсуждался вопрос, на каком языке публиковать его материалы, и мнение тех, кто собирался в нем сотрудничать, было единодушным: *по-украински*. «И что же? — вспоминал Драгоманов позднее. — Как только дошло до распределения статей для первых книг «Громады», сразу же послышались голоса, чтобы допустить не только украинский, но и русский язык». Те, кто гордо величал себя «украинцами», с пеной у рта доказывая, что существует особый «украинский язык», *ничего не могли на нем написать*, поэтому, когда от слов перешли к делу, число энтузиастов, обещавших печатать свои материалы в журнале, резко пошло на убыль. Десять из двенадцати главных его сотрудников «не написали в нем ни одного слова». Из двух десятков людей, «обещавших сотрудничать в «Громаде» и кричавших, что надо «отомстить» правительству за запрещение украинской печати в России, осталось при «Громаде» только четверо. Двум из них пришлось импровизированным способом *превратиться в украинских писателей*».

Столь же *импровизированный* характер носил и язык, на котором эти «писатели» создавали свои «украинские» произведения: кроме них, его *никто не понимал*. «Нас не читали даже ближайшие друзья, — признает Драгоманов. — Для них просто тяжело было прочесть по-украински целую книжку, да еще написанную прозой, и они не печатали своих статей по-украински ни в «Громаде», ни где бы то ни было, тогда как часто печатались *по-русски*». «Украинский язык» и на исходе XIX века, несмотря на лихорадочную деятельность по его конструированию, все еще представлял собой ис-

кусственный, мертворожденный *жаргон*, обслуживающий потребности членов немногочисленной *политической секты*. Неудивительно поэтому, что у авторов, пишущих на нем, напрочь отсутствовала читательская аудитория. «За все время существования женеевского издательства, — пишет Драгоманов, — я получал от самых горячих украинофилов советы писать по-украински только про специальные краевые дела (домашний обиход!), а все общие вопросы освещать *по-русски*». Драгоманов раскрывает и «секрет» этого стойкого неприятия «ридной мовы» даже в стане «ширых украинцев»: «Для украинской интеллигенции, так же как и для украинофилов, *русский язык* еще и теперь является *родным и природным*». Родной была для них и Русская литература: «Российская письменность, какова бы она ни была, является до сих пор своей, родной для всех просвещенных украинцев, тогда как украинская *существует* у них *для узкого круга*, для «домашнего обихода», как сказали Ив. Аксаков и Костомаров»⁷.

Само творчество на «украинском языке» являлось для этих «писателей» не более чем выражением их *политической оппозиции* и *этнического нигилизма*, и собственно к литературе не имело отношения. Это вынуждены были признавать даже самые завзятые «украинцы». Тридцать лет спустя после признания М.П. Драгоманова украинский литературный критик Сриблянский отметит (1910): для большинства наших писателей литература не является средством проявления своего внутреннего «я», а отождествляется с патриотизмом (естественно, «украинским»). Чтобы быть патриотом, господин X начинает писать по-украински, *не зная украинского языка*⁸... Попутно замечу: только «украинец» способен на такое: *творить на языке, которого не знает!* И только благодаря такого рода «подвигам», процесс созидания «украинской литературы» пусть и медленно, но шел вперед. Но в силу тех же причин «становление» этой «литературы» еще и в начале XX столетия носило откровенно болезненный и карикатурный характер, когда десятки «малых Тарасиков», в основе своей представлявших горькую, обидную *бездарность*, тоннами штамповали виршованную макулатуру на украинском новоязе. Ю.А. Яворский (1873—1937), воочию

наблюдавший этот патологический процесс в Галиции, так определял его смысл:

«Нужно только ближе рассмотреть всю современную малорусскую или, как она величается, «украинскую» литературу, чтобы убедиться, что это только болезненный нарост на русском народном теле. Приглянувшись, мы увидим, что все эти Школиченки, Подоленки, Торбенки и другие «енки» — не писатели, не поэты, даже не литературные люди, а просто политические солдаты, которые получили приказание: сочинять литературу, писать вирши по заказу, на срок, на фунты. Вот и сыплются как из рога изобилия безграмотные литературные «произведения», а в каждом из них «ненька Украина» и «клятый москаль» водятся за чубы. Ни малейшего следа таланта или вдохновения, ни смутного понятия о литературной форме и эстетике не проявляют эти «малые Тарасики», как остроумно назвал их Драгоманов, но этого всего от них и не требуется, лишь бы они заполняли столбцы «Зори» и «Правды» (газеты украинофильской партии в Галиции, — С.Р.), лишь бы можно статистически доказать миру, что, дескать, как же мы не самостоятельный народ, а литература наша не самостоятельная, не особая от «московской», если у нас имеется целых 11 драматургов, 22 беллетриста и 33,5 поэта, которых фамилии оканчиваются на «енко»?»⁹...

Этот откровенно заказной характер производства «украинских произведений» привел к небывалому распространению в среде «украинских авторов» самого беспардонного плагиата. Творцы «украинской литературы» без всякого стыда и стеснения заимствовали сюжеты у других писателей (в основном, у тех, кто писал по-русски), переносили действие на малороссийскую почву, переименовывали литературных героев на местный манер и, таким образом, выдавали на-гора очередной «шедевр» «украинской литературы». Нередко подобное воровство обнаруживалось, и тогда вспыхивали скандалы, дело доходило даже до судебных процессов, что нисколько не меняло направления «творческих поисков» самостийных авторов.

Первый конфуз на этой почве случился в 1863 г. в области «украинской музыки», когда на сцене Мариинского театра в Петербурге впервые была поставлена опера С.С. Гулака—

Артемовского (1813–1873) «Запорожец за Дунаем». Опера имела большой успех, но уже в следующем сезоне ее сняли с репертуара. Оказалось, что музыку для «своей» оперы Гулак—Артемовский большей частью «позаимствовал» у... *Моцарта* (из оперы «Похищение из сераля»), лишь добавив туда несколько народных малороссийских песен и чуть-чуть переработав отдельные места. Разразился скандал. Театральные критики обвинили «композитора» в плагиате. Но, несмотря на конфуз в Петербурге, в Малороссии опера стала очень популярной. Как отмечал современник, фрагменты из этого произведения «часто поют украинские любители пения, не подозревая, что они исполняют музыку Моцарта. Опера Моцарта «Похищение из сераля» на Украине никогда не исполняется, а «Запорожца за Дунаем» хорошо знает каждый украинский театрал». И в самом деле: зачем нужен Моцарт, когда имеется свой украинский Гулак?..

Но особенно отличились на поприще присвоения чужих идей и сюжетов украинские драматурги: М.П. Старицкий (1840–1904), М.Л. Кропивницкий (1840–1910), И.К. Карпенко—Карый (1845–1907), Н.К. Садовский (1856–1933) и другие, менее известные их «коллеги». Сюжеты они «одадживали» у А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и других Русских писателей. М.П. Старицкому в этом «почетном» списке справедливо принадлежит первое место. Позднее литературоведы установили, что сюжеты всех пьес этого «автора», кроме одной, определенно «позаимствованы» у других (не только у известных Русских литераторов, но и деятелей провинциальной малорусской литературы). Лишь по поводу пьесы «Не судилось», очень похожей по содержанию на пьесу М.Л. Кропивницкого «Доки сонце зійде, роса очі виїсть», специалисты не пришли к однозначному выводу: кто у кого украл.

Не отставали от «драматургов» и творцы других отраслей «украинской литературы». Так, при рассмотрении цензурой в 1894 г. рукописи басен Л.И. Глибова было установлено, что из 107 помещенных там произведений 87 (!) заимствованы у И.А. Крылова и лишь переведены на «малорусское наречие», а остальные взяты у других, менее известных Русских авторов. Между тем издатели (сам Глибов к тому времени уже умер)

пытались выдать эти басни за оригинальные произведения «украинского байкаря». Цензура книгу запретила, после чего посыпались жалобы на «притеснения» и, что самое интересное, «украинцы» добились-таки разрешения издать сборник басен, хотя и в несколько урезанном виде¹⁰...

С началом нового XX века вал «украинской литературы» с каждым годом количественно возрастал, но качественно она так и продолжала оставаться никому не нужной *макулатурой*, которую — в виду отсутствия спроса — приходилось распространять в основном бесплатно. Ее искусственно мутированный «украинский язык», несмотря на титанические усилия его создателей по внедрению своего детища в жизнь, был так же чужд населению Малороссии, как и столетие назад, когда появились первые произведения на «мове». Даже снятие всяких официальных ограничений, приведшее к лавинообразному росту украиномовной литературы, в том числе прессы, нисколько не изменило положения. Один из активнейших деятелей украинства Ю. Сирый (Тищенко) писал об этом времени: «Помимо того **маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински**, для многомиллионного населения Российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т.д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим *тренировки и изучения*».

Но желающих «потренироваться» в изучении искусственного украинского новояза было немного, поэтому, по свидетельству того же Тищенко—Сирого, даже «Рідний край», одна из самых распространенных украиномовных газет, имела всего около 200 подписчиков, (да и тех, в основном, из среды украинских политдеятелей). «И это в то время, когда такие враждебные украинскому движению и интересам украинского народа русские газеты, как «Киевская мысль», «Киевлянин», «Южный край» и т.д., выходившие на Украине, имели огромные *десятки тысяч подписчиков* и это подписчиков — украинцев, а такие русские журналы дешевого качества, как «Родина», «Нива» и т.д., выходили миллионами экземпляров и имели на Украине *сотни тысяч подписчиков*»¹¹.

Украинские газеты того времени наполнены жалобами на отсутствие всякого интереса к украинской прессе со стороны малороссов. Проанализировавший эту сторону вопроса С.Н. Щеголев приводит весьма красноречивые факты. Харьковский «Сніп» (1912) опубликовал письмо своего подписчика, который «изверился в необходимости развивать украинскую культуру, ибо ... украинский народ *не хочет читать* своей литературы, украинская молодежь *поднимает на смех* свой язык и национальность ... а украинского газетного языка *народ не понимает*». «Рада» приводила выдержку из письма одного бывшего участкового агронома (1912): «Скажу вам, что в Екатеринославщине, Херсонщине и Таврии население говорит почти *по-русски*; украинские книги здесь уже не понятны. Я сам раздавал «Розмови про сільске хазяйство», и большинство крестьян возвращало их обратно, высказывая сожаление, что *ничего не понимают*. Обыкновенно просят дать книг *русских*»... А вот картинка с Волыни из села Жеребков (1910). Люди здесь «ревностны к науке»: каждый хозяин обязательно посылает своих детей в местную одноклассную школу, а то и в двуклассную школу соседнего местечка. Много молодых хлопцев учится по городам в различных училищах, а есть и такие, что учатся в Петербургском университете. Большинство крестьян праздничную гульбу заменили чтением газет и книг. Здесь выписывают до 30 газет, *исключительно Русских*... Из села Пасицели Херсонской губернии сообщали (1911), что открытая при потребительской лавке продажа книг идет вяло. Почти все книги на «украинском языке», но люди почему-то их неохотно берут. Возьмет человек книгу в руки, поглядит и со словами «*Це щось не по-нашому*» кладет ее обратно... По сообщению корреспондента «Рады» из Сумского уезда (1911) человек, впервые попавший в Сумы, никогда не подумает, что этот город украинский, а не московский (?): настолько люди тут «обрусели» (?!), настолько «отреклись от самих себя». Из всего Сумского уезда, добавляет тот же корреспондент, лишь душ десять выписывают украинские газеты и журналы, прочие же читают *исключительно русскую литературу*, «как более понятную, чем малороссийская»¹²...

Несколько десятилетий титанических усилий по ускоренному созданию «украинского языка» так и не привели к какому-либо плодотворному результату: он по-прежнему находился в *стадии формирования*. Та же газета «Рада» в обращении к своим читателям в 1911 году вынуждена была признать, что «украинский литературный язык *только лишь вырабатывается*, и еще не успел приспособиться к народному», а потому просила подписчиков, знающих только народное наречие, не смущаться, если для них язык газеты непонятен. Редакция затем сознавалась, что и сотрудники ее сами лишь **«учатся писать на своем языке»!** Такая вот «ридна мова», на которой взрослые образованные люди, насилуя себя, вынуждены были *«учиться писать»*¹³. Вечный нескончаемый ликбез по-украински...

Впрочем, «украинцы» не теряли оптимизма. Так, М.С. Грушевский, принимавший самое непосредственное участие в разработке украинского новояза, рекомендовал апологетам самостийничества не падать духом и мужественно преодолевать возникающие при овладении «мовой» трудности, а для прочтения и уразумения украинских статей или книжек максимально *«напрягать свое внимание»* и почаще *«заглядывать в словарик»*. Для пущего же вдохновения отсылал их к образам Священного Писания: «Ветхозаветная легенда повествует о своем национальном герое, что он в пылу гнева, не имея иного оружия, побил тысячи врагов ослиною челюстью, которая попалась ему под руку. Я думаю, что наши современные культурные орудия — литературный и научный язык, терминология, правописание — представляют все-таки нечто лучшее той ослиной челюсти. Но, если бы все это было действительно только ослиной челюстью, то и с этим орудием мы сумеем совершить великие подвиги на ниве культурно-национального возрождения нашего народа. *Иного оружия*, иных средств мы не имеем и не будем иметь»¹⁴.

«Язык» предлагался в качестве *оружия* и средства *«истребления врагов»*. Такого рода «культурное орудие» и ковалось ускоренно в течение всего XIX века идеологами малороссийского сепаратизма.

Иного оружия, действительно, не было дано.

Все нелепости формирования «украинского языка», его искусственность и нежизнеспособность как раз и объясняются той *разрушительной ролью*, которую изначально отводили вновь изобретаемому новоязу его творцы: **раскол единой Русской нации, отделение от нее малороссов и превращение их в отдельный «украинский народ»**. Так как малороссы хорошо помнили, что они именно Русские, *следовало для них создать особый «украинский язык», внушить им, что именно он, а не Русский, является для них «родным», приучить (заставить) их пользоваться им, а затем на этом основании объявить «украинцами»*. Для Русских патриотов эта *истинная цель* украинства уже в то время никакой тайны не составляла, и они повели решительную борьбу с самостийничеством. Однако поначалу им пришлось столкнуться с совершенно *украинофильской* позицией Русского правительства и затратить немало усилий на то, чтобы изменить его отношение к малороссийскому сепаратизму.

С восшествием на престол нового Императора Александра II (1855—1881) Петербург превратился в самый настоящий центр и рассадник украинства. Были амнистированы осужденные в предыдущее царствование активисты тайного общества малорусских сепаратистов «Кирилло-Мефодиевское братство»: Костомаров, Кулиш, Шевченко и др. Снят запрет на публикацию их произведений. Возвращенный из ссылки Костомаров получил место профессора Петербургского университета. Его появление в университете было отмечено с невиданным триумфом — после первой лекции новоиспеченного профессора вынесли из аудитории на руках. У Кулиша в Петербурге появилась собственная типография. За 1860—1862 гг. он издал в ней на «мове» в серии «Сельская библиотека» 39 различных брошюр, что равнялось числу «украинских книг» за предыдущие 40 лет¹⁵. В 1858 г. вернулся в столицу и Шевченко. Деятельность сепаратистов закипела с еще большим размахом.

В связи с отменой крепостного права Русское правительство и общественное мнение были озабочены развитием начального образования для крестьян. На эту благодатную почву, прежде всего, и перенесли свои усилия малороссийские самостийники, и под видом распространения в народе грамотности принялись активно насаждать в его среде свои сепаратистские идеи. О размахе этой деятельности и полной ее открытости свидетельствовало уже то, что в начале 1862 г. в Петербурге и Москве можно было свободно купить шесть (!) «малороссийских букварей» разных авторов, в том числе Кулиша и Шевченко. Власти не только не чинили препятствий их изданию, но еще и ассигновали через Министерство просвещения 500 рублей для печатания учебников на «мове» для народных школ, даже не задумываясь над тем, что само наличие подобной литературы дает в руки сепаратистам неотразимый аргумент в пользу существования отдельной «малороссийской народности»: «самостийный» язык — «самостийный народ»!..

О более чем солидных тиражах такого рода литературы говорит следующий факт. В начале 1861 г. группа харьковских «украинцев» отправила Киевскому митрополиту Арсению 6000 (!) экземпляров букваря Шевченко для использования в народных школах. То, что организаторы этой акции даже не запросили предварительно митрополита Арсения о его готовности принять книгу, но сразу послали ему такое огромное количество экземпляров, войдя в весьма серьезные расходы, свидетельствует о полной их уверенности в том, что никаких препятствий они не встретят.

Их и не было. Насколько далеко в этот момент заходила лояльность Русской власти к нарождающемуся украинству, можно судить по позиции, занятой Святейшим Синодом, цензуре которого подлежали все книги религиозного содержания. В 1862 г. с его разрешения была напечатана на «малорусском наречии» подготовленная священником Степаном Опатовичем и предназначенная для народа «Священная история». Хотя со стороны «народа» никаких просьб на этот счет не поступало. Малороссов вполне устраивала православная литература на Русском. В том же 1862 г. на Русский язык было переведено Евангелие. О популярности Русско-

го перевода Евангелия среди крестьян Малороссии можно судить уже потому, что только с 1863 по 1865 гг. разошлось более 1 миллиона 250 тысяч экземпляров этой книги. Тем не менее, Синод готов был согласиться и на публикацию Евангелия, переведенного на «малорусское наречие» Ф.С. Морачевским. Терпимое отношение Церкви к экспериментам с «украинским языком» предопределяло пассивность в этом вопросе не только Русского общества, уже вполне пораженного заразой «либеральных устремлений», но и Русской власти...

Самостийники с лихвой воспользовались предоставленными возможностями. Вот типичная для того времени картинка: «По украинским селам стали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы... Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором (*речь идет о Костомарове. — С.Р.*), составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек»¹⁴. Кампания по сбору средств проходила при самом активном участии Русского «передового общества». Например, 6 апреля 1863 г. в петербургском Дворянском собрании состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу издания книг для народа на «малороссийском наречии». На вечере выступали К.И. Бестужев—Рюмин, В.И. Каховский, Н.Г. Помяловский. Доклад самого Костомарова несколько раз прерывался оглушительными рукоплесканиями. И ни одному из присутствовавших «прогрессивных деятелей», устроивших овацию сепаратисту и считавших себя, по видимому, очень умными, почему-то не пришло в голову, что через каких-нибудь полвека, не в последнюю очередь благодаря их поддержке украинства, Киев, Полтава, Одесса и еще множество Русских городов и весей будут объявлены «иностранными»...

Но не все были столь слепы и глухи к нарождавшейся угрозе. Национально мыслящие Русские люди обратили, наконец, внимание на деятельность «украинцев», явным образом направленную на раскол Русской нации и деформацию

ее национального сознания. Первыми забили тревогу малороссы. Так, профессор филологии Киевского университета С.С. Гогоцкий (1813–1889), автор первого в России много-томного философского словаря — «Философский лексикон» (тт. 1–4), дал достойную отповедь усиленным попыткам сепаратистов внедрить в отношении Малороссии и ее жителей новые термины — «Украина», «украинцы», «украинский». Гогоцкий подчеркивал, что невозможно «*придать Украине, этому обыкновенному названию местности, территориальной окраины, такое значение, которого она никогда не имела, не имеет и иметь не может ... Украина это название вовсе не одновременное с происхождением первичных частей Древней Руси, а гораздо позднейшее, и притом название, как мы сказали, только полосы территории на юг от Киева, или даже от Роси...* Наш юго-запад не украина, с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского ... Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, русский фольварок, в отличие от польского ... но никто никогда не говорил и не говорит: ... украинский фольварок. ... По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия — не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлеж-ности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и много-трудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то украинским, т.е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только крайнюю местность? ... Смешное и жалкое увлечение, будто украинское может быть для нас выше и важнее русского!»¹⁷...

Малороссы же первыми указали и на явно подрывной ха-рактер украинской «учебной» литературы для народа. Тот же С.С. Гогоцкий в своем письме в Петербург (19 декабря 1859) священнику Василию Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время «малороссийских букварей», отме-чал антирусскую направленность его «учебника»:

«В букваре своем вы прекрасно сделали, что напомнили на-роду его же понятиями о всех подлостях Ляхов... Но мне ка-

жется, вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда: а) намекаете народу о какой-то самостойкости (Самостойкость нас убила бы в один год.); б) хотя не прямо, но косвенно, молчанием **проводите разделение между нами и Великоруссами**, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен... в) вообще в вашем букваре вы, заметно, желаете **поставить наш народ во враждебное отношение к России** и напрасно устранили употребление литературного русского языка»¹⁸.

В этом же письме Гогоцкий указывал и на тех, кто был в первую очередь заинтересован в разжигании малороссийского сепаратизма, поляков:

*«Мы должны всячески поддерживать единство трех племен Русских, а иначе ... Латино-Ляшская партия его (малороссийский народ) сейчас же раздавит или по крайней мере прямо подавит и ассимилирует. Ляхи это отлично понимают, и потому-то они постоянно, под видом искреннейшего благожелания, нашептывают нам, что Малороссия может быть самостоятельной. Нас-то, Западных Малороссиян, обмануть трудно; но Восточные Малороссияне, как я заметил, легко даются и уже дались в обман. Они не замечают того, что Ляхам и Иезуитам только того и нужно, чтобы: 1-е, **развить нерасположение в Малороссиянах к Великоруссам**; 2-е **развить мысль об отдельности**, и 3-е, **вытолкать употребление литературного русского языка**. Ляхи очень хорошо знают, что если бы Малороссия оторвалась от Великороссии, то первую, особенно Западную, они схватили бы тотчас и задушили, как кот мышку»*¹⁹...

* * *

Огромное влияние поляков в Малороссии, особенно на правобережье Днепра, объяснялось тем, что они и после присоединения края к России продолжали занимать господствующее положение не только в его экономике, но и в культурной жизни. Вплоть до 1864 г. Русская власть ничего не сделала для того, чтобы освободить край от враждебного России польского влияния. Польские помещики продолжали удерживать в своих руках господство над Русской

деревней. Сильные позиции сохраняли поляки и в органах дворянского самоуправления. Но особенно заметно польское влияние проявилось в сфере образования. В 1803 г. по указанию Императора Александра I был образован Виленский учебный округ из восьми губерний: Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской, то есть из тех Русских областей, которые были присоединены к России в результате разделов Польши в XVIII веке. Попечителем этого округа вплоть до 1823 г. состоял поляк князь Адам Чарторыйский (1770—1861), личный друг Императора Александра, в течение четырех лет совмещавший должность «попечителя» со званием помощника государственного канцлера, а затем и министра иностранных дел. О политических пристрастиях этого польского деятеля можно судить по следующим фактам его биографии. В 1792 г. в рядах польской армии он участвовал в боевых действиях против Русских, после чего бежал в Англию. Узнав о восстании Костюшко (1794), попытался вернуться на родину, но по распоряжению австрийских властей был арестован в Брюсселе, и только этот арест помешал ему принять непосредственное участие в восстании. Во время польского мятежа 1830—1831 гг. Чарторыйский возглавил повстанческое «правительство», а после подавления мятежа осел в Париже, где продолжал активно составлять заговоры против России. Из этого краткого перечня можно понять, какими приоритетами на должности «попечителя» Виленского учебного округа руководствовался Адам Чарторыйский...

Ближайшим «просветителем» правобережной Малороссии стал еще один *поляк* Тадеуш Чацкий (1765—1813), друг и единомышленник Чарторыйского. С 1803 г. и вплоть до самой своей смерти он состоял визитатором (ревизором) учебных училищ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Училищный устав, выработанный Чацким при участии известного польского террориста Гугона Коллонтая, был в 1805 г. утвержден Александром I. В том же году состоялось открытие классической гимназии в городе Кременце, переименованной в 1819 г. в лицей. О национальном составе учащихся этого учебного заведения можно судить уже по тому, что оно притягивало в свои стены польскую молодежь даже из Австрии и

Пруссии, а в 1831 г., когда был получен указ о закрытии лицея, там не нашли ни одного ученика: все были в рядах польских повстанцев. Кстати, именно перу Чацкого принадлежал псевдонаучный труд «О названии »Украина» и зарождении казачества» (1801), в котором этот польский граф доказывал, что «украинцы» произошли от *укров*, особой орды, пришедшей на место будущей «Украины» из-за Волги в VII веке! От *укров* — «Украина», от «Украины» — «украинцы», — такую схему этногенеза «украинского народа» проповедовал «ревизор» Чацкий. Следует ли после этого удивляться тому, что, например, в Уманском училище Киевской губернии учителя-поляки открыто учили, что Россия за Днепром, а здесь — «Украина», населенная особой ветвью *польского народа* — «украинской». А если учесть, что по протекции Чарторыйского и Чацкого польские преподаватели заполонили едва ли не все учебные заведения Малороссии, направленность гуманитарного образования в крае была вполне очевидной. Недаром же идейные взгляды большинства деятелей малороссийского сепаратизма формировались под непосредственным влиянием польских «наставников». Политическое кредо Костомарова, например, во время организации «Кирилло—Мефодиевского братства» во многом оформилось под воздействием поляка Зеновича — бывшего профессора Кременецкого лицея, а «Книги бытия украинского народа» (1847), написанные Костомаровым как некое подобие историософской «платформы» этого самого «братства», по сути, являются перепевом «Книг польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича. Уже знакомый нам Гулак—Артемовский, поступив в число студентов Харьковского университета, одновременно занял там в 1818 г. преподавательскую кафедру польского языка и польской литературы. Польский дух господствовал в университете. До 1831 г. там преподавали профессора-поляки Данилович, Криницкий, Валицкий, Александр Мицкевич, Галицкий, Станиславский и Ильдефонс Коссов. Попечителем учебного округа 12 лет состоял еще один друг Чарторыйского граф Северин Потоцкий. В этой польской культурной атмосфере и формировалось украинское мировоззрение Гулака—Артемовского, Костомарова и многих других деятелей малороссийского сепаратизма...

Нам неизвестно, как отреагировал о. Василий (Гречулевич) на сделанные С.С. Гогоцким замечания, но в частном письме киевского профессора отразились настроения и опасения, господствовавшие в то время в Малороссии.

«У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из *природных малороссов*, а то (прочие) **все поляки**, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок, — в это же время сообщает видный малорусский общественный деятель К. Говорский. — Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почуял в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги»²⁰.

Издававшийся в Киеве историко-литературный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России» в 1862 г. писал о польских замыслах: «Старинным блажелателям России хотелось бы во что бы то ни стало ослабить ее могущество, поразить и втянуть в свои сети южную и юго-западную Русь и вот снова искусно пускается в ход мысль между нами малороссами, проникнутая по-видимому самым бескорыстным ей желанием добра: к чему единство с Россией? Как будто вы не можете употреблять только свой малороссийский язык и образовать самостоятельное государство? Самая коварная злоба в этих змеиных нашептываниях так очевидна, что при малейшей доле проницательности можно бы понять ее... И однако же некоторые *пустые головы*, сами не зная того, кем они втянуты в сети, *готовы вторить об отдельности южной Руси*, издеваться над образованнейшим из всех славянских языков — языком русским».

Против этих-то «пустых голов», не отдающих себе отчета в том, что происходит, и выступал журнал: «Не книги малороссийские, а эти слепые усилия *навязать нам вражду* к великорусскому племени, к церкви, к духовенству, к правительству, т.е. тем элементам, без которых *наш народ не избег бы снова латино-польского ига*, **заставляет нас же малороссов негодовать на некоторых любителей малорусского языка**, сознательно или даже бессознательно превращающихся в сильное орудие давних врагов южной Руси»²¹...

В сущности, попытки узаконить «малороссийский диалект» являли собой откровенное *лакейство* перед поляками некоторой части малорусской интеллигенции, наглядно демонстрируя моральную и нравственную ее зависимость от бывших *панов*. Об этом писал один из авторов того же журнала: «Малорусское просторечие как *явление временное, случайное*, как говор, сложившийся для выражения бедной жизни народа русского *под влиянием польским*, есть явление для нас понятное, почти безразличное в устах запорожца времен Мазепы; но отстаивать, тем более обособлять это наречие теперь, после вековой почти, нераздельной жизни разных членов семьи русской?»... Подобное намерение означает попытку «*окаменять это наречие, увековечивать в нем ржавчину, взевшуюся в кости русские от цепей чуждого рабства*».

Кроме того, малорусский диалект, функционируя исключительно на бытовом уровне, не в состоянии выполнять роль полноценного языка образования и науки. «Чтобы создать из подобного наречия язык, а особенно литературу, нужно сделать то же, что должен был бы сделать человек, у которого нет и гроша, а ему хочется иметь миллион, то есть украсть его или одолжить. Чтоб и просторечье малорусское сделать органом всех выводов, изобретений и наблюдений науки, создать то есть малорусскую литературу, для этого оно непременно должно или украсть, или взять на прокат у языка русского или польского очень многое», прежде всего в плане грамматики и терминологии. Заимствование из Русского литературного языка представляется наиболее логичным и вполне естественным. Но в этом случае «*порченное наречие, малорусский жаргон преобразится в чисто русский язык*», сделав саму затею сепаратистов совершенно **бессмысленной**. Поэтому они и идут *путем заимствований из польского языка*: «Кроме закрепления бесчисленных чуждых русской речи слов и оборотов, насильно вторгшихся в нее от причин, теперь несуществующих, они поминутно обращаются к лексикону своих и наших приятелей (*т.е. поляков. — С.Р.*) только лишь для того, чтобы не обращаться к словарю родному, русскому. Сюда относятся: «погляд», «оповідання», «омана», «наданий», «одностай-

ний», «жаданье» и многие другие, которых нет в малорусском говоре, происхождение которых очевидно. Когда все эти непрошенные протекторы обособления малорусского наречия начнут подвигаться по этому пути вперед, они незаметно *попятятся назад, в объятия латино-польской пропаганды*: их наречие из порченного русско-славянско-польского обратится, может быть, в язык, но, конечно, порченный — польский, и они, изменив языку предков, запишут в истории имена свои рядом с теми из них, которые изменили вере предков»²².

Особо следует подчеркнуть, что это возмущение *предательской, по сути, деятельностью* малорусских самостийников разделялось *большинством* населения Малороссии. Достаточно полно передает отношение тогдашних малороссов к затеянной сепаратистами возне по выработке самостийного «украинского языка» письмо председателя Киевского цензурного комитета Новицкого, отправленное им министру внутренних дел П.А. Валуеву 27 июня 1863 года. В нем Новицкий указывал, что «само возбуждение вопроса о пользе и возможности употребления этого (малороссийского) наречия в школах *принято большинством малороссиян с негодованием*. Они весьма основательно доказывают, что *никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может*, и что наречие их, употребляемое простонародьем, *есть тот же русский язык, только испорченный на него влиянием Польши*». «Общерусский язык», говорилось далее в письме, для народа «гораздо *понятнее, чем теперь сочиняемый для него* некоторыми малороссами и *в особенности поляками* так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, *большинство самих малороссиян упрекает* в каких-то сепаративных замыслах, *враждебных России и губельных для Малороссии*». Завершалось письмо указанием на то, что явление малороссийского сепаратизма «тем более прискорбно и заслуживает *внимания правительства*, что оно совпадает с *политическими замыслами поляков* и едва ли не им *обязано своим происхождением*»²³...

Но малороссы не только возмущались, но и действовали. В 1862 г. Комитет для рассмотрения уставов под председательством профессора Киевского университета

И.Я. Нейкирха единогласно постановил заменить в уставах низших и средних учебных заведений слова «отечественный язык» на «*русский язык*». А в следующем 1863 г. Гогоцкий и И.Г. Кулжинский (1803—1884) выпустили в Киеве специальные брошюры, направленные против применения «украинского языка» в школах Малороссии²⁴. При этом Кулжинский в своей брошюре особенно подчеркивал, что «малороссийское наречие *есть тот же общерусский язык*, только испорченный в то время как Малороссия стенала под игом Польши. Со времени возвращения Малороссии и сплочения в одно целое с прочею Россией, *малороссийское наречие начало очищаться от проказы полонизмов* и с каждым днем более и более сближаться с *родным своим русским языком*». Даже безграмотные крестьяне понимали, что именно Русский язык является для них родным, почему, например, с возмущением встречали намерения отдельных батюшек произносить церковные проповеди на малороссийском наречии. Рассказав об одной из таких попыток, Кулжинский отмечал: «Простолюдины обиделись таким оборотом проповеди, многие тотчас вышли из церкви, а другие начали шушукаться между собой и переглядываться. Потом хотели было жаловаться архиерею на священника за то, что он *посмеялся над ними* в церкви и заговорил до них *такою мовою, как они в шинке лаются меж собою*»... Другой автор из Нежина А. Добротворский, обращаясь к украинофилам, писал о том же самом (февраль 1863): «Местные внимательные наблюдения... убедили бы вас, между прочим, что нашему малороссу простолюдину *гораздо понятнее общерусский наш язык, нежели сочиняемый вами книжный украинский*. Причина в том, что первый есть *язык естественный*, временем выработанный, а потому *язык живой*, до известной степени чистый, общеупотребительный и современный; а ваш книжный украинский — есть язык или совершенно *искусственный*, или слишком местный (полтавский, черниговский), значительною долею слов и оборотов своих давным-давно *устаревший* и, следовательно, *свое время отживший* ... «Основа» очень кстати к каждой книжке своей прилагает объяснение неудобопонятных южнорусских слов. Без этого словаря, действительно, не понять бы малороссийских со-

чинений, помещаемых в «Основе», не только великороссу, но и малороссу»²⁵...

Начатую в Киеве борьбу с малороссийским сепаратизмом в Москве поддержал М.Н. Катков (1818—1887) в издаваемых им «Московских ведомостях» и «Русском Вестнике». Поначалу он тоже относился к деятельности «украинцев» вполне терпимо, но со временем сумел разгадать подлинные устремления инспирируемого ими движения: «Прежде с.-петербургские украинофилы смиренно заводили журналец для того, чтобы помещать в нем, между прочим, малороссийские сказочки и стишки, и трепетали, чтобы какие-нибудь неосновательные подозрения не помешали им в этом невинном и добродушном занятии; а теперь эти господа берут под свою опеку десять миллионов Русского народа и *хотят навязать им особую народность*, переводят *на вновь сочиняемый ими язык* законы Российской Империи и Священное Писание, открывают общественную подписку на издание малороссийских учебников, затевают издавать в Киеве народную газету на этом *вновь сочиняемом языке* и питают надежду, что правительство окажет им свое могущественное пособие на образование малороссийских школ, которых *малороссийский народ не хочет*, и которых *могут хотеть только заклятые враги русской народности*»²⁶.

Отметил знаменитый публицист и полную абсурдность самой идеологии сепаратистов, выразившуюся, в частности, в экзотической теории Н.И. Костомарова о существовании «двух (?) русских народностей» и соответственно «двух (?) русских языков». М.Н. Катков по этому поводу писал: «Различия и противоположности между многими элементами германской и французской народности гораздо более резки, чем различие не только между особенностями великороссийскими и малороссийскими, но между разными славянскими народами, и однако же ни во Франции, ни в Германии, на основании этих особенностей, *нет бессмысленной речи о двух французских народностях или языках, о двух немецких народностях или языках*. Сколько нужно иметь отваги или сколько нужно иметь презрения к здравому смыслу общества, чтобы проповедовать о возможности двух русских народностей или о возможности двух русских языков!»²⁷.

Указывал М.Н. Катков и на тех, кто поощрял и поддерживал развитие сепаратистского движения — петербургское «передовое общество». «Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь *филы*», — отмечал он новую опасность, ссылаясь на информацию о проекте издания в Вильно газеты на «белорусском наречии», и обвинял в этих планах «либеральный Петербург», который «во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши жаргоны и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей»²⁸...

И, тем не менее, все эти предупреждения о грозящей Русскому единству опасности никакой реакции в правительственных кругах не вызвали. До какой степени доходило попустительство власти деятельности сепаратистов, можно судить по следующему эпизоду. В июне 1862 г. военный министр Д.А. Милютин передал начальнику III отделения кн. В.А. Долгорукову письмо графа Б.Ф. Сиверса, в котором тот указывал на существование в Киеве «общества под названием хлопоманов, действующего для возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии... Нисколько не скрывая принадлежности к обществу, молодые люди эти ходят в национальном малорусском платье и разъезжают по деревням». Среди активистов общества Сиверс упоминал В. Антоновича, Ф. Рыльского, П. Чубинского и др.²⁹

Речь шла о деятелях киевской «Громады» — полулегальной организации, координировавшей усилия «украинцев» по распространению самостийнической пропаганды. Ее ядро еще в 1860 г. составили бывшие члены *польской* нелегальной студенческой организации — «гмины»: *поляки* В. Антонович, Т. Рыльский, Б. Познанский, К. Михальчук и др. Сам Антонович говорил об основателях «Громады»: «*мы поляки-украинцы*». Кстати, и само понятие «громада» было заимствовано сепаратистами у поляков...

Тем не менее, несмотря на всю серьезность полученной информации, к тому же исходившей от столь высокопоставленного сановника, каким был граф Сиверс, никаких активных действий III отделение так и *не предприняло*...

Неизвестно, сколько бы еще продлилось попустительствование Русской власти в отношении малороссийского сепаратизма, если бы не польское восстание 1863 года.

В какой-то степени оно оказалось полной неожиданностью для Русского правительства. Казалось, что особых причин для недовольства у поляков в тот момент не могло быть. Освободительные реформы Александра II затронули в немалой степени и Польшу. Сразу же после своего восшествия на престол Царь разрешил вернуться на родину польским эмигрантам, участникам восстания 1830—1831 гг., были освобождены и те из них, кого сослали в Сибирь. Из Польши отозвали Паскевича, а во главе администрации поставили поляка маркиза Велёпольского. Наместником Царства Польского стал либерально настроенный брат Царя Великий Князь Константин Николаевич. В 1861 г. было принято решение вновь дать Польше самоуправление (конституцию), намечен ряд других преобразований, успешно проводимых маркизом Велёпольским. Чем же ответили поляки на уступки Русского правительства? Революционным террором и покушениями на Великого Князя и Велёпольского, а также созданием многочисленных «тайных обществ», развернувших подготовку всеобщего восстания. Однако самым удивительным в этом революционном брожении было то, что на первый план выдвинулись призывы «возродить великую Польшу до *Западной Двины* и *Днепра*»! Собранные в Варшаве Велёпольским (сентябрь 1862) представители польской шляхты вместо того, чтобы разработать меры по пресечению революционного террора и проведению необходимых реформ, *потребовали* от Русского правительства восстановления Царства Польского **в границах 1772 года!** Иными словами, Россия должна была вернуть *завоеванной* ею Польше свои исконные земли с проживавшим на них Русским населением! «Безумием» назвал Велёпольский подобное требование, но именно таким был ответ поляков на сделанные им уступки. Такими понятиями бредило (и жило!) польское «освободительное» движение. Таков был главный нерв начатого восстания,

причем обе участвовавшие в нем партии, «белые», представлявшие крупных магнатов и костел, и «красные», опирающиеся на социальную демагогию «всеобщего равенства и братства», были совершенно едины в своих территориальных претензиях к России.

Пламя давно подготавливаемого пожара вспыхнуло со всей силой. В ночь на 11 января 1863 г. Русские войска, расквартированные в Польше в деревнях и местечках по частным квартирам, были почти повсеместно неожиданно атакованы повстанцами. В некоторых местах мятежники убивали Русских солдат прямо в постели. А в деревне около Седльца, где Русские мужественно оборонялись в занимаемом ими доме, их сожгли заживо. Впрочем, все эти «успехи» были мимолетны и хрупки. Несмотря на первоначальный размах, восстание скоро приобрело вполне карикатурный характер, и сразу стало очевидным, что поднято оно было в уповании на «помощь Европы» (и по ее прямому подстрекательству). Однако попытка Англии, Франции и Австрии выдвинуть ультиматум России завершилась безрезультатно, и поляки остались один на один с Русской армией. Они явно на это не рассчитывали и никакого серьезного сопротивления не оказали. Прямые столкновения с Русскими войсками неизменно завершались полным разгромом повстанцев и их последующим бегством. Тогда поляки решили изменить тактику и перешли к методам партизанской войны, нападая только на мелкие отряды. Помимо этих мелких нападений, их «освободительная борьба» ничем больше не отделилась, разве что неслыханной жестокостью, когда жандармы польского революционного жонда (подпольного правительства) убивали и истязали православных священников и безоружных белорусских крестьян или изуверски издевались над взятыми в плен Русскими солдатами. К лету 1864 года последние шайки борцов «за нашу и вашу свободу!» были ликвидированы, а следы затеянного ими мятежа окончательно исчезли. Но именно благодаря этому мятежу Русское правительство обратило, наконец, внимание на весь комплекс проблем, связанных с польской подрывной деятельностью в России, в том числе и на *малороссийский сепаратизм*.

Малороссии в планах повстанцев отводилась особая роль. Военный руководитель восстания генерал Л. Мерославский (1814—1878) взывал к своим единомышленникам: «Раздую ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть»³⁰. А в программе, составленной им же еще в 1861 г., о возникшем в крае украинском движении говорилось следующее: «*Неизлечимым демагогам* нужно открыть клетку для *полета на Днепр*; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом хмельнитчины. Вот в чем состоит вся наша панславистская и коммунистическая школа. Вот весь польский герценизм!.. Пусть себе *заменяют анархией русский царизм*, пусть *обольщают* себя девизом, что этот радикализм послужит для «вашей и нашей свободы»»³¹.

Цинично и откровенно поляки провозглашали программу использования «неизлечимых демагогов» от украинства *в своих польских интересах*. В этом ключе они действовали и в ходе восстания. Польскими пропагандистами были спровоцированы студенческие волнения в Киеве. А правобережье Днепра польские агитаторы завалили прокламациями, в которых говорилось о совместных судьбах «исторического трилистника» — Польши, Литвы и Западной Руси, давались обещания о создании самостоятельного малороссийского государства «от Кавказа до Карпат» и другие столь же фантастические, сколь и лживые «обязательства» польской стороны. Народ, естественно, не купился на всю эту лживую чушь, а количество неизлечимых украинских демагогов было еще мизерным, чтобы существенно повлиять на ситуацию. Польский мятеж завершился крахом, а подрывная деятельность «украинцев», наконец-то, привлекла внимание правительства...

1863 год прервал бездействие власти в этом направлении. Обеспокоенность Русских патриотов начала находить, пусть и не сразу, отклик в среде Русских государственных деятелей.

В начале марта 1863 г. шеф жандармов кн. В.А. Долго-руков получил анонимное письмо из Киева, написанное, судя по его тексту, высокопоставленным духовным лицом (или лицами). Отмечая, что украинофилы «привлекли к

своей партии в Киеве и Санкт-Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих», авторы письма продолжали: «Все мы благонамеренные малороссы, вполне понимающие нужды и желания народа и затеи наших хлопоманов-сепаратистов, умоляем в.с. употребить все, чем только вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню от поругания, а Отечество от распада и опасного раскола». Потребовав далее запретить «малорусский» перевод Евангелия, авторы заканчивали письмо недвусмысленным предупреждением: «Впрочем, если моление наше, теперь одинокое, не принесет ожидаемых от вашей ревности к пользам Церкви и Отечества результатов, мы явимся с протестом нашим гласно, перед лицом всего Русского мира»³².

Содержание этого письма свидетельствовало не только о том, что его авторы прекрасно понимали, какую конечную цель преследуют создатели «украинского языка» (*«порушение святыни и опасный раскол Отечества»*), но одновременно и о том, что писавшие его священнослужители не очень надеялись на активные действия власти по пресечению этих замыслов. Как мы уже могли убедиться, эти опасения были вполне оправданы. Но теперь начавшееся в Польше восстание в корне изменило ситуацию. Смычка украинофилов с польскими мятежниками была слишком реальной угрозой, чтобы игнорировать ее. В этот раз Долгоруков действовал оперативно и немедленно переправил полученное письмо киевскому генерал-губернатору ген. Н. Н. Анненкову с просьбой охарактеризовать ситуацию. Последний в своем ответе отметил, что «польская и малорусская партии, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений, сходятся в средствах, ибо и поляки стали в воззваниях своих к простому народу тоже напоминать им о прежней независимости Украины, о козачестве». Затем Анненков обратился к языковому вопросу, сравнив малорусский язык с «особыми наречиями жителей некоторых великорусских губерний». В этой связи планировавшееся издание Священного Писания на малорусском наречии он характеризовал как «предприятие скорее *политического характера*». Вывод его был таков: «До сих пор в литературе

идет спор о том, составляет ли малороссийское наречие только особенность русского языка или это язык самостоятельный. Добившись же перевода на малороссийское наречие Священного Писания, сторонники малороссийской партии достигнут, так сказать, признания самостоятельности малороссийского языка, и тогда, конечно, *на этом не останутся* и, опираясь на *отдельность языка*, станут заявлять притязания на автономию Малороссии»³³.

Притязания, впрочем, уже в тот момент шли гораздо дальше «автономии», ведь граф Б.Ф. Сиверс в своем письме сообщал об агитации в пользу «*независимости* Малороссии». Правительство решило, наконец, действовать. Было арестовано около двух десятков активистов украинского движения. Для рассмотрения их дел Царским указом была утверждена особая следственная комиссия под председательством кн. А.Ф. Голицына. Семеро арестованных в Полтаве и Чернигове обвинялись в «деятельном участии в образовании кружков для возбуждения, под видом общества грамотности, недовольствия народа к правительству, с целью *отделения Малороссии*»³⁴. Но хотя речь шла об «отделении Малороссии», т.е. **государственном преступлении**, вынесенные приговоры оказались неоправданно мягкими. Обвиняемых всего лишь сослали, при этом, как и членов «Кирилло—Мефодиевского братства», не в отдаленные части Империи, а в ее европейские губернии, и с определением на службу. Карьера некоторых впоследствии развивалась весьма успешно, так что первый обвиняемый по этому делу полтавский учитель А.И. Стронин кончил свои дни в Петербурге членом совета Министерства путей сообщения. Из четверых арестованных в Полтаве сослали только студента Киевского университета В. Синегуба, и опять же «с устройством на службу». Та же мера наказания была определена П.П. Чубинскому (1839—1884) и А.Я. Конисскому (1836—1900). Но последнего уже в 1865 г. выпустили за границу, а в 1866 г. разрешили снова вернуться в Малороссию. О положении Чубинского в ссылке можно судить уже по тому, что он оттуда оказывал материальную помощь своему отцу, регулярно присылая ему деньги. А в хлопотах о его скорейшем возвращении принимали участие не только столичные литераторы, но и несколько высокопоставленных

чиновников, в том числе сменявшие друг друга за это время архангельские губернаторы. Все ссыльные в конце 60-х годов благополучно вернулись домой. Таков был характер «репрессий» Русского правительства в отношении малороссийских сепаратистов.

Для сравнения. В мае 1865 г. в Омске полиция раскрыла общество сибирских сепаратистов, выступавших за создание самостоятельного государства на пространстве от Урала до Тихого океана. Состав преступления был *тот же самый*, что и у выше поименованных «украинцев». Тем не менее, по завершении следствия (1868), Сенат приговорил лидера общества Г.Н. Потанина к *пятнадцати годам каторжных работ*, а Н.М. Ядринцева — к *десяти годам заключения в крепости*. Позднее приговоры были несколько смягчены, но пять лет в Свеаборге Потанин отсидел. Такая вот была дифференциация сепаратистов. Наверное, поэтому Сибирь еще наша, а Малороссия уже нет...

В том же 1863 г. был остановлен перевод на «малорусское наречие» Священного Писания. А **18 июля 1863 года** издан знаменитый **Валуевский циркуляр** о приостановлении издания книг духовного и учебного характера на «малороссийском наречии».

* * *

Нынешние украинские самостийники все трудности в распространении «украинского языка» в Малороссии и *переобучения* на нем местного населения традиционно объясняют «репрессиями» Русского правительства, которое якобы на протяжении всего XIX века запрещало любую литературу на «мове», недопускало ее в сферу образования и сурово расправлялось с теми, кто эти запреты нарушал. Насколько «суровыми» были «репрессии» против малороссийских сепаратистов, мы уже показали. Оценим теперь «запреты» в отношении украинского новояза.

Наибольшую известность среди этих «запретов» получил циркуляр министра внутренних дел графа П.А. Валуева (1815–1890). Именно на него особенно часто ссылаются самостийники. Примечательно, однако, то, что при этом они никогда не приводят его текст *полностью*, ограничиваясь

одной только фразой из циркуляра: **«никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может»**. Всё. Всегда только эти несколько слов, а уже в качестве комментария к ним целые тома о «покараннях», «пэрэслидуванні» и «забороне» «ридной мовы». Между тем, Валуевский циркуляр в плане запретительных мер являл собой обычный паллиатив, *полумеру*, к тому же носящую *временный* характер, т.е. никакого существенного влияния на развитие украиномовной литературы *не оказал*.

В основу его текста было положено письмо председателя Киевского цензурного комитета Новицкого, отправленное П.А. Валуеву 27 июня 1863 года, а также донесение киевского генерал-губернатора ген. Н.Н. Анненкова. О том, что министр внутренних дел рассматривал свой циркуляр именно как *временную меру*, говорилось уже в начальных его предложениях, когда констатировалось, что «в последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер *вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным*». Эти «политические обстоятельства», как указывалось в циркуляре, выразились в том, что к изданию книг для народа оказались причастны *члены тайных обществ*, причем «в числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии».

Отметив далее, что в Киевский цензурный комитет поступает немалое количество «дешевых книг на южнорусском наречии», министр пишет: «Сей последний особенно затрудняется пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства». Следует их перечисление: «обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса *принято большинством малороссиян с негодованием*, часто высказывающимся в печати».

И сразу же за этим следует предложение, из которого самостийники выхватывают лишь несколько слов: «Они (т.е.

«большинство малороссиян». — С.Р.) весьма основательно доказывают, что *никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может*, и что *нарекание их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык*, только испорченный на него влиянием Польши».

Как видим, утверждение о том, что **«никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может»** принадлежит не министру внутренних дел и не Русскому правительству, а *«большинству малороссиян»*, с негодованием выступающих и против самого обучения на нем малороссов. Именно этот убийственный для украинских самостийников факт и пытаются они завуалировать, выдергивая из Валуевского циркуляра несколько слов, теряющих свой истинный смысл вне общего контекста документа. Ведь и последующие слова циркуляра являются всего лишь выражением *мнения этого большинства*: *«что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык*. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, *большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и губительных для Малороссии*. Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно *совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением*, судя по рукописям, поступавшим в цензуру, и по тому, что *большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков»*.

С учетом вышеизложенного и приняв во внимание «настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями», министр внутренних дел признал необходимым: «относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуск же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, *приостановить»*³⁵.

Сама формулировка «приостановить» свидетельствовала о временном характере меры, к тому же и распространялась она не на все виды украиномовной литературы, а только на учебную и духовную ее части. Сепаратисты по-прежнему могли стряпать свои произведения на «мове» в каком угодно количестве под видом «научной» или «изыщной» продукции. Циркуляр создавал помехи лишь для той ее части, в которой под видом «книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т.п.» самоистийники распространяли агитки, пропагандировавшие «отделение Малороссии».

Тем не менее, уже несколько поколений украинских историков преподносят Валуевский циркуляр в качестве «запрета» не просто отдельных видов книжной продукции на «мове», а «украинского языка» как такового. Вот лишь несколько мнений наиболее известных из них.

И.П. Крипьякевич: «В 1863 г. министр внутренних дел Валуев дал приказ цензуре не допускать к печати учебников и изданий популярно-научных и религиозных, предназначенных для народа, потому что *«никакого отдельного малороссийского языка не было, нет и быть не может»*»...

Д.И. Дорошенко: «Наконец в 1863 г. министр внутренних дел Валуев издал циркуляр с запрещением издавать украинские книги для школы и народного чтения, мотивируя тем, что *«не было, нет и быть не может никакого украинского (?) языка»*»...

Канадский историк О. Субтельный: «В июле 1863 г. министр внутренних дел Петр Валуев издал тайный циркуляр о запрещении украинских научных (?), религиозных и в особенности педагогических публикаций. Печатать «малороссийским наречием» позволялось только художественные произведения. Валуев заявил, что *украинского языка «никогда не было, нет и быть не может»*»...

Современный львовский историк В. Мороз: «...известный Валуевский указ 1863 года о *запрещении украинского языка*, которого, мол, «не было, нет и не может быть»»³⁶...

Если Крипьякевич, Дорошенко и Субтельный привирают наполовину (признавая отчасти, что циркуляр не запрещал *всю* литературу на «малороссийском наречии»), то

Мороз врет уже вовсю, говоря о *запрете языка*. И именно это последнее утверждение на уровне газетно-журнальной публицистики преподносится в качестве *реального факта*.

Между тем, мы могли убедиться, что Валуевский циркуляр не только *не запрещал* «языка», но в целом не предусматривал никаких кардинальных мер по запрету литературы на «мове». Конечно, циркуляр на некоторое время приостановил распространение в Малороссии «книг для народа» на вновь изобретенном для него сепаратистами «украинском языке», но принципиально проблемы не решал, что уже видно из самого его текста, а откладывал ее решение на будущее. Успешное подавление польского мятежа в очередной раз притупило бдительность правительства и с начала 70-х годов все, в сущности, вернулось на круги своя: циркуляр не был отменен, но и на практике *не выполнялся*. Вернувшиеся из ссылок самостийники вновь принялись за то, над чем усердно трудились в 1863 г., практически не встречая препятствий в своей деятельности. К середине 70-х годов их активность достигла апогея и вновь привлекла внимание властей, породив так называемый «Эмский указ» (**18 мая 1876**), а точнее, документ под названием «Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды». И «Эмский указ», в сущности, являл собой «запрет» того же рода, что и Валуевский циркуляр, т.е. демонстрировал некие *намерения*, которые совершенно не применялись на практике...

Особое Совещание начало свою работу еще в 1875 г., «ввиду проявлений украинофильской пропаганды и в особенности *переводов и печатания учебников и молитвенников на малорусском языке*». Уже сам предмет обсуждений Совещания ясно указывает на то, что Валуевский циркуляр на практике **не выполнялся**, и находившееся под запретом издание учебников и духовной литературы на малорусском наречии *продолжалось*. То есть продолжалась, по сути, открытая агитация за отделение Малороссии, почему и возникла необходимость в разработке очередного пакета решений по данному вопросу. Были привлечены эксперты. В записке, подготовленной для Особого Совещания Главным Управлением по делам печати (ГУП) говорилось:

«Цензурное ведомство давно уже обратило внимание на появление в печати значительного числа книг, издаваемых на малорусском наречии, не заключающих в себе, по-видимому, ничего политического и вращающихся единственно в сфере интересов чисто научных и художественных. Но следя с особенным вниманием за направлением всех расплодившихся во множестве изданий для народа на малорусском наречии, нельзя было не прийти к положительному заключению в том, что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикрытому только благовидными формами посягательству **на государственное единство и целость России.** Центр этой преступной деятельности находится в настоящее время в Киеве. Стремление киевских украинофилов породить литературную рознь и, так сказать, обособиться от великорусской литературы представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чем-то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, **в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей.** Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая Галицкому украинофильскому обществу «Просвита» сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние.

... **Очевидна и та конечная цель, к которой направлены усилия украинофилов, пытающихся ныне обособить малорусов медленным, но до известной степени верным путем обособления малорусской речи и литературы.** Допустить создание особой престонародной литературы на украинском наречии значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможности **осуществить в будущем, хотя, может быть, и весьма отдаленном, отчуждение Украины от России.** Относясь снисходительно к развивающемуся ныне поползновению обособить украинское наречие путем возведения его в степень языка литературного, правительство не имело бы никакого основания не допустить такого же обособления и

для наречия Белорусов, составляющих столь же значительное племя, как и Малороссы»³⁷.

В качестве эксперта к работе Особого Совещания был привлечен и председатель Киевской Археографической комиссии М.В. Юзефович (1802—1889). В своей записке он, изложив историю украинофильского движения, характеризовал его исключительно как «измышление австрийско-польской интриги». А для иллюстрации этой мысли подробно рассказывал историю обращения в украинство Кулиша поляком М. Грабовским, впоследствии министром просвещения Царства Польского при А. Велёпольском. Целью исторических трудов Костомарова, по мнению Юзефовича, являлось намерение «подорвать у Малороссиян сочувствие к Русскому государству унижением и опозорением его истории». Обращал Юзефович внимание Совещания и на содержание брошюр, распространяемых украинофилами среди крестьян. Наряду с произведениями Шевченко многие из них содержали украинский перевод гоголевского «Тараса Бульбы», в котором слова *«русская земля, русский устраниены и заменены словами Украина, украинская земля, украинец*, а в конце концов пророчески провозглашен даже свой будущий украинский Царь»³⁸...

Записка Юзефовича произвела сильное впечатление на участников Особого Совещания, и именно ему было поручено составить проект решения, который, с небольшими изменениями, внесенными другими участниками Совещания и лично Александром II, был утвержден в качестве окончательного, а в обществе стал известен как «Эмский указ». Он состоял из 11 пунктов. Первые три предусматривали запрет ввоза из-за границы любой литературы на «малорусском наречии», без особого на то разрешения ГУП. Запрещалась публикация на том же наречии любых произведений, за исключением исторических памятников и «изящной словесности», но с тем, чтобы эти последние «издаваемы были без отступления от общерусской орфографии», т.е. не печатались так называемой «кулишовой». Воспрещались также сценические представления и публичные чтения на малорусском языке, «как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифеста-

ций». Пункты пятый и десятый предусматривали закрытие украинофильской газеты «Киевский Телеграф» и на неопределенный срок Киевского отдела Императорского Географического Общества. Пункты 6, 7, 8 и 9 относились к Министерству народного просвещения. В них предлагалось не допускать преподавания на малорусском наречии в школах, «очистить библиотеки всех низших и средних учебных заведений» от книг на малорусском, а также направлять неблагонадежных преподавателей из Киевского, Харьковского и Одесского учебных округов в великорусские губернии, а выпускников тамошних училищ в Малороссию. Одиннадцатый пункт предусматривал немедленную высылку из края Драгоманова и Чубинского³⁹.

* * *

Очевидно, что и решения, предложенные Особым Совещанием, представляли собой всё тот же паллиатив, *полумеру*, лишь ограничивавшую поле деятельности сепаратистов, вместо того, чтобы подвергнуть ее *полному и окончательному запрету*, подкрепленному соответствующими мерами *уголовного наказания*. Реальность же представляла еще более унылую картину «борьбы» с «украинофильской пропагандой».

Весьма показательна в этом плане «расправа» над М. Драгомановым и П. Чубинским. Драгоманов, слухи о грядущей высылке которого ходили с 1875 г., благополучно убыл за границу еще в феврале 1876 г. Причем, непосредственное содействие оказал ему тогдашний киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков—Корсаков. Не имея возможности своей властью выдать Драгоманову заграничный паспорт, как находившемуся под надзором полиции, Дондуков—Корсаков отправил депешу министру внутренних дел Потапову, и тот 10 января подписал разрешение, а уже на следующий день канцелярия киевского генерал-губернатора с необычайной оперативностью выдала Драгоманову заграничный паспорт. Не оставили в беде и Чубинского, уже вторично привлекавшегося за подрывную деятельность. Невзирая на это, все тот же Дондуков—Корсаков 2 августа отправил исполнявшему тогда обязанности министра внутренних дел

Лобанову—Ростовскому пространное письмо с просьбой разрешить Чубинскому остаться на полгода в Киеве в связи с тем, что тот «занят управляющим сахарного завода». Уже через неделю Лобанов—Ростовский сообщил о разрешении задержаться на три месяца. Хлопоты на этом не прекратились, и 26 ноября Царь, оставив в силе решение о высылке, разрешил Чубинскому жить в столицах, что позволило ему из Киева сразу перебраться в Петербург. Здесь его устроили на службу в министерство путей сообщения, а в начале 1879 г. после настойчивых ходатайств министра путей сообщения адмирала К.Н. Посыета и с согласия нового киевского генерал-губернатора М.И. Черткова он смог вернуться в Малороссию. Такой получилась «ссылка» лидеров украинского движения...

Столь же «сурово» поступила власть и с «неблагонадежными преподавателями» Харьковского, Киевского и Одесского учебных округов, замеченных в пропаганде украинства. В Киевском округе таковых было выявлено восемь человек, но куратор округа П. Антонович в своем докладе министру внутренних дел всех их взял под защиту, настойчиво доказывая, что в одних случаях обвинения неосновательны, в других — украинофильские симпатии носят поверхностный характер. Пятеро из упомянутых преподавателей, в том числе братья П. и И. Житецкие, были поставлены перед выбором: принять предложенные им аналогичные должности в великорусских губерниях, самим найти себе место за пределами Малороссии или уволиться из Министерства народного просвещения, если они хотят в Малороссии остаться. Е. Дьяконенко принял предложенное ему место в Уфе, Т. Беленький сам нашел место в Баку, Н. Билинский уволился, П. Житецкий перешел на работу в военное ведомство! Последний после отъезда Чубинского стал ключевой фигурой в киевской «Громаде». *И занимался всё той же подрывной деятельностью.* Весной 1877 г. киевский генерал-губернатор Чертков доносил в III отделение, что «Громада» под руководством П. Житецкого активно собирает средства для женевских изданий Драгоманова... В Одесском округе был выявлен один украинофил, который согласился на перевод в Тулу. Куратор Харьковского

округа ответил, что неблагонадежных преподавателей не выявлено.

В этом же русле шла «борьба» с украинофильскими манифестациями, маскировавшимися под «сценические представления и публичные чтения на малорусском языке». Украинские спектакли устраивались не только по всей Малороссии, но и в самом Петербурге, а на некоторых из них присутствовали даже члены Царской Семьи. А в октябре 1881 г. запрет на сценические представления на малорусском языке вообще был отменен. Причем отмены его добивались два южных генерал-губернатора: харьковский Дондуков—Корсаков и киевский М.И. Чертков, при этом оба настаивали на снятии всех ограничений с литературы на украинском новоязе. Имея столь высоких покровителей, сепаратисты в том же 1881 г. добились разрешения на печатание малорусских словарей.

Да что там говорить, если откровенно русофобский «Кобзарь» Тараса Шевченко был едва ли не самой издаваемой книгой в России. Еще до 1863 г. он выдержал три издания: в 1840, 1844 и 1860 годах. В 1867 г., т.е. уже после появления Валуевского циркуляра, вышло 4-ое издание «Кобзаря» под названием «Чигиринский торбанист-певец». В том же году Кожанчиков издал сочинения Шевченко в двух томах, содержащих 184 произведения. Через два года, в 1869 г., вышло 6-ое издание Шевченко. 7-ое издание «Кобзаря» появилось в Петербурге в 1884 г. С того времени по 1903 г. «Кобзарь» выдержал еще не менее семи изданий, причем одно из них имело тираж 60 тыс. экземпляров! Значительными тиражами публиковались и отдельные произведения Шевченко, например, «Наймичка» в 1892 г. в Харькове — 50 тыс. экземпляров⁴⁰.

Для успешной «украинофильской пропаганды» одного шевченковского «Кобзаря» было уже вполне достаточно. Но ведь и это было не все. Продолжалось издание дешевых брошюр для народа. Более того, часть такой литературы печаталась за *государственный счет*! Скрупулезно исследовавший данный вопрос С.Н. Щеголев, современник и очевидец описываемых событий, отмечал: «Количество этих брошюр росло на книжном рынке из года в год; применяясь к цен-

зурным условиям, издатели в 80-х годах прикрывали различные темы (медицинские, сельскохозяйственные и т.п.) беллетристической формой. В 90-х годах эта предосторожность во многих случаях уже казалась излишней. Смысл правил 1876 г. был призабыт; правила казались мертвым формализмом и агенты правительства все чаще и чаще допускали отступления от них»⁴¹.

В 1890-х годах в России действовали уже четыре издательства, специализировавшиеся на выпуске украинской литературы. Особенно большой размах приняла издательская деятельность Б.Д. Гринченко в Чернигове. С 1894 по 1901 гг. он издал более 50 названий книг, по 5–10 тыс. экземпляров каждого названия. Помимо собственных сочинений Гринченко издавал произведения Т.Г. Шевченко, М.М. Коцюбинского, Е.П. Гребенки, П.А. Грабовского, Ю. Федьковича и др., а также «целый ряд научно-популярных работ — по медицине, технике, истории, естествознанию»⁴². «Украинских книжек выходит у нас много, — с гордостью сообщал в частном письме (13 января 1903) один из активнейших творцов «украинской литературы» И.С. Нечуй–Левицкий, — изданы сочинения Марка Вовчок, Кулишевой (вдовы П.А. Кулиша — Ганны Барвинок), поэтов Крымского, Чернявского, Свидзинского, Руданского, «Літературний збірник» в Киеве и множество популярных книжечек»⁴³.

Такие вот «запреты»: *«украинских книжек у нас выходит много»...*

Подытоживая результаты противодействия Русской власти усилиям сепаратистов по созданию украинского новояза, тот же С.Н. Щеголев отмечал (1912):

«Указ 1876 года, подтвердивший и развивший правила 1863 года, явился планомерным государственным актом, стремившимся удержать малорусскую письменность в возможной близости к малорусской народной речи (где ее сфера обращения была природной) и воспрепятствовать искусственному введению в эту письменность неологизмов и употреблению правописания, отличающегося от изучаемого в государственной школе. Применение этого закона могло действительно обеспечить многочисленным малорусским диалектам успеш-

ный ход постепенной ассимиляции с родным русским государственным языком. Ассимиляция эта, конечно, не могла быть остановлена потугами украинофильства, но все же более или менее ими тормозилась. К сожалению, система, принятая правительством, не была им проводима с достаточной последовательностью... Вред от таких «некоординированных движений» русской государственной политики, забывающей сегодня то, что вчера еще казалось установленным принципиально, сам по себе велик, но он еще более усугублялся от различных снисхождений и поблажек, а также от различного толкования ограничительных правил (иногда приближавшегося к попустительству) со стороны отдельных органов правительственной власти»⁴⁴.

Выводы С.Н. Щеголева лишены всякого налета субъективности и построены на основе анализа реального содержания правительственной политики в рассматриваемую эпоху. И, оценивая эту политику непредвзято, следует признать: утверждения нынешних самостийников о якобы имевших место «запретах» украинского новояза и «репрессиях» против его изобретателей являются намеренной ложью, цель которой — вылить очередной ушат грязи на столь ненавистную сепаратистам Россию.

В реальности все обстояло как раз наоборот: чем более возрастала опасность малороссийского сепаратизма, тем менее эффективными становились меры по его пресечению. Неспособность официальных инстанций адекватным образом реагировать на усиленное внедрение в Малороссии изобретенной сепаратистами «мowy» — наглядное тому подтверждение. Вот лишь один из множества эпизодов этой неадекватности. В октябре 1880 г. в Киев с инспекцией прибыл сенатор А.А. Половцев. Ознакомившись на месте с деятельностью украинофилов, он сразу увидел всю фальшивость их утверждений о том, что введение украинского новояза в школах Малороссии якобы является единственным средством распространения грамотности среди ее населения. В своем письме в Петербург А.А. Половцев об этом требовании писал следующее: «В настоящий момент украинофильский вопрос ставится поборниками его так, что преподавание в школах на Малороссийском на-

речии составляет единственное средство распространения грамоты. Такой тезис не более как софизм (здесь: *уловка, выдумка*. — С.Р.). Малороссийское наречие необходимо народному учителю для того, чтобы объяснять начинающему учиться деревенскому мальчику те первоначальные понятия, которые ему необходимы на первых порах, но *из этого никак не следует, чтобы школа должна была создавать людей, игнорирующих наш великий Русский язык (а не великорусское наречие)»*...

Все правильно. Но что же рекомендовал правительству сенатор, который все так правильно понимал? Свое длинное письмо Половцев заканчивал такого рода «предложениями»: «покамест никаких мер, *особенно решительных и бесспорных, принимать не следует*», и вообще «серьезная сторона требует тщательного и многостороннего *обсуждения*»⁴⁵.

Вот и все содержание государственной политики: никаких **«решительных и бесповоротных мер не предпринимать»**.

И не предпринимали. Вся деятельность сводилась к «тщательным и многосторонним обсуждениям». Ими и заканчивалась. Не хватало воли выполнять даже ранее принятые положения. Тот же А.А. Половцев наглядно демонстрирует нам, до какой степени доходила система «снисхождений и поблажек» украинству со стороны Русских государственных деятелей. Этот сенатор во время своего пребывания в Киеве не только поддержал избрание В.Б. Антоновича, признанного *идеолога украинского движения*, деканом историко-филологического факультета Киевского университета, но и позволил совершить в Софийском соборе панихиду по Шевченко, превратившуюся в очередной украинский шашбаш. Он же, *в нарушение* Правил 1876 г., разрешил в Киеве представление «Наталки-Полтавки». Понятно, насколько деморализующее влияние оказывали подобные действия высших представителей власти на Русских патриотов в Малороссии, и сколь вдохновляли и распоясывали местных сепаратистов...

И на чем, собственно, базировалась установка *«ничего решительного не предпринимать»*? Даже «украинофил» Г.П. Галаган, крупный землевладелец, оказывавший в конце 50-х

годов щедрую финансовую поддержку Кулишу и компании, благодаря которой те смогли наладить издание «Основы», — даже такой деятель прямо заявил А.А. Половцову во время их встречи в Киеве: что «самый народ *не желает* обучения на этом (*украинском, — С.Р.*) языке, что крестьяне всегда говорят, что дети их в школах должны учиться тому языку, на котором писан царский закон»⁴⁶. И харьковская деятельница украинского движения Х.Д. Алчевская, много лет посвятившая украинизации народного образования, признавала, что «малорусским крестьянам более нравится (*более понятен*) *Островский, чем Кропивницкий*»⁴⁷. Так почему же, *при таком отношении народа*, следовало избегать «решительных и бесповоротных мер» в отношении украинского новояза? Ведь предотвращение украинизации народного образования в Малороссии любыми мерами, в том числе *запретами* и *уголовными карами*, в корне подрывало деятельность сепаратистов, все свои усилия сосредоточивших именно в этой сфере. Вот что писал С.Н. Щеголев по поводу титанических усилий, предпринимаемых самостийниками по украинизации сельской школы: «Можно сказать, что на этом вопросе сконцентрированы теперь все усилия украинской партии как *единственном рычаге, способном сделаться точкой опоры* для всех будущих построений, намеченных украинством. Успехи в этом направлении непосредственно увеличивают число сторонников партии на Юге; *неудачи грозят самому ее существованию*. Украинизация школы является, следовательно, не простым козырем партийной программы, а той питательной средой, откуда партия черпает свои соки; прекращение доступа к этим сокам — *смертный приговор для партии* и — превращение ее лидеров в безвреднейших маньяков-резонеров»⁴⁸.

Совершенно точно подмечено: лишь *насильственная украинизация* придавала хоть какой-то *смысл* деятельности «украинцев», ибо перевод населения края на украинский *волапюк* давал в их руки «доказательство» отдельности малороссов от остальных Русских. Все иные «доказательства» — исторические, этнические, культурные — просто не выдерживали критики. К самой же разговорной малорусской «мове» вновь изобретенный украинский новояз

не имел абсолютно никакого отношения. Родным языком Малороссии испокон веку был Русский. Сами сепаратисты неоднократно вынуждены были это признавать. Вот лишь одно из таких свидетельств. В сентябре 1904 г. в Киев для обучения в местном университете приехал убежденный «украинец» В.В. Садовский (1886—1947), впоследствии — министр в петлюровском правительстве. И вот какое самое первое и яркое его киевское впечатление: «Киев поразил меня *полным отсутствием* украинских внешних признаков. *Вокруг звучал русский язык*, на нем говорили не только интеллигенты. Вспоминаю, как неприятно меня поразил, когда я подъезжал к Киеву, московский язык пригородных рабочих, которые начали садиться на поезд в Фастове, едучи на работу в Киев. Не было сомнения, что они происходили из окрестных сел. Так точно всеохватывающе господствовал русский язык и в университете среди студентов. Лишь кое-где в *небольших кружках* слышал я временами отдельные украинские выражения и украинский жаргон, но это не был тот литературный язык, которого я искал»⁴⁹...

Этот «украинский литературный язык» и невозможно было найти в реальной жизни, потому что наспех созданный за предыдущие пятьдесят лет, он далше границ кабинетов его творцов да страниц их бездарных «произведений» никогда не выходил. Понятно, что вытеснить из жизни и культуры малороссов Русский язык, этот искусственный *волапюк* был не способен. Впрочем, функцию *политического орудия* малороссийского сепаратизма выполнял исправно. Да и сам этот сепаратизм находился в преддверии своего эпохального взлета...

Глава 2. Бацилла революционного разложения (январь 1905 — ноябрь 1916)

В начале XX столетия самостийничество, подобно раковой опухоли, ширилось и распространялось, прежде всего, благодаря действию тех подрывных сил, которые методически подтачивали национально-государственный организм страны, неуклонно ведя ее к исторической катастрофе. Все возраставший напор революции создавал благоприятную среду для действия самых разрушительных сил и идеологий, в числе которых украинское сепаратистское движение играло пусть и подчиненную, но все же достаточно заметную роль. В антирусских и антихристианских планах революционеров и либералов всех мастей и оттенков видное место заняли разработка и осуществление чудовищных экспериментов по созданию искусственных языков, государств и наций, «украинской» в том числе. Не удивительно поэтому, что у самостийничества появилась масса покровителей в этой среде, причем даже в такой по видимости удаленной от политики сфере, как академическая наука. Угар революционного брожения захватил и многих ученых мужей, низводя их западный либерализм и «научную объективность» до уровня митинговой демагогии и самой примитивной, вульгарной лжи. Наглядным проявлением профессионального и нравственного падения тогдашнего ученого мира может служить «Записка» Российской Императорской Академии наук «Об отмене стеснений малорусского печатного слова». И далеко не случайно, что год ее появления, **1905**, был также и годом начала революционной смуты в России, когда, по замечанию А. Царинного, даже «удаленные от мира ученые... приплясывали в такт революции, чтобы потом от нее же погибнуть»¹...

«Записка» появилась в ответ на поручение председателя Комитета министров С.Ю. Витте, данное им в январе 1905 г. ряду государственных органов, в том числе и Академии наук, о пересмотре правил книгоиздания на «малороссийском наречии». Ее составление было поручено специальной комиссией, избранной на академической конференции,

но комиссия к работе фактически так и не приступила. Из семи ее членов четверо: зоолог В.В. Заленский, археолог А.С. Лаппо—Данилевский, востоковед С.Ф. Ольденбург и ботаник А.С. Фаминцын, как не специалисты в области филологии, самоустранились от работы. Не принимал участия в составлении «Записки» и пятый академик — Ф.Ф. Фортунатов, хотя его специализация соответствовала рассматриваемому вопросу. Активность проявили только два академика — А.А. Шахматов (1864—1920) и Ф.Е. Корш (1843—1915). По собственной инициативе они привлекли к работе комиссии в качестве «экспертов» исключительно деятелей украинского движения — В.Н. Леонтовича, А.И. Лотоцкого, П.Я. Стебницкого, В.П. Науменко, П.М. Саладилова и других, что заведомо предопределяло отсутствие в ее выводах всякой «научности». При этом составители «Записки» не побрезговали использовать в ней прямые подтасовки и передергивание фактов. Так, «Записка» утверждала, что «южнорусские памятники древней нашей письменности XI и XII веков, как впервые *доказано* нашим почтенным членом академиком А.И. Соболевским, представляют ряд типических особенностей малорусской речи: из них можно с уверенностью заключить *о значительном удалении южнорусских (малорусских) говоров как от средне-русских, так и от северо-русских уже в период дотатарский*».

Между тем, Соболевский *доказывал прямо противоположное*, однозначно утверждая в своих «Лекциях по истории русского языка»: «Если есть полное основание видеть в современном русском языке один язык, то о единстве древнерусского языка, например, в XI в., когда *различие между русскими говорами ... не было сколько-нибудь значительным*, не может быть даже вопроса»².

Но академики Шахматов и Корш для обоснования своих псевдонаучных выводов прибегли не только к очевидной лжи, но и решились на совершенно беспрецедентную меру, *переименовав* Русский язык в «великорусский». С.Н. Щеголев по этому поводу остроумно заметил: «Последовательность требовала бы, чтобы Академия с 1905 года именовала свое 2-е Отделение «Отделением» по меньшей мере «двух русских языков» (великорусского и украинского), раз само

«Отделение русского языка» признало, что такого языка нет»³.

На основании такого рода «научных» приемов и продавливалась легализация в России изобретенного сепаратистами украинского новояза, что, в свою очередь, открывало прямую дорогу к узаконению и носителя этого виртуального «языка» — столь же виртуальной «украинской нации»... Не более «объективным» был и категорический вывод «Записки» по поводу ограничений украинской печати в 1863 и 1876 годах: «В настоящее время эти правительственные распоряжения служат источником сильного и вполне естественного *недовольства* образованных слоев малорусского населения России»⁴. Хотя, как мы уже могли убедиться, сами активисты украинского движения признавали, что украинский новояз являлся языком лишь *«жменьки интеллигенции»* и ограничивал свое обращение *«маленьким кругом украинцев, умевших читать и писать по-украински»*. Для многомиллионного же населения Малороссии, включая и его образованные слои, этот искусственный язык был совершенно чужд и непонятен, как в XIX, так и в начале XX столетия. «Недовольство», на которое в качестве аргумента в пользу отмены всех ограничений на издание украиномовной литературы ссылались Шахматов и Корш, являлось лишь фантомом их политически ангажированного воображения.

Конечно, лживость «Записки», составленной двумя либерально продвинутыми академиками, была очевидной для всех. Тем не менее, Российская Императорская Академия наук в том же 1905 г. утвердила эту фальшивку в ранге «научных выводов» по проблеме использования «малорусского наречия», подтвердив тем самым истину о том, что революционный хаос разрушает не только государственную систему, но и мыслительные способности титулованных академических светил. Впрочем, и сама Академия наук к тому времени давно уже перестала служить средоточием «науки» как таковой, все больше скатываясь в трясины самого недобросовестного политиканства. Достаточно показателен в этом плане факт *неизбрания* в академики великого Русского ученого Д.И. Менделеева, монархиста по убеждениям и патриота своей страны, научное открытие которого

на многие десятилетия предопределило развитие не только химии, но и всех остальных отраслей человеческого знания. Зато титула «почетного академика» удостоился совершенно необразованный Максим Горький, воспевавший романтику босяцкой жизни и грядущие революционные катаклизмы. А уж украинский сепаратизм пользовался едва ли не особым покровительством Академии. Именно ее «Отделение русского языка» предприняло в 1904 г. издание «Сборника статей по славяноведению», к участию в котором, кроме Русских, решено было привлечь и иностранных ученых. Причем свои статьи они могли писать не только на Русском, но и на одном из славянских, или романских и германских *наиболее распространенных языков*. В вышедшем осенью 1904 г. первом выпуске «Сборника» в числе других появились и три статьи... Грушевского! Посвящены они были Русской истории и излагали ее в совершенно превратном и фальсифицированном виде, что уже было недопустимо на страницах академического издания. Но в дополнение ко всему вся эта русофобская стряпня была изложена на том неудобоваримом польско-галицком жаргоне, который львовский профессор-масон торжественно величал «украинской мовой», а Академия наук вознесла эту изобретенную им тарбарщину в ранг *наиболее распространенных* европейских языков. Та же Академия, словно в насмешку над исторической наукой, присвоила Грушевскому *Уваровскую премию* за «Очерк истории украинского народа», опус, наполненный фантастическими бреднями, не имевшими ничего общего с реальной историей России. И все это мракобесие преподносилось от имени Русской Академии наук. Уже по этим фактам можно судить, до какой степени самоуничужения дошли составлявшие ее ученые... Так что появление в 1905 г. в стенах высшего научного учреждения России совершенно лживой и далекой от всякой научности «Записки об отмене стеснений малорусского печатного слова» было далеко не случайным эпизодом.

В качестве *научной экспертизы* «Записка» и была направлена в соответствующие государственные инстанции. Тогдашний министр народного просвещения В.Г. Глазов в специальном меморандуме отозвался очень нелестно о

содержании этого документа. Отметив ложность и бездоказательность многих утверждений составителей «Записки», он указал и на необоснованность их мнения о возможности *«поднять умственный горизонт малорусских крестьян новым литературным языком»*. «Мы видим, — констатировал министр, — что в Галиции этот подъем проявился *на развалинах Русской церкви, Русской школы и Русской народности* с пользой только для ультрамонтанства, социал-демократии и атеизма». Ссылался В.Г. Глазов и на опыт Европы, где «крестьяне немецкие, французские и английские, насколько известно, развиваются путем школы и популярной литературы *на языках общих* — немецком, французском, английском, а не на *диалектах* Швабии, Прованса, Уэльса». Подчеркнул министр и то, что новый язык, распространяемый в Галиции, искусственно создается в «формах, тенденциозно удаляющихся от общерусского языка» и *«является врагом последнего»*, и что *«возникновение и распространение его не вызывается какими-либо естественными стремлениями и потребностями южнорусского населения»*⁵...

Всё правильно понимал министр народного просвещения России. Изобретение украинского новояза диктовалось не естественными желаниями и потребностями малороссов или галичан, а стремлением посредством нового языка *денационализировать* их, лишив родного Русского языка. В этом именно смысле «врагом русского языка» и являлся вновь сочиняемый украинский жаргон. Знал министр и реальное положение дел, например, в той же Галиции. И не мог не понимать, что именно в целях недопущения *«развала русской церкви, русской школы и русской народности»* вводило правительство в 1863 и 1876 г.г. ограничения литературы на украинском новоязе. Тем более странным выглядел итоговый вывод министерского меморандума: *снять все официальные ограничения с изданий на «украинском языке», разрешив печатание на нем не только художественной и научно-популярной литературы, но также газет и журналов*. Эмский указ министр предлагал отменить, тем самым солидаризовавшись с составителями «Записки», которых сам же подверг уничтожающей критике в своем меморандуме. Тлетворное влияние революционного раз-

ложения явственным образом ощущалось уже и в правительственных кабинетах.

* * *

Так украинский сепаратизм одержал очередную важную победу. Победу принципиальную: высшее научное учреждение России, вопреки историческим фактам и даже элементарному здравому смыслу, официально признало, что украинский новояз ведет свое существование едва ли не со времен Киевской Руси.

Эту победу сепаратисты одержали без каких-либо усилий со своей стороны, только за счет слабости и трусости власти, ибо сами по себе они в тот момент никакой *реальной силы* не представляли, являясь карликовым политическим движением, не имевшим даже в революционном 1905 году никакого влияния ни в широких массах малорусского населения, ни в среде политически активной части русского общества. Среди различных идеологических течений, имевших хождение в Малороссии, украинство по степени влияния и популярности являлось явным аутсайдером, прочно обосновавшись на периферии общественно-политической борьбы.

Начало XX века ознаменовалось в России быстрой политической дифференциацией и созданием многочисленных партий, в деятельность которых тем или иным образом оказалась вовлеченной практически вся политически активная часть населения. Революция 1905—1907 гг. не только ускорила этот процесс, но и легализовала многие политические организации, до этого находившиеся в глубоком подполье. В полной мере коснулось это и украинских партий. Каким же оказался их рейтинг среди населения Малороссии, от имени которого взяли на себя смелость выступать их организаторы?.. Мизерным и ничтожным. И в эти смутные годы, когда самые бредовые идеи с легкостью овладевали миллионами, «украинцы» так и не смогли набрать в свои организации достаточного количества волонтеров. И причина этого лежала на поверхности: даже на фоне совершенно утопических либерал-социалистических доктрин, расплотившихся в стране подобно сорной траве

на заброшенном поле, украинский политический проект «самостийности» выглядел полной галиматьей. *Малороссы отдавали предпочтение общероссийским политическим партиям.*

Среди образованных слоев края большой популярностью пользовалась либеральная Конституционно-демократическая партия (КДП, кадеты), насчитывавшая в Малороссии до 10 тысяч членов, в том числе две тысячи в киевской областной организации. Влиятельными фигурами КДП стали активисты украинского движения: ректор Харьковского университета, историк Д.И. Багалея, профессор истории И.В. Лучицкий, директор гимназии в Киеве В.П. Науменко, общественный деятель барон Ф.Р. Штейнгель, историк права и публицист Н.П. Василенко, глава черниговской земской управы А.А. Свечин, работавшие в Петербурге украинские публицисты М.М. Могилянский и М.А. Славинский. Более консервативный «Союз 17 октября», возникший в это же время, насчитывал в своих малороссийских отделениях 9877 человек, среди них представители знатных исторических родов Малороссии — граф Д.П. Капнист, Г.В. Скоропадский, будущий председатель IV Государственной Думы М.В. Родзянко и др.

Немалое число активистов в малороссийских губерниях имели и левые, социалистические партии. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), возглавившая в 1905—1907 гг. движение за создание Советов рабочих депутатов, насчитывала в крае до 18 тысяч членов. Более 10 тысяч членов состояло в малороссийских отделениях партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров), сосредоточившей свою деятельность в деревне.

Но наибольшей поддержкой среди малороссов пользовались правые *Русские национальные организации*, открыто провозглашавшие лозунги защиты политических и экономических интересов *Русской нации*. Почти *двести пятьдесят тысяч* членов, более половины от общего числа — 410 тысяч — насчитывали в Малороссии правые монархические организации: «Союз Русского народа» (СРН), «Союз Михаила Архангела», Русская монархическая партия, а также идеологически родственные им автономные местные союзы,

православные братства, артели и пр. Самой крупной из этих организаций являлся «Союз Русского народа». Смысл его деятельности бессарабский губернатор разъяснял так (1907): «Союз следует рассматривать как олицетворение протеста против движения революционно-террористического, поправшего идеалы патриотизма и религиозности... защита престола и национального имени положена в основание возникновения и деятельности союза»⁶.

Членами СРН были представители знатных дворянских родов (например, графы братья Э.И. и А.И. Коновницыны — один в Петербурге, другой в Одессе), крупной бюрократии и купечества, университетской и академической профессуры, духовенства, но наиболее многочисленную его часть составляли представители социальных «низов»: простые служащие, городские обыватели, рабочие, крестьяне. Массовым, порой целыми селами, стало вступление в СРН крестьян на правобережье Днепра. В Подольской губернии в 1907 г. насчитывалось 70 его отделов и подотделов с 8,5 тысяч членов только из крестьян, а на Волыни действовало более 600 организаций Союза⁷.

Многочисленные организации СРН не ограничивались только политической деятельностью, учреждая экономические союзы, кредитные и потребительские товарищества. Почаевская Успенская Лавра на Волыни с ее признанным авторитетом среди верующих и немалыми издательскими возможностями сделалась не только мощным духовно-пропагандистским центром Русских патриотических организаций, но также и очагом многих экономических начинаний, которые возглавлял архимандрит Виталий (Максименко). Под эгидой Почаевского отдела СРН был учрежден банк для обслуживания крестьян, создана сеть потребительских лавок, предусматривалась продажа казенных земель по сниженным ценам, содействие переселению крестьян на свободные земли, развитие мелкого кредита, инициатива строительства государственных элеваторов.

Борясь против вовлечения рабочих в социалистическое движение, Русские национальные организации последовательно отстаивали их интересы в экономических спорах с предпринимателями. Так, урегулирование конфликта

на крупнейшем в Екатеринославе предприятии тяжелой промышленности — Брянском заводе привело к образованию в городе большого отдела «Союза Русских рабочих». В одесском порту артели, созданные СРН и объединившие 1350 грузчиков, монополизировали все погрузочные работы, что обеспечило достойную оплату труда работников и ряд социальных гарантий для них. Киевский отдел «Союза Русских рабочих» включал свыше 3 тысяч членов. Всего же в Киеве существовали 34 подобные организации — Извозо-промышленный отдел «Союза Михаила Архангела», «Собрание Русских торговцев», студенческая «Партия академического порядка», «Общество активной борьбы с революцией и анархией» с отделением в Екатеринославе, Патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел» (накануне войны насчитывало в Киеве 256 членов; лидеры — студент В.С. Голубев, священник Ф.Н. Синькевич, журналистка Д.Е. Куделенко) с отделениями в Екатеринославе, Нежине, Черкассах, военно-спортивные клубы «Орел», киевское «Русское спортивное общество» и «Русский богатырь» во главе с В.Е. Разметальским и журналистом А.И. Савенко. Весной 1908 г. по инициативе лидера киевского отделения СРН профессора Д.И. Пихно был основан Киевский клуб Русских националистов (ККРН), вначале под председательством профессора В.Е. Чернова, а с 1912 г. — журналиста, депутата IV Государственной Думы А.И. Савенко (1874 — после 1920). Имелись его филиалы и в других городах. Главной своей целью Клуб Русских националистов провозгласил борьбу «с польским натиском и с украинофильством силами самой Украины»⁸. Большинство его членов (свыше 700 человек) составляли малороссы. В их числе: успешный предприниматель, инженер В.Я. Демченко — строитель Киево-Полтавской железной дороги, организатор уличного и транспортного благоустройства Киева; известный филолог-славист, византист, член-корреспондент Императорской Академии наук Т.Д. Флоринский; профессор-педиатр В.Е. Чернов; крупный специалист в области политической экономии и прикладной экономики профессор Д.И. Пихно; профессор кафедры геологии Киевского университета и директор Высших женских курсов П.Я. Армашевский, благодаря рабо-

там которого было обеспечено артезианское водоснабжение Киева и разработана система защиты от оползней нагорной части города вдоль берега Днепра.

А каким же числом активистов располагали украинские партии? Возникшая в январе 1900 г. подпольная «Революционная украинская партия» (РУП) к 1904 г. насчитывала 300—400 человек. В этом же году большая часть членов покинули ее и создали две организации: Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП) и Украинский социал-демократический союз («Спилка»), причем последний выступал как краевое отделение российской РСДРП. «Украинская демократично-радикальная партия» (УДРП) представляла интересы украинских либералов. По самым завышенным оценкам, число активистов всех этих украинских организаций составляло около 3 тысяч человек, т.е. *едва дотягивало до численности одного киевского отдела «Союза Русских рабочих»*.

Но и это не все. Карликовые украинские организации, взявшие на себя наглость выступать от имени 30 миллионов малороссов, в своей публичной пропаганде не смели даже заикнуться о «самостийной Украине», прекрасно понимая, что открытое провозглашение подобной идеи неминуемо вызовет всеобщее отторжение. И. В. Михутина, подробно осветившая в своей монографии процесс партийного структурирования на территории малороссийских губерний в начале XX века, отмечает: «Характерно, что лозунг самостоятельной Украины, провозглашенный на рубеже столетий, при образовании Революционной украинской партии, вскоре был снят по причине неэффективности, непопулярности его в массе малороссов. Большинство украинских партий назвали стратегической целью *автономию* Украины в преобразованной на федеративных началах России.

Итак, 3 тысячи человек скопом во всех украинских партиях, с одной стороны, и 243 тысячи только в «Союзе Русского народа» и прочих Русских организациях (а были еще кадеты, социал-демократы и т.д.), с другой. При этом украинские партии в своих требованиях дальше «автономии» в составе единой России даже не смеют идти, понимая, сколь пагубно это отразится на восприятии их программ в народе. *Так*

какой же национальности было население Малороссии, отдававшее предпочтение всему Русскому и напрочь отторгавшее «украинское»? И кем же являлись деятели украинского движения, присвоив себе исключительное право выступать от имени Малороссии, как не *самозванцами* и политическими *шарлатанами*... Ведь даже в I Государственную Думу (1906) все они прошли по спискам *российских* партий, утаив от избирателей свою принадлежность к украинским. И только усевшись в депутатские кресла, открыто обнародовали свое украинство, образовав Украинскую парламентарную громаду из 40 депутатов. Но опять же: «вопрос о государственной самостоятельности *не ставился*, названный «*политической утопией*», зато «объединение народностей на федеративных началах» считалось реальной целью»¹⁰. М.С. Грушевский, правда, подготовил текст «Декларации украинской автономии» для внесения в Думу, но ее так и не внесли, заведомо зная, что она с треском провалится. Слишком ничтожны были те политические силы, которые, собственно, и являлись «украинскими».

Это положение не изменилось и в дальнейшем. На фоне быстро набиравших численность и влияние российских партий «украинские» по-прежнему выглядели захудалыми карликовыми образованиями. «Украинское движение в России в противоположность галицийскому, — писал в 1911 г. польский социалист Л. Василевский, — не только как некая сила, но и вообще как политическое течение, с которым следует считаться, до сих пор (после неких слабеньких усилий создать собственное автономистское движение в 1905—1906 гг.) *практически не существует*»¹¹. Да и сами деятели украинского движения признавали его ничтожную роль в политической жизни страны и полное отсутствие влияния на широкие народные массы. Один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии Исаак Мазепа в своем трехтомном труде «Украина в огне и буре революции» отмечал: «Накануне революции *господствовал «русский дух*» и не было заметно какого-нибудь широкого, массового национального движения». Верность этой оценки подтверждает еще один видный «украинец» Д.И. Дорошенко: «Революционная деятельность украинских социалистов и

украинского студенчества *не имела влияния на широкие слои населения*», она лишь «поддерживала оппозиционные настроения среди наиболее сознательных украинских рабочих и солдат-украинцев»¹². Т.е. опять же служила лишь подсобным средством (а зачастую и ширмой) для *российского* революционного движения.

Впрочем, эта *подчиненная и второстепенная роль* украинского самостийничества совсем не означала отсутствие поддержки самым абсурдным его притязаниям со стороны российских оппозиционных партий. Это ярко проявилось, например, в деятельности Государственной Думы.

* * *

Возникшая на волне революционного хаоса и как его непосредственное порождение, российская Государственная Дума с самого начала носила ярко выраженный антигосударственный характер. Премьер-министр П.А. Столыпин емко и точно обозначил главный нерв устремлений «народных избранников»: *«вам нужны великие потрясения»*... Понятно, что для тех, кто видел свою задачу в провоцировании революционного катаклизма, покровительство украинскому сепаратизму являлось естественным и необходимым. Именно поэтому абсурдные вожеления самостийников находили не только понимание, но и активную помощь в стенах российской Государственной Думы, прежде всего со стороны российских либералов. Так, кадеты И.В. Лучицкий, А.И. Никольский, В.А. Маклаков, О.Я. Пергамент, М.С. Аджемов при поддержке ряда депутатов от октябристов и трудовиков внесли на первой же сессии Думы III созыва (март 1908 г.) законопроект «О языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением», который призван был обеспечить полную украинизацию начального образования в Малороссии. В связи с этим Киевский клуб Русских националистов выступил с резким протестом. В принятой на общем собрании резолюции указывалось, что требование украинской школы является сугубо *политической акцией*, направленной на воспитание *«национального и политического сепаратизма»*. Особо подчеркивалось, что протесты против законопроекта исходят, прежде всего, от самих мало-

россов, которые твердо заявляют, что их родным является именно Русский язык. Эта резолюция и другие материалы такого же рода, растиражированные печатью и распространенные среди депутатов Думы, возымели свое действие: авторы законопроекта так и не решились поставить его на рассмотрение¹³.

Но попытки использовать Думу для осуществления тех или иных пунктов украинской программы не прекратились. В ноябре 1910 г. при обсуждении законопроекта о реформе школы И.В. Лучицкий вместе с П.Н. Милюковым выступили с поправкой об использовании украинского новояза в школе, которая набрала 132 голоса и была отклонена с перевесом лишь в 29 голосов.

19 февраля 1914 г. на очередном заседании Думы, при обсуждении вопроса о разрешении массовых манифестаций в связи с чествованием 100-летнего юбилея со дня рождения Т.Г. Шевченко, Милюков разразился пространной речью, посвященной защите украинского движения и его идеологии. Острые милюковских филиппик было направлено, прежде всего, против Киевского клуба Русских националистов: *«Если верить их обвинениям, есть какие-то «мазепинцы» с профессором Грушевским во главе, которых националисты г. Киева считают «сепаратистами»... Стремясь показать, что это утверждение не имеет под собой никаких оснований, Милюков прибег к чисто демагогическому приему: «Если это так ... то отчего же в собственной среде этих предполагаемых сепаратистов являются люди, которые... вместо того, чтобы считать их сепаратистами и австрофилами, обвиняют их в москвофильстве», — подменял оратор реальный анализ практики и целей самостийников ссылкой на брошюру украинского эмигранта Д.И. Донцова «Модерне москвофильство». В ней автор совершенно безосновательно заклеил Грушевского и его сторонников именем «москвофилов» и «чистых культурников» за якобы отсутствие реальной политической программы, а также «безграничное преклонение перед русской культурой». Выступив адвокатом этого «среднего» и якобы «господствующего» в украинском движении направления, Милюков стал пугать слушателей тем, что подавление этого течения приведет к смещению*

центра украинства в австрийские пределы и появлению в Малороссии настоящих сепаратистов — сторонников Д.И. Донцова. *«Бойтесь его!»* — патетически восклицал оратор. — *Если вы будете продолжать вашу политику, Донцовы будут считаться не единицами... а сотнями, тысячами, миллионами»...*

После всего этого словоблудия лидер кадетов перешел к выводам. Ссылаясь на украинскую печать, он совершенно голословно утверждал, что *«автономистско-федералистские идеалы украинского общества уже сами по себе исключают стремление к разрушению Российского государства»*. Киевский клуб Русских националистов Милюков упрекал в том, что выдвинутые его деятелями против украинского движения обвинения в сепаратизме и государственной измене никакими доказательствами не подкреплены. А что касается требований украинской партии *«по украинизации школьного просвещения на Украине, права украинского языка в судебных и правительственных учреждениях, устранения ограничений для украинского печатного слова, улучшения условий для легального существования украинских национальных учреждений»*, то все они совершенно законны и осуществимы в рамках действующей государственной системы. Попутно задел П.Н. Милюков и *«депутата-украинца и притом Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко»* за то, что тот высказывался против создания *«украинского литературного языка»*¹⁴...

Разумеется, вся речь П.Н. Милюкова была сплошным фарисейством, ибо трудно заподозрить этого *профессионального историка* в столь вопиющем невежестве. Он ведь не только получил высшее историческое образование, но и написал ряд работ по истории России XVIII—XIX веков, и не мог не знать, что исторические источники даже столь близкой к нему эпохи никаких «украинцев» и «украинского народа» *не знают*. Не упоминают они и «украинского языка». О каких же «украинских национальных учреждениях» он толковал? Права какого «языка» защищал?..

Выступивший вслед за лидером кадетов А.И. Савенко убедительно показал всю лживость милюковской речи. *«В ряду вопросов окраинных, инородческих, — заявил он, —*

украинский является самым **странным**. Это не инородческий вопрос, ибо мы, во-первых, **вовсе не украинцы** — я не знаю, на каком основании г. Милюков председателя Государственной Думы назвал украинцем. Председатель Государственной Думы не украинец, а малоросс, — мы, малороссы, **вовсе не считаем себя украинцами, мы считаем себя чисто Русскими людьми**... «Совершенно верно», — тут же с председательского места откликнулся М.В. Родзянко. А Савенко продолжал: «Если я ставлю в настоящее время в параллель этот вопрос с другими инородческими окраинными вопросами, так... потому, что сами представители украинского движения называют себя инородцами. Они отказываются от чести носить русское имя... **Малороссия никогда самостоятельным государством не была**, — хотя в настоящее время М. Грушевский, историк, Украины, и доказывает ... что поляне, северяне, древляне и т.д. были украинцами ... но мы же знаем, что все это есть **исторический подлог** ... что **никаких украинцев Нестор-летописец не знал** ... что гениальный автор «Слова о полку» знал русское племя, русских людей, русскую землю, русскую славу ... **Слово «украинцы» появилось в нашу эпоху**»¹⁵.

Что же, Милюков обо всем этом не знал?.. Знал, конечно. Да только деятелей, подобных ему, истина мало интересовала, они преследовали свои узкопартийные цели, губительные и разрушительные для страны. Этим и диктовалась политическая поддержка украинского сепаратизма. К произнесенной Милюковым в Государственной Думе речи с полным правом можно приложить фразу, ставшую благодаря именно этому деятелю знаменитой: «**ЧТО ЭТО? ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?!!**», — и ответить: и первое, и второе.

Это, безусловно, являлось *глупостью*, потому что любому умному человеку уже в то время было очевидно: разговоры о «мове» — не более чем дымовая завеса, призванная скрыть подлинную цель украинского движения, — «*стремление к разрушению Российского государства*». Но если сидящий в Вене «украинец» Донцов мог позволить себе открыто заявлять эту цель, то «украинцы», ведущие свою *подрывную работу* непосредственно в России, позволить себе этого не могли. Во всяком случае, в тот момент. И надо было обладать достаточной мерой глупости, чтобы этого не понимать...

Еще за семь лет до выступления Милюкова 14 февраля 1907 года профессор Антон Семенович Будилович, ученый, не зомбированный либерально-демократическими бреднями, ясно указывал перспективу насаждения искусственного украинского новояза: «...*Отторжение нашего юга от севера в язычном отношении постепенно подготовит почву для его отпадения и в смысле государственном... Конечно, своими силами украинцы провести этого не смогут. Но к их услугам будут все враги России, особенно поляки, евреи и многие немцы*»¹⁶. Деятельность Милюкова и присных показывала, что к сонму традиционных «врагов России» примыкали и отдельные деятели из числа Русских. Кумир либеральной российской интеллигенции являлся типичным представителем когорты подобных ренегатов.

И что примечательно: беспрерывно ссылаясь на «европейский опыт», западники вроде Милюкова в украинском вопросе напрочь этот опыт игнорировали. Между тем, в столь любимой ими Европе многочисленные местные *просторечия* не возводили на уровень литературных языков. На это указывал тот же А.С. Будилович: «При всех глубоких диалектических различиях в среде языков немецкого, французского, итальянского и других существуют на Западе общенациональные школы немецкая, французская, итальянская, притом не только высшие и средние, но и низшие». Почему же *«только в России должна распасться по языку национальная школа, несмотря на целые века ее единства»*, тогда как в языках других народов «вовсе не заметно стремления к дроблению по просторечиям»?¹⁷.

Да милюковы и не предлагали другим нациям подобно-го раздела, упорно толкая на этот самоубийственный путь только Русских. Вот почему и являлись подобные призывы не столько глупостью, сколько сознательным и злонамеренным *предательством* своего народа. Ведь в той же украинской прессе, на которую ссылался Милюков (и с которой имел полную возможность ознакомиться непосредственно), более чем откровенно формулировались истинные цели украинства — и ничего «культурнического» они в себе не содержали. Так, издаваемый в Малороссии журнал «Українська хата» в 1912 г. следующим образом объяснял своим читате-

лям, что значит быть «сознательным украинцем»: «Воистину несчастлив тот украинец, у кого русская семья... Быть сознательным украинцем и устроить себе «русскую» или польскую семью — может ли быть большая насмешка над своим я, над своим идеалом!.. Если ты любишь Украину, ты должен пожертвовать любовью к другим географическим единицам. Если любишь свой язык, то *ненавидь язык врага*... Умей ненавидеть. Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... *Возрождение Украины — синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней*... Если ты любишь украинский язык — «иди за ним пешком», а не через русские гимназии ... Посылай детей не в российскую гимназию, а в украинскую (в Галичине) — наука есть и там. Окончил сынок гимназию, посылай в университет во Львове, в Черновцы. Там также есть наука»¹⁸.

Настойчивый совет ехать для приобретения подлинно украинского образования именно в Галицию, принадлежавшую в то время Австро-Венгрии, далеко не случаен. Главный импульс приобретаемой там «науки» в том же 1912 г. очень откровенно и доходчиво формулировал украинский орган «Вперед», издаваемый во Львове: «Когда началась турецко-итальянская война, турки основали «Общество ненависти к Италии». Нам нет надобности устраивать общество *ненависти к России*, но эту ненависть к ней мы должны лелеять и распространять в крае... посредством лекций, брошюр, разговоров, напоминая нашим темным ... мужикам, что Россия — это ... темнота, гнет и национальная смерть для нашего народа»¹⁹...

Такую вот «культуру» несло в народ украинское движение, в защиту которого с таким жаром витийствовали с трибуны Государственной Думы ораторы либерально-революционной оппозиции. А между тем, предательский и антигосударственный характер деятельности «украинцев» был очевиден не только для патриотических деятелей внутри России, но и сторонних наблюдателей за ее пределами. Так, в октябре 1911 г. депутат австрийского парламента, чех

Карел Крамарж в беседе с корреспондентом «Нового времени», говоря об истинных устремлениях галицких «украинцев», заявил: они *«желают нанести удар в самое сердце Русского народа и расколоть Русских надвое»*. Украинское движение Крамарж характеризовал *«по существу противозаконным, антирусским и поэтому антиславянским»*. За последние десять лет, по его словам, оно выросло *«в весьма серьезную силу, с которой России придется очень считаться»*. Движение это *«всегда находило самую могущественную поддержку со стороны австрийского правительства и некоторых самых влиятельных кругов в Вене»*. В конце беседы Крамарж высказал опасение, что *«война между Россией и Австрией может вспыхнуть из-за Галичины, ибо здесь готовится опасный антирусский очаг, пламя которого должно переброситься в Южную Россию и зажечь брожение и мятеж в самом Русском народе»*. В связи с этим Крамарж был крайне удивлен *«тем равнодушием и беспечностью, которое проявляет русское общество перед надвигающейся антирусской опасностью, исходящей из недр самого Русского народа»*²⁰...

Верно подмеченные *«равнодушие и беспечность»* Русских в отношении украинской опасности накануне уже вполне очевидной мировой войны сознательно формировались деятелями революционно-либерального лагеря, маскировавших пышной и пустой болтовней о «свободах» и «народном благе» свое стремление к развалу страны и расчленению ее на ряд зависимых от Запада самостоятельных «республик».

Именно российские либералы и революционеры, а либералы прежде всего (сегодня мы бы сказали: «демократы»), стали той «крышей», под защитой которой успешно разворачивалась подрывная деятельность украинства в России.

* * *

Особенно зримо подрывной характер украинского самостояительства проявился с началом Первой мировой войны. Великая война явила, наконец, истинное лицо украинства, его предательскую, лакейскую сущность: осуществление украинских вожеланий связывалось всецело с победой... **немцев**. Несбыточные надежды загрести жар чужими руками — такова извечная «геостратегия» всех изменников

и отщепенцев. «Украинцы» не составляли здесь исключения. Уже 4 августа 1914 года ряд украинских деятелей, в свое время эмигрировавших из России, экстренно собрались в одном из львовских кафе и образовали «Союз Освобождения Украины» (СОУ). По данным департамента Русской полиции, во главе этой организации стали видные «украинцы»: Д.И. Донцов, В.В. Дорошенко, Н.К. Зализняк, А.И. Жук, М.Е. Гаврилко, Е. Любарский—Письменный и др. Вскоре к ним присоединились активисты украинской социал-демократической «Спилки» А.Ф. Скоропис—Йолтуховский и М.И. Меленевский. Двух последних война застала на каникулах в Лондоне, откуда они с бланками австрийских паспортов, заполненных в германском посольстве, прибыли во Львов и предложили свои услуги представителю австрийского МИД, который и направил их для работы в СОУ. Вскоре «Союз» перебрался в Вену, где и развернул свою антирусскую деятельность.

25 августа СОУ выпустил печатное воззвание «К общественному мнению Европы». В нем излагался украинский взгляд на начавшуюся войну:

«Мы, украинцы ... сознаем, о чем идет дело в этой войне. Конечно, не о гегемонии «германизма» или «славянства» — война ведется между культурой и варварством. Война ведется, чтобы сломить окончательно идею «панмосковитизма», который нанес неисчислимый вред всей Европе и угрожал ее благосостоянию и культуре».

Указывали «украинцы» и кардинальное средство, которое единственно могло положить конец олицетворению векового «варварства» — «панмосковитизму»: **«Без отделения украинских провинций России даже самый ужасный разгром этого государства в настоящую войну будет только слабым ударом, от которого Царизм оправится через несколько лет, чтобы продолжить свою старую роль нарушителя европейского мира. Только свободная, тяготеющая к правительственному союзу Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма. В полном**

сознании своей исторической миссии ... **Украина всегда была открытым врагом России, и в своих освободительных стремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у немцев. Гетман Богдан Хмельницкий, Дорошенко и Орлик обращались к немцам, Мазепа к Швеции. Даже во времена Екатерины II украинское дворянство искало при прусском дворе защиты от московского деспотизма**... Завершалось воззвание своего рода клятвой-обещанием: **«Мы, украинцы России, соединившиеся в Союз освобождения Украины, употребим все силы для окончательного расчета с Россией»**²¹!..

Не забыл обратиться СОУ и непосредственно к малороссам, сотни тысяч которых в этот момент с оружием в руках защищали свою Родину от агрессора. В специальной прокламации «К украинскому народу в России» разъяснялось, что вина за войну падает исключительно на Россию, что не следует бояться австрийских войск, ибо в их состав входят части «Сичевых стрельцов», набранные из галицких «украинцев», что австрийское войско поможет выгнать с Украины всех Царских чиновников и **«развалить ту проклятую тюрьму народов, которая зовется Царской Империей»**. Прокламация завершалась призывом: **«Сбросим же раз навсегда с себя проклятое московское ярмо. Если не сбросим теперь, то никогда... Не скорее как будет развалена Россия, поднимется вольная Украина. Приходит час мести, отомстим же за все...»**²².

Но любовью к Австрии не ограничивались «свободолюбивые» устремления «украинцев» в трагическую годину. Не меньшей страстью воспылали они и к ее главному союзнику Германии. В своем печатном органе, «Вестнике Союза Освобождения Украины», издававшемся в Вене, СОУ в сентябре 1914 г. опубликовал следующую телеграмму:

«Его Величеству Императору и Королю Вильгельму II. Берлин.

Союз освобождения Украины, организация российских украинцев, спешит с наибольшим уважением приветствовать Его Величество и победную немецкую армию со взятием Холма, старинного престольного города украинского короля Даниила и столицы наиболее выдвинутой на запад заселенной украинцами области. С большим доверием в могущество немецкого государ-

ства и немецкой армии надеемся на окончательный разгром смертельного врага украинского народа и освобождение из-под российского ярма также украинских областей на восток от Буга, с сердцем Украины Киевом. Его Величество Император Вильгельм II пусть живет многие лета. Слава славной немецкой нации и непобедимой немецкой армии!».

После ряда тяжелых поражений, понесенных Австро-Венгрией в 1914—1915 гг., предметом украинского поклонения сделалась почти исключительно Германия. Не бескорыстно, разумеется. В 1915 г. в Мюнхене СОУ издал брошюру «Украина и война». В ней было опубликовано обращение такого содержания:

*«Мы обращаемся к немецкому Императору, немецким союзным князьям и немецкому народу с настоятельной и сердечной просьбой **освободить нас от нашей длительной неволи и гнета и осуществить нам государственную независимость.** Тем более мы надеемся на исполнение нашей просьбы, что жертвы, которые нужно принести для нашего освобождения, почти также полезны для интересов немецкого народа. Только созданием самостоятельного королевства Украины можно окончательно избавиться от великорусской опасности. Между Украиной и Германией нет никаких противоположностей. Наоборот, Украине для ее полного развития придется обратиться к немецкой интеллигентности и к немецкому капиталу, которые оба найдут в ней богато вознаграждающее поле деятельности. Дай нам Бог, чтобы после **полной победы немецкой армии** исполнились наши желания в интересах наших обоих временем друг другу предназначенных народов»²³...*

Итак, немцы должны были ковать победу не только для себя, но еще и для «украинцев». Таким виделся украинский путь к достижению «свободы» и «самостийности». В условиях начавшейся мировой войны вожди украинства торопились выставить Малороссию на международные торги, предлагая *по дешевке* каждому желающему. Дешевизной надеялись максимально расширить круг претендентов, хотя предлагали то, что им *никогда не принадлежало*. Да и предлагали не бескорыстно, а за вполне осязаемый шкурный интерес, ибо все эти «представители украинского народа» находились на *полном содержании* Вены и Берлина.

У немцев был свой интерес. Согласно меморандуму австрийского МИД (10 января 1915 г.) правительство в Вене, рассчитывавшее в начале войны на быстрые военные успехи, находило полезным, чтобы австрийская армия заняла территорию противника, имея рядом с собой украинскую организацию, выступавшую за отделение Малороссии от России. Поэтому вся деятельность СОУ и его активистов щедро финансировалась австрийским Министерством иностранных дел. Собственно, под эти субсидии «Союз» и создавался.

На поступившие от австрийцев средства СОУ учредил свой печатный орган «Вістник Союзу визволення України». А в дополнение к нему издавал в Вене на немецком языке газету «Украинские известия», в Лозанне по-французски — «Украинское обозрение». Пропагандистские книги «Союза» печатались на 11-ти языках, в обилии штамповались географические карты, на которых виртуальная «Украинська держава» простиралась от рек Прут, Сан и Нарев на западе до Дона, Донца и Кавказских гор на востоке. СОУ направил эмиссаров в другие страны (Германию, Турцию, Болгарию, Румынию, Швецию, Швейцарию, Италию), где они, сколько могли, пакостили России и обливали ее грязью. Так, в воззвании к болгарам содержалось напоминание, что в балканском конфликте Россия поддержала Сербию, и призыв в отместку выступить на стороне Центральных держав. Румынам внушалось, что ради захвата Бессарабии стоит принять участие в разгроме России «и оттеснении ее до ее этнографических границ прежнего Московского царства»²⁴. Прибывший в Стамбул в сентябре 1914 г. М.И. Меленевский обещал туркам поднять против России кубанское казачество и моряков Черноморского флота, расквартированных в Одессе. Вынашивались даже планы высадки на Кубани «украинского десанта», так и не осуществившиеся в виду полного отсутствия желающих вступить в этот самый «десант». Но Меленевский не пал духом. При содействии австрийского правительства в Константинополе ему и прибывшим с ним «украинцам» Цехельскому и Барану удалось добиться у турецкого правительства разрешения поместить в газетах сведения о том, что в стародавние времена «укра-

инское государство» простиралось от Карпат до Волги, граница на юго-востоке с отрогами Северного Кавказа; что эта «Украина» долго томила под Русским игом и что теперь, в дни мировых событий, она почувствовала в себе новые силы и требует национальной обособленности и свободы, за которую готова бороться вместе с Австрией, Германией и Турцией против общего врага — России²⁵. Но и это не все. Меленевскому в конце ноября 1914 г. удалось добиться приема у министра внутренних дел Турции Талаат-Бея, который заверил собеседника в полной поддержке украинского дела.

Этот «дипломатический» успех так вдохновил Меленевского, что он сразу же поставил перед австрийским МИД вопрос о выделении дополнительных средств, так как, пояснял он, ранее полученное «частично послано через людей на Украину, частично, согласно договору, выплачено русским революционерам; остается очень мало. Прошу обязательно срочно выслать по крайней мере 50 тыс. золотом или в немецких банкнотах».

В австрийском МИДе сразу же заинтересовались «договором с революционерами». «Было бы полезно ознакомиться с договором с российскими революционерами, о котором упоминает Меленевский», — рекомендовал шеф политического отдела МИД Австрии послу в Константинополе И. Паллавичини. Но последний в письме от 2 декабря 1914 г. пояснял, что названный «договор» следует понимать лишь как устные договоренности Меленевского с российскими левыми, будто бы обещавшими ему, что за выданные им деньги они вставят пункт о «независимости Украины» в свои партийные программы и будут поддерживать СОУ²⁶.

В МИДе насторожились. «Устные договоренности» являли собой слишком эфемерное понятие, не поддающееся контролю и учету, и могли оказаться заурядным *обманом*. У австрийских чиновников возникло подозрение, что огромные суммы, отпускаемые «украинцам», в существенной своей части оседают в их «самостийнических» карманах... Что вскоре и подтвердилось.

Взятые на содержание Австрией, украинские деятели обязались не только широко развернуть пропагандистскую

деятельность против России, но и предпринять конкретные шаги по подрыву ее обороноспособности. Так, с первых дней войны австрийский Генеральный штаб взял под свое покровительство и на свое содержание Заграничный комитет украинских эсеров Н.К. Зализняка (в сентябре 1914 г. вставшего еще и во главе СОУ). Н.К. Зализняк посулил австрийцам, что *«будет направлять все революционное движение в России, передавать австрийские деньги русским и украинским революционным организациям, объединит все революционные партии России в помощь Австрии, пошлет в Россию пропагандистов и агитаторов — одним словом, подготовит с помощью австрийских денег вооруженное восстание и рабочую революцию в России»*²⁷.

Посулы Н.К. Зализняка нашли самое горячее понимание: в начавшейся войне с революционизированием России Центральные державы связывали большие надежды. В Германии, например, данный вопрос курировался на самом высшем уровне. Государственный секретарь Ягов и его заместитель Циммерман, а также начальник политического отдела Генерального штаба Надольный активно участвовали в разработке проекта устройства революции в России, который пользовался и личной поддержкой кайзера. Малороссии в реализации этих планов отводилось центральное место. Иллюстрацией этого может служить телеграмма Ягова германскому послу в Вене (11 августа 1914): «Революционирование не только Польши, но и Украины представляется нам весьма важным, поскольку: во-первых, это средство борьбы против России; во-вторых, это способ ослабить давление русского колосса на Европу и удалить Россию как можно далее на Восток; в-третьих, это возможность для Румынии получить впоследствии Бессарабию, что осуществимо лишь при условии возникновения промежуточного государства между Румынией и Россией»²⁸.

Н.К. Зализняк, как говорится, попал в струю и получил для реализации своих обещаний 250 тысяч крон от австрийского правительства и еще 200 тысяч от германского представителя в Вене. На эти деньги он должен был организовать антирусскую пропаганду в Малороссии и приобрести револьверы для украинских подпольщиков.

Созданные им в Болгарии и Румынии подпольные ячейки должны были собирать информацию о внутреннем положении в России, готовить боевиков для подрывной работы там, устанавливать контакты с нужными лицами и организациями и разными способами посылать туда пропагандистские материалы и оружие. В формировании транспортов подрывной литературы из Румынии участвовали, по данным Одесского жандармского управления, эмигрант из России З. Арборе—Ралли и «доктор Раковский», а переправлять их помогали бывшие «потемкинцы». Кроме того, прокламации с призывом к Русским солдатам не стрелять в противника, а сдавать ему за деньги оружие и боеприпасы, в большом количестве закупоривались в бутылки и направлялись по течению Прута, выносившего их на Русский берег.

Работа закипела. Н.К. Зализняк и его подельцы завалили австрийские и турецкие газеты фантастическими известиями о «возмущениях», «восстаниях», «забастовках» и «политических процессах» в Малороссии, утверждая, что скоро вся она вспыхнет революционным пожаром. Но кипучая деятельность по подготовке пронемецкой «революции в России» завершилась самым неожиданным образом. Один из завербованных Н.К. Зализняком агентов — Цеглинский, сам получавший деньги за вымышленные акции, написал в австрийский МИД подробный донос на своего шефа с описанием многочисленных фактов обмана и использования им средств для личной наживы.

Разразился скандал. Тень пала на весь СОУ. Кураторы из австрийского МИДа засомневались в достоверности отчетов о его деятельности, не находя упоминаний о ней ни в Русской прессе, ни в печати нейтральных стран. Щедрое финансовое вливание в «украинское дело» оказались под угрозой. Руководители «Союза освобождения Украины» не на шутку встревожились и, чтобы не допустить прекращения субсидий, в срочном порядке обратились к Парламентскому клубу галицийских «украинцев» с просьбой «избрать особую комиссию, которая проверила бы как все предпринятые Союзом политические шаги, так и его деятельность вообще». Комиссия в составе трех депутатов австрийско-

го парламента во главе с вице-председателем Украинского парламентского клуба Е. Петрушевичем 23 декабря 1914 г. по результатам проверки сделала заключение, что СОУ «работает согласно своей программе и ни в чем не изменила ни украинскому национальному делу, ни принятой программе ... что работа СОУ чрезвычайно солидна, на удивление производительна, успешна и разностороння ... распоряжение деньгами весьма бережно и деловито. [Союз] употребляет их лишь в интересах украинского дела, никак не сорит и не расходует для нечистых целей». Все это было изложено в специальном буклете, датированном 8 февраля 1915 г. и подписанном Жуком, Скоропис—Йолтуховским, Меленевским и Дорошенко. Буклет был распространен за рубежом и в России среди организаций и лиц, так или иначе сочувствовавших украинскому движению (экземпляры его имеются в архивных фондах П.Н. Милюкова и лидера трудовиков в IV Государственной Думе А.Ф. Керенского)²⁹.

Возможно, что последних она и убедила, но только не австрийское правительство. Эсеровская группа Зализняка была лишена субсидий, а сам он по настоянию австрийского МИДа исключен из СОУ и в феврале 1915 г. выслан в Швейцарию. Более того, вся деятельность украинских предателей вызвала у австрийских чиновников самый серьезный скепсис. «Успех украинской акции», говорилось в меморандуме австрийского МИД от 15 января 1915 г., могла бы обеспечить только оккупация Малороссии, попытки же «вызвать движение издали, путем посылки прокламаций и оружия, бессильны». Сделав такой вывод, австрийские хозяева решили прекратить официальный патронаж над СОУ, чтобы, мотивировали они не без издевки, «восстановить важную для его престижа независимость». Намечалось выдворить «Союз» в страны «с дешевыми условиями жизни» — Швейцарию или Турцию. Его членам с большим трудом удалось получить разрешение остаться все-таки в Вене, но только в качестве частных лиц. Впрочем, разрыв не был полным. СОУ предписывалось *«быть готовым к сотрудничеству с австрийским и германским правительствами»*. Да и само «сотрудничество» не прекратилось, только теперь главной сферой предательской деятельности «Союза» стали лагеря для

военнопленных-малороссов. Центр этой работы переместился в Германию, где для ее финансирования была создана специальная посредническая организация во Франкфурте-на-Одере. Перед руководителями СОУ была поставлена задача формирования из пленных малороссов диверсионных и пропагандистских групп с задачей «*перекинуть на фронт украинскую бациллу*»³⁰...

* * *

Столь очевидная продажность закордонных «украинцев» и откровенное обслуживание интересов внешнего врага вынудили их идейных собратьев, находившихся в России, публично отмежеваться от «Союза Освобождения Украины». Через главные свои печатные органы — киевскую газету «Рада» и московский журнал «Украинская жизнь» — они поспешили заверить всех в своей лояльности к России. Например, Симон Петлюра, фактический редактор «Украинской жизни», в написанной 30 июля 1914 г. статье-воззвании «Война и украинцы» декларировал, что для «украинцев» есть только один выбор между Россией и Австрией — выбор в пользу России. А в выпущенной вторым изданием книги «Украинский вопрос» сотрудники журнала открыто отмежевались от СОУ, заявив по поводу «сенсационных легенд о группе украинских эмигрантов, пропагандирующих на австро-немецкие деньги идею освобождения Украины от русской власти», что «украинское движение в его целом не ответственно за увлечения отдельных лиц»³¹. (Как будто бы «взятое в его целом» украинское движение и не пропагандировало ту же самую идею «*освобождения Украины от Русской власти*»!)

Впрочем, все эти «патриотические» заявления «украинцев» в первые дни и месяцы после начала военных действий являлись не более чем *маскировкой*. Народный патриотический подъем начального периода войны грозил снести с лика земли всех, кого можно было заподозрить в предательстве. А «украинцы» хорошо знали, что в списке потенциальных изменников Родины они занимают первое место. Поэтому и спешили продемонстрировать свой «патриотизм». Но «патриотизм» этот имел чисто ситуативный характер и диктовался исключительно *страхом*. Так, издатель «Рады»

Е.Х. Чикаленко (1861—1929), комментируя публичные заявления СОУ, записал в свой дневник: «*Эти желторотые парни, сидя в безопасном месте, разводят неосуществимые фантазии, а нас из-за них могут перевешать или куда-нибудь сослать*»³². В тот момент подобная перспектива была вполне реальной, отсюда и показной украинский «патриотизм».

На самом же деле, по данным Департамента полиции, находившиеся в России «украинцы» не только полностью поддерживали заявления и политику СОУ, но и тотчас приступили к организации в Малороссии его филиалов. Сразу же с началом военных действий в Киеве в украинском клубе «Родина» состоялось тайное собрание, на котором «присутствовали главные руководители Киевских мазепинцев: издатель ежедневника «Рада» Евгений Харлампиев Чикаленко (*тот самый!* — С.Р.), Леонид Жебунев, Павел Лавров... несколько студентов и делегаты от мазепинских деятелей Полтавы, Харькова, Екатеринослава и Одессы. На собрании в «Родине», а затем в квартире Чикаленко... была основана новая мазепинская организация под названием «Союз Вызvolения Украины» («*Союз освобождения Украины*»). Цель этого союза... вести мазепинскую пропаганду между населением и войсками российской Украины»... В Полтаве во второй половине 1914 года полиции стал известен «Центральный комитет Полтавского района, филиал Союза освобождения Украины», который занялся организацией в уездах «порайонных комитетов» и кружков, а студенческая группа украинских социалистов-революционеров в начале 1915 г. начала выпускать в подпольной типографии антивоенные листовки и малотиражный журнал «Боротьба», в котором перепечатала политическую программу СОУ — его «Платформу». Журнал редактировал украинский эсеровский деятель Н.Н. Ковалевский при участии Л. Ковалева. В нем печатались также не принадлежавшие к социалистам-революционерам известные «украинцы» С.А. Ефремов, В.К. Прокопович, А.М. Полонский³³...

В Екатеринославской губернии, по данным Департамента полиции, в течение лета 1915 г. состоялся ряд собраний местной организации Украинской социал-демократической рабочей партии. Собрания, в которых принимали участие

нескольких десятков человек, устраивались в помещениях «Просвиты», а также в лесах за городом. На этих собраниях «одобрялись проводимые идеи борьбы против войны, причем попутно с этим признавалось *необходимым оказывать возможное содействие Австрии* в настоящей войне с Россией, победа над которой, то есть над Россией, и разгром последней Австро-Германией членами екатеринославской организации *признавались весьма желательными*. Вдохновители означенных идей исходили из того соображения, что с разгромом России в настоящей войне вся территория Украины отойдет к Австрии, которая и выполнит данное ей обещание, выделив Украину в автономную единицу». 29 октября того же года на квартире одного из членов организации состоялось совещание местных партийных работников, на котором с докладом о переживаемом моменте выступил представитель Полтавской губернии Ф.П. Горох. Коснувшись вопроса о войне, оратор заявил, что «цель Германии будет достигнута — Киев и вся Малороссия будут завоеваны Германией, которая *даст украинскому народу полную независимую Украину*, почему *необходимо оказывать всякое содействие Германии* в ее окончательной победе над Россией»³⁴...

Как видим, на своих *тайных* сходах в России «украинцы» безоговорочно поддержали воззвания закордонного СОУ, но *открыто* выразить свою солидарность с ним в тот момент, когда австрийская армия не только не вступила в Правобережье, но и была выброшена из Восточной Галиции, они, по понятным причинам, не смели. Поэтому и маскировали свои подлинные чувства, свое чисто *смердяковское* желание разгрома родной страны. Тот же Е.Х. Чикаленко позднее признавался, что «во время войны говорил ... *лучше было бы присоединить Украину к Австрии, хоть до Днепра*, чтобы усилить украинский элемент в Австрии»³⁵. Так что «украинская бацилла» усиленно распространялась в тылу воюющей Русской армии теми, кто на словах желал ей победы, а в реальности готовился всадить нож в спину. И хотя предательство «украинцев» в эти годы стало совершенно явным, они по-прежнему находили полное понимание и поддержку в стане российских либералов и революционеров. Любые меры правительства по пресечению подрывной деятельно-

сти украинских сепаратистов немедленно вызывали дружный истерический вой всей либерально-революционной оппозиции. Так, например, было в случае с высылкой вглубь страны М.С. Грушевского. Откровенный враг России, сотрудничавший с разведками Австрии и Германии, сразу же был взят под защиту российскими либералами. П.Н. Милюков, например, публично убеждал всех в том, что М.С. Грушевский никогда не был сепаратистом, а его арест называл «большой политической ошибкой»³⁶. Чем диктовались на этот раз подобные утверждения — милюковской *глупостью* или *изменой* — не столь важно...

Не прекращались хлопоты об улучшении участи Грушевского и после того, как он был выслан под гласный надзор полиции сначала в Симбирск, а затем в Казань. Уже в конце 1915 года члены Государственного Совета от Императорской академии наук Д. Grimm, М. Ковалевский, И. Озеров, В. Вернадский, С. Ольденбург и др. обратились к министру внутренних дел с ходатайством разрешить Грушевскому перебраться в Москву. А ведь речь шла о главном идеологе малороссийского *сепаратизма*, по сути дела, **государственном преступнике!** В уже упомянутой нами «Записке» Департамента полиции (1916) ясно указывалось, что «*украинское движение в России всех оттенков и направлений есть течение противогосударственное*», ибо сущность его «*сводится к отторжению Малороссии от Российской Империи и образовании из нее самостоятельной политической единицы*». «*Учение же, проповедуемое профессором Грушевским об украинском движении... по существу своему есть не что иное, как мазепинство, научно обработанное в применении к радикально-социалистическому идеалу (федерации народов России) — то самое мазепинство, которое Союзом освобождения Украины... практически доведено до изменнического соучастия их в жестокой войне Австрии и Германии против России*»³⁷. Вот кого покрывали доморощенные радетели «демократии» и «народной свободы». Покрывали и защищали в ходе тяжелейшей для страны войны. И ведь добились своего: в 1916 г. Грушевскому разрешено было обосноваться в Москве и вплотную заняться тем, для чего он, собственно, и ехал в Россию.

Направление этой деятельности ни у кого сомнений не вызывало.

...Война застала М.С. Грушевского на собственной даче в Карпатах. Активисты СОУ, получив разрешение австрийского Генерального штаба, сразу же вывезли его на военном автомобиле в Вену, откуда он через некоторое время, получив необходимые инструкции в австрийском МИД, отправился в нейтральную тогда еще Италию, а отсюда уже через Румынию — в Киев. Целью его приезда являлась координация подрывной работы филиалов «Союза Освобождения Украины», организованных непосредственно в самой Малороссии. В донесении начальника временного жандармского управления в Галиции полковника Мезенцова от 30 декабря 1914 г. прямо указывалось: *«Когда союз со своими отделениями... начал функционировать, киевские мазепинские главарь призвали проф. М.С. Грушевского, чтобы он немедленно приехал в Киев и принял руководство «Союзом»»*. Но поруководить в тот момент Грушевскому не удалось. Вскоре после прибытия в Киев 28 ноября 1914 г. он был арестован «в порядке положения о государственной охране». При обыске у него были обнаружены значок «Радикальной украинской партии» и фотографии некоторых членов СОУ, организации, «домогающей поражения России в настоящей войне», как указывалось в протоколе изъятия³⁸. После трехмесячного пребывания в киевской Лукьяновской тюрьме М.С. Грушевский и был отправлен вглубь страны, но неустанными хлопотами Милюкова и К^о вызволен и возвращен в первопрестольную, где всю мог развернуться на ниве подрывной деятельности против России. Адвокатами здесь он был обеспечен с избытком...

Даже легкая критика в адрес украинских сепаратистов в стане либеральных «народолюбцев», вполне овладевших к тому времени мозгами российской интеллигенции, считалась недопустимой. Так, выступление в печати члена ЦК кадетской партии П.Б. Струве, слегка пожурившего «украинцев» за некоторый максимализм их политической программы, немедленно вызвала публичную отповедь со стороны П.Н. Милюкова в статье «Украинский вопрос и П.Б. Струве», напечатанной в газете «Речь» 9 ноября 1914 года. Примечательно,

что 19 декабря того же года «украинцы» прислали П.Б. Струве и свой собственный ответ, полный неприкрытых угроз, перемежаемых типично украинским *бредом*. Бездоказательно обвинив Струве в доносительстве и прямой причастности к аресту Грушевского, они, подписавшись «мазепинцы», писали: *«В своем ослеплении вы указываете нам ту дорогу, по которой мы должны пойти. Ослабленное и глубоко деморализованное сифилитическое великорусское племя никогда не проникнется вашими идеями, для проведения в жизнь которых нужны сила, свежесть и энтузиазм возрождающейся народности....*

Мы знаем, что Россия неминуемо должна быть уничтожена или низведена на степень третьестепенной державы. Гегемония в Восточной Европе должна перейти к нам, к украинскому племени, объединенному и вооруженному условием, необходимым для этой великой задачи, — собственной державой. Преследуя эту цель, мы приветствуем все, что отдаляет наших врагов московитов от прогресса и европейской культуры...

*Мы делаем свое дело исторической важности, дело, результаты которого почувствуете и вы на своей шкуре. Час расплаты близок... Рассчитаемся с вами на днях. Мышьяк — сами убедитесь — действует верно и даст время для размышлений... Не забывайте, что у нас жива традиция, когда мы, украинцы, владели всей Восточной Европой, когда перед нами дрожала Византия. Мы идем, проснувшись от сна, смелые и убежденные в необходимости решить задачу жизни и смерти. Шире же дорогу: «*Inter arma silent Musae*» («среди оружия молчат музы»)! Не культурой поэтому мы будем бороться с вами, а тем, что наиболее понятно для монгольского черепа московитов: «апельсинами»». «Очевидно, круглые метательные бомбы» — прокомментировали в Департаменте полиции³⁹...*

Такова была благодарность «украинцев» своим Русским защитникам. В то время как милюковы, шахматовы и прочие «академики» и «профессора» продолжали твердить о «культурнической» направленности украинства, его апологеты готовились метать бомбы в «московитские» черепа... Кстати, в своем послании к Струве «украинцы» помянули и всегдашнего своего адвоката — П.Н. Милюкова: «*Слащавые писания Милюкова и присных без конкретной программы*

для нас не опасны, так как наивность этих писаний слишком очевидна».

Впрочем, если в России «украинцы» еще только намеревались свести счеты с Русскими, то в Галиции, принадлежавшей Австрии, они в эти годы (1914—1917) уже вовсю их сводили...

* * *

Геноцид Русского населения в Галичине в годы Первой мировой войны, в организации которого «украинцы» сыграли решающую и роковую роль, до сих пор остается в числе тех исторических тем, открытое и правдивое обсуждение которых непременно наталкивается на некое негласное табу. И сегодня, сто лет спустя, данное *преступление «украинцев»* так и не получило адекватного отражения ни в Русской исторической науке, ни в Русском национальном сознании. Между тем, непосредственные свидетели, а также оставшиеся в живых жертвы этой чудовищной бойни единогласны в указании на ее *истинных виновников*. Крупный общественный деятель Галицкой Руси той эпохи И. И. Терех (1880—1942), прямо указывал на *организаторов* массовых убийств Русских галичан:

«В самом начале этой войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами (сельскими учителями и «попиками»)... Арестованных вывозят в глубь Австрии в концентрационные лагеря, где несчастные мученики тысячами гибнут от голода и тифа... *В отместку за свои неудачи на Русском фронте улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревьям тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, — вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими. Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, усеялась тысячами виселиц, на которых мученически погибали русские люди только за то, что они не хотели переменить свое тысячелетнее название»*⁴⁰...

Совершенно определенно на подлую роль «украинцев» в массовом убийстве Русских людей в Галиции указывает и предисловие к первому выпуску «Талергофского альманаха», составленного из воспоминаний уцелевших жертв геноцида:

*«В то время как насилия и террор в Бельгии или других странах всецело объяснимы одним фактом — войной, здесь в отношении Прикарпатской Руси этого недостаточно. Война тут была лишь **удобным предлогом**. В этом и заключается выразительная особенность нашей мартирологии... Часть карпато-русского народа, среди тяжелых страданий, несла на алтарь своей общей Родины — родной Руси — свою жизнь, а другая — творила позорное и лукавое дело сознательного братоубийцы Каина... Роль этих народных предателей, так называемых **«украинцев»**, в эту войну общеизвестна. Детеныши национального изменника русского народа из-под Полтавы, вскормленные под крылышком Австрии и Германии, при заботливом содействии польской администрации края, в момент войны Австрии с Россией, то есть в знаменательный в истории русского народа момент собирания исконно русских земель на Западе, сыграли мерзкую и подлую роль не только в отношении России и идеи всеславянского объединения, став всецело на стороне Австро-Венгрии, но в особенности в отношении бесконечных жертв австро-мадьярского террора и насилия над карпато-русским населением...*

*Прикарпатские **«украинцы»** были одними из главных **виновников** нашей народной мартирологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, что карпато-русский народ вообще, а наше русское национальное движение в частности, с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии вне закона, в буквальном смысле на положении казнимого преступника»⁴¹... Здесь же говорится и о том, что «украинцы» выступали не только в роли доносчиков, но нередко брали на себя и функции непосредственных палачей Русских галичан: *«Прежде всего, и больше других они виновны... не только как косвенные виновники, побуждавшие австро-мадьярское правительство путем клеветнических доносов к жестокой физической расправе над русским населением Прикарпатья, но тоже как **непосредственные участ-****

ники этого насилия. В нашей мартирологии нередки случаи физического издевательства и террора, чинимых многими из наших так называемых «украинцев»... Русское крестьянское население юго-восточной части Галичины хорошо помнит их кровавые насилия из-за национально-культурных убеждений; и тут виновники мучений и мучители выступают уже в одном партийном лице»⁴²...

Общее количество погибших в результате организованного «украинцами» геноцида Русских в Галиции оценивается в **60 тысяч человек**. Десятки тысяч прошли через специально созданные австрийцами концлагеря, наиболее крупные из них — **ТЕРЕЗИН** и **ТАЛЕРГОФ**.

...Первые же дни войны ознаменовались арестом руководителей и активистов Русских общественных организаций: «Общества им. Качковского», «Народного Дома», «Русской Рады», «Общества Русских дам» и целого ряда других. «Москвофилы», «русофилы» — так с подачи «украинцев» клеймили тех Русских людей, кто не отказался в эту трагическую годину от своего национального имени, не согласился подменить его украинской кличкой. Со всей Галичины их свозили во львовскую тюрьму «Бригидки», многих тут же по приговору военно-полевого суда казнили, в их числе немало священников. Но это было лишь началом кровавого террора. Узник Талергофа Ст. Пехник свидетельствует: «Уже в начале августа 1914 года, во время первой австрийской мобилизации, стали галицкие *украинофилы* распространять заведомо ложные и нелепые слухи о том, что война вызвана «москвофилами», написавшими к Русскому Царю прошение об освобождении их от австрийского гнета, что там где-то задесятыми горами австрийская полиция уже поймала множество шпионов «москвофилов» и т.п. На людей русских убеждений посыпались со всех сторон угрозы и доносы, которые встретили весьма благоприятную почву»⁴³... Другой очевидец, находившийся в это время во Львове, сообщает, что количество доносов со стороны «украинцев» достигало просто чудовищных масштабов: «Знакомый фельдфебель, приделенный к канцелярии штаба корпуса, сообщил мне, что *мазепинцы* прямо заваливают канцелярию письменными доносами. Знакомый почтовый чиновник рассказывал, что

через его руки ежедневно проходили сотни открытых мазепинских писем приблизительно следующего содержания: «Считаю своим гражданским долгом сообщить, что следующие лица... являются рьяными «русофилами»»⁴⁴...

Русских стали арестовывать тысячами, причем нередко по совершенно абсурдным обвинениям.

*Крестьянина села Водники М.И. Зверка, старика 74 лет, арестовали и отправили в Талергоф по доносу односельчанина-«украинца» за то, что в свое время читал газету «Русское слово»⁴⁵... В первых числах августа 1914 г. был арестован и житель села Шоломыя М.К. Кузык. Доставленный в уездную тюрьму в Бобрке, он узнал, что «арестован по доносу односельчан, украинофилов П. Лобы и Гр. Болкота. Вменялось мне в вину сообщничество с православным священником Гудимой и с студенческой молодежью, и что будто бы ко мне часто приезжали из Львова неизвестные темные личности, вместе с которыми я составлял планы и пересылал их в Россию, а дальше, что я выписывал из России кукурузу и рис (в 1913 г., во время страшного голода в Галиции. — С.Р.), распределял их в агитационных целях между крестьян. Донос был подписан обоими упомянутыми **украинофилами** и скреплен печатью сельского правления. Я, конечно, постарался защитить себя от взведенных на меня ложных обвинений. Я показал судебному следователю переводы и фактуры на кукурузу и рис, выписанные мною в 1913 году из Будапешта и Одерберга для распределения между голодающим населением. Должно быть, судебный следователь убедился в моей невиновности и отпустил меня домой». Тем не менее, на следующий день М.К. Кузык был снова арестован и отправлен в Талергоф⁴⁶...*

Но часто не нужно было и повода, доноса любого «украинца» было вполне достаточно:

«Павел Авксентьевич Глебовицкий, настоятель прихода Лесная Слободка Коломыйского уезда, был арестован 18 августа 1914 года. После перевода в уездную тюрьму в Коломые был обвинен в государственной измене за мнимое подстрекательство крестьян против армии во время проповедей и исповеди. Ложные данные для обвинительного акта были представлены местными «украинцами»; следствие и разбирательство производилось в Мискольче, но все-таки военным судом о. Глебовицкий был

оправдан, а потом уже в административном порядке отправлен в Талергоф, а затем в Посейм и Вейц в Штирии. Вернулся домой в 1917 году и умер в 1923 году. Сын его, Николай Павлович, бывший депутат австрийского парламента, умер там же в 1918 году от чахотки, нажитой в австрийской тюрьме»⁴⁷... Крестьянина с. Буковина Василия Кота австрийцы арестовали и отвезли в стрыйскую тюрьму, откуда после полуторамесячного заключения сослали в Грац, а затем в Талергоф. «Причиной ареста послужили наговоры настоятеля прихода из с. Молотова, «украинца» Виктора Соколовского»⁴⁸...

И на основании этих совершенно бездоказательных украинских доносов хватали и хватали ни в чем неповинных Русских людей, тысячами, десятками тысяч! Тех, кого не казнили тут же, загоняли в железнодорожные вагоны, предназначенные для перевозки скота (!), и везли вглубь Австрии, в наспех оборудованные концлагеря. Страшен был этот путь. Очевидец свидетельствует:

«... формировали большие транспорты по 400—500 и даже 700 людей, которых под конвоем сотен солдат, среди крика, гама и побоев тысячной толпы гнали на железнодорожные станции. В товарные вагоны помещали по сто и больше человек, сковывали в цепях по 6—10 и 20 человек разом, так, что никто не мог сделать малейшего движения, ибо цепи введались в тело! Во время езды солдаты без милосердия били по лицу, голове — руками и прикладами. И так, например, священника Михаила Ясеницкого били до тех пор, пока он, окровавленный, не упал на землю. Дня 31 августа 1914 года в транспорте между Львовом и Краковом убили солдаты священника Сохацкого.

Была невозможная жара, но воды не смел просить никто, ибо за то ожидала немедленная смерть!.. Львовский транспорт, ехавший в товарных вагонах, в течение трех дней не получил ни пищи, ни воды. Перепуганные крестьяне плакали и молились. Некоторые интеллигенты пробовали просить воды, но жестоко за то поплатились. Доктора Драгоморецкого бил солдат до тех пор, пока кровь не полилась струей. За что?.. За то, что просил воды! На железнодорожной станции в Новом Санче гусарский майор ворвался в вагон и так долго бил священника Рыхлевского, пока тот окровавленным не упал на землю, лишившись созна-

ния. 17 августа 1914 года транспорт в 34 интернированных должен был идти пешком из Баковичи в Перемышль. В 12 часов дня встретился он с отрядом гонимых (венгерских солдат. — С.Р.). После короткого разговора с комендантом транспорта гонимые вытянули сабли, бросились на транспорт и на месте убили 29 человек!!! Православного священника из Ждыни Горлицкого уезда убил без суда и следствия офицер!

О тех всех муках, которые достались в удел несчастным жертвам, говорить тяжело, и чтобы передать о них — не хватает слов!.. Без воды и пищи 5—7 дней! Священник Ю. Гуменецкий просил у солдата, своего прихожанина, воды, но увы — напрасно! Солдат с слезами в глазах ответил, что им запрещено под строжайшей ответственностью давать кому-нибудь из них воду. «Детище, — сказал священник Гуменецкий, — складываю присягу, что если возвращусь, то дам тебе в пользование десятину земли до тех пор, пока буду жить сам, — дай только воды!..». Напрасно!..

Кто-нибудь мог бы подумать, что пощаду давали женщинам. Жену священника села Турья, 2-жу Ясеницкую, офицер избил до крови!.. 3-жу Веру Драчинскую, племянницу Буковинского вице-маршалка, и учительницу Янину Мардарович, которые были в транспорте на станции Станиславова, дня 30 августа 1914 года схватили германские солдаты, избили до крови, а когда обе упали на землю, обернули их лицом к земле, взяли за ноги и тянули так по грязи и щебню!.. Госпожа Мардарович среди тех издевательств лишилась чувств. Родители обеих смотрели на издеательства над своими детьми»⁴⁹...

А чтобы еще больше распалить огонь русофобии в Галиции, австрийские власти объявили материальное вознаграждение тем, кто доносил на деятелей Русского движения и просто Русских галичан. Священник Мирослав Лысяк из деревни Рыботицкий Посад свидетельствует:

«В первых днях всеобщей мобилизации отправился я с списками своих прихожан в сельское правление. Тут составлялись и проверялись списки подлежащих воинской повинности. Сельское правление было уже в сборе, также присутствовали два **жандарма-мазепинца**. Когда последние удалились в село, я случайно заметил лежащую на полу бумажку. Подняв ее, я познакомился с ее содержанием. Бумагу потерял жандарм.

Было это отношение жандармского управления, в котором сообщалось из Вены, что: 1) за арестование всякого неблагонадежного интеллигента назначается правительством награда в 50 корон; 2) арестование подозреваемого крестьянина награждается суммой 8 корон; и 3) за саботаж, шпионаж, в частности повреждение телеграфной и телефонной сети, полагается строжайшее наказание, лицам же, схватившим преступника или указавшим на него, выдается вознаграждение в сумме 200 корон. Мне стала ясной причина массовых арестов. Распоряжение правительства было понято жандармами и их агентами как средство наживы — благо, момент такой подошел, не следует выпускать его из рук»⁵⁰...

Но не только в качестве австрийских жандармов делали «украинцы» бизнес на крови своих соотечественников:

«В селе Ляховичах Подорожных арестовали крестьян по указанию железнодорожного кондуктора из Стрыя, «украинца» В. Найды, который за освобождение из-под ареста брал от крестьян десять—двадцать корон. Освобожденных записывал Найда за такую же плату «на Украину», уверяя темный народ, что только эти записанные останутся на свободе и в безопасности»⁵¹... Следующий случай показывает нам, с каким цинизмом наживались палачи на своих жертвах: «В первой половине октября 1914 года в селе Княжолуке арестованы по доносу местных мазепинцев пять крестьян и одна крестьянка. Один из арестованных дал доносчику 100 корон и после этого был отпущен на свободу, все же остальные были повешены в селе Выгоде, под мостом. Имена повешенных: Матвей Петрик, Иван Гпайнюк, Осип Фединяк, Дорофей Сосник и Елена Ковердан»⁵²...

С дальнейшим расширением военных действий, а особенно после первых неудач на фронте австрийской армии, поощрение доносительства приобрело еще более масштабный характер. Вот рассказ крестьянина из Городка корреспонденту газеты «Утро России»:

«— На заборах, стенах — всюду висели объявления с расценками: за учителя — столько-то, за священника — столько-то, за крестьянина цена ниже и т.д. И достаточно было одного голословного доноса, чтобы несчастного схватили и бросили в тюрьму либо предали казни... — Вот видите, на этих де-

ревях перед окнами висели заподозренные в «русофильстве». Так прямо на деревьях вешали. Сутки провисят — снимут и других на них же вешают. Много ужасов набрались. Здесь вот обломанная ветка. Повесили одного, обломилась, подтянули его повыше. А тут за углом учителя расстреляли. Поставили к стене, а напротив пять солдат с ружьями. Дважды дали залп, хоть он и упал, — хотите посмотреть?

Пошли. На стене выбито несколько дыр от ружейных пуль. Здесь, на этом месте, со связанными назад руками, подкошенный пулями, свалился несчастный»⁵³...

Очень скоро расправы над Русскими галичанами приобрели характер **массовых убийств** без всякого суда и следствия. Служивший в австрийской армии И. Н. Вовк свидетельствует:

«После сражения у Красного австрийцы отступили за Львов на линию Городок — Яворов. Я стоял со взводом в деревне Подзамче, вблизи Городка. Когда мы, пользуясь временным затишьем, отдыхали, привели к нам нескольких пленных русских солдат, а вместе с ними шестьдесят местных крестьян и около восьмидесяти женщин и детей. Крестьяне оказались жителями сел Цунева, Оттенгаузена и Подзамча. Мне приказали конвоировать узников. По дороге я узнал от солдат-мадьяр, что арестованные ими крестьяне «русофилы»... Наконец мы пришли на место, которое я буду помнить до конца жизни. Чистое поле, на котором вокруг одинокого дерева толпились солдаты. Тут же стояла группа офицеров. Насмешки и крики вроде «русские собаки, изменники» посыпались по адресу ожидавших своей участи крестьян. Вид седых стариков, женщин с грудными детьми на руках и плачущих от страха, голода и усталости детей, цепляющихся за одежду своих матерей, производил такое удручающее впечатление, что даже у одного из офицеров-немцев показались на глазах слезы...

Один из несчастных, парень лет восемнадцати, пробовал было бежать. Вдогонку послали ему пулю. Но его можно считать счастливым, потому, что остальных ожидало еще худшее. Мужчин отделили от женщин и детей и выстроили в ряд вблизи дерева. Женщин же и детей поставили в стороне под караулом. Я ожидал, что их будут судить. Но... несколько минут томительного ожидания — и началась казнь... Солдат-

румын подводил одного крестьянина за другим к дереву, а второй солдат-мадьяр, добровольный палач, вешал. С жертвами обращались самым нечеловеческим образом. Закладывая петлю, палач бил их в подбородок и в лицо. До сих пор я не в состоянии говорить об этой казни без содрогания. Достаточно будет сказать, что всех вешали одной и той же петлей. По истечении пяти минут повешенного снимали и тут же, по приказанию присутствовавшего врача, прикалывали штыком. Женщин и детей австрийцы заставили быть свидетелями страшной смерти. Трупы повешенных сложили в общую могилу и сравняли с землей, чтобы от нее и следа не осталось»⁵⁴...

И такие расправы одновременно проводились по всей Галиции. В издававшемся в 1915 г. при управлении Русского военного генерал-губернатора Галичины «Львовском вестнике» сообщалось:

«В Каменке Струмиловой один священник расстрелян и один арестован, повешено и расстреляно десять крестьян и арестовано свыше ста двадцати крестьян — все по доносу местного униатского священника Михаила Цегельского»... Местечко Репнев венгерские солдаты сожгли вместе с жителями: *«Они окружили селение с четырех сторон и подожгли; бушевавший ветер моментально разнес пламя на все постройки и вскоре селение представляло сплошной костер. Жителей, которые пытались спастись бегством из селения, мадьяры расстреливали. Точно то же самое повторилось и в местечке Бужске, где убито несколько человек и сожжено сто десять дворов с постройками и скотом»*⁵⁵... *«В местечке Каменоброде австрийцы повесили или расстреляли пятьдесят пять человек. Прибывшие туда Русские войска похоронили убитых»*⁵⁶... *«В Добромильском уезде центром для казней стало село Кузьмино. Сюда приводили арестованных Русских галичан со всей окрестности и здесь же вешали. Виселицы были устроены очень просто. В стену одного крестьянского дома вбили ряд железных крюков, на которых затем и вешали несчастные жертвы. В общем казнено здесь тридцать человек, в том числе двадцать из села Бирчи»*⁵⁷... *«В селе Запытове еще до начала войны были арестованы М. Химка и П. Козюба. 29 августа 1914 года сюда явились передовые русские отряды, однако, уже на следующий день ушли об-*

ратно. Сейчас появился в деревне австрийский разъезд. По доносу мазепинца Хомяка, будто бы крестьяне сами пригласили русских в деревню, австрийцы повесили шестнадцать человек, в том числе одну женщину. Крестьянина Цыгана взяли с собой, мучили четыре дня, а когда подошли русские войска, зверски убили»⁵⁸... В иных случаях убийства Русских людей носили совершенно бессмысленный характер: «В деревне Медвежьей произошел следующий случай. Там жил сознательный крестьянин Илья Коваль. Года 2 или 3 назад он умер (т.е. еще до начала войны! — С.Р.), оставив жену с несколькими детьми. Австрийцы, вступив в эту деревню, спросили прежде всего, где живет Коваль (по доносу униатского священника Н. Крайчика), а когда узнали, что он давно уже умер, сказали его жене: «Тогда одевайся ты и пойдешь с нами. Все равно»... Ничего не подозревая, женщина последовала за солдатами, а те, приведя ее в соседнюю деревушку, повесили на дереве вместе с двумя другими крестьянами»⁵⁹...

Русские войска вступили во Львов 3 сентября 1914 г., а после взятия Перемышля (22 марта 1915) вся Галичина оказалась в руках Русской армии. Однако вскоре наступательные операции австро-германских войск свели на нет эти победы: 3 июня 1915 г. немцы заняли Перемышль, 22 июня — Львов. Ужас от перспективы ухода Русских войск и возврата австрийского владычества охватил сотни тысяч галичан. Началось повальное бегство в Россию.

В то время для въезда в пределы Российской Империи полагалось получить пропуск. Пропуска выдавали в канцелярии Галицкого генерал-губернатора, а также у градоначальника, губернаторов, начальников уездов. Только за последнюю неделю перед оставлением Львова канцелярией генерал-губернатора было выдано 10 926 пропусков. Как сообщает отчет канцелярии, коренные жители края «выезжали массами», и если раньше при выдаче пропусков полагалось проверять благонадежность выезжающего, то сейчас пропуска выдавались в спешке всем желающим, кроме евреев. А в самый момент отхода армии стало вообще не до формальностей — десятки тысяч беженцев в панике покидали родные места, справедливо ожидая повторения диких и ужасающих расправ, которые, действительно, и последовали. А.И. Дени-

кин, рассказывая в своих мемуарах о генерале С.Л. Маркове, пишет: «Помню дни тяжкого отступления из Галичины, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется, через Стырь, у которого скопилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев»⁶⁰...

Всего до 200 тысяч галичан вынуждены были покинуть родные места. Большую часть их разместили в левобережной Малороссии — Полтавской и Черниговской губерниях. Все без исключения сахарные и винокуренные заводы, крупные имения и фабрично-заводские предприятия принимали и размещали этих беженцев целыми группами, доходящими иногда до несколько сот душ. Все они получали пособие, достаточное, чтобы существовать, не голодая и не холодая. Работоспособных обеспечивали работой. Зарплату они получали наравне с местным населением, что не отражалось на получении правительственного пособия. Множество бежавших галичан нашли приют в Ростове-на-Дону. Здесь их численность доходила до шести тысяч человек. Горячее участие в их судьбе принимали как друзья из России, так и Русские галичане, успевшие выехать из Галиции до начала войны. Среди них был С.Ю. Бендасюк, принявший в 1914 году Православие в Харькове. Возглавил Русское беженство в Ростове-на-Дону лидер галицко-русского национального движения В.Ф. Дудыкевич (1861—1922). Примечательно, что в городе была открыта даже специальная гимназия для Русских галичан, оставившая добрую память у тех, кто в ней учился.

Но уехали далеко не все. Многие не смогли или не захотели покинуть родные места — и глубоко об этом пожалели. Приход австрийцев ознаменовался новым витком изуверского истребления Русских галичан. И снова вдохновителями этого истребления стали «украинцы». Показателен здесь следующий случай, изложенный на страницах «Талергофского альманаха» Василием Мартинюком:

«Когда русские войска отступили с Карпат за Львов и окопались над рекой Бугом, наступающие вслед мадярские

военные части принялись за жестокую работу по уничтожению и искоренению русского элемента в Восточной Галичине, а преусердно **помогали им в этом свои же отщепенцы-иуды**. В нашем селе (Таданье) несколько семейств, собрав свои пожитки, готовились уехать вместе с русской армией, однако, послушавшись злонамеренного совета и заверений нескольких односельчан, остались дома, за что расплатились потом жизнью. Итак, директор местного училища, ярый **украинофил Пекарский**, уговорил бывшего тогда войтом Григория Наконечного не уезжать. Наконечный упросил русские военные власти оставить в покое Пекарского, когда они намеревались сослать последнего в Россию, а потому и поверил коварным уверениям его насчет своей безопасности. Но как только 20 июня 1915 года вступили в Таданье мадьяры, в тот же день появился на громадском доме приклеенный список «русофилов», наших односельчан, причем другой такой же список находился на руках у директора **Пекарского**, который составлял его вместе с лесничим Кромером». В списке оказалось четырнадцать человек, в их числе и Григорий Наконечный. Всех их отогнали в село Новый Став, где большинство приговорили к смертной казни. «Приговор был основан на сделанных под присягой показаниях свидетелей: лесничего Яна Кромера, учителей **Романа Пекарского** и Луки Краевского, ксендза Николая Кульчицкого, Михаила Шмидта, Тадеуша Дяковского, Захария Иверльнинга и Бомбеля.

Войт Григорий Наконечный был повешен в селе Жолтанцах, при дороге, ведущей из Каменки во Львов, причем к ногам трупа был привязан солдатский котелок, наполненный камнями, а к груди надпись: «за рубли». Проезжающие дорогой солдаты варварски надругались над трупом. На просьбу жены покойного командование разрешило через несколько дней похоронить покойника, но когда сын его явился с подводой, чтобы снять отца с дерева и отвезти домой, его схватили мадьяры и избили до потери чувства. В конце концов, покойного похоронили на кладбище в селе Жолтанцах.

Дмитрия Мотыля и Ивана Портухая повесили на одном и том же суку. Первый оставил жену и троих детей, второй жену с сыном и старуху мать. Их похоронили в братской могиле в с. Дернов Каменецкого уезда, по приказанию мадьяр — головами

к югу, а ногами к северу, чтобы по выражению палачей, удобнее им было по смерти смотреть на Россию.

Через день повесили Федора Мартинюка, члена многих Русских обществ, прослужившего свыше тридцати лет старшим братом при церкви в селе Таданы. Старший его сын находился в то время на военной службе, а невестка была интернирована в Талергоф, так что трое малолетних внучат остались на произвол судьбы. Мартинюка повесили и похоронили в селе Томаче, Жолковского уезда, вместе с Василием и Екатериной Гренками. Феофана Гуралья повесили день спустя после казни Гренок. Место его казни и погребения неизвестны. Он оставил жену и шестеро детей»...

Тех, кого не казнили, отправили в Талергоф. «К ним принадлежал, прежде всего, Семен Гавришков, 78-лет, член многих русских обществ, называемый в деревне «москалем», так как он еще в юности выучился русскому литературному языку и любил при случае пощеголять своим знанием, что и послужило причиной его ареста и смерти, постигшей его в Талергофе среди страшной нужды в 1916 году. Кроме него были арестованы и сосланы в Талергоф: Никита Гавришков, Дмитрий Портухай (переведенный потом из Талергофа в Гминд, а наконец, в Енцесдорф, где он и умер в 1916 году), Иван Гренка, Роман Савяк, Михаил Подкостельный с сыном Василием и Степан Ковалюк, причем Дмитрий Портухай тоже умер в заключении, оставив шестеро круглых сирот (так как жена его умерла еще в 1914 году), а Никита Гавришков умер уже дома, в несколько недель после возвращения из Талергофа»⁶¹...

* * *

В тот момент, когда в Галиции, по наводке и науськиванию «украинцев», зверски убивали Русских людей или бросали их в концлагеря, по другую сторону фронта, в России прогрессисты-социалисты разных мастей (иные даже не стеснялись называть себя «русскими патриотами») — продолжали с пеной у рта защищать тех же «украинцев», в упор не замечая фактов чудовищного геноцида своих соотечественников. Так, П.Н. Милюков на заседании кадетского ЦК 5 октября 1914 г. (когда все газеты России описывали ужасающие подробности казней и убийств Русских гали-

чан и подлую роль в этом «украинцев»), не нашел ничего лучшего, как выразить свое возмущение по поводу... нет, не массового убийства Русских, а того, что Русские оккупационные власти Галиции, — *в условиях военного времени и прифронтовой полосы!* — предприняли ряд ограничительных мер против шпионов и заведомых предателей. Милюков даже *не заметил* гибели десятков тысяч ни в чем неповинных Русских людей, зато заметил, что в Галиции «изъемятся книги на украинском языке, закрываются всевозможные общества... ликвидируется все то, чего добились украинцы от поляков долгою борьбою за свои национальные права (*вот ведь как — «добивались от поляков», а не жесточайшей борьбой против своих Русских сограждан. — С.Р.*), и таким образом создается почва для новой борьбы, но уже не против поляков, а против обрусительного националистического курса нашей бюрократии»⁶²...

«Обрусительная политика» в отношении... *Русского населения?! — можно ли придумать что-либо более нелепое, и тем не менее, подобному бреду «демократа №1» внимали миллионы образованных людей, воспринимая его лживые рассказы за истину в последней инстанции. И если бы только его... Заявление министра иностранных дел России С.Д. Сазонова в Государственной Думе 27 января 1915 г. о том, что «в Галиции на присылаемые из Берлина деньги искусственно поддерживалось так называемое украинское движение с целью внести раскол в самое сердце русского народа», немедля вызвало отповедь со стороны лидера меньшевистской фракции Н.С. Чхеидзе, обвинившего правительство в том, что «разрешение национальной проблемы в Галиции производится путем обычных приемов насильственной русификации населения»⁶³... Как видим, снова бредовый тезис о «насильственной русификации» Русского же населения!.. А между тем, в действительности политика Русской администрации как раз и страдала отсутствием всякого «русификаторства»...*

Да, сразу же после взятия Львова была остановлена работа украинской школьной системы, печати, издательств, библиотек, книжных магазинов, клубов «Просвиты» и многих кооперативов, — но эти меры диктовались исключительно условиями военного времени. Ведь вся сеть этих учреждений

была организована политической силой, не просто лояльной австрийскому правительству, т.е. правительству государства, с которым Россия находилась в состоянии войны, но и открыто провозглашавшая Россию *своим главным врагом*. Руководящие центры галицких украинских партий после падения Львова эвакуировались в Вену, но остались подпольные структуры, которые вместе с СОУ ставили своей целью всячески мешать продвижению Русских войск, собирать разведывательные данные, саботировать действия Русской администрации, организовывать террористические акты. В частности, покушения готовились на временного генерал-губернатора Галиции графа Г.А. Бобринского и лидера Русских галичан В.Ф. Дудкевича. В подпольную работу были вовлечены активисты украинских просветительных организаций, хозяйственные и финансовые деятели, учителя и духовенство. Местами конспиративных встреч служили дворец униатского митрополита Андрея Шептицкого и центральное здание «Просвиты» во Львове, служебные помещения страховой компании «Днестр», Украинского ипотечного банка и общества «Народная торговля». Эти экономические организации и финансировали украинское подполье. Русская контрразведка располагала обширными данными о такого рода деятельности и за короткое время выявила 67 прямых агентов украинских подрывных организаций⁶⁴. Поэтому многие из галицких «украинцев» были арестованы и высланы в глубь России, в их числе и митрополит Шептицкий (вначале в Курск, затем Суздаль). Но их не бросали в концлагеря, не науськивали на них разъяренную толпу, не рубили саблями прямо на городских улицах и не вешали среди поля без суда и следствия. Их даже не предали военно-полевому суду, хотя все они несли прямую ответственность за убийство сотен и тысяч Русских людей, и недостатка в свидетелях этого чудовищного преступления не было. Но Русская власть не стала разбираться с преступниками, ограничившись административной высылкой главарей и наиболее одиозных фигур... Называть подобную политику «угнетением» могли лишь зловредные лгуны, вроде Милюкова и Чхеидзе. Напротив, политика Русских оккупационных властей в Галичине в национальном вопросе была неоправданно вялой и непоследовательной...

На подъеме военных успехов 1914 г. в Галиции было образовано Галицкое генерал-губернаторство. Военным генерал-губернатором был назначен граф Георгий Александрович Бобринский, троюродный брат Владимира Алексеевича Бобринского, известного своей последовательной защитой интересов Русских галичан еще с довоенного времени. Канцелярия военного генерал-губернатора начала работу 5 сентября, через день после взятия Львова, а завершила 14 июня 1915 г. По мере дальнейшего занятия территории Галичины и Буковины Русскими войсками были образованы сначала две губернии, Львовская и Тернопольская, затем к ним прибавились Черновецкая и, наконец, Перемышльская. Губернии разделялись на уезды. *«В этих землях коренное население всегда было Русским, устройство их посему должно быть основано на Русских началах»*, — заявлял граф Бобринский, но сделано было для этого ничтожно мало. Политика Русских властей, построенная по принципу «без коренной ломки существующего строя», объективно продолжала сохранять в крае господствующие позиции польского католицизма. Так, в уездах западной Галиции «ввиду преобладания среди местного населения польского элемента» на все должности назначались лица польского происхождения. И хотя их подбирали из числа Русских подданных, дела это не меняло: сохранение господствующего положения за поляками предопределяло угнетенное положение Русских. Для защиты их интересов Русская власть сделала слишком мало. Правда, администрация готовила открытие государственных Русских школ вместо украинских, для чего в пяти городах Галиции организовала двухмесячные курсы Русского языка для учителей, а для желающих получить более солидную преподавательскую подготовку — льготные условия поступления на пятимесячные курсы в Петрограде. Помимо этого намечалось перевести во Львов университет из Варшавы с преподаванием на Русском языке, но все это так и осталось в стадии проектов. Понятно, что деятели Русского национального движения в Галичине, пережившие страшный террор и ожидавшие, что с приходом Русских войск ситуация в крае кардинальным образом поменяется, были

глубоко разочарованы и упрекали официальные органы в «нерешительности». И эти упреки были справедливы.

... А «украинцы» тем временем продолжали свою подрывную деятельность против России. Хозяева и спонсоры были прежние — немцы. В марте 1916 г. германским послом в Швейцарии Г. Ромбергом была сконструирована и профинансирована «Лига нерусских народов России». Ее украинскую секцию возглавили Д. Донцов (покинувший СОУ) и В. Степанковский. Оба работали в постоянном контакте с Г. Ромбергом и регулярно под расписку получали у него деньги за работу. «Лига» имела свои печатные издания, через которые и распространяла по миру злобные пасквилы о России, изображая ее «тюрьмой народов», в отличие от «культурных европейских стран» — Германии и той же Австрии.

Продолжалась деятельность и «Союза освобождения Украины». Убедившись в том, что сил для организации терактов и саботажа в тылу Русских войск у СОУ явно недостаточно, немцы решили сосредоточить все его усилия на работе с военнопленными — выходцами из Малороссии. Малороссов выделили из числа прочих Русских пленных и разместили в отдельных лагерях. По данным Департамента полиции «члены Союза освобождения Украины Жук (казначей союза), Дорошенко, Гавриленко и Лев Ганкевич посещали эти лагеря и вели пропаганду. Гавриленко в 1915 году производил перепись всех украинцев южных губерний России в лагере Шамория и Фрайштадта. Гавриленко и Дорошенко говорили пленным, что Украина должна отделиться от России при содействии Германии и Австрии и образовать отдельное государство под названием «Украйна» во главе с каким-либо германским принцем»⁶⁵. Также при содействии СОУ немецкая и австрийская администрация образовали в лагерях организацию, которую называли «Украинская Сечь». Свидетели рассказывали, что всем, кто записывался в «сечевики», обеспечивали лучшие условия существования, чем остальным военнопленным. Им была передана лавочка, они стали распределять между собой получаемые продукты, завели свою кухню, обучались военному строю, были у них и свои «офицеры». «Сечевики» получили «жовтоблакытний» флаг и особую «казачью» форму — «широкие штаны с крас-

ными лампасами, желтая рубашка, тужурка синяя с оборками сзади, папаха, суживающаяся кверху с прилепленной на ней трехзубой кокардой»⁶⁶.

Позже из этих ренегатов немцы организовали «1-й Украинский полк им. Тараса Шевченко», поставили на полный паек и даже жалование в 15 марок. «Полк» использовался для охраны концлагерей с Русскими военнопленными. К концу войны немцы сформировали две неполных украинских дивизии — «синезупанников» и «серозупанников» (называли их так за форму — синие и серые зупаны) для отправки в Малороссию, к тому времени уже оккупированную Германией. Летом 1918 г. «зупанников» доставили в Киев, но вскоре большинство их дезертировало и разбежалось по домам.

Автор «Неизвращенной истории Украины-Руси» Андрей Дикий дает общую цифру военнопленных-малороссов 400—500 тыс. человек и указывает, что из этой полумиллионной массы не нашлось добровольцев больше, чем на две неполные «украинские» дивизии⁶⁷. Да и для большинства из этих «зупанников» предательство носило вынужденный характер: стремление облегчить условия лагерного существования и добиться скорейшей отправки домой вынуждали записываться в «украинцы». Но численность таковых была ничтожно мала в сравнении с общим количеством пленных — выходцев из Малороссии, и это численное соотношение лучше всяких рассуждений характеризуют высокую степень этнического сознания малороссов. В отличие от своих нынешних потомков, они не только прекрасно знали, что они — **Русские**, но и под неприкрытым давлением не соглашались изменить своей природной национальности. Даже жестокие условия концлагеря и назойливо предлагаемый украинскими агитаторами «улучшенный паек» не могли заставить их отступить от своей принадлежности к Русскому Народу и отречься от своей Родины — России...

А «украинцы» за свою верную лакейскую службу Центральным державам, кроме улучшенного «пайка», никаких иных дивидендов не извлекли. Все их требования Германией и ее союзниками были проигнорированы... Поначалу, конечно, все складывалось как нельзя лучше. Отступление

Русской армии из Галиции вызвало в украинском лагере небывалый энтузиазм. На волне этой эйфории лидеры галицкого «Главного украинского совета» преобразовали свою организацию в «Общеукраинский совет», руководимый К. Левицким. В него, помимо галицких и буковинских политиков, организаторы включили и деятелей СОУ как представителей российской Малороссии, а затем, обратившись «ко всем народам цивилизованного мира», заявили, что *ставят своей целью разрушение с помощью австро-германского блока Российской Империи и образование там независимого украинского государства, а в пределах Австро-Венгрии — осуществление национально-территориальной автономии украинских земель.* (Вот ведь как: если на территории России, то непременно — «независимое украинское государство», а в Австро-Венгрии — удовлетворимся и «автономией»)... Угнездившись во Львове, «Общеукраинский совет» возобновил довоенное требование к австрийскому правительству об административном разделении Галиции на «украинскую» и польскую части. Стали даже требовать присоединения к Восточной Галиции Холмщины и Волыни, открытия украинского университета и т.д. В Берлине и Вене поняли, что лакеи *нагледят* — и указали им их подлинное место. 5 ноября 1916 г. правительства обоих немецких государств выступили с совместной декларацией об образовании на занятой ими территории России Королевства Польского, к которому позднее и должна была быть присоединена Галиция в качестве автономного края. Присоединена *целиком*, без разделения на национальные части, как того просили «украинцы», т.е. по-прежнему под польским господством и при полной польской гегемонии...

«Украинцы» остались с носом. Они, конечно, попытались хоть что-то выклянчить у своих хозяев, но на их униженные просьбы никто не отреагировал. Видя безрезультатность этих попыток, «Общеукраинский совет» объявил о самороспуске. Что, впрочем, не прервало украинской службы во имя немецких интересов: время для поиска иного *хозяина* еще не наступило...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БРОСОК ХИМЕРЫ

Глава 3. Бесы революции в «украинской» драпировке. Пролог (март 1917 — март 1918)

Революционные события 1917 года главным своим следствием имели не только крушение России как государства, но и тотальное разрушение тысячелетних основ жизни Русского народа, что, в свою очередь, на целое столетие предопределило его моральную и физическую деградацию, а также его безудержную эксплуатацию и угнетение. По точному определению О. Платонова: *«Революция 1917 года имела не социальный, а национальный, антирусский характер. Она была направлена против Русской цивилизации и ее носителя — Русского народа»*¹. Свидетель и участник тех далеких событий товарищ (заместитель) обер-прокурора Св. Синода князь Н.Д. Жевахов в своих «Воспоминаниях» следующим образом определяет устремления либерально-революционного лагеря: *«Задача революции 1917 года заключалась в уничтожении России... Каждый «правительственный» шаг, каждый декрет и распоряжение узурпаторов власти имели в виду развалить Россию в наискратчайший срок... Программа развала России разыгрывалась как по нотам. Сначала мобилизация преступников с их штабом — Государственной Думой, каковая долж-*

на была выдавать революционные вождения своих членов за подлинный голос народа и, дискредитируя Царя и министров, парализовать государственную деятельность правительства. Затем штурм правительства и свержение Царского Трона, образование из глупых честолюбцев и сознательных масонов нового, так называемого «Временного правительства» и рядом с ним специального контрольного аппарата в виде «Совета солдатских и рабочих депутатов» с Лейбой Бронштейном во главе, затем еще шаг вперед — отчаянная борьба между ними, победа Бронштейна, упразднение Думы и «Временного правительства», сыгравших свою роль и переставших быть нужными... и, в заключение, предопределенное заранее к разгону «Учредительное Собрание»²...

Революционная программа развала России осуществлялась через ряд конкретных мер. Так как страна находилась в состоянии тяжелейшей войны с Германией и ее союзниками, первый удар был нанесен по Русской армии. 1 марта 1917 г. появился так называемый *Приказ №1*. Согласно ему, руководство военными частями переходило в руки выборных представителей от нижних чинов, вследствие чего все решения генералитета и офицерства ставились под контроль этих самозванных представителей. Военная дисциплина, четкое подчинение нижестоящих вышестоящим отменялись. Таким образом армия была превращена в недисциплинированный сброд и стала важнейшим орудием разрушения государственного порядка. Приказ №1 был издан еще до свержения Царя и являлся ничем иным, как актом *государственной измены*. Под ним стояла подпись «Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», созданного, буквально, за сутки до этого из случайного сборища революционного отребья.

Несмотря на демократическое наименование, Совет не имел в своем руководстве ни «рабочих», ни «солдат», а тон в нем задавали прожженные русофобы и масоны: Чхеидзе (председатель), его заместитель Керенский (Аарон Кирбис), а также члены его Центрального Комитета евреи Гурвич (Дан), Гольдман (Либбер), Гоц, Гендельман, Розенфельд (Каменев). Были еще один поляк и один армянин. Русских не было. Секретарем Петросовета стал связанный с немецкой разведкой масон и социал-демократ Н.Д. Соколов, па-

раллельно выполнявший секретарские обязанности и при Верховном Совете российских масонов. До сих пор историкам так и не удалось выяснить, *кто же конкретно* составил этот преступный приказ. Доподлинно известно лишь то, что опубликован он был стараниями Н.Д. Соколова. В ночь с 1-го на 2-е марта приказ был отпечатан в огромном количестве экземпляров и отправлен на фронт. Примечательно, что одновременно он поступал в Русские войска и с *немецкой стороны*. Бывший тогда председателем Государственной Думы М.В. Родзянко не сомневался в его немецком происхождении и в доказательство приводил свидетельство генерала Барковского, который прямо заявил ему, *«что этот приказ в огромном количестве был доставлен в распоряжение его войск из германских окопов»*³.

Массовое опубликование «приказа №1» превратило Русскую армию из самой мощной в мире в многомиллионное стадо деморализованных солдат, не способных к выполнению боевых задач. Эта неспособность проявилась уже через три месяца, когда попытка наступления 18 июня позорно провалилась и повела к отступлению на всех фронтах. Отступление сопровождалось массовой расправой над офицерами, грабежом и убийством мирных жителей. С этого момента стало совершенно очевидно, что благодаря действиям внутренней «пятой колонны» Россия обречена на военное поражение...

Но страна лишилась не только армии. Полному разгрому подверглись и органы государственного управления. Их функции были переданы земствам, руководство которых было почти сплошь масонским. Губернаторы заменялись земскими деятелями, градоначальники — городскими, полиция — собранием из разного сброда и дезертиров — милицией. Земские органы, не приспособленные к такого рода деятельности, к тому же переполненные откровенно подрывными элементами, в короткий срок довершили ликвидацию государственной власти России. Сами участники этого разрушительного процесса впоследствии признавали его очевидно преступный характер. Масон Н.Н. Суханов в своих записках отмечал, что в результате *«деятельности Временного правительства никакого управления, никакой*

органической работы центрального правительства не было, а местного — тем более. Развал правительственного аппарата был полный и безнадежный»⁴... Еще один записной либерал Милюков: «Всюду царил полная неразбериха, ибо ни у руководителей ведомств, ни у правительства в целом не было никакого определенного систематически осуществляемого плана. Ломали все старое, ломали из призрачного страха возврата к старому, ломали, не думая о завтрашнем дне, с какой-то безумной поспешностью всё то, о чем сейчас начинается сокрушаться весь русский народ»... Ломали, конечно, не из «страха» (здесь Милюков намеренно лжет), а вполне осознанно и целенаправленно, запоздалые же «прозрения» фабриковались с единственной целью оправдать себя задним числом, и рассчитаны были исключительно на «профанов». Да и ни к чему, кроме тотального разрушения, творцы Февральской революции не были способны. Еще один очевидец событий Мглинский подводит объективный итог деятельности российских адептов «европейской демократии» и «общечеловеческих ценностей»:

«Всего несколько месяцев, как известно, продержалось Временное Правительство у власти — это правительство, составленное из красы и гордости русской прогрессивной общественности. Сдавая постепенно позицию за позицией социалистам, русская общественность довела страну до большевизма гораздо скорее, чем это ожидали самые заядлые пессимисты того времени. За кратковременное свое существование Временное Правительство все же успело:

Попрать всякую в стране свободу, всякое право и всякую справедливость.

Разрушить воинскую дисциплину и тем уничтожить совершенно всякую боеспособность в русской армии.

Нанести удар важнейшему устою общественной жизни — праву собственности. Словом, решительно всё, ради чего прогрессивная общественность вовлекла доверившийся ей народ в революцию, всё оказалось ложью и обманом.

Манили свободами и правовым порядком — привели к худшей форме крепостного права, бессудию и террору.

Манили землю — на деле отняли хлеб и довели до голодной смерти.

Обещали победу — привели к разрушению армии, неслыханному бесчестию и позорному миру.

Восхваляли народовластие, а учинили деспотию III интернационала.

Свергли Царя за то, что не хотел дать ответственное министерство и прервал сессию Государственной Думы, а сами вовсе упразднили Государственную Думу и всю власть законодательную, исполнительную и даже судебную сдали на руки безответственных людей»⁵.

И всё это в условиях тяжелейшей войны, потребовавшей крайнего напряжения сил страны и огромных материальных и людских жертв. Только недоумки и заведомые *предатели* могли решиться в столь тяжелый для страны момент разрушить государство, устраивая революцию. Но именно таковыми и являлись все эти милюковы, чхеидзе, кирбисы—керенские и прочие представители «прогрессивной общественности».

Сознательный развал «февралистами» государственных институтов привел и к резкому ухудшению экономической ситуации. За шесть месяцев правления Временного правительства, с марта по ноябрь 1917 года, в стране закрылось свыше 800 промышленных предприятий. Резко сократилась валовая промышленная продукция. В 1917 году ее объем уменьшился в сравнении с предыдущим годом более чем на треть. Значительно упала выплавка чугуна. В октябре 1917 года из 65 домен Юга России работали только 33, со средней загрузкой на 65%. Были погашены 47 из 102 имевшихся мартеновских печей. До кризисного состояния был доведен железнодорожный транспорт. Средняя еженедельная погрузка упала с 70 тыс. вагонов в январе 1917 года до 43 тыс. в ноябре.

Но еще более серьезное положение сложилось в духовной сфере. Атмосфера всеобщего разложения, предательства и национального распада, внесенная в общественную жизнь масонскими конспираторами, парализовала всякую созидательную деятельность, породив массовую безответственность и шкурничество. Десятки газет и журналов, подконтрольных масонским и леворадикальным центрам, постоянно отравляли сознание народа чудовищной клеветой о жизни Царской Семьи, Царского правительства, генера-

литета и офицерства. Осуществлялось целенаправленное натравливание простых людей на высшие слои общества. По стране покати́лась волна диких погромов и ничем не мотивированных убийств представителей правопорядка и государственных органов. Злобному поношению подвергалась Православная Церковь и Ее епископат. Под кличи и заклинания о «свободе» и «братстве» рушились не только устои общества, но и всякая нравственность и мораль. Народ превращался в толпу, человек — в зверя. Уже первые дни революции со всей полнотой проявили эту чудовищную нравственную деградацию. С 27—28 февраля Петроград оказался в руках подрывных и просто уголовных элементов, а также пьяной солдатни. Очевидцы рассказывали, что толпы вооруженных и большей частью пьяных солдат и матросов врываются в дома, проверяли документы, отбирали оружие у офицеров и попутно крали, что могли. «Пьяные солдаты, без ремней и расстегнутые, с винтовками и без, бегали взад и вперед и тащили все, что могли, из всех магазинов. Кто бежал с куском сукна, кто с сапогами, некоторые, уже и так совершенно пьяные, тащили бутылки вина и водку, другие все замотались пестрыми шелковыми лентами. Тут же бегал растерянный жид-ростовщик, бабы и гимназистки. Ночью (27 февраля) был пожар в одном из самых больших магазинов, во время которого в погребе угорели пьяные солдаты»⁶.

Дальнейшее «развитие революции» еще более усугубило массовый психоз и всеобщее моральное одичание. Князь Жевахов рисует типичную картинку тогдашнего революционного Петрограда:

«Пользуясь промежутками между выстрелами, почти непрерывно раздававшимися на улице, я то и дело подходил к окну своей квартиры, и вот что я увидел. Перед окнами проходила одна процессия за другой. Все шли с красными флагами и революционными плакатами и были увешаны красными бантами... Вот прошла процессия дворников; за нею двигалась толпа базарных торговков; отдельную группу составляли горничные, лакеи, приказчики из магазинов... Все неистово кричали и требовали увеличения жалованья; все были пьяны, пели революционные песни и грозили «господам»; все были куплены, наняты за деньги, все выполняли данное им задание...

К ним примыкала уличная толпа, дети и подростки, визгом и криками создававшие настроение крайней озлобленности и безграничной ненависти. Это была типичная картина массового гипноза; это было нечто непередаваемо ужасное. Стоило бы крикнуть какому-нибудь мальчишке: «бей, режь», чтобы эта обезумевшая толпа взрослых людей мгновенно растерзала бы всякого, кто подвернулся бы в этот момент, и сделала бы это с наслаждением, с подлинной радостью. На лицах у всех была видна эта жажда крови, жажда самой безжалостной, зверской расправы, все равно над кем... Это было зрелище бесноватых, укротить которых можно было только пальбою из орудий...

И, глядя на эти ужасы, я боялся не столько ареста, сколько этой зверской расправы обезумевшей толпы, тем более что, по слухам, уже многие сделались ее жертвами, и кровь лилась безостановочно... Так, передавали, что на Выборгской стороне какого-то генерала разрубили на куски и бросили в Неву; на Обводном канале зверски замучено несколько офицеров и пр.»⁷...

Таковы были первые и непосредственные результаты «бескровной» Февральской революции...

* * *

Вся деятельность ее вожаков планомерно готовила почву для захвата власти партией большевиков, леворадикальной секты, которая даже не находила нужным скрывать своих истинных намерений за «патриотическими» лозунгами, изначально выступив за *поражение* своей страны в начавшейся мировой войне и превращение ее в «*войну гражданскую*». Эта изменническая программа щедро оплачивалась Германией и ее союзниками, со спецслужбами которых Ленин и его единомышленники поддерживали интенсивные контакты и на покровительство которых всегда могли рассчитывать. Когда в начале войны Ленин и Зиновьев (Апфельбаум) случайно были арестованы как российские граждане, находившиеся на территории Австро-Венгрии, их немедленно освободили по личному распоряжению австрийского министра внутренних дел. Российские большевики, оказавшиеся на австрийской или германской территории, немедленно отпускались, когда устанавливалась их принадлежность к

ленинской партии. Например, Н.А. Бухарин, арестованный в Тироле австрийской полицией, был сразу же освобожден, когда отрекомендовал себя сторонником Ленина.

Изменники честно отработывали свои тридцать сребренников. 29 марта 1915 года газета «Социал-демократ», выходящая в Женеве, опубликовала резолюцию конференции заграничных секций РСДРП, в которой прямо говорилось, что превращение современной войны в «войну гражданскую» есть единственно правильный лозунг момента: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации *поражения этой страны*. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство... и *облегчает гражданскую войну* против правящих классов. *В применении к России это положение особенно верно*»⁸.

На подготовку этого поражения и была направлена вся деятельность ленинской партии в годы войны, а немцы не жалели денег для ее поддержки.

Летом 1917 года Русская контрразведка арестовала связную между немцами и Лениным Е.М. Суменсон, которая на допросе призналась, что продала на 20 млн. рублей немецких товаров в России, что деньги от продажи товаров перечислялись ею на счета ленинских соратников Фюрстенберга (Ганецкого) и Козловского. Следствие установило факты регулярной переписки между Суменсон, Коллонтай, Козловским, с одной стороны, и Ганецким (Фюрстенбергом) и Парвусом — с другой.

Парвус — еще один видный немецкий агент. Собственно, «Парвус» — лишь литературный псевдоним одесского еврея Израиля Лазаревича Гельфонда (Гельфанда). В 1895—1896 гг. он участвовал в одесских революционных кружках, затем вступил в РСДРП. Отметился в революции 1905—1907 гг., за что был сослан в Туруханск. Отсюда бежал в Германию, со спецслужбами которой и стал активно сотрудничать. Уже перед войной Гельфанд—Парвус разъезжал со «специальными миссиями» по всей Европе и даже Турции, ведя агитацию в пользу Германии и ее союзников. После начала боевых действий его активность многократно возросла.

Переписка Парвуса с Лениным имела своим содержанием якобы коммерческие сделки и денежные операции, но следователи пришли к однозначному выводу, что переписка таких «коммерсантов», как Ленин, прикрывала собой сношения шпионского характера. Было также установлено, что некоторые Русские банки, в том числе Азовско-Донской, получали из скандинавских банков — «Ниа Банка» и готтенбергского «Хандель-банка» — крупные суммы, выплаченные разным частным лицам, причем в течение только полугода Е.М. Суменсон со своего текущего счета взяла 750 тыс. рублей.

На немецкие деньги партия большевиков содержала тысячи партийных функционеров, проводивших подрывную деятельность среди солдат и рабочих. Сразу после свержения Царя большевики стали печатать в Петрограде газету «Правда» тиражом около 200 тыс. экземпляров. В месяц на ее издание они расходовали 150–200 тыс. рублей. К этому следует добавить выпуск многочисленных прокламаций и брошюр, направленных на разложение армии и подрыв ее боевого духа. В целом на свою деятельность большевики в этот период тратили не менее полумиллиона рублей в месяц. Это позволило значительно увеличить партийные ряды. Если в феврале 1917 г. в партии Ленина числилось около 23 тыс. человек, то в апреле — уже 100 тыс., в августе — 240 тыс., в начале октября — 350 тыс. Партия, заявлявшая себя представительницей «рабочего класса и трудового крестьянства», являлась *самой богатой* не только среди революционных, но и «буржуазных» партий того времени. Вчерашняя малоизвестная секта в считанные месяцы превратилась в наиболее влиятельную и массовую политическую силу страны.

Примечательно, что открытое разоблачение Ленина и его единомышленников в качестве *немецких агентов* не вызвало никаких карательных мер со стороны Временного правительства. Оно так и не осмелилось довести дело до открытого суда, опасаясь разоблачения связей с немцами и лиц, причастных к самому Временному правительству. При тщательном изучении каналов, по которым шли деньги большевикам, следователями Временного правительства и помогавшими им сотрудниками французской разведки было установлено, что не только большевики получали немецкие

деньги, но и представители так называемых «прогрессивных партий» (кадеты, трудовики и пр.). Как сообщал сотрудник французской разведки Л. Тома, «именно торговые книги «Ниа Банка» позволили нам обнаружить *тайную сделку, которая существовала между Германией и большевиками*. Увы! Там же мы нашли много другого и, в частности, вещественные доказательства в форме чековых книжек, которые перед революцией марта 1917 г. службы немецкой пропаганды использовали для *оказания поддержки борьбе русских прогрессивных партий против царизма*»⁹...

Таким образом, уже с февраля воюющая Россия находилась во власти сознательных предателей и изменников. Октябрьский переворот 1917 года лишь оформил переход власти от одной их группы к другой.

Само возвращение Ленина и его соратников в Россию из Швейцарии в марте 1917 г. было спланировано германским Генеральным штабом как подрывная акция по разрушению военной и экономической мощи неприятеля. Немецкие власти предоставили Ленину и следовавшей с ним группе граждан враждебной державы — большевиков, бундовцев и других «интернационалистов» — специальный вагон для переезда в Россию. Три двери этого вагона после посадки Ленина и еще 29 пассажиров были запломбированы, а четвертая, задняя, осталась открытой. Вагон охраняли немецкие солдаты и на всем пути следования от станции к станции его пропускали в первую очередь. С Лениным (по матери Бланк) ехали его жена, Н. Крупская, и любовница, И. Арманд, а также ближайшие соратники Апфельбаум (Зиновьев), Собельсон (Радек), Вольдин (Сафаров), Гирш Бриллиант (Сокольников) и др. Именно пассажиры пломбированного вагона и составили костяк будущего большевистского правительства — Совнаркома. В помощь им чуть позднее немецкие спецслужбы перебросили через территорию Германии целый эшелон «интернационалистов».

Уинстон Черчилль в своей речи в палате общин 5 ноября 1919 г. следующим образом оценивал эту акцию: «Ленин был послан немцами в Россию точно так же, как если бы послали склянку с культурой тифа или холеры, для того, чтобы она была влита в воду, питающую большой город, и это подейство-

вало с удивительной быстротой. Не успел Ленин приехать, как он мановением пальца вызвал сообщников из тайных убежищ Нью-Йорка, Глазго, Берна и других стран. Он собрал их вокруг себя в одну когорту, наиболее грозную в мире, в которой сам стал первосвященником и главой. Вместе с этими людьми он стал действовать, с дьявольской ловкостью разрушая все устои, на каких зиждилось русское государство. Россия пала, Россия должна была пасть!»¹⁰...

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики сразу же предприняли меры для окончательного уничтожения Русской армии, насчитывавшей на тот момент 7 млн. человек. Декреты о мире и земле спровоцировали массовое дезертирство из ее рядов. 9 ноября Совнарком назначил на пост Верховного главнокомандующего большевика *прапорщика* Н.В. Крыленко. 14 ноября вышел приказ о ликвидации всей системы военного образования в России, в массовом порядке стали закрываться военные школы и училища. Протесты генералов Ставки были объявлены «контрреволюционным заговором», последовал приказ об их аресте. Генералы Корнилов, Деникин, Лукомский и Алексеев успели скрыться, направившись на Дон. Не успевший бежать последний Главнокомандующий Русской армией генерал Духонин был зверски убит большевизированной солдатней. Во все управления Ставки, находившейся тогда в Могилеве, большевики направили своих комиссаров. Их деятельностью руководил созданный при Ставке Военно-революционный комитет, приведший своим вмешательством к полной потере управления войсками.

Совершенно дезорганизовав вооруженные силы страны, Совнарком подписал соглашение с Германией и Австро-Венгрией о перемирии и прекращении военных действий с 11 декабря 1917 года. Германия получила необходимую ей передышку и начала готовить широкомасштабную операцию по захвату целого ряда Русских территорий. Тем временем в Брест-Литовске, в расположении немецких войск, представители Совнаркома разыгрывали фарс «переговоров о мире». Инструкция Ленина членам делегации требовала подписать мир *на любых условиях*. Один из военных консультантов советской делегации генерал В.Е. Скалон, наблюдая воочию, как предавали национальные интересы страны ее

новые властители, покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме к жене генерал писал, что *«дальше жить и переносить настоящий позор России и тот еще более ужасный позор, который ожидает ее в ближайшем будущем, он не может, а потому уходит из жизни»*¹¹...

Так называемые «мирные переговоры» с первых дней превратились в глумливый спектакль, где члены советской делегации, — функционеры РСДРП (б) А.А. Иоффе, Л.Б. Розенфельд (Каменев), Гирш Бриллиант (Сокольников), а также левые эсеры А.А. Биценко и С.Д. Мстиславский (Масловский), — выступали в роли международных паяцев, прикрывавших свое очевидное предательство пустой революционной демагогией. После ряда совершенно бессмысленных и бессодержательных «заявлений», глава делегации Лейба Бронштейн (Троцкий) объявил на весь мир, что никакого мирного договора он подписывать не будет, а Россия выходит из войны в одностороннем порядке. 29 января 1918 года Русской армии был отдан приказ о полной демобилизации на всех фронтах. Документ, который Троцкий назвал «ни мира, ни войны» стал настоящим подарком для Германии, ибо перед немецкими войсками снимались все преграды, и они получали возможность захвата любых Русских территорий по собственному усмотрению.

Сразу же началось немецкое наступление, точнее, беспрепятственное продвижение германских армий вглубь России, и только после этого советская делегация (уже в новом составе) вернулась за стол переговоров, подписав «мирный договор», по которому немцам отдавалось все, что они желали (и могли) забрать. Германия оккупировала огромную часть России. В зоне немецкой оккупации оказались Прибалтика, Белоруссия (за исключением восточной части Витебской и Могилевской губерний), часть Псковской, Курской и Воронежской губерний, Донская область, Малороссия, Крым и часть Закавказья. Общая площадь оккупированных районов европейской части страны превышала 1 млн. кв. км с населением около 50 млн. человек, что составляло примерно треть населения Российской Империи. Здесь добывалось 90% каменного угля и 73% железной руды, находилось свыше половины промышленных предприятий и третья часть

железных дорог. Европейские владения России приблизились к границам XVI века.

Кроме того, Россия обязывалась заплатить трехмиллиардную контрибуцию хлебом, рудой и другим сырьем, а также передать Германии 245564 кг. золота. Всего Германии досталось Русского золота на 120 млн. рублей, которое после версальских переговоров было незаконно присвоено Англией и Францией под предлогом погашения долга России¹².

Столь чудовищная уступчивость большевиков имела свое объяснение: их податливость щедро оплачивалась немецкими деньгами. Германия не прекратила финансирования ленинской партии и после Октябрьского переворота. 18 мая 1918 года германское внешнеполитическое ведомство дало указание всеми возможными средствами поддерживать большевиков, чтобы они удержались у власти как можно дольше. В телеграмме, направленной германскому послу в Москве, говорилось: «Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как *мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили*. В вашем распоряжении фонды Рицлера. Если потребуется больше, телеграфируйте, пожалуйста, сколько... Мы должны, насколько возможно, *помешать консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии*»¹³...

Таков был основной нерв событий, начавшихся 2 марта 1917 года свержением Государя Императора Николая II и завершившихся «похабным» Брестским миром 3 марта 1918. В течение какого-то года в России прочно воцарилась откровенная и бесстыжая СМЕРДЯКОВЩИНА. Жизненное кредо *лакея Смердякова*, сущность которого выражалась в одной-единственной фразе: «**я всю Россию ненавижу...**», — стала практическим руководством к действию для сонма его духовных двойников, вынесенных мутным потоком революции на поверхность жизни...

* * *

На таком историческом фоне и в такой морально-психологической атмосфере и развернулась деятельность украинских сепаратистов, взявшихся осуществлять свой самостийнический проект, причем в масштабах, о которых

ранее они не то чтобы мечтать, но даже помыслить не сме-
ли...

О событиях в Петрограде — забастовке рабочих и стихийном бунте солдат запасных полков в последних числах февраля 1917 года, ознаменовавших собой начало «демократической революции» в России, в Киеве поначалу ничего не знали. В городе, по свидетельству его жителей, к концу февраля «атмосфера не была сгущена более чем обычно, и ничто не предвещало близкой грозы»¹⁴. Лишь «Биржевой бюллетень» Петроградского телеграфного агентства, 25 или 26 февраля засияв пустотой на привычном месте котировки валют, стал первым предвестником надвигающихся событий. О падении Царского правительства стало известно 28 февраля из телеграммы члена Государственной Думы масона А.А. Бубликова, поступившей по железнодорожному телеграфу около трех часов дня. Никаких других официальных сообщений не было, и еще целых три дня Киев и весь край питались разными слухами, не зная ничего достоверно. Только после разрешения главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова командующий Киевским военным округом генерал Н.А. Ходорович 3 марта позволил газетам напечатать сообщение о событиях в Петрограде, и в Киеве узнали о случившейся там революции. Тут же из всех дыр на политическую авансцену полезли затаившиеся на время войны «украинцы» с их микроскопическими «партиями» — и закипела дружная работа...

Ближайшие цели сепаратистов обозначил М.С. Грушевский в брошюре «Какой мы хотим автономии и федерации», изданной в Киеве в самом начале Февральской революции. **«Украинцы хотят в политике, — писал он, — создать широкую национально-территориальную автономию Украины в составе федеративной Российской республики... Украинцы хотят, чтобы из украинских земель российского государства... была образована одна область, одна национальная территория... Она должна осуществлять у себя дома всякие права — экономические, культурные, политические, содержать свою армию, распоряжаться своими дорогами, своими доходами, землями и всякими естественными богатствами, иметь свое законодательство, администрацию и суд.**

Только в некоторых делах, общих для всего Российского государства, она должна подчиняться решениям его общего представительства, в котором будут принимать участие представители Украины, пропорционально ее населению и населению всей Российской республики»¹⁵...

Цели более чем внушительные, теперь следовало слепить под них политический орган, который бы и взялся за их реализацию. Медлить не стали, боясь упустить благоприятный момент, и уже 3 марта в Киеве состоялось собрание местных и некоторых провинциальных украинских организаций с участием свыше 100 человек. Инициатива этого собрания принадлежала Товариществу Украинских Прогрессистов (ТУП), общественной организации, объединившей в 1908 г. разнородные элементы политического украинства при ведущей роли либералов. Находившиеся в Киеве деятели ТУП Л.М. Старицкая—Черняховская, С.А. Ефремов, Д.И. Дорошенко попытались превратить свою организацию в центр, объединяющий все наличные силы украинства, но очередное собрание 4 марта изменило расстановку сил. М. Жученко и Е. Чикаленко впоследствии вспоминали: «Сначала совет ТУПа хотел сам стать объединяющей организацией, но на его заседание явились Стешенко, Антонович (сын В.Б. Антоновича) и Степаненко как представители украинских социалистических организаций и добивались, чтобы в совет было принято такое же число представителей этих организаций, какое есть в данный момент в совете ТУПа. Чтобы не разбивать сил и не создавать двух центров, совет ТУПа согласился на требование социалистических представителей с тем, чтобы в новый центральный орган, для которого было принято название Центральная Рада (совет), входили впоследствии и представители от разных новых организаций»¹⁶...

Так возникла Украинская Центральная Рада (УЦР), составленная из представителей малочисленных украинских партий и некоторого количества кружков (под громким названием «обществ» и «союзов»), подавляющее большинство которых существовали исключительно *на бумаге* и никого, кроме нескольких сотен своих приверженцев, *не представляли*. Даже самым инициаторам создания Центральной Рады

было понятно, что орган, претендующий на звание *власти*, пусть даже «украинской», и образованный из случайного собрания мало кому известных «общественных деятелей», в глазах основной массы населения лишен всякой легитимности. Поэтому с первых минут существования Рада все свои усилия сосредоточила исключительно на том, чтобы выбраться из мрака неизвестности и утвердиться в Малороссии в качестве значимой и популярной политической силы, чего, скажем, забегая вперед, ей так и не удалось достигнуть...

Хотя поначалу для сепаратистов все складывалось как нельзя удачно. 14— 15 марта в Киеве состоялся кооперативный съезд Киевской губернии, который «украинцам» удалось взять под полный свой контроль. Понятно, что о кооперативных проблемах здесь и помину не было, над всем господствовала политика, причем сугубо «украинского» толка. Тон задавал Грушевский, несколько раз выступавший на съезде и даже избранный его почетным председателем. Соответствующей получилась и итоговая резолюция, в которой речь шла все о той же «национально-территориальной автономии Украины» в составе «демократической России»... 16 марта новый успех: в общей киевской демонстрации по случаю *праздника революции* «украинцам» удалось сформировать отдельную украинскую колонну. А чтобы еще сильнее выделиться на фоне общероссийских политических партий (с которыми украинские не могли сравниться ни по численности, ни по рейтингу популярности), Центральная Рада принимает решение провести в Киеве самостоятельную украинскую манифестацию.

Она состоялась 19 марта. Несколько десятков тысяч человек: вооруженных солдат, студентов, учащихся, служащих, интеллигентов, отрядов пленных галичан и чехов (пользовавшихся в России, несмотря на свой статус военнопленных, значительной свободой) и даже раненые солдаты-малороссы, специально для этой цели доставленные в Киев в пяти вагонах, — торжественно проследовали от Владимирского собора до Софийской площади по центральным улицам города в сопровождении 14 военных оркестров, семи хоров и группы артистов, облаченных в старинные казачьи одежды, с портретами Тараса Шевченко и желто-голубыми

знаменами. На некоторых транспарантах уже красовались требования «самостийной Украины во главе с гетманом»... С балконов разбрасывались листовки с воззваниями и текстами украинских песен, напечатанные в числе 300 тыс. экземпляров, распространялись украинские брошюры и первый номер официальной газеты Центральной Рады. Манифестации по-военному салютовал начальник Киевского военного округа генерал Н.А. Ходорович. Духовенство освятило знамена будущего «украинского полка», отслужило молебен «за мучеников Украины, гетмана Богдана, Тараса и всех, душу свою положивших за веру, родину и свободу Украины». На начавшемся вслед за панихидой митинге Грушевский призвал присягнуть перед портретом Шевченко «и не успокоиться... пока не построим этой автономной свободной Украины». И присутствующие, преклонив колени, с поднятыми вверх руками присягнули «автономии», хотя девяносто процентов из них совершенно не представляли, что, собственно, обозначается этим термином... Тем не менее, заключительная резолюция манифестации требовала, чтобы Временное правительство «немедленно издало декларацию, в которой... признало бы необходимость широкой автономии украинской земли»¹⁷...

Одобрительный рев толпы, предварительно наэлектризованной революционной демагогией о «свободах» и «самоопределении народностей» (и при этом очень смутно представлявшей, что конкретно скрывается за этими понятиями), несказанно вдохновил организаторов сборища. «Цель манифестации... была достигнута, — писал в восторге Грушевский, — она наглядно, ярко и импозантно выявила, что украинство — это не фикция в головах горстки романтиков или маньяков-интеллигентов, а живая сила, которая имеет власть над массами, ими движет и поднимает... Мы спешили использовать свой успех... За демонстрацией киевской базы украинства должна была последовать демонстрация в размерах всеукраинских. Мы считали очередной задачей скорейший созыв всеукраинского съезда, чтобы задокументировать перед центральным правительством серьезность и бесповоротность украинских национальных требований»¹⁸...

В сущности, никакой особой необходимости что-либо «документировать» перед «центральной правительством» у самостийников не было, ведь у власти в России оказались не просто их духовные братья, такие же, как и они *смердяковы*, но именно те, кто до этого усиленно опекал и поддерживал все их нелепые притязания. Временное правительство было не просто лояльно к «украинцам», но с самого начала оказывало им активную поддержку. Уже 9 марта 1917 года П.Н. Милюков в качестве министра иностранных дел России на встрече с журналистами, затронув судьбу Галицкой Руси, заявил, что галицкие «*украинцы*», если пожелают, могут объединиться с «*украинцами*» российскими. Таким образом, новая власть, воцарившаяся в России, *официально* признала наличие отдельного «украинского народа», якобы населяющего как Малороссию, так и Галицкую Русь, и вверило защиту интересов последней не Русскому народу, а «украинцам», не России, а мифической «Украине». Жертвенная гибель десятков тысяч Русских галичан, отдавших свои жизни во имя сохранения своей национальности и языка, веры и жизненного уклада, подло и цинично предавалась забвению, память их была поругана и осквернена... Так, политическое движение сепаратистов, имевшее всего лишь внутреннее значение для России, словно по мановению волшебной палочки превратилось в международный фактор.

Примечательно, что даже австрийцы, вложившие столько денег и энергии в развитие украинского движения как подрывного фактора в войне против России, так и не решились на *переименование* Русского населения Прикарпатской Руси в «украинское», хотя еще в 1915 году украинские деятели Галиции обратились к официальным кругам Вены с запиской, в которой обосновывали необходимость такого *переименования*. Однако привлеченный правительством в качестве научного эксперта венский академик Ватрослав Ягич, хорват по национальности, подверг записку «украинцев» уничтожающей критике. В своем выводе Ягич, в частности, отметил, что «Украина» — это польская провинция у Днепра, но Галицкая Русь, Буковина и Закарпатье никогда к этой «Украине» не имели отношения. По этому поводу

Ягич писал: «В Галиции, Буковине и Прикарпатской Руси эта терминология («Украина», «украинец» и т.д.), а равно всё украинское движение является чужим растением, извне занесенным продуктом подражания». А завершал свой научный вывод ученый следующими словами: «*Таким образом, о всеобщем употреблении имени «украинец» в заселенных русинами краях Австрии не может быть и речи*»¹⁹...

Но «украинцы» не успокоились, и 13 января 1917 года депутат австрийского парламента В. Василько обратился с письмом к министру иностранных дел графу Чернину, в котором, в частности, писал: «После объявления войны, национально настроенные *антирусские русины* возбудили ходатайство об употреблении *официального наименования «украинцы»*, чтобы не иметь ничего общего с старо-руси́нами и русинами-русофилами»... (Обратите внимание на это просто поражающее своей *бессмысленностью* словосочетание: **антирусские русины**... Или, другими словами, «*антирусские Русские*»!.. А между тем, именно оно и выражало всю «этническую доминанту» свежеиспеченного «украинского народа»...) В конце своего письма В. Василько утверждал, что удовлетворительному разрешению данного вопроса австрийские, лояльно настроенные... *русины*, придадут колоссальное значение²⁰...

Но и в этот раз венское правительство не решилось пойти на столь абсурдный шаг — *изменение национального имени целого народа*. В Вене прекрасно знали, что термин «*русин*» с самых древних времен является синонимом слова «*русский*». В этом значении он встречался уже в X веке, например, в тексте договоров Русских князей Олега и Игоря с Византией. Никакое уважающее себя правительство, даже настроенное исключительно антирусски, не могло допустить столь вопиющего произвола в отношении национального имени своих подданных. Во всяком случае, на официальном уровне.

Но что не могли позволить себе в это время *немцы*, с легкостью осуществили от имени Русского народа новоявленные смердяковы, политические дегенераты типа Милюкова и Керенского...

Самостийники, разумеется, с лихвой воспользовались предоставленными возможностями. Сейчас же после заяв-

ления Милюкова самопровозглашенная Центральная Рада направила Временному правительству письмо, в котором, в числе других, выдвигалось *требование* немедленно «поставить украинский вопрос на международном конгрессе в связи с судьбой Галичины и частей *украинской территории*, захваченной немцами», а также «принципиально решить вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа (*т.е. самой Центральной Рады. — С.Р.*)», с целью «немедленно принять предварительные меры относительно *закордонной Украины*»²¹...

Таким образом, благодаря милюковым—керенским, Русские территории, оказавшиеся на тот момент в зоне иностранной оккупации, в течение нескольких дней были превращены в «закордонную Украину», а их Русское население полностью отдано на откуп... «украинцам». Сколь катастрофическим для национального сознания этой части Русского Народа явилось данное обстоятельство, можно проследить по *вынужденной* корректировке позиции представителей Холмской Руси.

4 апреля 1917 года в Москве состоялось общее собрание уроженцев и деятелей Холмщины (еще в начале войны оккупированной Германией). Собранием в адрес «Всеукраинского национального конгресса» (того самого, который намечали Грушевский и кампания), была послана следующая телеграмма: «Холмщина всегда входила в состав земель *Малой России*, жила одной жизнью с соседними Волынью и Галичиной и до настоящего времени сохранила свою *русскую народность*, свой великий вековой уклад жизни и исповедует единую со всей *Русью* православную веру. Временное обособление Холмщины от родственных ей земель и включение ее на Венском конгрессе в состав Царства Польского имело для ее религиозной, национальной и культурной жизни весьма вредные последствия. Общее собрание непоколебимо убеждено в том, что оставление крестьянской Холмщины за государственно-политической границей *Руси* в пределах самостоятельной Польши неминуемо повлечет за собой полную религиозную, национальную и общественно-экономическую гибель крестьянских масс Холмщины... [Поэтому собрание] настойчиво просит

украинский конгресс включить Холмщину в состав объединенных украинских земель»²²...

Итак, население, в течение нескольких сотен лет иностранной оккупации сохранявшее свою *«русскую народность»*, вынуждено обращаться за защитой и спасением к *«украинскому конгрессу»* (т.е. собранию тех, кто от этой самой народности *сознательно отказался*), — и просить включить свою историческую Русскую территорию в состав... *«украинских земель»*.

Вот таким вот образом предательство одних вынуждало к отступничеству других. Отступничеству как будто временному, тактическому, и вроде бы не связанному с окончательным отказом от фундаментальных основ национальной жизни. Так, во всяком случае, казалось в тот момент. В газете «Холмская Русь» в статье «Исторический путь Холмщины», написанной как раз в эти дни, священник П. Короля подчеркивал:

«Вступая на этот путь органического слияния с Украиной, мы тем не менее далеки от тех крайностей охватившего Украину движения, которое проповедует узкий сепаратизм и обособление от общерусской культуры. Присваивая себе все то лучшее, что есть в украинстве, мы не можем совершенно разобщиться с той Великороссией, которая и духовно и материально всегда поддерживала нашу окраину, не можем порывать связь с теми ценностями общерусской культуры, которые составляют в одинаковой степени результат творчества как великорусского, так и малорусского племени.

Сливаясь с Малороссией, мы не подчеркиваем вражды к Великороссии, так как та и другая с первого момента своего соединения были равноправными строительницами русской государственности, русской церковной жизни (достаточно напомнить роль малороссов в истории русской церкви XVII—XVIII вв.) и русского языка»²³...

В то время еще могла существовать иллюзия, будто подобный компромисс носил преходящий характер, а потому и позволительно на него идти, но когда в сентябре 1945 года правительство Польши выселяло в массовом порядке в СССР коренное население Холмщины (около 200 тыс. человек), то по обе стороны границы оно уже официально

числилось «украинским». И, в общем-то, в таковое к тому времени превратилось. Во всяком случае, не многие из вынужденных переселенцев помнили, что их деды-прадеды по национальности являлись именно Русскими. А в исторической памяти их потомков принадлежность к «русской народности» была уже стерта. Да и могло ли быть иначе: смена национального имени даром не проходит...

Между тем, все упования Русской Холмщины на «украинцев» были совершенно беспочвенны. «Украинский конгресс», к которому обращались ее представители за помощью, не только *никого не представлял*, но и никакой *реальной силой* в Малороссии не обладал.

* * *

К тому моменту все «успехи» Центральной Рады ограничивались пределами Киева и его ближайших окрестностей, что, конечно, никак не могло устраивать ее лидеров. Для обоснования претензий на всю Малороссию им и понадобилось мероприятие со статусом «всеукраинского», чтобы, как позднее писал В.К. Винниченко, Центральная Рада стала «действительно представительным, законным органом, законным (по законам революционного времени)»²⁴.

Оговорка насчет «революционного времени» дает представление о том, какими способами намеревались действовать организаторы «конгресса» (позднее переименованного в «съезд»), чтобы достигнуть на нем своих целей. В обнародованной инструкции о выборе «делегатов» прямо указывалось, что таковых могут направлять только «украинские» организации, да и то лишь те, «которые принимают требование широкой национально-территориальной автономии Украины»²⁵. Таким образом, на созываемое собрание допускались только «свои», что и должно было обеспечить «правильность» его решений. На местах в спешном порядке стали создаваться многочисленные «кружки» и «клубы» с пышными украинскими названиями и мизерным числом членов, которые и посылали от своего имени «делегацию», обычно включавшую в себя весь наличный состав «организации»...

Съезд состоялся 6—8 апреля 1917 года в самом большом зале Киева — Купеческом собрании. Число участников доходило до полутора тысяч человек. Речи большинства делегатов носили чисто митинговый характер, зато, заряженные эмоционально, создавали в зале атмосферу возбуждения и эйфории. Время от времени она выплескивалась в здравицы, возгласы «Слава!», и спонтанное хоровое исполнение украинских песен. Чаше всего заводили «Заповіт» Шевченко («*Як умру, то поховайте...*»), который, по признанию Грушевского, «с того времени стал почти гимном Центральной Рады и исполнялся на ее заседаниях... даже слишком часто, придавая нашему в дальнейшем парламенту некий привкус «певческого общества»»²⁶... Прочитанные в первый день доклады продолжали разжевывать с разных сторон тему «украинской автономии». *О самостоятельности речи вовсе не шло*, лишь отдельные ораторы позволяли себе распространяться на эту тему, но не находили в зале поддержки. 7 апреля карнавал социальной демагогии, пения, радостных всхлипов и криков, выдержанных все в тех же «украинских» тонах, продолжился. Кульминацией его стал доклад В.В. Садовского «О территории и населении автономной Украины», в котором были намечены границы «украинской территории», включавшие в себя Волынскую, Екатеринославскую, Киевскую, Подольскую, Харьковскую, Полтавскую, Херсонскую, Черниговскую губернии, а также ряд уездов Люблинской, Седлецкой, Гродненской, Курской, Воронежской губерний, Донской области, Кубани, Ставрополя, Таврической и Бессарабской губерний... В революционной эйфории аппетиты «украинцев» разыгрались не на шутку, и они уже размышляли о том, чтобы включить в свою виртуальную «Украину» не только Малороссию, но и Новороссию, Донбасс, Слобожанщину и ряд прилегающих к ним территорий, по принципу *«проси больше — и получишь хоть что-нибудь»*...

Самое главное — выборы нового состава Центральной Рады — состоялись лишь в третий день. Ее председателем единогласно был выбран Грушевский, а его заместителями — В.К. Винниченко (в Киеве он появился 21 марта, где сразу же возглавил УСДРП и активно включился в работу Рады) и С.А. Ефремов. Всего на съезде было избрано 118 членов

Рады, остальных должны были делегировать территориальные украинские делегации, которые еще только предстояло сформировать, а также армейские и флотские комитеты, «национальные меньшинства» и прочие порождения «революционного творчества масс»... Поэтому в дальнейшем Рада постоянно росла численно, включая в себя все новых и новых «народных представителей» достигнув, наконец, как сама она объявила, вначале 600, а потом и 800 членов. Что представлял собой этот контингент и как осуществлял свои депутатские функции, описал В.М. Левитский, одно время входивший в число членов Рады:

«Немедленно по получении депутатских карточек мы произвели подсчет, находившихся в зале депутатов (на этом заседании решался вопрос о подчинении Временному правительству, и были мобилизованы все силы). Украинских депутатов в Раде оказалось 117 человек. Из них 1 священник, 20—25 представителей интеллигенции, несколько крестьян, остальные — солдатские шинели, мирно дремавшие в креслах. Мы сейчас же избрали своего представителя в мандатную комиссию. Появление его в комиссии вызвало в рядах украинцев настоящую панику. Пользуясь малокультурностью и растерянностью секретаря, наш уполномоченный завладел папкой с депутатскими документами и принялся за их внимательное изучение. Вечером мы собрались, чтобы выслушать его доклад.

Доклад не вызывал сомнений. Никаких выборов в Центральную Раду нигде не было. Депутаты из армии заседали на основании удостоверений, что такой-то командирится в Киев для получения в интендантском складе партии сапог; для отдачи в починку пулеметов; для денежных расчетов; для лечения и т.п. Депутаты «тыла» имели частные письма на имя Грушевского и других лидеров, приблизительно одинакового содержания: «посылаем известного нам....». В конце — подпись председателя или секретаря какой-нибудь партийной или общественной организации. Наш представитель успел снять копию с полномочий депутатов г. Полтавы. Все они были избраны советом старейшин украинского клуба в заседании, на котором присутствовали 8 человек.

Всего депутатских документов оказалось 80. На официальный запрос секретарь смущенно ответил, что здесь все

документы. Остальные депутаты (около 300) — это Грушевский, Винниченко, Порш и другие члены президиума, которым «передовверены» депутатские полномочия и каждый из них равняется 10—15—25 депутатам. Наконец, пояснил секретарь, часть депутатов еще не успела зарегистрироваться, но таким, успокоил он, мы выдаем вместо депутатских билетов только квитки **на обед**.

*Тайна украинского парламента была разоблачена. Мы сложили свои полномочия, и ушли из Рады*²⁷...

Очередное помпезное мероприятие, организованное Центральной Радой в эти три апрельских дня, может быть, и добавило ей известности (больше, впрочем, скандально-рекламного свойства), но вряд ли убедило кого-нибудь в том, что в ее лице обширный край обретает некую *реальную власть*. Выступивший на съезде киевский губернский комиссар Временного правительства М.А. Суковкин заявил, что рассматривает Центральную Раду как одно из многих *общественных учреждений*, призванных сотрудничать с властью в «*местном самоуправлении*», главную же роль в устройстве страны отводил общероссийскому Учредительному собранию²⁸.

И в такой второстепенной и подчиненной роли воспринимало Центральную Раду подавляющее большинство населения края. Причем, это касалось не только ее противников или сторонних наблюдателей, но даже самых фанатичных приверженцев «украинского дела». Уже знакомый нам Е.Х. Чикаленко в письме П.Я. Стебницкому (2 апреля 1917) писал: «Кадеты об автономии Украины молчат, и они, очевидно, будут против нее, *вообще против нее будут все, кроме сознательных украинцев, которых всего горстка*... Я боюсь даже большего — что мы не сможем осуществить национализацию (*перевод на «мову»*. — С.Р.) школы и учреждений. *Наш народ*, за небольшим исключением, не придает этому значения и *не будет этого отстаивать*, ему лишь бы землячка!»²⁹...

Терзали сомнения и самих лидеров Центральной Рады. «Есть ли у нас столько сил... есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? — записывает в своем дневнике (19 июля 1917) В.К. Винниченко. — Сердце сжи-

мается от тревоги, печали и страха: а что, если не поднимем? Не сможем взять того, что *судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?*»³⁰...

* * *

Действительно, положение *горстки* «украинцев» было просто отчаянным: не имея за собой никакой массовой поддержки, постоянно апеллируя к никогда не существовавшей «украинской нации» (т.е. бросая свои самостийнические лозунги, по сути дела, в *пустоту*), они решили *захватить власть* над обширным и густонаселенным краем России. Цель заведомо недостижимая. Тем не менее, вожди украинского движения, с оглядкой и колебаниями, принялись за ее реализацию. А чтобы привлечь на свою сторону основную массу населения Малороссии, прибегли к социальной демагогии и заведомо несбыточным обещаниям, причем сразу *всем* и сразу *все*. Очевидцы событий, в том числе и активисты украинского движения, единодушно признают, что политика Центральной Рады базировалась, по сути, на обычном политическом *мошенничестве* и беззастенчивом *надувательстве* народных масс. Министр в правительстве гетмана Скоропадского Д.И. Дорошенко (1882—1951) отмечал: «Со стороны господствовавших в Центральной Раде эсеров в крестьянскую массу все время бросались демагогические призывы и широкие обещания, конечно, прежде всего, *обещание даровой земли*. Центральная Рада держала курс на социализацию земли, причем появление большевиков заставляло ее выступать в этом направлении все более и более радикально. *Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром — требуй автономию!*»³¹... Еще один непосредственный участник событий и тоже «украинец» В.Липинский (1882—1931) писал о побудительных мотивах тех, кто поддерживал украинские лозунги Рады: «Понятие Украина подменивалось понятием «десятины» земли, обещанной тому, кто запишется в украинскую партию эсеров, и *будет голосовать «за Украину»*. Вместо патриотизма героического, патриотизма жертвы и любви, создавался *нигде на свете не-*

виданный какой-то патриотизм меркантильный, с расценкой на земельную валюту: за *Украину давали десятины*»³²...

На то, что все политические достижения «украинцев» объяснялись исключительно *обманом* самых разных слоев населения, но прежде всего крестьян, указывает также представитель еврейских организаций в Центральной Раде, киевский адвокат А.А. Гольденвейзер: «Секрет успеха национальной украинской агитации был в том, что она — так же, как впоследствии агитация большевицкая — вполне угождала желаниям и склонностям широких, по преимуществу сельских масс. *Крестьянам внушалось*, что Центральная Рада защитит их от невыгодного общего передела земли с безземельными крестьянами севера. Их настраивали против Временного правительства, требовавшего от них все новых и новых жертв и настаивавшего на выполнении всех старых повинностей. *Им внушали мысль*, что не Украина затеяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкие массы воспринимали возведенные Центральной Радой лозунги именно в таком, полуанархическом и полудезертирском, смысле. *И они пошли за Радой* — впрочем, *ненадолго*. Полгода, а затем вторично полтора года спустя, те же самые Винниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тем уже вполне откровенно анархическим и дезертирским лозунгам, с которыми двигались на Украину большевики. И, как Гетевский «Zauberlehrling», украинские лидеры не смогли совладать с духами, которых они же вызвали наружу»³³...

У ЛЖИ НОГИ КОРОТКИ... Методы, избранные Центральной Радой для достижения своих сепаратистских целей, могли, конечно, обеспечить успех на ограниченный срок, но в более длительной перспективе неизбежно вели ее к политическому краху. Достаточно показателен в этом плане процесс формирования «украинской армии».

Обладание своими вооруженными силами по тем временам являлось единственным средством, способным обеспечить политический успех. Поэтому, хотя официально провозглашенное «украинцами» стремление к «автономии» в составе единой России и не предполагало обязательного наличия собственной «украинской армии», Рада с первых

же дней своего существования активно занялась формированием таковой, выдвинув лозунг «украинизации армии» (разумеется, Русской)... В теории данный лозунг предполагал выделение «украинцев» в особые части, а затем и в отдельную «украинскую армию». Понятно, что реализация этого намерения на практике создавала невообразимый хаос на фронте, ибо выходцы из Малороссии, как и остальные Русские, служили в армии на общих основаниях, т.е. распределялись во все ее подразделения и части. Специальное выделение малороссов и замена их другими солдатами сопровождались путаницей и неразберихой, тем более что не все части, предназначенные командованием к «украинизации», соглашались на таковую или соглашались не в полном составе. В целом же этот процесс привел лишь к еще большей дезорганизации Русской Армии. После «Приказа №1» и подрывной, капитулянтской агитации большевиков «украинизация» стала еще одним рычагом по деморализации и развалу вооруженных сил России.

Пропаганда лозунга «украинизации армии» сопровождалась обещанием, что все «украинцы» будут возвращены с далеких фронтов на родину, в Малороссию, для ее «обороны». К этому добавлялись призывы вообще против продолжения войны, так как, дескать, «не Украина ее начинала»... Многие поспешили воспользоваться предоставляемыми «украинизацией» возможностями. Одни записывались в «украинцы» в надежде скорее вернуться в родные места; другие, бросив фронт и болтаясь по тылам, оправдывали свое дезертирство желанием воевать только в «украинских частях». Но защищать «Украину» записавшиеся в «украинцы» солдаты не намеревались...

Уже к концу апреля в результате украинской пропаганды в Киеве собрались многие тысячи дезертиров, которые, желая избежать ответственности и отправки на фронт, спешно «украинизировались» по призыву Центральной Рады. Находившийся в то время в Киеве А.И. Занкевич (А. Дикий), описал, как происходил процесс формирования «украинской армии»:

«В последних числах апреля весь Киев был залеплен плакатами: «Товарищи дезертиры! Все на митинг на Сырце 30

апреля!». Хотя я не был дезертиром, а после ранения находился на излечении в Киеве и передвигался с костылем, я на этот необычайный митинг поехал, и был свидетелем всего на нем происходившего.

Огромный пустырь против Политехнического института заполонила многотысячная толпа дезертиров. На груди у многих были желто-голубые украинские ленточки. После выступления многочисленных ораторов, оправдывавших свое дезертирство украинским патриотизмом и желанием бороться, но только «под украинскими знаменами», была вынесена резолюция, предложенная штабс-капитаном Путником—Гребенюком, о немедленном сформировании украинской части в Киеве и немедленном «зачислении на все виды довольствия». Последнее, т.е. требование немедленного зачисления «на все виды довольствия», вызвало гром рукоплесканий». В дальнейшем штабс-капитан Путник—Гребенюк был избран командиром вновь образованной части, которой было присвоено название «1-й Украинский полк им. Богдана Хмельницкого». В таком качестве он был признан не только командующим Юго-Западного фронта генералом Брусиловым, но и военным министром Временного правительства Керенским... Удобно расположившись в казармах и пополняясь все новыми и новыми дезертирами, полк рос, как на дрожжах, ежедневно увеличивая требования довольствия, но при этом не нес никаких караулов по гарнизону и не помышлял ни о каком фронте. Его личный состав бездельничал, митинговал и пьянствовал, разлагающе действуя на остальные части. Штабс-капитана Гребенюка сам полк вскоре арестовал и доставил под конвоем в распоряжение командующего войсками Киевского военного округа.

Тронуть «богдановцев» никто не смел, ибо они находились под особым покровительством Центральной Рады, и всякое действие против них рассматривалось как «контрреволюционное» и «антиукраинское». Эта безнаказанность действовала заразительно, и вскоре в Киеве сформировался еще один такой же полк «имени гетмана Павла Полуботка». Как и «богдановцы», он не собирался на фронт, но зато принял активное участие в попытке захвата власти *большевиками* в Киеве в дни большевицкого восстания в Петрограде (3—5 июля). Дело не

выгорело и «полуботковцы» на время затихли, расположившись на Сырце и в с. Грушках. Попытка привести их в повиновение силой первого полка — «богдановцев», не увенчалась успехом, так как значительная часть «богдановцев» перешла на их сторону. Центральная Рада, тем не менее, снабжала «полуботковцев» всем необходимым и пыталась «уговорить», посвятив немало времени обсуждению поведения «товарищей в Грушках» (как они названы в протоколе одного из ее заседаний). Вынесена была даже резолюция: «призвать товарищей солдат, которые живут в Грушках, к национальной гражданской дисциплине». Несколько раз ездили в Грушки вожди Рады, но все было безрезультатно. Подстрекаемые двумя прапорщиками-дезертирами (Майстренко и Гузиенко), «полуботковцы» не желали никому подчиняться, а только предъявляли требования об увеличении довольствия. Все попытки высших военных властей отправить на фронт украинизированные части неизменно кончались неудачей, хотя, по настоянию Центральной Рады, их направляли исключительно на Юго-Западный фронт, войска которого защищали непосредственно Малороссию. «Только один раз, — пишет А. Дикий, — 8 августа 1917 года, после длительного уговаривания, удалось посадить в вагоны для отправки на фронт два эшелона «богдановцев», но дальше Поста Волынского (9-й километр от Киева) они не уехали. Подняв стрельбу, они начали так безобразничать, что находившийся на Посту Волынском на охране, еще не разложившийся эскадрон Кирасирского полка принужден был их разоружить (при этом было 16 убитых) и вернуть обратно».

Весть о происшедшем взволновала весь Киев. «Украинцы обвиняли «русских» в провокации и ни чем не оправдаваемом кровопролитии. Вмешалась Центральная Рада и потребовала от Временного правительства вывода из Киева «русских» войск и смещения командующего округом. Требования эти не были удовлетворены, а прислана из Петрограда чрезвычайная следственная комиссия для расследования этого инцидента. Комиссия (в которой принимали участие также представители Рады и Совета солдатских депутатов) установила, что «богдановцы» были пьяны, сами первые открыли стрельбу, а большинство погибших — жертвы раз-

рыва ручных гранат, которых у кирасиров не было, а у «богдановцев» они были в изобилии. Дело пришлось замять»³⁴.

После этого случая никаких попыток отправки на фронт «украинизировавшихся» частей более не предпринималось. Все они продолжали находиться в Киеве, но Центральной Раде рассчитывать на их поддержку не приходилось. И это даже притом, что свои *самостийнические* устремления от солдатской массы она тщательно *скрывала*, маскируя их пустопорожней болтовней о «мире», «земле» и «международной солидарности трудящихся»... Болтовня не помогла. Когда в январе 1918 года к Киеву подходили большевики, защищать Центральную Раду оказалось некому. С. Сумский вспоминал: «За исключением специальных украинских янычар, — а их было очень мало, — все войсковые части требовали захвата власти советами. Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, была уже властью призрачной... *Правительство Рады играло в солдатики*, украинизировало армию, вводило в моду оселедцы и бритые головы, полковников переименовывало в старшин, а поручиков — в хорунжих. Плохие актеры играли роли запорожцев. А войска ночью вышли из казарм. *Вовсе не для защиты Рады, а для ее свержения*»³⁵...

Впрочем, и сами вожди Центральной Рады, поруководив, буквально, пару месяцев, стали прекрасно сознавать всю *призрачность* своей власти. «Их (большевиков) перевес был в том, — признавался позднее В.К. Винниченко, — что все наши широкие массы солдат не оказывали им никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, что почти все рабочие каждого города — выступали за них, что в селах сельская беднота явно была большевицкой, что, словом, *огромное большинство именно украинского населения было против нас*... Единственной нашей активной военной силой была интеллигентская молодежь и часть национально сознательных рабочих»³⁶...

* * *

Ясное осознание того, что *огромное большинство* населения Малороссии являлось *активным противником украинского самостийничества*, разумеется, пришло к его лидерам гораздо позже, уже в эмиграции, но сама *неуверенность* их

действий на всем протяжении существования Центральной Рады (хотя внешне и прикрываемая чрезмерной наглостью требований) свидетельствовала о том, что подобное осознание, пусть и подспудно, присуще было им *изначально*. Тем более что живая действительность постоянно сигнализировала о том, сколь условна власть Центральной Рады. А как мало значила она в глазах населения Малороссии, убедительно продемонстрировали состоявшиеся в июле 1917 г. выборы в органы городского самоуправления.

Выборы эти являлись всеобщими, свободными, прямыми и тайными. Любая партия или блок партий имели право выставить свой список, свободно вести пропаганду всех видов и бороться за места депутатов — гласных городских дум. В результате выборов полную и абсолютную победу одержали *общероссийские партии*, от которых было избрано **870** гласных, тогда как от украинских — всего **128**. По отдельным городам Малороссии соотношение было следующим: Винница — 59 и 12, Чернигов — 60 и 16, Житомир — 98 и 9, Умань — 56 и 10. Еще более внушительным получился разрыв в городах Новороссии: Екатеринослав — 110 и 11, Одесса — 120 и 5, Херсон — 101 и 15. А самый показательный результат дал Киев — 125 и 24³⁷. А ведь в этом городе позиции Центральной Рады казались незыблемыми, во всяком случае, ее вождям. Но жизнь, даже в эту вывернутую революцией эпоху, постоянно и настойчиво демонстрировала им, что в Малороссии они — *самозванцы*, а пестуемое ими украинство — лишь плод их деформированного русофобией сознания, а не отражение «вековых дум и чаяний» малороссов, как они пытались себя в том убедить... В реальности им не на кого было опереться, и при всей своей одержимости и патологической склонности вынашивать самые фантастические прожекты они не могли не сознавать этого. Никто иной, как В.К. Винниченко, год спустя после выборов, на открытии в Киеве Украинского государственного университета заявил: «*Украинцы*» до сих пор было *неизвестное слово*, и теперь оно еще не прошло во все слои общества». А бывший секретарь Центральной Рады М.М. Еремеев, говоря о времени накануне революции 1917 года, отмечал:

«В ту эпоху *само название «украинец»* было еще каким-то *чужим и странным*, потому что украинская литература его никогда не употребляла. Писалось и говорилось: Украина, украинский, даже очень редко украинка, но *термин «украинец» был в ту эпоху неологизмом, который тяжело входил в жизнь*»³⁸...

Трудно приклеивалась к Русским людям кличка «украинец», даже тем из них, кто сознательно выбрал путь национального отступничества, а что уж говорить о многомиллионном (в основном крестьянском) населении Малороссии. Для него «украинская власть», внезапно вылупившаяся из хаоса революции, была какой-то странной диковинкой, непонятым, экзотическим капризом «образованных господ» да сагитированных ими несмышленных студентов. Отсюда и весь трагикомизм ситуации: «украинская власть» в наличии имела, а те, кого она намеревалась представлять, «украинцы», — *отсутствовали*. Кроме той самой «горстки», которая и провозгласила себя этой «властью». Но такого самопровозглашения было явно недостаточно. Почему и требовалась для ее легитимации та или иная (пусть даже символическая) санкция Временного правительства... Или любой другой *внешней силы*, ибо без содействия *извне* «украинская» власть являла собой политическое *ничто*, самозванное собрание авантюристов и мошенников. Отсюда непоследовательность и зигзаги в политике вождей Центральной Рады. Конечно, захваченные общей революционной эйфорией, они в большинстве конкретных ситуаций склонны были впадать в обычный в таких случаях *самообман*. Однако в поворотные моменты *принятия решений* всегда шли на попятную, так и не осмелившись выйти за рамки требования «автономии» Малороссии в *составе единой России*. Показателен в этом плане I Универсал Центральной Рады, принятый 10 июня 1917 года.

Появлению этого документа предшествовала поездка украинской делегации в Петроград. В результате состоявшихся переговоров Временное правительство заявило, что вопрос об «автономии Украины» (как и других частей государства) может быть окончательно разрешен только общероссийским Учредительным собранием. Понятно, что такой

ответ не удовлетворил лидеров Центральной Рады, спешивших использовать момент полного безвластия в России для закрепления «украинской автономии», так сказать, явочным порядком. Универсал и стал своего рода ответной реакцией Рады на позицию, занятую Временным правительством. Обвинив последнее в том, что оно «оттолкнуло протянутую руку украинского народа», универсал заявлял, что отныне «украинцы» сами будут «создавать свою жизнь», но тут же указывал границы этой провозглашаемой украинской самостоятельности: *Украина «не отделяется от всей России и не разрывает с державой Российской»*³⁹...

Обнародование Универсала сопровождалось параллельным созданием «украинского правительства», получившего название «Генеральный Секретариат Украинской Центральной Рады». Возглавил его В.К. Винниченко (1880–1951), а в состав вошли исключительно представители украинских социалистических партий. В июне же была создана Малая Рада, решавшая важные дела между сессиями Центральной Рады. Одновременно Рада поручила Генеральному секретариату начать подготовку к созыву «украинского» Учредительного собрания.

Это стало своеобразным вызовом Временному правительству, и в Киев срочно прибыл Керенский с министрами Церетели и Терещенко для «обсуждения с Центральной Радой создавшегося положения». После двухдневного обсуждения было достигнуто соглашение, в котором прибывшие министры от имени Временного правительства пообещали удовлетворить ряд украинских требований. Вдохновленная этими обещаниями Рада 3 июля 1917 года издала свой II Универсал. В нем она уже провозглашала себя краевым парламентом, но при этом, как и прежде, подчеркивала, что стремится лишь к «автономии» в составе России, ибо «всегда стояла за то, чтобы *не отделять Украину от России*, чтобы совместно со всеми ее народами идти к развитию и благоденствию *всей России* и единству ее демократических сил». Затем универсал сообщал о ряде конкретных мероприятий административно-политического характера, которые планировалось осуществить в ближайшее время и которые должны были повести к фактическому оформлению «автономии»⁴⁰...

Понятно, что ни одна из этих мер не была (и не могла быть) осуществлена, потому что дальше пределов Киевской губернии власть Центральной Рады не распространялась. Да и в рамках этой *отдельно взятой губернии*, как показал январь 1918 года, была *номинальной*. Заключенное с Временным правительством «соглашение» ничего в этом плане не могло изменить. Известный юрист барон Б.Э. Нольде (1876—1948) характеризовал его так: «На скорую руку, между двумя поездами, три русских министра и профессор Грушевский договорились о деле создания Украинского государства», в результате чего «*неопределенному числу* российских граждан, которые живут на *необозначенной территории*, приказано подчиняться государственной организации, которую *они не выбирали* и во власть которой их теперь отдают без каких бы то ни было серьезных оговорок. Российское правительство *не знало* даже, кого оно передало в подданство новому политическому творению»⁴¹.

Впрочем, через месяц Временное правительство одумалось и 17 августа 1917 г. определилось с границами «украинской автономии», выделив под нее пять российских губерний: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, отвергнув, таким образом, украинские домогательства на Новороссию, Слобожанщину и Донбасс. Из компетенции Генерального секретариата были изъяты военные дела, железные дороги, судоходство и связь... Конечно, никаким существенным образом на власти Центральной Рады это не отразилось: для нее важен был не конкретный объем делегированных ей функций, а само наличие *внешней санкции* на исполнение этих функций. Именно необходимостью подобной санкции и объяснялась ориентация *сепаратистов* на «единую Россию», последовательно соблюдаемая ими даже после того, как ситуация в Петрограде коренным образом изменилась, и Временное правительство в результате Октябрьского переворота пало, а власть захватили большевики. Никакого принципиального поворота в политике Рады не произошло. 7 ноября 1917 года, сразу после закрытия очередной сессии Центральной Рады, по решению Малой Рады в чрезвычайном порядке голосами 42 ее членов из

47 был принят III Универсал, в котором говорилось: «Во имя создания порядка в нашем крае, во имя спасения всей России оповещаем: отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. *Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее*, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь *всей России*, чтобы вся республика Российская стала *федерацией* равных и свободных народов»... Далее универсал оповещал о всеобщей амнистии, демократических свободах, восьмичасовом рабочем дне и выборах в «украинское» Учредительное собрание в декабре 1917 года⁴²...

Как видим, и III Универсал Центральной Рады подчеркивал *единство и неделимость России*. Еще более ясно данное положение было высказано за несколько дней до этого в специальном заявлении Генерального секретариата, подписанного всеми его членами, включая В.К. Винниченко: «*Все слухи и разговоры о сепаратизме, об отделении от России — или контрреволюционная провокация, или обычная обывательская неосведомленность. Центральная Рада и Генеральный секретариат твердо и выразительно заявили, что Украина должна быть в составе Российской федеративной республики, как равноправное государственное тело. Нынешняя политическая обстановка этого постановления нисколько не меняет*»⁴³...

И вдруг, буквально месяц спустя, 11 января 1918 года, Рада разразилась IV Универсалом, в котором заявила: «**отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого независимой, вольной, суверенной державой украинского народа**». Соответственно изменялся и статус ее внутренней и внешней политики, в которых были определены следующие приоритеты: в вопросе земельном — «упразднение собственности и социализация земли»; в вопросе торговли — «Украинская Народная Республика берет в свои руки важнейшие отрасли торговли», а также вводит государственную монополию «на железо, сахар и иные продукты и товары»; в области политических свобод — «агитацию против самостийной УНР, за возвращение старого строя — карать как государственную измену»; в вопросе военном — «распустить армию совсем и завести народную

милицию», немедленно вступить в переговоры о мире, независимо ни от кого.

Сообщал Универсал и о текущем моменте: «Петроградское Правительство Народных Комиссаров, чтобы возвратить под свою власть свободную Украинскую Республику, объявило войну Украине и шлет на наши земли войска красногвардейцев, большевиков, — которые грабят хлеб наших крестьян и безо всякой оплаты вывозят его в Россию, не жалея даже зерна, приготовленного для посева, убивают невинных людей и сеют повсюду неразбериху, преступность, бесчинства... С так называемыми большевиками и другими захватчиками, которые уничтожают и разрушают наш край, предписываем Правительству Украинской Народной Республики бороться твердо и решительно, а всех граждан нашей Республики призываем, не щадя жизни, защищать благосостояние и свободу. Наше народное Украинское Государство должно быть очищено от присланных из Петрограда насильников, которые топчут права Украинской Республики»⁴⁴...

Новый универсал был поставлен на голосование в Малой Раде и одобрен 39 депутатами при 6 воздержавшихся и 4 высказавшихся против. 15 января он был зачитан на открывшейся пленарной сессии Центральной Рады. А десять дней спустя, в ночь на 26 января 1918 г., Центральная Рада тайно бежала из Киева. Д.И. Дорошенко, являвшийся ее депутатом, так описывал это поспешное бегство: «Выезд был произведен внезапно, без всякого предупреждения и оповещения хотя бы всех членов Центральной Рады и наиболее известных политических деятелей»⁴⁵... По свидетельству С. Сумского, во время этого бегства все «украинское войско» разместилось в трех грузовиках⁴⁶. Исполнить суровое предписание Центральной Рады о «твердой и решительной борьбе» с большевиками оно вряд ли было способно...

* * *

Итак, 11 января 1918 года в политике Рады произошел резкий поворот и лозунг «автономии» сменился провозглашением «самостийности». Но поворот этот был вызван не собственной инициативой Центральной Рады и даже не со-

бытиями в Петрограде, а решениями, принятыми за многие сотни километров от Киева, — в **Берлине** и **Вене**. Им предшествовал ряд событий...

20 ноября 1917 года в Брест-Литовске, оккупированном немцами, начались мирные переговоры между делегацией Совета Народных Комиссаров (Совнаркома) и странами Четверного союза — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Уже 24 ноября по распоряжению Троцкого Центральной Раде было передано предложение включить в состав «общероссийской мирной делегации» своего представителя. Рада, отказавшаяся признать Совнарком в качестве «общероссийской власти», ответила лишь 28 ноября, назначив на переговоры не делегатов, а *наблюдателей* «для информации и контроля, чтобы перемирие было заключено по возможности в соответствии с нашей платформой и не во вред Украинской Народной Республике»⁴⁷. В качестве наблюдателей на переговоры отправились депутат Центральной Рады Г.Н. Левицкий, член Малой Рады Н.М. Любинский и капитан Г.В. Гасенко, адъютант генерального секретаря по военным делам Петлюры. 3 декабря 1917 года они прибыли в Брест.

Правительства Центральных держав до этого момента не принимали во внимание УНР в качестве субъекта переговоров, вполне отдавая себе отчет в фиктивности этого «государственного образования». Но когда посланцы Центральной Рады заявили, что не признают Совнарком (по приглашению которого, кстати, и прибыли в Брест) правомочным заключать мир от имени всей России, немцы сразу решили воспользоваться наметившимся расколом в стане противника. Для начала командующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский и его начальник штаба генерал-майор М. Гофман, возглавивший на переговорах о перемирии все делегации Четверного союза, изобразили недоумение, что до сих пор не имеют никакого официального уведомления о создании Украинской Народной Республики. А затем заявили, что в данный момент именно делегатов от Совнаркома вынуждены считать представителями всей России, однако, получив из Киева официальное уведомление *об оформлении украинской государственности* и украинскую декларацию о

мире, не станут обсуждать с Русской делегацией проблем, затрагивающих «Украину»⁴⁸... «Украинцы» намек поняли и начали действовать.

Уже через несколько дней (8—9 декабря 1917 г.) Генеральный секретариат и Малая Рада приняли решение об участии в начавшихся в Бресте мирных переговорах. По подсказке немцев было решено направить всем воюющим и нейтральным державам специальную ноту (11 декабря). В ней в очередной раз указывалось, что целью украинской политики является участие в будущей Российской Федерации и — в очевидном противоречии с данной установкой — объявлялось: до создания федеративного союза Украинская республика «становится на путь самостоятельных международных отношений». Почему и «должна принять участие наравне с другими государствами во всех мирных переговорах» и не признает мира, если договор подпишут без нее⁴⁹. Тут же был утвержден и состав украинской делегации. В нее вошли К.А. Мациевич, А.А. Севрюк и прежние Левицкий с Любинским, а возглавили генеральные секретари Порш и Голубович (так и не принявшие участия в переговорах).

Тем временем в Киев 18 декабря пришла телеграмма от делегаций Центральных держав с уведомлением о том, что мирная конференция начнет свою работу 22 декабря. Украинские делегаты отправились в путь и прибыли в Брест 19 числа. На следующий день на имя генерала Гофмана пришла телеграмма от представителя российской делегации А.А. Иоффе с отказом принять условия мира, предложенные Германией, и требованием перенести переговоры на нейтральную территорию, в Стокгольм. Представители Четверного союза ответили на это отказом. Впрочем, через время одумались, испугавшись, что сорвут таким образом заключение мирного договора с Россией, который имел для немцев на тот момент жизненно важное значение. И Германия, и Австро-Венгрия находились на грани полного истощения материальных и человеческих ресурсов. Кроме того, в них начинались голод и революционное брожение, поэтому следовало всемерно спешить с заключением сепаратного мира с Россией, а в случае неудачи следовало использовать в качестве «партнера» по мирным переговорам «украинцев» с их

фиктивным «государством». Именно в них видели свое спасение запаниковавшие немцы. «Настроение как у нас, так и у германцев весьма подавленное, — записал в дневнике 22 декабря граф О. Чернин, возглавлявший австрийскую делегацию. — Если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. *Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской делегацией*»⁵⁰... Еще один участник переговоров, статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Р. Кюльман: «Если бы удалось достигнуть с ними (украинцами) более или менее удовлетворительного соглашения, то можно было бы спокойно перейти с большевиками на более резкий тон и пойти в случае необходимости даже на разрыв»⁵¹... Вот для чего «украинцы» и были вызваны немцами в Брест: их можно было использовать как орудие шантажа.

Прибытие «украинцев» резко ослабило на переговорах позиции представителей Советской России, и, разумеется, немцы не упустили шанса эффективно распорядиться оказавшимся в их руках «украинским козырем». Но помимо этого «Украина» могла сыграть решающую роль и в преодолении катастрофического положения с продовольствием, сложившимся к концу 1917 году как в Германии, так и в Австро-Венгрии. А учитывая всю шаткость положения Центральной Рады, достижение этой цели не представляло особых трудностей. Немцы прекрасно понимали, что «украинцы» в еще большей степени зависят от них и нуждаются в их поддержке, поэтому без лишней дипломатии и не откладывая в долгий ящик объявили им свои предварительные условия.

30 декабря во время очередной пленарной встречи О. Чернин заявил, что Четверной союз, конечно, признает украинскую делегацию «как полномочное представительство самостоятельной Украинской Народной Республики», но «формальное признание... найдет свое выражение в мирном договоре»⁵². То есть «признание» УНР ставилось в прямую зависимость от сговорчивости «украинцев» в дальнейших переговорах. Это и стало той отправной точкой, которая определяла взаимоотношения двух сторон.

«Украинцы» особенно не артачились. С начала нового 1918 года их мучили дурные предчувствия. Прежняя неу-

веренность сменилась ясным осознанием надвигающейся катастрофы... На новогоднем вечере в Украинском клубе вместо отказавшегося произнести праздничный тост Винниченко слово взял генеральный секретарь почт и телеграфа Н. Е. Шаповал и заявил: «Вот вы веселые и радостные, не думаете, не гадаете, что этот первый год может быть и последним. Я как министр... который имеет вернейшие и надежнейшие последние известия, уверен, что Украине осталось жить не больше, может быть, *двух недель*. Скоро сюда придут большевики»⁵³. Министр ошибся в своем предсказании, буквально, на десяток дней... Обреченность Центральной Рады заметна была и для сторонних наблюдателей. «Песня Рады уже спета, — делился с коллегами своими впечатлениями вернувшийся из Киева 12 января полковник Генерального штаба А. В. Станиславский, — так как на ее стороне осталась только интеллигенция, а солдаты и крестьяне уже перешли на сторону большевиков»⁵⁴.

В. К. Винниченко, воздержавшийся на новогоднем торжестве от каких-либо прогнозов на будущее, на совещании фракции украинских социал-демократов (3 января 1918) поделился, по-видимому, давно вынашиваемой мыслью: «Какой у нас может быть выход? Возможно, заключение сепаратного мира и *призыв немцев на помощь*»⁵⁵. И был, конечно, стопроцентно прав: только поддержка *извне* могла помочь «украинцам» удержаться у власти. Тем более что в Малороссии у них появился конкурент, еще одна «украинская власть», причем, в отличие от Центральной Рады, с гораздо большими шансами на успех. Самым же интересным являлось то, что сама Рада и обеспечила появление параллельного центра влияния в крае.

Еще 4 декабря 1917 года в Киеве по инициативе местных большевиков должен был открыться Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Рада выступила вначале против съезда, но затем решила сделать его «своим», и бросила клич лояльным к ней армейским и крестьянским организациям направлять на него *всех желающих*, не считаясь с установленными большевиками нормами представительства. Трюк удался. Поездами, пароходами по Днепру, на лошадях по проселкам двинулись

в Киев сотни украинских активистов. В Центральной Раде, вспоминал позднее один из инициаторов съезда большевик В.П. Затонский, «их принимали, накачивали, угощали и, дав от себя руководителя, посылали в мандатную комиссию съезда. Люди приезжали с невероятнейшими мандатами: «Командир такой-то сотни украинского полка делегирует на Всеукраинский съезд своего денщика»... Кончилось тем, что мандатной комиссии пришлось оставить помещение... через окно. Бланки захватила разъяренная толпа»⁵⁶. Таким способом Раде удалось сколотить на съезде «свое» большинство. Его организаторов — большевиков даже не допустили в президиум, их ораторов освистывали или совсем не давали говорить. В итоге «украинцам» удалось добиться своего. Съезд Советов выразил доверие действующему составу Рады, отклонив предложение о ее переизбрании.

Но победа оказалась пиррова. Потерпев неудачу в Киеве, большевики, часть украинских левых эсеров и несколько украинских социал-демократов, разом представлявшие 49 местных Советов, выехали в Харьков, где вместе с делегатами ранее назначенного III Областного съезда Советов Донбасса и Криворожья 11–12 декабря 1917 года провели новый Всеукраинский съезд Советов. Съезд объявил, что берет на себя всю полноту власти в «украинской республике», лишает полномочий Центральную Раду и Генеральный секретариат, создает Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Советов «Украины» и правительство — Народный Секретариат. В радиотелеграмме, направленной из Харькова в Совнарком (15 декабря), говорилось, что ЦИК Советов Украины считает «непременной задачей... устранить вызванные прежней Радой столкновения... обратить все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии»⁵⁷...

Центральная Рада, получив противника в лице еще одного «украинского правительства», предприняла превентивные меры защиты. Все несогласные с ее политикой были объявлены «врагами народа, врагами Украинской Народной Республики, контрреволюционерами... будь то черносотенцы, большевики, кадеты или кто иной»⁵⁸. Началась ликвидация противников режима, причем совершенно бан-

дитскими методами. 28 декабря 1917 года один из депутатов сделал в Малой Раде запрос по поводу неизвестно кем чинимых обысков, арестов и других насилий.

Галицкие «сечевики», граждане *иностранного государства*, оставались единственными защитниками киевской Центральной Рады. Только благодаря им агония «украинской власти» затянулась еще на три недели. Да и то лишь в Киеве. В целом же по Малороссии и Новороссии власть переходила к большевикам.

22 января на левый берег в районе Дарницы вышли передовые части большевицкой армии под командованием М.А. Муравьева. После пятидневной осады эти войска и взяли Киев (27 января 1918). Центральная Рада поспешно бежала из города в поисках нового пристанища...

* * *

Между тем, в Бресте ее посланцы, как ни в чем не бывало, продолжали изображать, что ведут (от имени «Украины») некие «переговоры» с дипломатами Четверного союза. Последние, впрочем, прекрасно были осведомлены о реальном положении дел и использовали украинских делегатов строго по назначению, т.е. в интересах своих стран. Австрийцы для более четкого управления действиями украинской делегации вызвали в Брест уже знакомого нам Н.К. Зализняка, три года назад ими же изгнанного за воровство из «Союза Освобождения Украины». В Брест он прибыл под именем Савицкого из Стокгольма через Берлин якобы с дипломатической почтой от австрийского посла. Сразу же по приезде Зализняк явился к графу Чернину, который поручил ему немедленно выяснить: готовы ли украинские представители заключить отдельный мир с государствами Четверного союза. Встретившись с «украинцами», Зализняк сообщил графу, что, по их словам, «дела на Украине обстоят довольно плохо... украинские войска не хотят воевать с большевиками», а сами делегаты имеют устную инструкцию председателя Центральной Рады Грушевского как можно скорее подписать мир, чему всеми силами вредят большевики. После этого граф Чернин сам встретился с украинскими посланцами, которые заверили

его в том, что все свои действия будут координировать с немецкими участниками переговоров⁶⁰.

Впрочем, услужливость «украинцев» не добавила им авторитета в глазах немцев, совсем уже переставших церемониться со своими клиентами. 19 января (когда в Киеве шли ожесточенные бои за овладение центром города) граф Чернин пригласил к себе А.А. Севрюка и в присутствии Кюльмана и Гофмана «сухо и в довольно враждебном тоне» заявил, что в связи с затруднительным положением украинского правительства они предлагают делегации *готовый* проект мира с тем, чтобы назавтра пополудни «украинцы» подписали его. Гофман добавил, что хорошо знает положение украинского правительства и, если завтра договор не будет подписан, делегация свободно может возвращаться домой. Текст «договора» уместился на одном листе бумаги и состоял из трех пунктов: констатация окончания состояния войны, необходимость установления дипломатических и консульских отношений и обязательство правительства Украинской Народной Республики *доставить Центральным державам 1 млн. тонн хлеба и другого продовольствия*⁶¹.

К удивлению немцев, украинские делегаты проявили неожиданную строптивость и затянули с немедленным положительным ответом. Прекрасно сознавая всю унижительность отведенной им роли и не рассчитывая на уважение немецких дипломатов, «украинцы» все же надеялись на соблюдение с их стороны хотя бы *внешних приличий*. В конце концов, ведь не только немцы им нужны, но и *они* немцам. Между тем предложенный им текст «мирного договора» являл собой обычный *ультиматум*. В результате подписание «мирного договора» задержалось на несколько дней. Наконец, в ночь с 22 на 23 января А.А. Севрюк доложил в Киев о достигнутых украинской делегацией «успехах». Центральные державы согласились признать западную границу «Украины», намеченную Грушевским, правда, сильно откорректированную Гофманом. К тому же «украинцам» было предложено отказаться от требования немедленного освобождения оккупированных немцами Холмщины и Волыни. Их очищение немцы обусловили получением до лета 1 млн. тонн украинского хлеба. Со своей стороны австрийский представитель

также отказался от упоминания в договоре Восточной Галиции и Буковины («украинцы» предлагали выделить их в автономный коронный край Австро-Венгрии), предложив секретное обязательство своего правительства (впрочем, тоже после получения украинского хлеба) — со временем внести в парламент соответствующий законопроект⁶²... Таким образом, исполнение своих обязательств по «договору» немцы не только откладывали на будущее (очень неопределенное), но и обуславливали всякого рода условиями, чтобы от взятых обязательств в любой момент можно было отказаться (что они и сделали впоследствии). Обязательства брала на себя лишь украинская сторона, и сводились они, по сути дела, к одному пункту: *поставить Германии и Австро-Венгрии 1 миллион тонн хлеба и другое продовольствие*. Вот и весь «мирный договор». На таких вот «взаимовыгодных» условиях и согласились «украинцы» подписать мирное соглашение. 25 января (когда Рада в Киеве уже паковала чемоданы), Н.М. Любинский и австрийский представитель посланник Визнер согласовали последние детали и подписали секретный протокол, определивший объем продовольствия, подлежащего вывозу из Малороссии. Выполнение этих поставок союзная дипломатия поставила главным условием ратификации всего мирного договора. Любинский данное условие принял, но попросил у немцев разрешения «по парламентским причинам» не ставить под ним свою подпись как украинского делегата⁶³... Со всем остальным «украинцы» соглашались. Они тоже спешили. Спешили не меньше немцев. В Киеве Центральная Рада доживала последние дни... В течение 26 января в руках большевиков оказался почти весь город (бои шли только в Печерском районе), а Центральная Рада еще ночью скрылась из города на нескольких грузовиках, держа путь в направлении Житомира...

В ночь с 26 на 27 января Сталин сообщил в Брест Троцкому о бегстве Центральной Рады и полном занятии города советскими войсками: «Как видите, делегация киевской Рады в Бресте *представляет пустое место*»... Около двух часов ночи 27 января, не будучи уверенным в том, что российская делегация получила данную информацию (немцы, обеспечивавшие связь, не только прослушивали ее, но и, когда им

требовалось, вовсе отключали), Сталин продублировал это сообщение, а от себя добавил: «Своими хитросплетениями с проводами немцы могут скрыть истину, скажем, на один день, *заклячая фиктивный договор с мертвецами*, но неужели не понятно, что шила в мешке не утаишь»⁶⁴...

Однако очевидная фиктивность «договора с мертвецами» не стала препятствием для дипломатов Четверного союза. Не убоившись этой *фикции* и совершенно не интересуясь тем, где находится в данный момент Центральная Рада (и существует ли вообще?), они 27 января около двух часов ночи поспешили подписать с ее представителями «мирный договор». Не испугался в дальнейшем оформить эту *фикцию* и германский рейхстаг. На его заседании 7(20) февраля 1918 г. только социал-демократы независимцы устами своего представителя Ледебура выразили сомнение в правомочности заключения «договора» с фиктивной и никем не признанной «страной». На что лидер национал-либералов Штреземан, не отрицая сказанного Ледебуром, объяснил, выражая мнение большинства депутатов: «Это как рождение внебрачного ребенка, ничего не остается, как принять к сведению совершившийся факт... Теории господина Ледебура не могут утолить голода германского народа и накормить германский скот... Более благоразумно ввозить с Украины хлеб и корм для скота. *Благоразумно признать существование Украины*»⁶⁵...

Этой заинтересованностью Германии в «договоре» всё и определялось. Правда, на вечернем заседании 27 января глава российской делегации Троцкий сделал попытку дезавуировать украинский договор. Он заявил, что Центральные державы признали независимость «Украины» в тот момент, когда она, по заявлению украинского ЦИК Советов, *вошла в состав Российской Федерации*. Однако немецкие представители никак на это не отреагировали, заявив, что вопрос о том, кто именно правомочен представлять «Украину», в создавшемся положении потерял практическое значение⁶⁶...

Между тем украинские представители и после подписания «мирного договора» не спешили покинуть Брест-Литовск. Им еще предстояло решить судьбоносный для дальнейшего существования Центральной Рады вопрос — о *военной поддержке* со стороны Центральных держав.

Бежавшая из Киева Рада никак не могла заполучить в свое распоряжение хотя бы небольшой кусок «украинской территории». В Житомире не удалось надолго задержаться: к городу с севера, юга и востока приближались большевицкие части. Кроме того, житомирская городская дума вынесла постановление, в котором потребовала у Рады немедленно покинуть город. «Украинская власть» вынуждена была спешно ретироваться в Коростень, затем — в Сарны, и здесь уже на заседании 30—31 января официально выработать обращение к немцам о военной «помощи». Но хотя сразу передать его непосредственному адресату не удалось (у беглой Рады отсутствовала связь с Брестом), немцы *заранее* позаботились о дальнейшей судьбе своего клиента. В первых числах февраля генерал Гофман предложил остававшемуся еще в Брест-Литовске Н.М. Любинскому немедленно подписать уже *готовый текст* обращения «украинцев» к немецкому народу за помощью против большевиков. При этом предупредил: текст обращения *уже печатается* в Берлине. Любинскому, естественно, ничего не оставалось, как подписать предложенное «обращение». В нем среди прочего говорилось: «Мы глубоко убеждены в том, что немецкий народ, который любит спокойствие и порядок, не останется равнодушным, когда узнает про нашу беду. Немецкая армия, которая стоит против нашего северного врага, имеет силу, чтобы нам помочь и своим вмешательством защитить наши северные границы от дальнейшего вторжения врага»⁶⁷... Теперь «украинцы» могли вздохнуть с облегчением. Судьба Центральной Рады отныне была в надежных руках. Так, во всяком случае, им тогда казалось...

16 февраля н.ст. (Совнарком принял новое григорианское исчисление времени с 1(14) февраля 1918 года) германское командование через остававшегося в Бресте в качестве председателя комиссии по перемирию генерала А.А. Самойло известило российскую сторону о возобновлении с 18 февраля состояния войны.

Глава 4. Фантом «украинской дэржавы» (март 1918 — ноябрь 1921)

Генерал-майор Гофман мог гордиться собой. Да он и гордился, хвастливо заявив после Бреста: *«В действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»*¹... Лавры подлинного «отца-основателя» «самостоятельной и независимой» Украинской Республики немецкий генерал присваивал себе вполне заслуженно...

18 февраля 1918 года немцы, одновременно с началом операций на петроградском направлении, двинули свои войска и в малорусские губернии, прежде всего, захватывая под контроль железные дороги. Немецкое наступление сопровождалось «походным приказом», характеризовавшим операцию как оказание «военной помощи государству, с которым нас связывает договор против общего врага, большевиков»²... Использованные в приказе эвфемизмы — «военная помощь», «договор», «общий враг», — служили лишь дипломатическим прикрытием фактической *оккупации* юга России.

Уже после ее осуществления немцы и австрийцы заключили соглашение о разграничении сфер влияния (28 марта 1918). В немецкую зону оккупации вошли более обширные территории. Вслед за северо-восточной Волынью, оккупированной ими еще в начале войны, в их зоне оказались следующие города и области: Киев, Чернигов, Полтава, Харьков, Новочеркасск, Таврида и Крым. Австрийцы получили оставшуюся часть Волыни, Подолию, Херсон, Екатеринослав. Кроме того, немцы добились от австрийцев согласия на совместную оккупацию Николаева, Ростова и Мариуполя. Порты первых двух городов находились под управлением немцев, мариупольский — под управлением австрийцев. Два других черноморских порта, Таганрог и Новороссийск, переходили в исключительное владение немцев. Таким образом, именно Германии принадлежала решающая роль на оккупированной Русской территории.

Стремясь упрочить видимость «законности» своей военной интервенции, немецкое командование с первых дней начала наступления приняло меры к розыску и установлению связи с беглой Радой, чтобы получить от нее соответствующую «санкцию». Это удалось не сразу. Только *23 февраля* (немецкие войска уже маршировали по малороссийским городам) Рада, следовавшая в Житомир, сумела разродиться нужным заявлением. В нем она назвала немецкие войска «дружественными силами, приглашенными помочь нам в борьбе с врагами... не вынашивающими каких-либо враждебных намерений и сражающимися вместе с нашими казаками под командованием нашего боевого штаба»... Как видим, «украинцам» было даже позволено выставить себя в качестве руководящей и направляющей силы... Впрочем, никакими «сражениями» движение немецкой армии не сопровождалось. Никто не оказывал ей сопротивления. Большевики без единого выстрела оставляли города и населенные пункты сразу же, как только получали известие о приближении немецких войск... Так Центральная Рада на чужих штыках вернулась в Киев. Здесь (7 марта) она издала еще одно «заявление» с объяснением причин немецкой оккупации. В нем утверждалось, что это вовсе и не оккупация, что в Малороссию немцы пришли «на ограниченное время как *друзья и помощники* в трудный момент нашей жизни», что «у них (немцев) нет намерений изменять наши законы и постановления или ограничивать независимость и суверенитет нашей республики»³...

Понятно, что эта риторика не могла скрыть очевидного для всех факта, что никакой реальной власти у Рады не было и что само ее существование всецело зависело от немецких оккупационных войск. Тот же генерал Гофман отметил (12 марта 1918): «Трудность положения на Украине состоит в том, что *Центральная Рада, кроме наших войск, не имеет за собой никого*»⁴...

Разумеется, немцы и до своего вступления в Малороссию не обманывались в отношении того «государства», от имени которого выступала Центральная Рада, но только здесь на месте убедились, насколько оно иллюзорно. В Берлин и Вену полетели телеграммы, однотипные по своему содержа-

нию: «*Никакой Украинской республики в действительности нет... это один **фантом***», а в реальности существует лишь «*кучка молодых политиков* весьма радикального направления, которой удалось каким-то образом очутиться в роли правительства»⁵... Сам качественный состав этой «кучки политиков» исключал какую-либо конструктивную их работу. Представитель Австро-Венгрии в Киеве граф Форгаш писал в Вену, что тщетно ищет среди украинских деятелей людей, если не широко образованных, то хотя бы просто разумных и ответственных: «Все они находятся в опьянении своими социалистическими фантазиями, а потому считать их людьми трезвого ума и здоровой памяти, с которыми можно было бы говорить о серьезных делах, не приходится. Население относится к ним даже не враждебно, а иронически-презрительно»⁶...

Полное отсутствие у Центральной Рады авторитета, ее неспособность к любой, даже самой рутинной деятельности серьезно беспокоили немцев, ведь именно с помощью Рады (и, главное, *от ее имени*) они рассчитывали наладить поставки из Малороссии столь необходимого для Германии продовольствия, что, собственно, и являлось главной целью оккупации. Начальник штаба немецких войск в Малороссии генерал В. Грёнер формулировал ее совершенно четко: «*Снова посадить в седло украинское правительство, обеспечить ему поддержку германских вооруженных сил и, прежде всего, изъять с Украины зерно и продовольствие — чем больше, тем лучше!*»⁷... Увы, Рада явно не была готова оправдать возлагавшиеся на нее надежды. Прибывший вместе с оккупационной армией немецкий публицист К. Росс в своем докладе для командования германского Восточного фронта, анализируя ситуацию, сложившуюся в крае, отмечал: «Нет никакой центральной власти, захватывающей более или менее значительную территорию. Автономны области, города, уезды, даже села и деревни. Власть в них принадлежит различным партиям, авантюристам и диктаторам. Можно встретить деревни, опоясанные окопами и ведущие друг с другом войну из-за помещичьей земли. Отдельные атаманы властвуют в областях... В их распоряжении... пулеметы, орудия, бронированные автомобили»⁸... Влияние

Рады по-прежнему ограничивалось пределами Киева и его окрестностей.

А вскоре немцы увидели, что Рада лишена не только социальной базы, но и всякой *национальной* основы, и что не только «украинское государство» — *фантом*, но и «украинский народ», от имени которого выступала Центральная Рада, точно такой же **фантом**. «*Нет никакой украинской национальной мысли, по крайней мере в Южной Украине*», — докладывал в Вену австрийский генерал-майор Вальдштетен 16 мая 1918 года. — *Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает.* Главное, интеллигенция — не исключая еврейской ее части — за союз с Россией»... Вальдштетен вынес убеждение, что этот союз «рано или поздно снова наступит», слишком много общего у «Украины с Россией» — «язык, религия, хозяйство»⁹... Ценное свидетельство об этнической самоидентификации населения Малороссии в этот период приводит и видный деятель КП(б)У, неоднократно занимавший пост наркома просвещения УССР В.П. Затонский (1888–1938): «Не только рабочие, но и крестьяне, украинские крестьяне, не терпели тогда «украинцев» (мы через делегацию Раковского в Киеве получали протоколы крестьянских собраний, протоколы в большинстве были с печатью сельского старосты и все на них расписывались...). В этих протоколах крестьяне писали нам: **мы все чувствуем себя русскими и ненавидим немцев и украинцев и просим РСФСР, чтобы она присоединила нас к себе**»¹⁰...

Для германского командования стало, наконец, совершенно очевидным, что Рада, лишенная всякой поддержки местного населения, не только не сможет содействовать исполнению его планов, но и напрямую им *мешает*. Даже провозглашение популистских социальных лозунгов (и, прежде всего, даровой земли крестьянам) не добавляло Раде популярности, а попытки провести их в жизнь — только усугубляли экономическую разруху.

В деревне царили хаос и безвластие. Объявленная Радой «социализация земли» фактически отменила всякую земельную собственность, и для нового ее передела были организованы «земельные комитеты». Но их деятельность

еще больше усилила неразбериху в и без того запутанном вопросе о землепользовании, правах на урожай озимых и посева яровых хлебов, до предела обострив борьбу различных социальных групп в аграрном секторе. Деревню захлестнула волна насилия. Украинский деятель Н.М. Могилянський вспоминал: «Так же, как и в коренной России, социализация земли кончилась грабежом имений, насилиями, издевательствами, иногда убийством помещиков. Так, например, в Черниговском уезде была зверски убита целая семья помещиков Комаровских из 12 человек. Когда тяжело раненые, недобитые несчастные умоляли дать воды, убийцы отвечали: «Подохнешь и так!»... Людей убивали, усадьбы горели и разорялись, а социализация оставалась пустым звуком»¹¹...

Немцы поначалу старались не вмешиваться в аграрные отношения, но криминальный передел земли, сопровождавшийся кровавым террором и насилием, ставил под угрозу срыва весенний сев, а этого они не могли допустить. 6 апреля 1918 года командующий немецкими войсками в Малороссии фельдмаршал Эйхгорн издал приказ, срочно распространенный по селам, с предписанием произвести полный засев сельскохозяйственных площадей. Причем крестьянам разрешалось взять земли не больше, чем в настоящий момент они могли обработать. В противном случае их ожидало строгое наказание. Образовавшиеся таким путем излишки площадей «земельные комитеты» должны были вернуть для засева помещикам, предоставив им инвентарь, посевной материал и прочее. Немецким комендантам на местах предписывалось немедленно приступить к исполнению данного распоряжения, и для этого предоставлялась полная свобода действий.

Командиры отдельных воинских частей германской армии принялись рьяно проводить приказ в жизнь, не считаясь с протестами «земельных комитетов», с которыми несколько не церемонились. Так, в Конотопе комендант Блейман пригрозил, что выпорет весь комитет, если он своими действиями будет саботировать посев. А на заявление присутствовавшего на заседании представителя Рады Тихона Осадчего, что он — «лицо неприкосновенное» как депутат Центральной Рады, ответил: если тот «не переста-

нет говорить глупости, то будет выпорот немедленно, тут же, в заседании комитета». Осадчий замолчал. А несколько недель спустя ему пришлось-таки быть выпоротым, но не немцами, а своими же односельчанами — зажиточными крестьянами села Гиравки, у которых по его распоряжению была «социализирована» земля¹²...

Весьма показательно, что «украинский парламент» первоначально даже *не знал* о приказе Эйхгорна, хотя он уже повсеместно проводился в жизнь. О его существовании Рада узнала лишь *неделю спустя*, когда приказ был опубликован в киевских газетах, и тогда только сподобилась «протестовать» против «самовольного вмешательства германского и австро-венгерского высшего командования в социально-политическую и экономическую жизнь Украины»¹³. Была даже послана жалоба в Берлин, на которую, естественно, никто не обратил внимания. Немцы уже поняли: декорации «самостийной Украины» нуждаются в срочном обновлении...

* * *

23—24 апреля 1918 г. в Киеве состоялось австро-германское совещание, в котором приняли участие немецкий посол Ф. Мумм, австрийский — Й. Форгаш, генерал Грёнер и другие представители Германии и Австро-Венгрии. На нем было признано, что дальнейшее сотрудничество с Радой невозможно, поэтому в приемлемый срок следует создать новое «украинское правительство», которое будет беспрекословно подчиняться всем приказам германского и австрийского командования. Это будущее «правительство» должно было согласиться с целым рядом условий. Пока немецкие и австрийские войска остаются в Малороссии, исключается формирование какой-либо «украинской армии». Численность украинских полицейских сил определяют сами оккупационные державы. Украинская администрация должна быть немедленно очищена от всех «аморальных элементов» (под которыми понимались революционные радикалы любой партийной принадлежности). «Земельные комитеты» и подобные им органы должны быть распущены. Все ограничения на торговлю продовольствием и сырьем, введенные

правительством Рады, объявляются недействительными. Аграрная проблема решается на основе принципа частной собственности. Крестьяне должны вносить плату за землю, оказавшуюся в их владении. Крупные земельные хозяйства сохраняются. Поступали предложения и о введении прямого немецкого правления и создания из Малороссии «генерал-губернаторства». Но послы Ф. Мумм и Й. Форгаш настояли на сохранении того, что они называли «*украинским театром*». Их поддержал и генерал Грёнер, исходивший из того, что для полной оккупации территории, большей, чем сама Германия, имеющихся воинских сил явно недостаточно (основная их часть была сосредоточена на Западном фронте). Поэтому генерал рекомендовал сохранять и дальше фиктивное «украинское государство», которое рассматривал в качестве удобного прикрытия для германского господства и эксплуатации края¹⁴. Совещание наметило и «правительство», соответствующее поставленным задачам...

Центральная Рада, чувствуя, что немцы собираются отказаться от ее услуг, сделала попытку предотвратить неизбежный конец, но реакция ее была совершенно странной и неадекватной. «Министры» военный и внутренних дел (А. Жуковский и М. Ткаченко) при одобрении «премьер-министра» Голубовича решили организовать *похищение* киевского банкира еврея А. Доброго, которого они (совершенно безосновательно) сочли ведущей фигурой формирующегося против Рады «заговора». А. Добрый, действительно, являлся откровенным противником Центральной Рады и ее политики, но в целом относился к ней вполне лояльно и в этот момент даже состоял членом комиссии, созданной Радой для ведения экономических переговоров с немцами. Если он и знал о решении представителей Центральных держав о ликвидации Рады, то в выработке его мог играть лишь подчиненную роль. Тем не менее, 24 апреля в квартиру А. Доброго ворвались четыре вооруженных человека в масках, с револьверами в руках (один из которых был сам «военный министр»), заставили хозяина выйти, усадили в автомобиль и увезли в неизвестном направлении.

Это похищение банкира среди белого дня вызвало в Киеве большой резонанс, но на все запросы родственников и

немцев правительство Рады отговаривалось незнанием и обещанием «расследовать дело». Тогда немцы сами занялись поисками А. Доброго и установлением виновных в его похищении. Они быстро выяснили, что банкир был увезен в Харьков, где и содержался в вагоне на запасном пути под охраной верного М. Ткаченко отряда. Немцы освободили его и привезли в Киев.

Похищение финансиста имело ряд практических следствий. 25 апреля 1918 г. по всему Киеву были расклеены афиши на русском и немецком языках с очередным приказом фельдмаршала Эйхгорна. Приказ гласил, что все лица, виновные в преступлениях против немецких и союзных войск, нарушении общественного порядка подлежат суду немецких военных трибуналов. Запрещались всякие уличные сборища, а также попытки нарушить общественную безопасность устной агитацией, в печати или каким-либо другим способом. Газеты, виновные в таких проступках, будут немедленно закрываться. Приказ объявлял о принятии особых мер для охраны Киева и немедленном отдаении под суд всех, кто совершает противозаконные действия¹⁵... Вслед за приказом последовали и конкретные меры. 26 апреля немцы разоружили находившуюся в Киеве (и числящуюся «украинской») дивизию «синежупанников», составленную из Русских военнопленных и незадолго до этого привезенной из Германии. Одновременно в Ковеле была разоружена находившаяся на марше точно такая же дивизия «серожупанников». А 28 апреля взвод немецких солдат разогнал и саму Центральную Раду.

Очевидец этого «исторического события» А.А. Гольденвейзер описал его следующим образом: «... приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать, и около 4 часов дня на трибуне появился Рафес (представитель Бунда в Центральной Раде). Его речь — последняя речь, сказанная в Раде... Рафес еще говорил заключительные фразы своей речи, когда с лестницы донесся шум. Дверь в зал растворилась, и на пороге появились немецкие солдаты. Несколько десятков солдат тотчас вошли в зал. Какой-то фельдфебель (потом выяснилось, что это был чин полевой тайной полиции) подскочил к председательскому креслу и на ломаном

русском языке крикнул: «По распоряжению германского командования объявляю всех присутствующих арестованными. Руки вверх!». Солдаты взяли ружья на прицел. Все присутствующие встали с места и подняли руки. С поднятыми руками, саркастически улыбаясь, стоял на трибуне Рафес...

Грушевский, смертельно бледный, оставался сидеть на своем председательском месте и единственный во всей зале рук не поднял. Он по-украински говорил что-то немецкому фельдфебелю о неприкосновенности прав «парламента», но тот его еле слушал. Немец назвал несколько фамилий, в том числе Ткаченко и Жуковского, которые приглашались выступить вперед. Никого из названных в зале не оказалось. Тогда всем депутатам было предложено перейти в соседнюю комнату; при этом в дверях залы заседания солдаты ощупывали нас, ища оружия... Наше сидение взаперти продолжалось не больше часу. Вдруг двери на лестницу раскрылись, и кто-то грубым и насмешливым тоном крикнул нам: «Raus! Nach Hause gehen!» («Вон! Расходишь по домам!»). Депутаты послушно исполнили немецкий приказ¹⁶...

«Смелое» поведение Грушевского, единственного, кто осмелился ослушаться приказа немецкого фельдфебеля и не поднял рук, оставшись сидеть, объясняется тем, что тот *заранее* был осведомлен немцами, а фельдфебель получил соответствующие инструкции¹⁷. Немцы проявили максимум предупредительности в отношении давнего своего *агента*...

Впрочем, германское командование милостиво позволило собраться Центральной Раде еще раз. На следующий день (29 апреля) ее депутаты явились на заседание и, словно ничего не случилось накануне, занялись... «законотворчеством». Был принят проект «конституции» УНР и единогласно изменен «земельный закон»: частная собственность на землю восстанавливалась, причем наделы до 30 десятин не подлежали отчуждению. Помимо этого Рада выбрала Грушевского президентом «Украины». Но все эти «дэжжавни акты» уже мало кого интересовали...

Параллельно заседанию Центральной Рады в Киеве в помещении цирка на Николаевской улице в тот же день начал свою работу «Конгресс хлеборобов», собранный по инициативе «Союза земельных собственников». На конгресс

прибыло 6 432 делегата со всех регионов Малороссии и Новороссии. Все они представляли слой зажиточных крестьян, особенно пострадавший от кровавых грабежей и анархии, захлестнувших деревню. После ряда докладов и речей с резкой критикой Центральной Рады и требованием положить конец анархии, поступило предложение выбрать *«гетмана всея Украины»*, которым тут же и был провозглашен генерал Павел Скоропадский (1873—1945). Новоявленного «гетмана» наделили диктаторскими полномочиями для спасения края от «хаоса и беззакония». Тем временем организованные еще одним генералом Дашкевичем—Горбацким отряды «гетманцев» приступили к занятию правительственных зданий и учреждений. Нигде никто не оказывал им никакого сопротивления. Конный отряд охраны Центральной Рады под командой полковника Аркаса в полном составе перешел на сторону Скоропадского. Только галицкие «сечевые стрельцы» попытались защитить Раду, убив при этом трех «гетманцев», но их сопротивление было быстро сломлено, и уже вечером Коновалец явился к Скоропадскому... с предложением своих услуг. Гетман от них отказался, галичан разоружили и распустили. Распущена была и Рада без всяких указов и церемоний: небольшой отряд «гетманцев» выгнал депутатов из здания и отпустил на все четыре стороны. Переворот был совершен без всякого участия немцев, которые знали, что никаких реальных сил, готовых защищать Раду, в ее распоряжении не имеется, и потому несколько не сомневались в успехе инициированного ими мероприятия. Так все и вышло: никто не пожелал выступить в защиту Рады, даже ее собственная охрана, а весть о ее падении вызвала в Киеве всеобщее ликование.

Но и это не все. Заключительным эпизодом существования Центральной Рады стал организованный немцами суд над украинскими «министрами», устроившими похищение банкира А. Доброго. На скамье подсудимых оказались А.Т. Жуковский, два директора департамента и начальник уголовного розыска (М. Ткаченко удалось скрыться). Процесс длился три дня. По свидетельству С. Сумского, подсудимые вели себя крайне недостойно: «Они оправдывались, путали, просили о снисхождении и снова путали, путали без

конца. Прокурор, типичный грубый прусский лейтенант, третировал подсудимых, как мальчишек, обращался с ними пренебрежительно: «Когда с вами разговаривает прокурор, вы должны стоять ровно и не держать рук в карманах»...

Это было почти драматично — и вследствие невыносимой грубости прокурора, и вследствие жалкого испуганного вида подсудимых: они боялись, по-видимому, смертного приговора, хотя прокурор требовал всего лишь двух лет тюремного заключения во внимание к молодости и незрелости подсудимых... Но самый драматичный эффект прокурор подготовил к концу, ко времени допроса премьер-министра Голубовича. Относительно участия Голубовича в похищении не было никаких данных, и путем тонкого допроса прокурор вырвал у Голубовича сознание. Ему предшествовала истерика; для успокоения премьер-министра пришлось устроить перерыв. После перерыва премьер-министр сознался, и из свидетельской комнаты ему пришлось перейти на скамью подсудимых. Премьер-министр обещал прокурору больше никогда этого не делать. Прокурор в этом несколько не сомневался: «Я не думаю, — сказал он, — что вам вновь когда-нибудь придется стоять во главе правительства».

Его тоже приговорили, кажется, к двум годам тюрьмы.

Большого позора для украинского правительства, чем этот процесс, не придумаешь, хотя обыкновенно все симпатии бывают на стороне подсудимых. Симпатии огромного зала, как это ни дико, были целиком на стороне суда: немцы великолепно организовали этот процесс. Когда я уходил из зала суда, какой-то старичок, сидевший в публике, обернулся ко мне и сказал: «Слава Богу, что немцы освободили нас от этих мальчишек и бандитов»¹⁸...

* * *

Так бесславно и позорно завершилась история правления Центральной Рады. Все решила воля *ее истинных хозяев — немцев*: пока они нуждались в Раде, она существовала. Как только Рада перестала их устраивать — она исчезла, бесследно растворившись в исторической текучке событий. И это ее бесследное исчезновение в качестве «власти» лучше всего демонстрирует, что Центральной Раде не на кого было опереться, кроме *немцев*. Пытаясь навязать свою

сепаратистскую идеологию *Русскому по национальности* населению, «украинцы» изначально были обречены на отсутствие всякой поддержки с его стороны. И они сами это *знали*, почему и организовали *сознательно и преднамеренно* немецкую оккупацию Малороссии, ибо только в условиях этой *оккупации* могли изображать из себя некую «власть». Это было именно *осознанным стремлением*, а не временным компромиссом или следствием неблагоприятных исторических обстоятельств. *Опора на иноземного оккупанта* представляла собой *принципиальную установку* всей украинской доктрины.

По воспоминаниям большевика А. Мартынова, один из украинских деятелей обосновывал ее таким образом: «Наша беда в том, что у украинского селянства еще совершенно нет национального сознания». И из этого *реального факта* — отсутствия «украинского сознания» в широких массах малорусского населения (а откуда ему было там взяться?) он и выводил *полезность* иностранной оккупации: «*Чтобы создать свою Украину, нам необходимо призвать на помощь чужеземные войска. Когда иностранные штыки выроют глубокий ров между нами и Москвией, тогда наше селянство постепенно привыкнет к мысли, что мы составляем особый народ*»¹⁹... Вот ведь как: жителей Малороссии еще предстояло (не будем забывать: речь идет о начале XX века!) **приучить** к тому, что они — «**украинцы**» и «**особый народ**». А этого можно было достигнуть лишь при опоре на «**иностранные штыки**», которым и надлежало вырыть «**непроходимый ров**» между Малороссией и остальной Россией. Здравым и логичным вопросом: зачем населению, у которого «*совершенно нет украинского сознания*», пытаться всеми способами навязать таковое? — сепаратисты почему-то не задавались и до сих пор не задаются. Видимо, в силу *специфических особенностей* своего мышления... Впрочем, в тот момент Центральной Раде даже с помощью иностранных штыков не удалось решить задачу «*постепенно приучить...*», зато **опора на внешнего оккупанта** с той поры обрела значение непрекаемого догмата украинского сепаратизма. Вот что писал, уже находясь в эмиграции, Симон Петлюра: «Лозунг «ориентации только на собственные силы», если оценивать его

в свете исторического опыта, является предложением без содержания и самообманом, которым может пользоваться кто угодно... Нужно найти для украинских государственных интересов среди влиятельных международных сил такие, которые бы можно было заинтересовать идеей украинской государственности и которые имели бы реальную выгоду от этого для себя, то ли политическую, то ли материальную»²⁰... Типично украинский ход мысли: если «идеей украинской государственности» *не удастся заинтересовать население Малороссии*, следует искать «международные силы», которые сочтут «украинскую государственность» прибыльным для себя предприятием и поддержат с целью извлечения *выгоды* («то ли политической, то ли материальной»)... В «заинтересованных силах» недостатка не было: Австрия и Польша, Германия и Венгрия, сегодня НАТО и США, — кто только не извлекал (и продолжает извлекать) выгоду из украинского проекта. Но это всегда была *их* выгода, а «украинцы» служили лишь подручным *средством* ее извлечения. При чем же здесь «самостийна и незалежна Україна»?.. Те же немцы, *использовав* Центральную Раду, сразу же разогнали ее, как только увидели, что она перестала соответствовать *их интересам*. И это было совершенно закономерно.

Да и могло ли быть иначе? Любое соглашение с любым украинским режимом иностранные державы стремились использовать для извлечения выгоды, но никак не для создания «украинской государственности». Вот, например, еврейский деятель Арнольд Марголин, являвшийся заместителем «министра иностранных дел» в одном из «правительств» петлюровской Директории, приводит в своих воспоминаниях условия соглашения, на которых Франция готова была оказать помощь «украинской государственности» (январь 1919): «Во-первых, французы потребовали передачи им контроля *железных дорог и финансов* Украины. Во-вторых, было поставлено неременное условие об уходе из состава Директории Винниченко и из состава правительства Чеховского, как наиболее левых элементов, вопрос же о Петлюре был оставлен пока открытым. В-третьих, в отношении аграрной реформы вводился принцип вознаграждения собственников.

Со своей стороны Франция должна была признать Директорию как фактическое правительство Украины, впредь до разрешения конференцией мира вопроса о суверенности Украины. Далее французское командование обязывалось оказать украинской армии в войне с большевиками помощь как техническую (вплоть до танков), так и людьми, а в особенности инструкторами. В марте в Одессе даже появились греческие войска, предназначавшиеся для этой цели, кроме того, намечалось формирование французских и румынских батальонов... Проект соглашения был уже изготовлен в письменной форме. Оставалось его подписать»²¹... Изменившаяся международная обстановка вынудила французских представителей в самый последний момент прервать переговоры. Но примечательно то, что «украинцы» были *согласны* с предложенными условиями, т.е. готовы были отдать под контроль *иностранного государства* железные дороги (в тогдашних условиях, практически, всю транспортную сеть), *финансы, формирование правительства* и даже *оборону* «суверенной Украины». Но после исключения всех выше перечисленных сфер, что же оставалось от *государственно-го суверенитета* «украинской дэржавы»?.. Ничего. Пустой звук. Ну, может быть, обогащение небольшой кучки людей, готовых нажиться на *колониальном* статусе своего края. Вот и вся украинская «самостийность»...

И здесь мы переходим к указанию еще одной причины краха Центральной Рады, имевшей сугубо внутренний источник. Все дело в том, что люди, провозгласившие на территории южной России «украинское государство», по самой своей сути не были *государственниками*. В своем мирозерцании, психологии, практических устремлениях они, несмотря на громкие державные заявления, продолжали оставаться заурядными *сепаратистами*, т.е. **антигосударственниками**. И далеко не случайно во всех своих Универсалах, которые сама Центральная Рада рассматривала в качестве основополагающих «государственных актов», в отношении провозглашенной ею «Украины» использовался исключительно термин «**край**», а не «страна», например. (До этого «украинцы» додумаются намного позже...) «Край» потому, что «Украйна» является лишь *частью* более крупного *целого*,

а *страны* под таким названием никогда не существовало. (Да и сейчас не существует, несмотря на все провозглашаемые в Киеве «акты» и «договоры»...)

Бумага, как говорится, все стерпит, и что мешало «украинцам» еще в ту эпоху начать твердить: «страна», «страна», «страна»... А мешало им только то, что по своему мировоззрению и психологии они являлись убежденными и законченными *сепаратистами*, т.е. мыслили совершенно другими категориями. Да, они могли содействовать разрушению государственного порядка, но строить его — не были способны по определению. *Созидание* — не их стихия. Если в процессе развала Русского государства они еще могли принять некоторое (пусть и подчиненное) участие, и даже достигли при этом кое-каких «успехов», то когда ситуация кардинально изменилась, и они оказались перед необходимостью практического устройства провозглашенной ими же «дэржавы», выявилась их полная неспособность к этому, мизерный масштаб тех личностей, которые внезапно оказались в роли «правительства» и «власти». Даже наблюдатели, вполне сочувствовавшие украинскому движению, вынуждены признавать полную неподготовленность украинских деятелей к той роли, которую они пытались сыграть. Самостийник В. Андриевский, современник событий, считавший, что Центральная Рада являлась недостаточно украинской (потому что не сразу выступила за полную самостийность «Украины»), в тоже время так характеризовал ее главных деятелей: «Но с другой стороны, я очень хорошо знал ее состав, как и ее ведущих мужей — с самого начала аж до сего дня. Кроме двух—трех лиц, которых я мог на пальцах пересчитать, которых я уважал и мог бы от них ожидать чего-то разумного (как напр. проф. Грушевский, который тогда еще был славным профессором Михаилом Грушевским, а не украинским эсером, или С. Ефремов, или покойный И.М. Стешенко) остальные были *безграмотными в любом отношении*, а не только в политике. Еще хорошо если студенты первого курса, как В. Винниченко и Н. Ковалевский, а то бухгалтера, кооператоры, «известные общественные деятели» и просто люди «неопределенных» занятий, большей частью «ура-социалисты» по убеждению

ям и *демагоги по специальности*»... Творческим потенциалом вождей Центральной Рады соответствовала и окружающая их «массовка»: «Уровень моральный, да и интеллектуальный простых рядовых ее членов я знал хотя бы на примере полтавских депутатов: солдата Матяша и того солдата, что в «окопах кровь проливал». Огромное большинство было в том же роде. Потому-то и не удивительно, что люди, которым приходилось заночевать в интернате для «депутатов» (Институтская, н-р 17), иногда на другой день не находили своих часов или кошелька.

Да, ни сама Центральная Рада, ни ее генеральные секретари не стояли на надлежащей высоте, чтобы им вообще можно было доверить какое-то серьезное дело»²²... Вот почему всё, за что бы они ни брались, приобретало оттенок дурно поставленного спектакля (**«украинский театр»!**) с плохими актерами и убогим реквизитом. Даже армия, этот важнейший атрибут государственности, в своем «украинском» исполнении обрела откровенно водевильный характер. Вот лишь несколько ее зарисовок: «Вслед за немцами появились на улицах верховые отряды. На лошадях сидели люди точно из малороссийской оперетки: какие-то пестрые шаровары, закрученные усы и длинные болтающиеся оселедцы. Эти Назары Стодолы только-только не были подкрашены... То были украинские гайдамаки, идеал свой возводившие к временам Железняка и Гонты, гордость и опора немногочисленной украинской армии. Было что-то нездоровое во всем этом гайдамачестве, и оно было бы смешно и безвкусно, как всегда смешна и безвкусна бывает провинциальная оперетка, играющая для сбора «Короля Лира», если бы у персонажей этой оперетки не было настоящих винтовок...»²³. Впрочем, даже настоящие винтовки так и не помогли этому воинству стать «армией»: «Все в Малороссии прекрасно знали, что украинское войско — это, действительно, миф, сочиненный для удовольствия «ширых» украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появлявшиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской

сцены Кропивницкий или Тобилевич—Садовский, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Появление украинских гайдамаков — это была шутовская интермедия в тяжелой кровавой драме мировой войны и «русской» революции, но никоим образом не один из ее важных актов»²⁴. И совсем не случайно этой шутовской «армии» так и не удалось отметить свой «боевой путь» хотя бы одним настоящим «сражением»...

Столь же опереточный характер носили и остальные «государственные» начинания «украинцев», так и не вышедшие за рамки многочисленных и совершенно несбыточных прожектов. В сущности, *единственным* «государственным» деянием всех украинских режимов — и Центральной Рады, и Гетманства, и сменившей их Директории, — стала так называемая *украинизация*, или (если расшифровать подлинный смысл этого понятия), политика *сознательной порчи* Русского языка и Русского образования Малороссии. Это умышленное уродование культурного облика края, собственно, и воспринималось украинскими деятелями в качестве *единственного средства* и — одновременно — *цели* затеянного ими «государственного строительства»...

* * *

Именно в широком распространении искусственной «украинской мовы» надеялись сепаратисты почерпнуть «доказательства» существования отдельного «украинского народа». Хотя, беря во внимание тогдашнюю ситуацию, трудно себе представить более нелепое и глупое начинание, причем заведомо обреченное на провал.

Так и воспринималась эта затея современниками с самого начала деятельности «украинской власти». Вот, например, что писал по поводу данной сферы деятельности Центральной Рады князь Н.Д. Жевахов: «Трудно было себе представить нечто более бессмысленное, и стыдно становилось за окружающих... По приезде в Киев я застал работу «правительства» по украинизации города в самом разгаре, но даже не был удивлен, увидев, что такая работа и началась и кончилась только заменой городских вывесок на русском языке «украинской мовой», рождавшей крайне нелепые со-

четания слов и выражений и вызывавшей смех. На нечто более серьезное глупая «Рада» была, очевидно, неспособна и киевляне снисходительно взирали на ее эксперименты, считая их вполне безобидными и несколько не угрожающими государственному отделению Малороссии от Великороссии»²⁵... С воцарением в Киеве украинской Директории (декабрь 1918) история с вывесками повторилась снова. На этот раз инициатором их украинизации стал Коновалец, исполнявший функции «коменданта» города. «Однажды, — писал в своих воспоминаниях А. Царинный, — он издал приказ: в течение трех дней под угрозой драконовских штрафов заменить украинскими все вывески над магазинами, таблички врачей с указанием часов приема и другие общественные надписи на русском языке. Маляры собирали огромные деньги за спешную перекраску вывесок, докторские таблички повсеместно исчезли за невозможностью быстро их переделать. С тех пор в Киеве появились «ядлодайни», «цукерни», «голярки», «блатватные», «спожившіє склепы» и другие непривычные для киевских ушей названия, заимствованные из галицкого русско-польского жаргона. После, при большевиках, при деникинцах и опять при большевиках, вывесок некому и некогда было переделывать, и на память о глупом произволе Коновальца они во всем своем языковом уродстве красовались еще в 1922 году»²⁶...

Но если к экспериментам с вывесками на фоне тогдашних трагических событий еще можно было отнестись со снисходительным юмором, то придание украинскому волапюку статуса *официального языка* привело на практике к огромному количеству совершенно искусственных трудностей и полному канцелярскому маразму. И все же «украинцы» упрямо, в приказном порядке внедряли «мову» в жизнь... а она все равно не могла в ней закрепиться. На состоявшихся в 1918 году «всеукраинских съездах» учителей и журналистов отмечалось, что крестьяне, собираемые на сельские сходы, не понимают «украинского языка» и часто после выслушивания речей правительственных уполномоченных на «державной мове» *требуют перевести сказанное на Русский язык*... В сообщении «Союза хлеборобов Полтавщины», направленном в Киев, указывалось: «Новые законы... деревенское население

не в состоянии усвоить по официальному тексту и оно ждет *русского перевода*»²⁷... Газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 г. обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к украинским властям. В нем говорилось, что при делопроизводстве в учреждениях нет необходимости переходить с Русского языка на «мову», поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением — с другой, никогда не было». «Более того, — указывалось в обращении, — такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти *ничего общего с местным просторечием не имеет*». Служащие же вполне понимают это просторечие, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». А вот *украинской «мовой» никто не владеет*²⁸... Еще более показательный случай описывает большевик И. К. Михайлов, возглавлявший в начале 1918 года администрацию Таращанского уезда Киевской губернии. Это был как раз тот момент, когда немцы начали свое продвижение в Малороссию, и Михайлов составил воззвание с призывом оказать неприятелю сопротивление. По предложению «украинцев» оно было написано на «мове» (как пишет Михайлов, «на украинском-галицком языке»), а под украинским текстом публиковался русский. Вечером сам Михайлов вышел прогуляться по Тараще, чтобы посмотреть, «как будет относиться местное население к призыву. Останавливаюсь на улице у толпы, читающей на заборе наше воззвание. Читает кто-то громко по-галицийски. Все слушают. «На яком же это собачьем языке напечатано?» — спрашивают многие. Кто-то начал читать воззвание по-русски. «Во, це по-нашому напечатано» — как бы в один голос заявляют слушатели. «Читай громче, теперь понимаем, а то *не по-нашему было*»»²⁹...

Понятно, что навязывание искусственного и никому непонятного языкового жаргона столкнулось с активным сопротивлением, прежде всего, людей образованных, которые сразу же поняли, что единственной целью перевода на «мову» системы образования является *повальное оглушение* населения Малороссии. Первыми запротестовали родители школьников. У В. К. Винниченко читаем: «Начался целый

ряд заседаний школьных советов, школьных родительских комитетов, на которых, дружно объединившись, черносотенец и демократ единодушно стали выносить протест за протестом, посылая их в правительство. *Они протестовали против «насильственной украинизации»*³⁰... Категорически против нее высказался и Всеукраинский съезд родительских организаций, состоявшийся в июне 1918 года в Киеве. Как отмечалось на съезде, «ослабление русской культуры на Украине привело бы к *общему понижению культуры*, что губельно отразится на всех сторонах жизни Украины»³¹...

Но украинизация вызывала возмущение не только у образованных слоев населения Малороссии, но и ее сельских жителей, и это притом, что среди крестьян был высок процент вообще неграмотных. Казалось бы, какая им разница... Ан, нет. В. Гуреев, участник «Екатеринославского похода», прошедший в 1918 году всю Малороссию в составе офицерской части, свидетельствует: «Несмотря на сепаратистскую пропаганду, крестьяне никак не считали себя врагами единой России, не видели никакой необходимости в отделении Украины и не возражали против русского языка. «Мы балакаем на нашей мови, — часто говорили они, — и нихай нам не мишають. Но *диты хай вчатся по-русски и хай книжки пишут тоже по-русски* — хто куды не пидався — на Москву, або в Сибир, або на Кавказ — так надо, чтоб був обчий язык». Это не было отрывочными или мимолетными впечатлениями. Эти мысли и настроения мы наблюдали на всем пройденном нами пространстве от Екатеринослава до Крыма»³²...

Конечно, сепаратистам было известно, что народ не желает ни изучать, ни использовать изобретенный ими украинский новояз, и в объяснение этого прискорбного для них факта придумывали самые нелепые причины: например, что «крестьяне *не знают*, что они говорят на украинском языке и поэтому протестуют против украинизации школы»³³. Именно так интерпретировал уже знакомый нам Е.Х. Чикаленко летом 1917 года в письме к П.Я. Стебницкому протесты селян против украинизации в ходе уездного крестьянского съезда на Херсонщине... А когда против навязывания украинского волапюка запротестовали родители школьников,

«украинцы» отвечали им точно такой же *бессмыслицей*: «Государство имеет свои нужды, свои интересы, свою волю и эту волю объявляет через свои общегосударственные органы, а не через мнение *случайной части населения* — родителей нынешних учеников»³⁴...

Итак, родители — «случайная часть населения», и *не вправе* решать за своих детей, на каком языке им обучаться. А вот *кучка* самостийников «случайной частью населения» *не является* и такое *право имеет*. Тем более что эта *кучка* провозгласила себя «украинским государством», которое якобы выступает от имени «30-миллионного украинского народа». А воля народа — это все!.. Такая вот дешевая демагогия. Однако когда противники украинизации потребовали выявить мнение этого самого «30-миллионного народа», вынеся вопрос о языке на всенародный референдум, «украинцы» тут же стали утверждать, что и народ «Украины» *не вправе* этого решать. Он — «не сознательный», все еще представляет из себя «аморфную этнографическую массу», а не *нацию* (т.е. и не «народ» вовсе, а так — безликое серое скопище индивидов), почему и *спрашивать его незачем*: «Раз признан принцип обучения на родном языке, как принцип единственно педагогический, никаким плебисцитам, анкетам не место. А если уж и проводить плебисциты, то нужно сначала создать *соответствующие психологические условия*; нужно после того, как украинскому народу веками прививалось презрение к родному языку, *сначала поднять сознание народа*, а тогда уже проводить плебисцит»³⁵... Иными словами: вначале надо народу хорошо «промыть мозги», навязать ему свою точку зрения, а потом уже и спрашивать его мнения. И никак иначе. Ведь народ глуп, туп и неразвит, почему и *не знает*, что уже тысячу лет говорит на «украинском языке» (только в силу своей «неразвитости» продолжая упорно считать родным — Русский), не знает даже, что и по национальности он (эту же *тысячу лет*) являлся «украинским» (а не Русским, как он до сих пор продолжает думать, опять же по причине своей «неразвитости»), но вот в начале второго тысячелетия его истории, наконец-то, появились **мы** — «горстка» («*жменька*», «*несколько десятков*», «*небольшая группа*» и т.п.) «украинцев», которые и совершили сенсационное

открытие насчет «украинского языка» и «народа», однако последний никак не хочет дорасти до этого *правильного* понимания. Опять же потому, что непроходимо глуп, в силу чего и не ведает истинных своих культурных потребностей (знаем их только **мы** — «*украинцы*», почему и определяем по своему усмотрению). Кроме того, этот самый «народ» (до такой уж степени он туп и неразвит) даже не знает, какой язык для него «родной», а какой — «иностраный» (это опять же ведаем только **мы** — «*украинцы*»). А посему и имеем полное право *заставить* (принудить) *силой* этот «несознательный» народ считать «родным» тот язык, который **мы** для него *изобрели*... Знакомый ход мысли, не правда ли? Как видим, ничего нового за последние девяносто лет в аргументации самостийников не появилось: и в 1917, и в 2008 году в защиту своей политики они выдвигали одни и те же постулаты, совершенно бессмысленные, которые и опровергать-то приходится лишь по необходимости, настолько очевидна их несостоятельность. Между тем аргументы подобного уровня «украинцы» воспринимают как вполне достаточные для оправдания применяемого ими *насилия* как раз к тому самому «народу», который они якобы вознамерились защищать от «векового имперского угнетения»...

И теперь, и тогда, на основе подобного рода демагогии, они присваивали себе право («*тварь ли я дрожащая или право имею!*») навязывать малороссам путем **открытого принуждения** изобретенные ими «язык» и «национальность». Винниченко, например (уже после разгона Центральной Рады немцами), ведя тайные переговоры с представителями Совнаркома в Киеве (Раковским и Мануильским), готов был согласиться даже на установление Советской власти в Малороссии, выставляя лишь одно условие, что ему дадут полную волю в деле украинизации: «Точно так, как вы создали диктатуру рабочих и крестьян в России, так нам надо создать *диктатуру украинского языка на Украине*»³⁶... «*Диктатура языка*» — что может быть нелепее в качестве цели «государственного строительства», но именно таковыми были «державные» устремления «украинцев». Этим, в сущности, и исчерпывались. А так как собственных силенок для достижения этой цели было явно недостаточно (ведь им

противостоял *весь* народ), с готовностью прибегали к услугам *оккупантов*. У тех (в отличие от народа) украинизация всегда находила полную поддержку и понимание. Н.М. Могиланский, например, в своих воспоминаниях указывает, что активными ее «союзниками» являлись *немцы*, «которые были *заинтересованы* углублением «украинизации» для *успеха расчленения России*»³⁷. В этом, собственно, и заключалась сверхзадача украинизации...

Однако самое поразительное во всем этом «*украинском театре*» то, что те, кто с пеной у рта отстаивал необходимость насильственного навязывания малороссам украинского волапюка, *сами им совершенно не владели*. Например, генеральный секретарь Центральной Рады по международным делам (т.е. министр иностранных дел), «отец украинской дипломатии» А.Я. Шульгин дома с женой и близкими друзьями общался *исключительно по-русски*, но стоило на пороге показаться постороннему — тут же переходил на украинский. Аналогичным образом вел себя министр гетмана Скоропадского М.А. Славинский... По признаниям самих сепаратистов «даже в патриотических украинских семьях перевес имел русский язык»³⁸. Все эти «державни диячи» всего лишь *ломали комедию* перед доверчивой публикой. В.И. Гурко (1862—1927) воспроизводит тягостную атмосферу этого всеобщего *обмана*, призванного скрыть от постороннего взгляда неблагоприятные устремления «*нескольких десятков*» авантюристов, «мечтавших разыгрывать роль государственных деятелей и превратиться в важных сановников. Эти честолюбцы усердно учились *неведомому им дотолѣ языку*, заимствуя недостающие, но необходимые в культурном обиходе слова где угодно, но только не в русском языке. При этом нередко происходили недоразумения, ибо говорившие на этом новоиспеченном языке *друг друга не всегда понимали*. Среди усердствовавших в этом отношении управлений выделялось между прочим Министерство иностранных дел. Зайдя однажды по какому-то делу в это министерство, я прежде всего натолкнулся на дежурного чиновника, который, впрочем, оказался хорошенькой и сильно накрашенной девицей. На мой вопрос сия представительница прекрасного пола... ответила мне на

определенно польском языке. Директор департамента этого министерства соблаговолил говорить со мной по-русски, но при входе во время нашей беседы какого-то чиновника тотчас перешел на украинскую мову, с которой, по уходе чиновника, вновь перешел на русский язык, на котором он, очевидно, с детства только и говорил»³⁹.

Эти ни на что неспособные «честолюбцы» ломали комедию даже друг перед другом, а потом с превеликим же удовольствием и «разоблачали» бывших своих единомышленников. Как это и было в министерстве А.Я. Шульгина, где вслед за шефом и его подчиненные лишь делали вид, что владеют «мовою»...

Точно такой же цирк разыгрывался и на местах. Замечательную зарисовку процесса украинизации Екатеринослава оставил Г.Г. Сакович: «Во всех учреждениях города власть действовала и управляла именем пана гетмана Скоропадского. В канцеляриях, впрочем, сидели царского времени чиновники, большею частью — *местные уроженцы*. Среди них попадалось немало и таких, которые в мирное время любили шеголять своим украинофильством. В связи с начавшейся, по приказанию из Киева, украинизацией государственного аппарата стали производиться опыты с составлением бумаг на «ридной мови». Это было, конечно, одновременно — комедия и трагедия. Сидит, бывало, над столом какой-нибудь «пан добродий» Самойлович или Ковошенко, и крупные капли пота стекают по его носу на лежащую перед ним бумагу.

— А штоб вас усих собаки збили с вашей украинизацией, — ворчал незадачливый «пан добродий». — Мени тут нужно делом заниматься, а не пустяками. По-руськи бумага давно бы была готова, а на этой чертовой мови ничего не выходит.

Впрочем, лично я несколько от украинизации не пострадал. Окончив в свое время классическую гимназию в г. Ломже и зная поэтому сносно польский язык, я быстро нашел выход из положения: брал польские слова, пристраивал к ним украинские окончания и склеивал все это вместе в избитые, принятые в русском делопроизводстве выражения. Все чинодралы, и особенно наиболее «ширые», приходили

ко мне за помощью. Сам пан директор пришел в восторг от моей лингвистической изобретательности и, хохоча иной раз до слез, подписывал составленные мной «стосунки» и «видношения».

— *Непонятно. Ей-богу, ни черта понять невозможно. Нет сомнения, что написано по-украински*⁴⁰... Вот вам и итог главного «государственного» дела «украинцев»...

* * *

Приход к власти гетмана Скоропадского ничего не изменил во взаимоотношениях украинского «правительства» и немецких оккупационных властей. Именно последние определяли не только политику гетманского кабинета, но и его персональный состав. Так, барон Мумм, узнав о желании Дмитрия Дорошенко возглавить «министерство иностранных дел», предупредил, что даст *свое согласие* на это только при условии, если Дорошенко сам навестит его и лично попросит о такой услуге. Дорошенко согласился, сделав личный визит, а также изложив просьбу в письменной форме (какие *обязательства* он при этом на себя взял, неизвестно). Лишь после соблюдения такого ритуала ему позволили возглавить украинский ³⁴ «МИД».

Подобным образом выстраивалась «украинская власть» на всех уровнях и направлениях. Да иначе и не могло быть: немецкая армия являлась единственной ее опорой и гарантом существования. Местное население в лучшем случае относилось к ней безразлично, большей же частью — откровенно враждебно. И это внушало серьезные опасения ее организаторам и хозяевам — немцам. 6 мая 1918 года генерал Гофман записал в своем дневнике: «Я боюсь только, как бы созданная с таким большим трудом Украина не пошла опять насмарку»⁴¹. Еще более пессимистично оценило ситуацию германское правительственное совещание, состоявшееся под председательством кайзера в Спа (2—3 июля 1918): **«Жизнеспособного украинского государства не получится. Распространение украинской национальной идеи всецело зависит от присутствия в стране наших войск. Следует готовиться ко всем возможным поворотам событий»**. Итог обсуждению подвел сам Вильгельм II: «Мы пришли на Укра-

ину ради обеспечения необходимых продовольственных поставок. Именно там мы хотим создать островок спокойствия в море российского хаоса. Однако *нам не следует впадать в иллюзию, что Украину можно оторвать от Большой России навечно...* Обе территории снова воссоединятся»⁴²...

Впрочем, осознание объективной реальности на высшем уровне практически не внесло изменений в политику, проводимую непосредственно на месте, ведь только наличие «украинского государства» (разумеется, «независимого» и «самостийного»), обеспечивало немцам некое подобие «законности» вывоза из Малороссии зерна, муки, скота, мяса, сала, сахара и прочих жизненно необходимых для Германии видов продовольствия и сырья. Вот почему германский консул генерал Эрих фон Тиль сообщал из Киева (26 июля 1918): «Несмотря на существующие условия, мы все еще пытаемся держаться первоначального плана действий, то есть *создавать при помощи своих вооруженных сил независимую Украину*»⁴³... На этом строились и указания, даваемые генералу Скоропадскому. Так, посол Мумм открыто заявил ему (май 1918), что гетманский режим может рассчитывать на помощь со стороны Германии лишь при условии, если будет честно поддерживать идею «независимого, демократического украинского государства», а также сформирует «национальное украинское правительство», устранив любые пророссийские поползновения⁴⁴... С целью убедить мир в существовании «независимого украинского государства» по инициативе Мумма были организованы «официальные визиты» в Германию премьер-министра гетманского правительства Федора Лизогуба и самого Скоропадского (август—сентябрь 1918). Оба удостоились аудиенции кайзера и высших немецких военачальников, а также были награждены германскими медалями...

Впрочем, здесь возникла новая проблема. Со временем немцы начали подозревать Скоропадского в том, что он «в глубине души более русский, чем украинец», а его «кабинет ориентируется на Большую Россию и стремится привести Украину в лоно Москвы»⁴⁵... Подобные подозрения не были лишены оснований, ибо на всех современников Скоропадский производил двойственное впечатление.

Потомок гетмана Малороссии в начале XVIII века И.И. Скоропадского (праправнук), богатый помещик, воспитанный в Петербурге, женатый на дочери крупного Русского сановника — Дурново, генерал Царской свиты и командир аристократического гвардейского полка Павел Петрович Скоропадский после Февраля 1917 года внезапно «прозрел», что он — «украинец». Соответственно этому «перерождению» он и стал действовать: «украинизировал» свой 34-й армейский корпус, которым командовал во время мировой войны, и даже включил его в состав формирующейся «украинской армии». Впрочем, флирт с социалистической Центральной Радой длился у генерала недолго, и в марте 1918 года Скоропадский возглавил оппозиционную ей и опиравшуюся на офицерство «Украинскую народную громаду». С ее помощью и был произведен переворот, сделавший Скоропадского «гетманом всея Украины». Большинство министров сформированного им «правительства» придерживались умеренно-консервативных взглядов и, хотя исповедовали украинофильство, были чужды его крайностей.

Впрочем, умеренность политики несколько не добавила генералу авторитета в глазах современников. Большие сомнения вызывала и искренность его устремлений. Уже знакомый нам В.И. Гурко следующим образом характеризовал Скоропадского в роли «украинского гетмана»: «Превратившийся в наследника Мазепы бывший командир Кавалергардского Ее Величества полка никем всерьез не принимался... Стремился он одновременно доказать свое «широе» украинство... клеймя будто бы испытанный Украиной в течение двух с половиной веков русский гнет, без указаний, однако, в чем он состоял. Одновременно в частных беседах с русскими деятелями он выражался совершенно иначе. Им он объяснял свое украинство тактическими требованиями момента, но веры в себя и в свою лояльность к России ни в ком не возбуждал. Жалкий оппортунист, он не сумел создать себе сколько-нибудь значительное число сторонников ни в украинофильском лагере, ни среди русских людей»⁴⁶...

Не получил поддержки гетман и со стороны крестьянской массы. Поставленный перед необходимостью навести порядок в деревне, он вынужден был прибегать к крайне

непопулярным мерам. Составленная из бывших офицеров правительственная полиция — «державна варта» (государственная стража) в своей борьбе с грабежами и разбоем нередко прибегала к самым крутым мерам, в том числе массовым экзекуциям (порке шомполами). Ответом стали многочисленные крестьянские выступления, иногда очень крупные. Так, в середине лета вспыхнуло крупное восстание в Таращанском и Сквирском уездах Киевской губернии. Разгромленные немцами, несколько тысяч повстанцев отступили на восток, переправились через Днепр и ушли за советскую границу, положив основание известным Таращанской и Богунской украинским красным дивизиям, которые формировались в северных уездах Черниговской губернии, отошедших к большевикам. На юго-востоке, в Новороссии, появились и стали активно действовать неуловимые партизанские отряды знаменитого «батьки» Махно.

Лишенный какой-либо массовой опоры, да и руководящей идеи, гетманский режим мог держаться, лишь опираясь на немецкие штыки. Но после подписания Германией перемирия со странами Антанты (11 ноября 1918 г.) и эта опора исчезла. Начавшаяся эвакуация немецкой армии означала неминуемый крах власти Скоропадского. Генерал, правда, предпринял попытку спасти ее и резко поменял «ориентацию», сменив «украинские» лозунги на «русские». В результате 14 ноября 1918 года появился новый гетманский манифест, где объявлялось, что «Украина должна возглавить создание Всероссийской Федерации, главной целью которой должно быть восстановление великой России». И далее Скоропадский возвещал свое новое понимание стоявших перед «Украиной» задач: «Глубоко убежденный в том, что любой другой курс приведет лишь к краху Украины, я обращаюсь ко всем, кого беспокоит ее будущее — столь тесно связанное с будущим и счастьем всей России — объединиться вокруг меня в деле защиты Украины и России»⁴⁷... Но желающих встать под гетманские знамена нашлось немного — никто не верил в искренность произошедшего поворота, и Скоропадский остался в полной изоляции. А месяц спустя (14 декабря 1918 г.) и вовсе отрекся от власти, бежав в составе немецких войск в Германию. Д.И. Дорошенко так

описал последние часы гетманского Киева: «В ночь с 13 на 14 декабря выступили местные боевые отделы, главным образом большевиков и еврейских социалистических партий, и начали захватывать различные учреждения, разоружая небольшие гетманские части. Был обезоружен и отряд личной охраны гетмана. Около полудня повстанцы захватили Арсенал на Печерске, военное министерство и еще некоторые учреждения. В то же время в город стали прорываться повстанческие отряды извне»⁴⁸. На смену Гетманству явилась новая «украинская власть» в лице петлюровской Директории...

* * *

В пасмурный декабрьский день молча наблюдали киевляне, как по Васильковской улице и Бибиковскому бульвару шли к центру города новые его хозяева. Сначала — галицкие «сечевые стрельцы», за ними — пестро одетые колонны петлюровского «войска». Ни радости, ни одушевления среди высыпавших на улицу любопытных не было заметно. Единичные и редкие крики приветствий тонули в гробовом молчании жителей «матери городов русских», не знавших, что несет им ближайшее будущее...

Правление Директории в Киеве продлилось всего 51 день (14 декабря 1918 — 2 февраля 1919), но и за этот короткий срок, не отметившись ничем положительным, успело запятнать себя подлым преступлением, — бессмысленной и жестокой резней Русских офицеров, находившихся на тот момент в городе.

Большинство этих офицеров осело в Киеве, спасаясь от ужасов большевицкого террора. Ленинская партия, придя к власти, организовала целенаправленное и широкомасштабное истребление бывших офицеров Царской армии. Их убивали повсюду — на фронте и в тылу, в городах и сельских усадьбах, на больничной койке и прямо на улице, — убивали зверски и изощренно, с чудовищными пытками и надругательством, стремясь запугать и сломить всякую волю к сопротивлению у всех противников нового режима, посеять среди них ужас и леденящий страх. Спасаясь от неминуемой гибели, тысячи Русских офицеров перебрались в зону не-

мецкой оккупации — Малороссию и Новороссию. К лету 1918 года в Киеве насчитывалось их до 50 тысяч человек, в Одессе — 20, в Харькове — 12, в Екатеринославе — 8 тысяч⁴⁹. Крушение Гетманства и начало эвакуации немецких войск, тех офицеров, кто не успел уйти на Дон и в Добровольческую армию Деникина, отдало во власть «украинцев», организовавших свой — украинский террор, по жестокости и садизму ни в чем не уступавший большевицкому. При этом стоит особо отметить, что в петлюровской УНР смертной казни по закону *не существовало* (ее отменил еще III Универсал Центральной Рады), поэтому все убийства и расправы совершались «неофициально», исподтишка.

Аресты производились обычно ночью. Ночью и расстреливали. «Расстрелы намеченных лиц, — свидетельствует А. Царинный, — происходили обыкновенно под предлогом пресечения попыток их к побегу во время препровождения в тюрьму. Так погибли прославленный конной атакой на венгров командуемой им 10-й кавалерийской дивизии генерал граф Келлер и его адъютант — кавалергард Пантелеев. Их арестовали около полуночи в Михайловском монастыре, где они ютились, повезли на автомобиле якобы в Лукьяновскую тюрьму, потом высадили у сквера между памятником Богдана Хмельницкого и бывшим домом Алешина, где при большевиках поместился «Сахартрест», и расстреляли в затылок. Автомобиль помчал дальше мертвые тела. На другой день утром на месте расстрела видна была широкая лужа крови»⁵⁰...

Граф Ф.А. Келлер был убит 21 декабря 1918 г., но убийства начались с первых дней воцарения в Киеве Директории. «Много было убито офицеров, — вспоминает сестра милосердия Мария Антоновна Нестерович (по мужу — Берг), — находившихся на излечении в госпиталях, свалочные места были буквально забиты офицерскими трупами... На второй же день после вторжения Петлюры мне сообщили, что анатомический театр на Фундукулеевской улице завален трупами, что ночью привезли туда 163 офицера. Я решила пойти и убедиться «своими глазами». Переодевшись, отправилась я в анатомический театр... Сунула сторожу 25 рублей, он пустил меня.

Господи, что я увидела! На столах в пяти залах были сложены трупы жестоко, зверски, злодейски, изуверски замученных! Ни одного расстрелянного или просто убитого, все — со следами чудовищных пыток. На полу были лужи крови, пройти нельзя, и почти у всех головы отрублены, у многих оставалась только шея с частью подбородка, у некоторых распороты животы. Всю ночь возили эти трупы. Такого ужаса я не видела даже у большевиков. Видела больше, много больше трупов, но таких умученных не было!..

— Некоторые еще были живы, — докладывал сторож, — еще корчились тут.

— Как же их доставили сюда?

— На грузовиках. У них просто. Хуже нет галичан. Кроважачные. Привезли одного: угодило разрывной гранатой в живот, а голова уцелела... Так один украинец прикладом разбил голову, мозги брызнули, а украинец хоть бы что — обтерся и плюнул. Бесы, а не люди, — даже перекрестился сторож»⁵¹...

Другие очевидцы отмечали: «Расстрелы... производились исподтишка, украдкой. Встретят на улице русского офицера, или вообще человека, по возрасту и обличью похожего на офицера, выведут на свалку, пристрелят и тут же бросят. Иногда заporют шомполами насмерть, иногда на полусмерть. Во время междоусобицы, когда Петлюра ушел из Киева, а большевики еще не вошли, было найдено в разных частях города около 400 полуразложившихся трупов, преимущественно офицерских»⁵²...

Те же очевидцы подчеркивают, что убийство ни в чем не повинных людей планировалось в гораздо больших масштабах. Уже сотни из них были согнаны петлюровцами в киевский Педагогический музей и Педагогический институт. Сюда же на протяжении недели доставлялись офицеры, захваченные на Полтавщине и Черниговщине. По разным свидетельствам, в Педагогическом музее на Владимирской было помещено от 600—800 до 4000 тысяч пленных офицеров. Их, вне всякого сомнения, ожидала столь же чудовищная расправа, как и уже убитых их товарищей, но... помешали немцы. Они не только отправили часть захваченных офицеров в Германию, но и не позволили расправиться над остальными. А когда по-

следние подразделения немецкой армии эвакуировались из Малороссии, петлюровцы сами уже паковали чемоданы. Повторить «подвиги» большевиков, устроивших в Киеве настоящую резню в январе 1918 года, когда число жертв достигло 5 тысяч человек, из коих большинство, до 3 тысяч, офицеры, Директория не могла, ей самой нужно было срочно удирать на запад. Так что развязанный «украинцами» террор не сделал их власть прочнее, в глазах населения не только Киева, но и всей Малороссии она оставалась такой же самозваной и чужеродной, как и во времена Центральной Рады...

В сущности, это можно было предвидеть заранее. Кое-как угнездившись в Киеве, «украинцы» снова оказались в глухой изоляции, в режиме полного социального вакуума. Снова перед ними с прежней остротой встал **роковой украинский вопрос**: как обеспечить поддержку *извне* (на народ не рассчитывали), в какой стороне света искать те самые «международные силы», которые можно было бы заинтересовать самостийническим проектом?.. разумеется, не бескорыстно, а с целью извлечения ими «то ли политических, то ли материальных выгод»...

Поиск шел одновременно в двух направлениях — западном и восточном. Германии, после произошедшей в ней революционной катастрофы, было не до «украинцев». Попытка заинтересовать «украинской государственностью» Францию тоже провалилась: вместе с другими странами-победительницами та была занята вычерчиванием новой модели послевоенной Европы. Территории и государства под названием «Украина» этот проект на тот момент не предусматривал. Оставался последний резерв — ненавистная Москва, куда на переговоры с большевистским Совнаркомом и была отправлена специальная делегация.

В сущности, большевики на тот момент являлись наиболее естественными союзниками «украинцев», ведь именно под большевистскими лозунгами (*«грабь награбленное!»*) лидеры Директории Винниченко и Петлюра поднимали народ на восстание против гетмана Скоропадского. Сам успех восстания, инициированного Директорией, был предопределен тем, что массы воспринимали его как вполне *большевицкое*. И недаром организации большевиков

на местах приняли самое активное участие в подготовке вооруженного выступления против гетманского режима. «Украинские» лозунги при этом никакой роли не играли, вся агитация ограничивалась «красной» социальной демагогией. Даже резня Русских офицеров, устроенная в Киеве петлюровцами, по сути дела, лишь *дублировала* террористические методы большевиков. И совсем не случайно многие рядовые участники восстания против Гетманства зачастую воспринимали его как... *антисамостийническое* (!). Интересное свидетельство на этот счет приводит сам В.К. Винниченко: «Часто среди крестьянства, до того не слыхавшего имени Петлюры, раздавались такие речи: «Ага, теперь Петлюра идет на гетмана. Она ему покажет! Слава Богу, *больше не будет этой Украины*»»⁵³...

В общем-то, ничего парадоксального в таком своеобразном народном осмыслении происходящего не заключалось. Для малорусских крестьян было *естественно и нормально* из двух политических сил, обещавших исполнить все их социальные ожидания, поддержать именно ту, которая при этом выступала еще и за сохранение **единства** страны, не предлагая отделить Черниговскую губернию от Орловской «государственной границей». В этом, собственно, и заключалось *единственное отличие* между самостийниками и большевиками на тот момент (в остальном их программы были идентичны), и оно-то и обеспечило последним решающий перевес над всеми украинскими режимами — от Центральной Рады до Директории включительно...

Откровенно большевицкие симпатии основной массы населения Малороссии — крестьянства — вынудили Директорию пойти на переговоры с Совнаркомом. Но у большевиков уже было свое «украинское правительство» (Харьковское), объединиться с которым они и предложили Директории. Конечно, на условии признания последней Советской власти. Руководитель украинской делегации в Москве В. Мазуренко настоятельно рекомендовал соглашаться. Лидеры Директории ответили... отказом. А. Дикий объясняет мотивы этого решения так: «Они принимали, фактически, всю программу большевиков, но с условием, чтобы *власть осталась в руках у них*, а не перешла к их конкурентам —

украинцам Харьковского правительства. Попросту говоря, забота Директории была о том, как бы удержать власть, а во-все не о том, как бы принести пользу своему народу»⁵⁴. Это и предопределило срыв переговоров в Москве, которые так ничем и не завершились.

Между тем, отказ от сотрудничества с большевиками имел для Директории фатальные последствия. Повстанческие отряды и возглавлявшие их «атаманы» один за другим стали переходить на сторону Совнаркома. Атаман Зеленый — под Киевом, бывший штабс-капитан Царской армии Григорьев — на Херсонщине, «батько» Махно — в районе Екатеринослава. К середине января 1919 года практически вся Малороссия и Новороссия оказались во власти большевиков или сочувствовавших им «атаманов». Переход на сторону большевиков большей части «украинского населения» Директория преподносила как «войну Советской России против независимой Украины». Это было столь вопиющей ложью, что даже В.К. Винниченко поспешил от нее откреститься. В своей книге, вышедшей по свежим следам событий, он писал: «И тут опять-таки, как и при Центральной Раде, мы всю вину приписывали русским большевикам: это они, дескать, шли на Украину со своими войсками и били нас! И опять-таки необходимо открыто и искренно сказать, что если бы *против нас не было восстания нашего собственного крестьянства и рабочих*, то российское советское правительство ничего не могло бы сделать... **И не российское советское правительство выгоняло нас с Украины, а наш собственный народ**»⁵⁵...

В сущности, единственным крупным городом Малороссии, где Директории удалось закрепиться хоть на какое-то время, являлся Киев. Да и здесь ее власть держалась исключительно на штыках так называемого «Осадного Корпуса Сечевых Стрельцов», т.е. все тех же галичан Коновальца. «Австрийцы» — так называли их киевляне, ведь они являлись иностранными подданными, и только за счет этого контингента Директория обеспечила себя хоть каким-то «войском». Но устоять при столь ограниченных военных и человеческих ресурсах, разумеется, не могла. Крах был неизбежен...

Правы оказались именно те, кто в *тесном союзе с большевиками видел главное условие реализации идеи «украинской государственности»*. Именно на противников этого союза возлагал впоследствии В.К. Винниченко всю вину за политическое фиаско Директории. «Они были не в состоянии понять, — писал он год спустя, — что **вся украинская государственность вышла из революции**, революцией поддерживалась и всецело от революции зависела в своем дальнейшем существовании и развитии». Так, совершенно справедливо, определял Винниченко *первопричину* возникновения «самостийной Украины». И продолжал: «Они не понимали того, что именно Советская Россия была наилучшим обеспечением возможности существования украинской государственности, и не замечали того, что, борясь с Советской Россией в союзе с Антантой и Деникиным, обессиливая Советскую Россию, они тем самым подрезывали сук, на котором сами сидели...»⁵⁶.

Однако большинство лидеров Директории все надежды на осуществление «украинского проекта» продолжали связывать исключительно с поисками «хозяина» на Западе. И это (помимо массового убийства Русских офицеров) предопределило еще одно «достижение» Директории за краткий срок ее пребывания в Киеве.

Именно в этот период активность «украинцев» на внешней арене (впрочем, больше смахивающая на самое низменное пресмыкательство) достигла своего апогея и привела к невиданному росту числа «украинских дипломатов». Причем эти представители «трудового народа», скакнувшие «из грязи да в князи», предпочитали жить чисто по-барски, на самую широкую ногу, «получали неслыханное в Европе колоссальное жалованье, жили только в первоклассных отелях, ездили только в автомобилях, ели только в самых дорогих ресторанах»... Не забывали запастись и на черный день. Иные «работали так усердно, что могли скопить себе некую толику денег, на которые они покупали акции в галицких нефтяных капиталистических предприятиях. Другие «социалисты» совершали в государственных учреждениях и на государственные деньги операции с валютой и на этих операциях тоже неплохо зарабатывали». Спешили использовать

момент и гарантировать сытое и безбедное существование на ближайшее будущее... Что же еще делали украинские «дипломаты», помимо обеспечения своего *шкурного интереса*?.. **«Они ничего не делали.** Они слонялись по ресторанам, отелям, кабакам, притонам, — так проводили они жизнь. Да и что они могли делать? Единственное, что они могли делать и что делали наиболее добросовестные из них, это — иногда помещать в газетах статьи об Украине, восхвалять Петлюру, а при встречах с европейскими дипломатами и политическими деятелями говорить с ними об украинском государстве и доказывать, что его надо признать»⁵⁷... Как оказалось, нести бремя «украинского дипломата» было не только выгодно, но и легко...

Имелись, впрочем, и более прозаические причины для бурной заграничной деятельности «украинцев». На одну из них указывает А. Дикий: «Декабрь 1918-го и январь 1919 года были временем производства «украинских дипломатов» чисто «стахановскими» темпами и количествами. Темпы были нужны, чтобы *поскорее уехать*; количество определялось давлением массы дальновидных и проницательных, самоуверенно-назойливых и трусливых социалистических вождей, *стремившихся свою «борьбу» продолжать в безопасности, в европейских столицах*»⁵⁸...

Все знали наперед. Знали, что противостоять большевикам своими собственными силами не смогут (за отсутствием этих самых «сил»), и, убедившись, что ни одну из мировых держав нельзя привлечь к построению «самостийной и незалежной», *загодя готовились к бегству*...

* * *

2 февраля 1919 года Директория и несколько тысяч ее «войска» спешно покинули Киев, двинувшись в направлении Винницы. Этим бегством завершился «киевский период» ее существования и начался новый этап «пребывания на колесах». В более образной форме он запечатлелся в крылатом выражении того времени: *«под вагоном — территория, а в вагоне — Директория»*. Это был период *агонии*, когда все действия «украинского правительства» и его лидеров носили на себе ярко выраженную печать ОБРЕЧЕННОСТИ.

В сущности, лидер к тому моменту был уже один, хотя и вполне типичный для украинского движения — Симон Васильевич Петлюра (1879—1926). Его восхождение на должность «Головного Атамана» обуславливалось одним-единственным обстоятельством — **принадлежностью к масонству**. Сам по себе он был фигурой малозначительной и ничтожной, но, по мнению масонских коноводов, для роли «вождя» украинского движения такой мелкий человек как раз и подходил.

В.К. Винниченко приводит интересное свидетельство о масонской стороне деятельности Симона Петлюры, ссылаясь на письмо масона С.К. Моркотуна, помещенное в парижских газетах: «Прежде всего, мы узнаем, что «социал-демократ» Петлюра был в то же время и членом масонской ложи, шефом которой являлся Моркотун... что Петлюра «на коленях» принимал присягу на верность «братьям» Моркотунам, что шеф Моркотун *отдавал приказы* Петлюре явиться туда-то и сделать то-то, когда последний был уже «главным атаманом» и членом Директории; что на Институтской улице №12 братья масоны передали Петлюре какие-то деньги, связанные с Францией»⁵⁹... Судя по всему, именно скандал из-за «денег» и привел к публикации письма Моркотуна.

По данным Олега Платонова, С.К. Моркотун возглавлял ложу «Св. Владимир Равноапостольный», созданную в Киеве в самом начале XX века⁶⁰. К тому времени масонство уже широко раскинуло свои щупальца по всей России, сыграв решающую роль в подготовке антирусской Революции.

Подрывной, разрушительный характер масонства закономерно привлек в его ряды всех крупнейших деятелей украинского сепаратизма. Масонами являлись С.А. Ефремов, Ф.П. Матушевский, А.Г. Вязлов (ложа «Киевская Заря»), известный литературовед В.П. Науменко (ложа «Заря», в 1916 году в нее вступил и В.П. Затонский — в будущем видный функционер созданной коммунистами УССР). К масонской организации принадлежал активный деятель ТУП, «министр иностранных дел» в правительстве гетмана Скоропадского, известный украинский историк-эмигрант Д.И. Дорошенко. В организацию «думского» масонства, по его собственно-

му признанию, входил М.С. Грушевский. Масоном он стал еще на рубеже XIX—XX вв., поддерживая тесные контакты с координатором деятельности всех масонских лож в России М.М. Ковалевским, по приглашению которого в апреле—мае 1903 г. читал лекции по «истории Украины» в его Русской высшей школе общественных наук в Париже. С 1915 г. в масонстве состоял (одесская ложа «Звезда Востока») и будущий глава правительства УНР и организатор украинской автокефальной «церкви» В.М. Чеховский⁶¹.

Все эти «водители» малороссийского сепаратизма, которых ныне «украинцы» возводят в ранг «великих исторических деятелей», в честь которых переименовывают улицы и на чьем «достойном» примере воспитывают подрастающее поколение, в реальности являлись *марионетками* в чужих руках, и точно так же, как и Петлюра, стояли «на коленях» и *«получали приказы»* от своих настоящих хозяев — европейских масонов более высоких ступеней, которые и *манипулировали* ими по своему усмотрению. Ослушание в такого рода отношениях было *исключено*...

С момента своего возникновения общество «вольных каменщиков» строилось по принципам *тоталитарной секты*, с упором на жесточайшую дисциплину и слепое подчинение рядовых исполнителей руководителям. «В организации подобного рода, — отмечает современный исследователь масонства В.М. Острецов, — берут людей, которые должны неукоснительно соблюдать ее, организации, интересы, подчиняться дисциплине и вести себя строго в определенных пределах. В масонстве вообще... считается необходимым говорить о свободе, доброте, красоте и прочее, и всё — с большой буквы. Но парадокс заключается в том, что члены подобных организаций являются скорее по степени свободы *рабами, солдатами, винтиками*, существами безликими и пошлыми. В этих организациях ее члены не должны иметь нормальных человеческих чувств. Они должны холодно и безразлично наблюдать за гибелью миллионов людей и даже собственной деревни и своих родных и близких. *Они должны быть мертвыми уже при жизни*... Классические символы масонства: кубический, ровненький, обработанный камень, циркуль, наугольник, весы являются лучшим образным объ-

яснением такому душевному состоянию члена того или иного масонского ордена»⁶²...

Служение дьяволу и беспощадная борьба с Церковью Христовой являлись сверхзадачей масонства и тех, кто связал с ним свою судьбу. После 1917 года Собор архиереев Русской Православной Церкви за рубежом совершенно определенно высказался об этом: «Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация *борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью*»⁶³...

Вот, в конечном счете, каким «идеалам» служили «братья» масоны Грушевский, Ефремов, Науменко, Чеховский, Затонский и прочие выдающиеся «украинцы». В их числе и «брат» Петлюра, масонство которого предопределило не только его политическую карьеру, но даже его уход из жизни...

Симон Васильевич Петлюра родился в 1879 г. в семье полтавского извозчика. Учился отвратительно. Из духовной семинарии был изгнан за неуспеваемость. Эмигрировал во Львов, где вольнослушателем посещал университет. Курса не закончил, так и не определившись с будущей специальностью. Вернулся в Россию и в 1905–1907 гг. подвизался в научной экспедиции на Кубани. Где-то в этот период на него и обратили внимание масонские «братья», благодаря чему он и смог перебраться в Москву, где его пристроили работать бухгалтером, а по совместительству и «украинским журналистом». Здесь он прошел курс многолетней проверки и был, наконец, принят в масонскую ложу. С началом мировой войны его внедряют в Земгор, инспирированную масонами организацию, якобы призванную помочь в снабжении воюющей Русской армии, а на самом деле готовившей условия для государственного переворота. Из «земгусар» и попал Петлюра на пост военного министра Центральной Рады. В декабре 1917 г. он уже «Главной атаман», занятый формированием украинских «гайдамацких частей». Созданная им «армия» за все время своего существования так и не проявила себя ни в одном серьезном бою, зато отметилась грабежами и жестоким, бессмысленным убийством тех, кому совершенно произвольно вешался ярлык «врагов

Украины». Истребление безоружных и неспособных оказать сопротивления «врагов» и стало высшим воинским подвигом петлюровских «вояк». Но, невзирая на это, масонская пропаганда (особенно после вынужденного ухода немцев из Малороссии) стала усиленно лепить из Петлюры образ «освободителя Украины».

В создании этого виртуального образа, как отмечал Винниченко, участвовали все украинские заграничные «посольства», «миссии», «комиссии» и т.п. учреждения, расходовавшие «огромные деньги на помещение в европейских газетах статей, телеграмм и заметок, в которых Петлюра изображался в качестве «генералиссимуса» украинской армии, «национального героя», непоколебимого борца за свободу Украины. Его называли и «украинским Гарибальди», и «украинским Леонидом при Фермопилах», и, кажется, даже «украинским Наполеоном»... То же самое повторялось в Малороссии, где «патриотическая украинская мелкобуржуазная демократия всеми способами старалась разрисовать возможно более красивыми красками главного атамана, своего «рыцаря», «вождя», «непоколебимого борца», «героя», «батьку» и т.п. Таким образом, без всяких заслуг со стороны этого «лубочного героя» ему раздували популярность, как пузырь»⁶⁴...

* * *

И вот после полуторамесячного сидения в Киеве этот «лубочный герой» со своей микроскопической «армией» спешно бежал от подходивших к городу большевических частей в направлении Винницы...

Впрочем, и в Виннице не удалось надолго задержаться, и петлюровская Директория двинулась дальше, в Проскуров (ныне г. Хмельницкий). Однако через несколько дней пришлось бежать и отсюда, — большевический отряд захватил Жмеринку, и Проскуров оказался под угрозой. Тогда Директория направилась в Ровно, который и стал на некоторое время (март—апрель 1919) очередной «столицей» украинской «державы», территория которой, помимо Ровно, охватывала несколько примыкающих к городу уездов.

Между тем положение на «фронте» было удручающим. Да, в общем-то, и «фронта» никакого не существовало. Раз-

ношерстные вооруженные группы, называвшиеся «армией УНР», занимали ряд населенных пунктов и железнодорожных станций, но никакой сплошной линии обороны не удерживали. Да и не могли бы удержать, готовые каждую минуту, при самом незначительном наступлении противника, бежать дальше.

5 мая Ровно тоже был оставлен. «Снова пошла вагонная жизнь, блуждание по станциям, местечкам, без войска, без территории и с врагами со всех сторон. Бывали моменты, когда под властью украинского атаманско-«социалистического» правительства было несколько верст железной дороги, занятой правительственными вагонами, в которых, кроме правительства, жили партии, чиновники и «войско». Все это походило на цыганский табор»⁶⁵... На короткое время Петлюра задержался в Радзивилове, но начавшееся польское наступление вынудило его бежать дальше. Продвигаясь на юг, вдоль старой русско-австрийской границы, «головой атаман», его «правительство» и «армия» к началу июня достигли Волочинска, занятого малочисленным отрядом большевиков. Внезапной атакой захватив город, петлюровцы смогли очистить небольшой клочок территории между линией Староконстантинов — Проскуров — Каменец—Подольский и рекой Збруч. Здесь на два с лишним месяца и расположилась «Украинская республика» Симона Петлюры, избрав в качестве своей «столицы» город Каменец—Подольский.

Впрочем, и в этом крохотном украинском «оазисе» не было признаков не только «государственного» порядка, но и вообще какого-либо порядка. Хотя в наличии и имелось настоящее украинское «правительство» с всамделишными украинскими «министрами», их заместителями, имевшими, в свою очередь, тоже многочисленных заместителей и еще огромное количество разнообразных чиновников всех рангов и направлений. Но, несмотря на обилие управленцев и официальных инстанций, в этой «самостийной республике» царил полный управленческий хаос, а реальные дела вершились по «законам» разбойничьей шайки. «Казалось бы, что на тех нескольких десятках верст территории, которые еще оставались под атаманской властью, — писал

В.К. Винниченко, — и при тех материальных и физических средствах, которые находились в руках правительства, можно было бы завести здесь идеальный порядок. И в то же время, кажется, нигде не было такой разрухи, беспорядка, необеспеченности спокойствия и жизни, как на этом клочке территории. Разбои, грабежи и убийства среди белого дня совершались в самой столице атаманины. Самые «министры», — бывали и такие времена, — боялись ночевать дома и прятались по конспиративным квартирам. В «провинции» (т.е. окрестностях «столицы») бесчинствовали в местечках комиссары, коменданты и мелкие атаманы, в деревне же никакой власти не было, и крестьяне часто окапывались рвами, окружали себя пулеметами и пушками, не пуская к себе «народной» власти».

И в этом нет ничего удивительного, подчеркивает Винниченко и продолжает: «Вся деятельность «социалистического правительства» представляла собой злостную карикатуру на правительство. Так, например, «министр» дорог пренаивно заявляет, что главной задачей министерства дорог является борьба... с безбилетными пассажирами. И в самом деле, имея несколько десятков верст железных дорог, что можно на них делать? Только ловить бедных «зайцев»... Правда, «министр» финансов Б. Мартос пытался действовать в государственном масштабе и даже вырабатывал в этом направлении законы... Таков знаменитый закон этого «министра» о налоге на предметы роскоши, которым так хвастался сам министр в своей декларации, — налог на предметы роскоши на этом клочке территории, где, кроме нескольких убогих, грязных местечек и несчастной «столицы», не было ни одного порядочного города, и где нельзя было купить не только предметов роскоши, но и предметов самой первой необходимости! В то же время в каждом «министерстве» были громадные штаты чиновников, скопившихся все в том же несчастном Каменце и беспорядочно суевившихся, точно толпа обывателей на пожаре. Все они за свою бесцельную суевню получали жалованье, все бюрократически грызлились между собой, подсиживали, арестовывали друг друга и вносили еще большую деморализацию и разложение в общую жизнь»⁶⁶...

Казалось, петлюровская «республика», зажата в «треугольнике смерти» между поляками, «красными» и Добровольческой армией, доживает последние дни. Но счастливое стечение обстоятельств спасло Петлюру. В самый критический момент к нему на соединение подошла Галицкая армия ген. Кравса, численностью до 40 тыс. человек. Это были отступавшие от поляков войска «Западно-Украинской Народной Республики» (ЗУНР).

«Западно-Украинская Народная Республика» являлась точно таким же порождением революционного хаоса, как и УНР, только не в России, а в Австро-Венгрии. 16 октября 1918 г. австрийский император Карл I провозгласил переустройство государства на «федеративных началах», призвав все народы империи создавать свои «Национальные Советы» из депутатов рейхсрата и местных сеймов. Уже 18 октября галицкие «украинцы», собравшись во Львове, объявили об учреждении «Украинской Национальной Рады», в состав которой вошли украинские депутаты рейхсрата, а также галицкого и буковинского сеймов. Возглавил этот орган лидер украинской фракции в австрийском рейхсрате Е.Е. Петрушевич (1863—1940). На следующий день Рада объявила об образовании в Восточной (русской) части Галиции и Буковине «Западно-Украинской Народной Республики», обратившись в Вену с ходатайством утвердить данное решение. Естественно, этому воспротивились поляки, хотя они и составляли в Восточной Галиции незначительное меньшинство населения (зато являлись большинством во Львове). Вена стала колебаться. Не дождавшись положительного ответа от австрийцев, «украинцы» приняли решение о захвате власти над краем. В ночь с 31 октября на 1 ноября их вооруженные формирования взяли под свой контроль важнейшие пункты Львова. Внезапность нападения предопределила первоначальный успех, но уже после полудня 1 ноября началось вооруженное выступление поляков — как во Львове, так и других городах Восточной Галиции. Уже к вечеру значительная часть Львова была в польских руках, а в отдельных районах велась интенсивная перестрелка. Варшава объявила мобилизацию. Восстановление польской государственности придало развернувшейся борьбе широ-

комасштабный характер. Польские части заняли Холмскую область, начали наступление на Волынь, прибыли подкрепления и в Галицию. Это и определило окончательный итог противостояния. 11 ноября поляки овладели Перемышлем, 21 ноября — Львовом...

Развернувшиеся боевые действия побудили «украинцев» к формированию собственных вооруженных сил — Украинской Галицкой Армии (УГА). Служить в нее шли не только «украинцы», но и Русские галичане. Стремление избавиться от польского ига заставляло забыть прежние политические распри. В течение короткого времени УГА выросла во внушительную военную силу в несколько десятков тысяч бойцов. Она-то и развернула вооруженную борьбу с Польшей. И хотя Львов отстоять не удалось, в течение первой половины 1919 года в Восточной Галиции шли ожесточенные бои между УГА и польскими формированиями. Но после того, как в помощь последним из Франции была переброшена польская армия генерала Галлера, отлично вооруженная и снабженная, конечный исход борьбы был предрешен. Поляки развернули широкое наступление, методично тесня Галицкую Армию к юго-западу, бывшей австро-русской границе. У «украинцев» еще оставалась надежда на «Европу», но та поддержала польские притязания. 25 июня 1919 года высший орган мирной конференции в Версале, Совет Четырех, «уполномочил вооруженные силы Польской Республики продолжать свои операции вплоть до реки Збруч», что окончательно развязало руки полякам. Их армия перешла в наступление по всему фронту и 16 июля 1919 г. галичане вынуждены были отступить за Збруч, двинувшись на соединение с «армией» УНР.

Примечательно, что еще 1 декабря 1918 г. на станции Фастов (в Киеве тогда сидел гетман Скоропадский) состоялась встреча представителей двух «украинских республик», на которой была достигнута принципиальная договоренность о слиянии их в одну «Соборную Украинскую Народную Республику». 8 января 1919 г. в Станиславе (ныне Ивано-Франковск) этот договор утвердила «Украинская Национальная Рада» Петрушевича, а 22 января — в Киеве петлюровская Директория. Понятно, что «слияние» носи-

ло чисто виртуальный характер и имелось лишь на бумаге. В тот момент оба украинских «уряда» уже готовились к бегству: Петрушевич из Галиции, Петлюра из Киева. Но и после того, как полгода спустя эти правительства оказались на одной территории, они так и не смогли объединиться, найти общий язык и выработать единую политическую линию. Слишком разнородные элементы их составляли, да и цели кардинально отличались. «Уряд» Петрушевича (к тому времени уже ставшего «диктатором») предлагал все силы направить на борьбу с Польшей с целью освобождения Галиции, Петлюра же звал в поход на Киев. Из-за этих разногласий не удалось достичь и объединения двух «армий», и хотя Петлюра был провозглашен «главнокомандующим», войска по-прежнему разделялись на две самостоятельные части — Галицкую армию и «атаманскую».

* * *

Тем временем ситуация вокруг того клочка земли, который все еще именовался «территорией УНР», кардинально изменилась, что и решило окончательно спор о том, в какую сторону лучше двигаться — на восток или на запад. Выбрали восток. И вот по каким причинам...

Летом 1919 года на юге России против большевиков началось крупное наступление армии Деникина. Его войска взяли Харьков, Екатеринослав, продвигались к Киеву. Деникинское наступление побудило Петрушевича и Петлюру вылезти из своей каменецкой берлоги. Впрочем, распри между ними и после этого не прекратились. Галичане вообще не хотели воевать с Русскими, — ни с «белыми», ни с «красными». Они хотели воевать с Польшей за Львов и Галицию. В крайнем случае, наступать на Одессу, чтобы получить выход к морю и установить прямой контакт с Антантой (в Одессе тогда находились французы). Петлюра настаивал на движении в направлении Киева. Наконец, был достигнут компромисс: Галицкая армия направилась... к Киеву, но без «атаманской» (двинувшейся в одесском направлении), так как генералы А. Кравс и М. Тарнавский, возглавлявшие УГА, выступили категорически против присоединения к ним «атамана» Петлюры. Тому пришлось смириться.

Наступление украинского «войска» началось в начале августа 1919 г. Его продвижение на восток и юг не встречало никакого сопротивления: все силы большевиков были брошены против «белых». Уже к исходу августа Галицкая армия вышла к окрестностям Киева. Город никто не защищал, большевики оставили его без боя. 30 августа галичане заняли юго-западные и южные предместья Киева. В тот же день к городу подошли и преследовавшие большевиков части 7-й армии «белых» генерала Бредова. Они заняли Никольскую и Предмостную слободки на левом берегу Днепра. Встречу двух армий А. Дикий описывает так: «На следующий день (31 августа) генерал Кравс назначил торжественное вступление в Киев своей армии и парад на Думской площади. Пока галичане строились для встречи ген. Кравса, через Печерск вошли добровольцы (Деникина), и их эскадрон мирно выстроился рядом с конной сотней галичан. Когда подъехал ген. Кравс, командир добровольческого эскадрона ему представился и изъявил желание рядом с украинским флагом, уже вывешенным на Думе, вывесить и русский, на что генерал дал согласие. Подъем русского флага вызвал взрыв энтузиазма многотысячной толпы киевлян, запрудивших Думскую площадь и Крещатик. Это вызвало негодование подъехавшего петлюровского «атамана» Сальского. Он приказал галичанам снять русский флаг, но те отказались выполнить это распоряжение. Тогда, по приказу Сальского, один из сопровождавших его «гайдамаков» сорвал русский флаг и бросил под копыта лошади Сальского, который начал демонстративно его топтать. Ошеломленная этой выходкой толпа разразилась криками негодования, а добровольцы дали в воздух несколько залпов из пулеметных очередей. Наступило всеобщее смятение. Виновник всего — Сальский, галопом бросился удирать по направлению к Бессарабке, следом за ним побегал его небольшой отряд «гайдамаков». Галичане же в полном порядке отступили в близлежащие улицы»... Но все, в конечном счете, разрешилось мирно. В тот же день генералы Кравс и Бредов заключили соглашение о немедленном отводе частей Галицкой армии на линию Игнатовка — Васильков — Германовка (около 30

км. от Киева), что и было выполнено на следующий день (1 сентября)⁶⁷...

Показательно и само отношение киевлян к двум армиям, одновременно вошедшим в город. А. Царинный, непосредственный очевидец событий того дня, подчеркивает, что именно «белых» (Русских) киевляне встречали в качестве *своих*, а «украинцев» — как чужаков. «Часов около одиннадцати, — пишет он, — пошел говор, что со стороны железнодорожного вокзала вступают в город какие-то войска, и что они будут шествовать по Фундуклеевской улице. Мы вышли проверить слышанное и остановились около коллегии Павла Галагана... По направлению к Крещатику стал спускаться военный оркестр, вслед за которым двигались под желто-голубыми украинскими значками жидкие колонны пехоты, одетой в австрийские серо-голубые мундиры и кепки... Киевское население отнеслось так холодно к этим освободителям, что на улицах вдоль их прохода было совершенно пусто и нигде не раздавались приветственные крики... В тот же день, в часа три пополудни вступили на Печерск через Цепной мост и Панкратьевский спуск передовые отряды деникинцев. Навстречу им по Александровской улице потянулась необозримая толпа народа, предшествуемая духовенством с иконами, крестами и хоругвями. На площадке у Никольских ворот, где стоял разрушенный большевиками памятник Кочубею и Искре, произошла трогательная встреча». А затем уже имел место описанный нами выше инцидент с флагом⁶⁸...

«Украинцы» также обратили внимание на то, что киевляне воспринимали их, как чужеродную силу. Исаак Мазепа (1884—1952), побывавший и украинским министром, и премьер-министром, отмечал: «*Чужой нам Киев* сразу же поспешил дать деникинцам всякую помощь, начиная от обычных информаций и кончая вооруженными отрядами местных добровольцев».... То, что Киев — чужой для «украинцев» город, ощутили и галичане. Один из них (М. Скидан) с горечью писал: «Хоть мы и пришли в свой столичный город, но, по существу... *в чужой город*... Деникинцы чувствовали себя там, как дома: для них формировались отряды, печатались газеты»⁶⁹...

После оставления Киева наступательный порыв «украинцев» отнюдь не иссяк. Во всяком случае, уже 22 сентября 1919 г. «Головной атаман» Петлюра объявил о начале наступления против «белых»... Лучше бы он этого не делал. Уже к 15 октября все петлюровское «войско» находилось в состоянии беспорядочного бегства на запад, к бывшей австрийской границе, на которой теперь стояли поляки. А Галицкая армия окончательно порвала с петлюровцами и 7 ноября перешла на сторону Деникина. Между нею и командованием Добровольческой армии было заключено следующее соглашение: «Галицкая армия в полном составе, с этапными установлениями, складами и железнодорожным составом, переходит на сторону Добровольческой армии и отдается в полное распоряжение главного командования Вооруженных Сил Юга России через командующего войсками Новороссийской области»⁷⁰. Так галичане включились в борьбу за «единую и неделимую Россию», в составе которой хотели получить всего лишь «автономию»...

Потеря наиболее боеспособной части войск предрешила судьбу петлюровской Директории. Все тот же В.К. Винниченко так описал последний месяц ее существования: «Каменецкое правительство, партийные организации, атаманские штабы должны были удирать из Каменца в разные стороны. Одни министры очутились в Румынии, другие — в Галиции. Главная же часть с главным атаманом С. Петлюрой и частью правительства во главе с И. Мазепой стали отступать в направлении Проскурова по линии железной дороги.

Однако деникинцы гнали за ними по пятам, и они должны были бросить поезд со всей государственной казной, которая была разграблена населением и деникинцами, и на подводах двигаться к Староконстантинову, куда по намеченному плану должны были стекаться все разбитые части войск. Каменец же был отдан полякам, которые и сами зарились на него.

Между Староконстантиновым, где проходила линия польского фронта, и Бердичевым, занятым сначала повстанцами, а затем большевиками, находилась незанятая полоса территории, которую поляки милостиво согласились отдать каменецкой власти для собирания остатков своих

сил. Здесь-то, на этой полосе, в маленьком местечке Любаре, произошла последняя позорная конвульсия атаманщины»⁷¹...

В Любар Петлюра добрался с остатками своего «правительства» и «войска» 1 декабря 1919 года. А уже 2 декабря петлюровский «атаман» Волох, возглавлявший отряд «гайдамаков», поднял «мятеж» и издал приказ об аресте самого Петлюры, его «правительства» и высшего командования «армии». «Мятеж», впрочем, завершился грабежом оставшегося еще имущества «УНР» и переходом «атамана» Волоха на сторону большевиков. Но и Петлюра, бежавший из Любара, туда уже не вернулся. Очередной его «столицей» стала Новая Чарторыя. Здесь на 6 декабря он назначил «широкое совещание» для принятия «окончательного решения» о дальнейших действиях, как говорилось в его приказе.

Рано утром съехались в Чарторыю украинские «атаманы», «генералы», «министры». Все ждали «вождя». А Петлюра на им же созванное совещание... не явился. Еще накануне вечером он тайно бежал через Шепетовку в Польшу. Так и не дождавшись «Головного атамана», в разные стороны разбежались «министры», «войско» и прочие остатки «УНР». Но и это позорное бегство не стало последним актом существования виртуальной «украинской державы». Ее агония затянулась еще на год с лишним...

* * *

Явившись в Варшаву, Петлюра провернул обычную украинскую сделку, с легкостью «толкнув» полякам то, что никогда «украинцам» не принадлежало. 21 апреля 1920 года он подписал с диктатором Пилсудским так называемый «Варшавский договор», по которому отдал Польше всю Восточную Галицию и большую часть Волыни. Граница Польши и виртуальной «Украины», таким образом, восстанавливалась по состоянию на 1772 год! Огромные Русские территории с населением свыше 10 миллионов человек единым росчерком пера иуды были обращены в польские «кресы» (окраины). Плоды тяжелейшей борьбы Русского государства в течение предшествовавших двух столетий за освобождение своих исконных земель были, таким образом, ликвидированы.

В отданных Петлюрой областях признавались права польских помещиков. Кроме того, «договор» предусматривал, что «украинская армия» полностью подчиняется польскому командованию, а «УНР» обязуется исправно кормить и снабжать поляков всем необходимым на «освобожденной» территории. Взамен Пилсудский обещал вооружить «украинцев» и взять с собою в поход на Киев... Так Петлюра и его «правительство» оказали Польше неоценимую услугу, дав формальный повод для осуществления ее реваншистских устремлений. Если история «самостийной УНР» начиналась как «немецкий проект», то завершалась она уже в качестве «польского проекта».

Воспользовавшись тем, что основные силы большевиков были заняты борьбой с «белыми» генерала Врангеля, поляки 25 апреля 1920 г. начали широкомасштабное наступление и вторглись на территорию Малороссии. Немногочисленные и разрозненные на большой территории части Красной армии не могли противостоять превосходящим силам противника и повсеместно отступали. Уже 6 мая поляки вошли в Киев. Примечательно то, что украинское «войско» не было взято в «освободительный» поход. Поляки отослали его на юг, на второстепенный участок фронта между Вапняркой и Днестром, где оно и провело больше месяца. Само украинское «правительство» ехало в *обо́зе* наступавших польских частей в четырех товарных вагонах. Впрочем, как любят подчеркивать украинские мемуаристы, у «Головного атамана» имелся и хороший «салонный» поезд, но в нем, как на грех, в тот момент разъезжал сам диктатор Пилсудский.

Продвижение польской армии по территории «вызволяемой» Малороссии сопровождалось грабежами и жестоким террором против местного населения. Однажды, в том самом товарном вагоне, кто-то из спутников Петлюры указал ему на зверства, чинимые новым «союзником». Последний в ответ рассказал известную самостийническую байку. Сын кричит отцу: «Тату! Чорт лізе в хату!». На что батько спокойно отвечает: «Нехай чорт, аби тільки не москаль!». Такая вот философия...

Между тем в начале июня большевики перешли в контрнаступление, прорвали польский фронт и стремительно

двинулись на Львов и Варшаву. И хотя полякам при помощи французов удалось отстоять свою столицу и даже перейти в наступление, свои реваншистские аппетиты они умерили. 18 октября 1920 г. между Россией и Польшей было подписано перемирие. Петлюра, его «правительство» и «армия» оказались брошенными на произвол судьбы. Последним пунктом их пребывания в очередной раз оказался небольшой клочок земли между Днестром и Южным Бугом. Но уже 16 ноября Красная армия заняла Каменец—Подольский, а еще два дня спустя под Проскуровым основные силы петлюровцев были окончательно разбиты. 21 ноября остатки «войска», преследуемые «красными», переправились у Волочинска через Збруч на польскую сторону. Поляки немедленно разоружили своих «союзников» и интернировали, разместив в нескольких лагерях внутри Польши. А оказавшиеся за пределами родной земли Петлюра и его «правительство» продолжили свою нелегкую «службу». Польские хозяева не собирались финансировать «украинцев» задаром, став перед ними новые задачи.

В самом скором времени на деньги польского Генерального штаба был составлен «Партизанско-Повстанческий Штаб» (ППШ), который под руководством польских офицеров занялся разработкой планов диверсионных операций против России. По приказу Петлюры возглавил сей штаб «генерал-хорунжий» Ю. Тютюнник. Он и руководил первой вылазкой «повстанцев». В ночь с 3 на 4 ноября 1921 г. на территорию Малороссии польской разведкой была переброшена банда численностью до полутора тысяч человек. Составлена она была из тех «украинцев», которых поляки интернировали год назад. Причем выбор был такой: или в банду — или продолжаешь сидеть в лагере. А в каких условиях содержали поляки своих бывших «союзников», можно судить по описаниям, оставленным украинскими мемуаристами. «Генерал-инспектор» петлюровской «армии» Удовиченко отмечал, что люди, отобранные для операции, были «без теплой одежды, на ногах что попало — тряпки, дырявые сапоги, рваные ботинки»... Исаак Мазепа тоже подтверждает бедственное положение интернированных: «Вся эта группа была оборванная, почти голая. Пришлось для босых за-

готовить лапти». И таким образом экипированное «войско» Петлюра направил в «вызвольный поход на Украину». Хотя, по признанию того же Удовиченко, «задача, поставленная группе, была тяжелой, даже безумной»⁷²...

Впрочем, начало удалось. Используя фактор внезапности, банда Тютюнника, перейдя границу, в несколько дней достигла Коростеня — и захватила город. Первым делом, выпустили из тюрьмы всех уголовников (около 600 человек), расстреляли несколько десятков сотрудников Коростеньского ЧК, а также в полном составе — штаб 133-й бригады. Но этим и ограничились военные успехи Тютюнника. Противостоять регулярной армии «повстанцы» были не в состоянии. С недельку еще им удалось погулять, пограбить близлежащие районы, но уже 17 ноября кавалерийская бригада Г. Котовского и «червонные казаки» В. Примакова под Малыми Миньками наголову разгромили банду. Тютюнник со своим штабом (все руководство ППШ) бежал, бросив «войско» на произвол судьбы. Под саблями красных кавалеристов полегло 400 «повстанцев», еще 500 было взято в плен...

А спустя два года (середина 1923) Ю. Тютюнник вновь нелегально прибыл в Малороссию для налаживания «подпольной работы» и... добровольно сдался, при этом передав ГПУ весь архив «Партизанско-Повстанческого Штаба». 28 декабря 1923 г. Президиум ВУЦИК удовлетворил ходатайство Тютюнника о помиловании. Спустя год он издал книгу «З поляками проти Вкраїни», в которой подробно описал, *чиї інтереси* отстаивала «украинская эмиграция». Рассказал о подготовке поляками его «рейда», о финансировании польским правительством «украинской прессы», о прислужничестве и лакействе Петлюры и его «министров». «Тяжким путем, — писал он на имя наркома просвещения УССР П. Затонского, — я пришел к уверенности, что властвующие на Западе силы способны только угнетать украинский народ, а не помогать его освобождению. Эти силы, используя легкомысленные и окончательно деморализованные элементы нашей эмиграции, думают только о своем благополучии... Для меня стало понятным, что будущее Украины выковывается здесь, на Украине. Прошло уже несколько

месяцев, как я перешел кордон и, находясь на территории УССР, изучаю действительное положение. В первую очередь меня интересовала природа власти на Украине... Является ли она украинской властью, в этом у меня были сомнения, а в свое время даже уверенность в противоположном». Однако, ознакомившись на месте с реальностью коммунистической УССР, Тютюнник пришел к однозначному выводу: «Сейчас на Украине — украинская власть»⁷³...

То, что коммунистическая власть являлась одновременно и «украинской» (т.е. *русофобской*), не в последнюю очередь нашло свое выражение и в подчеркнуто снисходительном отношении большевиков к оказавшимся в их руках деятелям Центральной Рады и Директории. В мае 1921 г. в Киеве состоялся суд над теми из них, кто не успел (или не захотел) бежать на Запад. На скамье подсудимых оказались бывший премьер Голубович (остался в Каменце--Подольском и добровольно сдался), видные деятели партии украинских эсеров: Лизановский, Петренко, Часник и др., бывшие министры Остапенко, Сиротенко и еще ряд украинских деятелей. В качестве свидетелей тоже были привлечены не последние лица в украинской иерархии: Мазуренко, Касьяненко, еще один «премьер» Чеховский.

Все подсудимые каялись и просили снисхождения, которое и было им дано. Остапенко и Сиротенко вообще оправдали, остальные получили очень легкие наказания, а вскоре были и совсем амнистированы. Практически все впоследствии верно служили Советской власти и коммунистической партии. А амнистированный Ю. Тютюнник даже выступил в роли «артиста», изобразив самого себя в одном из советских фильмов, посвященных Гражданской войне, где сыграл «бандита Тютюнника». Позднее преподавал тактику партизанской войны на курсах красных командиров и умер (а не был расстрелян, как утверждают сегодня «украинцы») от злоупотребления алкоголем...

Остальные украинские «вожди» и «министры», а также многочисленные кандидаты на эти посты оказались в эмиграции, где сразу же разбились на ряд непримиримых групп, не столько по признаку расхождения партийных программ, сколько по так называемым *ориентациям*, — польской,

французской, английской, немецкой. Находясь на содержании соответствующего правительства, эти миниатюрные кружки требовали немедленной «помощи» (материальной, политической, дипломатической, военной) для скорейшего «освобождения Украины», выступая при этом от имени «всего украинского народа», хотя ни один человек, не говоря уже о «народе», на это их не уполномочивал. Практический результат их «освободительных усилий» был ничтожен, но сносное и сытое существование им и членам их семей, у кого таковые имелись, обеспечивал. Так что не зря старались. А дело превращения Малороссии в «Украину» продолжили большевики...

Глава 5. Творцы новой «нации»: коммунистическая эра украинства (1920–1991)

Первая кампания по тотальной украинизации Малороссии началась сразу же после революции 1917 года. Чехардой пронесшиеся опереточные режимы «украинцев» (Центральная Рада, Гетманщина, Директория) были слишком ограничены временем и пространством для организации широкомасштабного наступления на Русские язык и культуру и поэтому ограничивались в основном принятием деклараций да комедийной сменой вывесок на магазинах и учреждениях тех городов, в которых им удавалось на время устанавливать свою власть. К этому добавлялось изгнание с работы всех служащих, не владевших укромовой. После утверждения в России коммунистического режима дело украинизации приняло совершенно иной размах.

Уже в первых своих актах, касавшихся Малороссии, большевики недвусмысленно заявили о полной поддержке украинского самостийничества, правда, в его коммунистической упаковке. 28 декабря 1919 г. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». В нем он провозглашал готовность своей партии идти на максимальные уступки «украинцам»: «... мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются *государственной независимости Украины*, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»¹.

Всемерная поддержка гарантировалась и украинскому новоязу, который большевики планировали превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс». Поэтому, как гласила «Резолюция ЦК РКП (б) о Советской власти на Украине» (2 декабря 1919), все должностные лица советских учреждений должны в обязательном порядке овладеть «мовою»². А в телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях,

обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». При этом подчеркивал, что это «безусловно необходимо» — «насчет языка все уступки»³.

Подобная позиция убежденных «интернационалистов», адептов «мировой революции» и окончательного искоренения любых «наций», вызывала поначалу немалое удивление, причем не только местных малороссийских партработников, но даже у некоторых «столпов» международного коммунистического движения. Известная социал-демократка, впоследствии — одна из основательниц коммунистической партии в Германии, Роза Люксембург (1871—1919) в специальной статье о революции в России, написанной сразу после заключения большевиками Брестского мира и оккупации немцами Малороссии, отмечала:

«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем просто причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. Буквально так, как если бы в одно прекрасное утро жители «Ватерканте» (побережье Северного моря, где население говорило на нижнемецком диалекте. — С.Р.) вслед за Фрицем Рейтером (писателем, писавшем на том же диалекте. — С.Р.) захотели бы образовать новую нижненемецкую нацию и основать самостоятельное государство! И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т.д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем, не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции! Из этого пустого яйца в Бресте вылезли германские штыки»⁴.

Таким образом, Р. Люксембург открыто возложила ответственность за немецкую оккупацию Малороссии в 1918 г. на

большевиков. Те ознакомились с ее мнением, но от поддержки виртуальной «украинской нации», «причуды нескольких университетских профессоров», не отказались. Напротив, провозгласили ее официальной политикой нового режима, переименовав Малороссию в «Украинскую Советскую Социалистическую Республику» (УССР) и поставив дело украинизации края на государственную основу.

При этом насаждали ее последовательно и жестоко. Так, сразу после захвата Киева большевиками ЧК расстреляла тех Русских деятелей, которые еще до революции последовательно боролись против украинства. В телеграмме представителя Всероссийского центра в Киеве Федоровского от 20 мая 1919 г., адресованной в «Наркомпрос Наркому Покровскому. Копия: Кремль Горбунову», сообщалось: «Чрезвычайка расстреляла через двадцать четыре часа после ареста профессоров Флоринского, Зилова физика и Армашевского минеролога. Последние два старика около семидесяти лет. Надо положить конец произвольным расстрелам научных и технических сил... Высшая школа здесь на задворках, управляют ею мальчики комиссары».

Федоровский полагал, вероятно, что все дело в произволе «мальчиков комиссаров», а между тем они действовали строго в соответствии с указаниями, полученными сверху. Так, в протоколе Особой комиссии Киевской ЧК от 19 мая 1919 г. напротив искаженной фамилии «Армашевский (в документе: Аркашевский) Петр Яковлевич» значится постановление: «Применить высшую меру наказания, известив предварительно т. Раковского». То есть «доложить об исполнении» следовало украинскому Совету Народных Комиссаров, председателем которого на тот момент и являлся Х.Г. Раковский (1873—1941). В том же списке на уничтожение — «Щеголев Сергей» — автор широко известных книг об украинском сепаратизме, приговоренный к «высшим мерам наказания» и конфискации наличных денег⁵...

Вслед за ликвидацией противников украинского сепаратизма, коммунистическая власть принялась за навязывание Малороссии украинского новояза. 21 сентября 1920 г. Совнарком УССР принял постановление о введении «украинского языка» в школах и советских учреждениях республики.

Постановление особо настаивало на «изучении» его во всех «учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием ... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в *обязательном порядке* должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих⁶.

При этом коммунисты открыто продемонстрировали, что и в деле навязывания Малороссии украинского новояза не остановятся ни перед чем, включая открытое насилие и террор. Красноречивый эпизод в этом плане воспроизводит в своих воспоминаниях Лидия Новгородцева, жена известного ученого П.И. Новгородцева. В конце гражданской войны она оказалась в Полтаве, где работала учительницей женской гимназии. После разгрома деникинцев и прочного установления в городе Советской власти в гимназию пришел приказ украинизироваться: «Родительский комитет высказался единогласно против украинизации. Члены комитета указали между прочим на то, что они считают русский язык своим и что даже нет учебников, написанных на «украинском» языке. Вскоре был получен вторичный приказ украинизировать школу и был прислан ящик с учебниками, напечатанными в Австрии для галицких школ. Большевицкое начальство даже не удосужилось вырвать из учебников портреты «найяснішого пана цісаря» Франца-Иосифа. Члены родительского комитета заявили, что они своих детей в такую школу посылать не будут и объявили бойкот гимназии. За это они были арестованы ЧК».

Дальнейшая судьба арестованных родителей неизвестна, зато известно, что вопрос об украинских учебниках был положительно решен на самом высоком уровне правящей коммунистической верхушки. В октябре 1921 г. в разоренной, голодающей стране советское правительство выделило 500 тысяч рублей золотом на печатание за границей

украинских учебников. Позднее, по личному указанию Ленина, на эти цели было выделено еще 250 тысяч золотых рублей⁷...

* * *

Завершение гражданской войны придало новый импульс украинизаторским усилиям коммунистов. «Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа», — очертил задание председатель Совета Народных Комиссаров УССР Влас Чубарь. Но приближать стали не язык к народу, а наоборот. Руководствовались тезисом украинского академика Агафангела Крымского (1871–1942): «Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то *вина падает не на язык, а на людей*»⁸. Следовало выбить из населения Малороссии Русское национальное сознание и его материальное выражение — Русский язык. С этой целью 1 августа 1923 г. было принято постановление Всеукраинского ЦИК и Совнаркома УССР «О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии в развитии украинского языка». Декларировавшееся «равноправие языков», разумеется, являлось не более чем дымовой завесой, призванной скрыть истинную цель развернувшейся кампании: объявление тотальной войны Русскому языку и Русской культуре. В постановлении откровенно говорилось, что «признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными на Украине языками — украинским и русским — *недостаточно*», ибо «жизнь, как показал опыт, приводит к *фактическому преобладанию русского языка*»⁹. А раз так, следует эту реальную жизнь исковеркать и изуродовать до такой степени, чтобы она стала, наконец, соответствовать принятому партийному курсу. В средствах не стеснялись, делая упор на самое излюбленное из них — *насилие*.

Задействованными оказались все возможные структуры власти, от законодательных до карательных. Для перевода Русского населения на «мову» были созданы «тройки по украинизации» (по типу печально знаменитых «троек ГПУ», отправивших на смерть миллионы людей), а также тысячи

«комиссий» того же рода. Всем служащим предприятий и учреждений было предписано незамедлительно перейти на украинский язык. Замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» сразу увольнялись. Теперь на украинский новояз переводились не только документация, вывески, газеты, но даже разговаривать в учреждениях по-русски запрещалось. Когда, например, в Народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава *технический персонал* остается русскоязычным, то распорядились, чтобы под угрозой немедленного увольнения все уборщицы, дворники, курьеры перешли исключительно на украинский. А поскольку никто из них «мовы» не знал, им было предписано пройти курсы по ее изучению, причем деньги на эти курсы вычитались из их зарплаты¹⁰. Впрочем, принимались меры и покруче. Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (выходец из Галиции) категорически запретил говорить в возглавляемом им учреждении на Русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института¹¹...

А сверху продолжали сыпаться грозные циркуляры. 30 апреля 1925 г. вышло новое постановление ЦИК и Совнаркома УССР, предписывавшее всем государственным учреждениям и государственным торгово-промышленным предприятиям перейти на украинское делопроизводство не позднее 1 января 1926 года. Этим же постановлением на рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок украинизации советского аппарата¹². 6 июля 1927 г. очередное постановление, которое не только повторяло требование о ведении всего делопроизводства на «мове», но и обязывало руководителей предприятий и учреждений увольнять без предупреждения и выходного пособия всех сотрудников, не выучивших украинский язык в установленные сроки или настроенных против украинизации¹³.

В приказном порядке украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концерт-

ные организации. Украинизация прессы достигла в 1930 г. 68,8%, а в 1932 г. эта цифра поднялась до **87,5%**. К 1930 г. осталось только три крупных газеты на Русском языке (в Одессе, Донецке и Мариуполе)¹⁴. Борьба с газетами на Русском языке достигла такого накала, что на Украине ограничили распространение даже центральных газет, в том числе главного печатного органа ВКП(б) — газеты «Правда». На XV окружной конференции Киевской организации КП(б) У (1930) один из ее делегатов, старый большевик поведал следующее: «Я хочу остановиться на деле распространения центрального органа нашей партии — «Правды». Я распространял ее, когда она была еще маленькой газетой, когда ее начали только издавать. Должен сказать, что *сейчас ее намного труднее распространять*, чем при меньшевиках (т.е. Временном правительстве)». Как рассказал далее этот делегат, когда он обращался в партячейки на киевских заводах с просьбой посодествовать в проведении подписки на газету среди рабочих, то неизменно натыкался на отказ. «Говорят, что нужно украинизироваться, распространять украинские газеты, а поэтому «Правда» не нужна»¹⁵. Вместо центральной партийной газеты секретари заводских партячеек распространяли украиноязычную «Пролетарську правду». Примечательно, что участники конференции, выслушав жалобщика, не поддерживали его. Наоборот, было принято решение «увеличить подписку на украинскую прессу и провести дальнейшую украинизацию заводской прессы», «еще больше распространять украинскую прессу среди рабочего класса»¹⁶.

Так обстояло в УССР дело с газетами. Что касается журналов, то в 1928 г. 71,2% из них издавались на украинском, а в следующем году эта цифра достигла **84%**¹⁷. Украинские книги в общей массе книжной продукции составляли в 1925—1926 гг. — 45,8%, в 1927—1928 гг. — 53,9%. В 1931 г. — **76,9%**¹⁸. Та же участь постигла и театр. Первоначально в этой сфере (особенно в оперных театрах) украинизация продвигалась с большим трудом. К 1927 г. она охватила лишь 26% театральной сферы. Но затем дело пошло быстрее, и к началу 1930-х годов русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помеще-

ния перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и только 9 русских стационарных театров¹⁹.

К 1927 г. **82%** школ УССР были украинизированы, **76%** от общего числа учащихся посещали украинские школы²⁰. С середины 20-х годов именно украинский новояз преимущественно использовался при ликвидации безграмотности. Так, в 1925/1926 учебном году в УССР существовало 13 350 ликбезов на украинском (на Русском языке таких ликбезов насчитывалось только 3321)²¹. В 1927 г. **78%** всех ликбезов проводили обучение на украинском²². Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. в республике насчитывалось 14 430 украинских начальных школ (Русских 1504)²³. «Мова», с довольством отмечает в это время украинский языковед Алексей Синявский, «из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны»²⁴.

Активно велась работа по кодификации литературных норм, по упорядочению лексики и орфографии «мовы». В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, который разрабатывал научную терминологию. С 1925 г. при украинском Совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского новояза. В 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, на которой предметом обсуждения стала единая система орфографии (она была введена в действие постановлением Совнаркома УССР в 1928 г.). Реформа правописания укромовы, осуществленная под руководством Николая Скрыпника (сменившего на посту наркома просвещения УССР А.Я. Шумского), еще дальше продвинула ее по пути окончательного отрыва ее от Русского языка. Вот только некоторые перлы украинского «*правопысу*» 1928–1929 гг.: «діялектика», «плян», «парлямент», «соціяльний», «нарід», «мапа», «фльо́та», «карафа», «фіранка» и т.д. и т.п. В докладе, зачитанном в январе 1929 г. в Коммунистической академии, «специалист по культурному строительству в национальных республиках» С. Диманштейн отмечал главное

достижение украинизации: «Возьмем дореволюционный украинский язык на Украине, скажем, язык Шевченко, и теперешний украинский язык, с одной стороны, и русский язык — с другой: Шевченко почти каждый из вас поймет. А если возьмете какого-либо современного украинского писателя — Тычину, Досвитского или другого из новых, — я не знаю, кто из вас, не знающих украинского или хотя бы польского языка, поймет этот язык на основе русского. *По отношению к русскому языку мы видим здесь значительное увеличение расхождения*»²⁵.

Что, собственно, и являлось подлинной целью украинизации: любыми способами **увеличить расхождения с Русским языком** вновь создаваемого украинского новояза. При этом, обратите внимание, Диманштейн откровенно признает удивительную особенность вновь изобретенного «языка»: он может быть понятен *только... при знании польского!*..

* * *

Впрочем, действительность оказалась не такой податливой, как хотелось бы коммунистам. «Тип «малоросса» не умер и до сих пор на Украине», — негодовал «щирый украинец» В.Г. Коряк (*Блумштейн*). «Презренный шкурнический тип малоросса, который ... бравировал своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его», — постоянно клеймил и А.Я. Шумский (1890—1946), нарком просвещения УССР в 1924—1927 гг.²⁶...

Действительно, «косный и отсталый» народ никак не желал поддаваться украинской дрессировке, упорно держась за свой родной Русский язык. «Украинская литература широко не идет, приходится *силой распространять ее*», — жаловался на I-м Всеукраинском учительском съезде (1925) делегат Киевской губернии²⁷. Но и принуждение мало помогало. Украиноязычные газеты теряли читателей. «Обывательская публика желает читать неместную газету, *лишь бы не украинскую*» — записывает в дневник Сергей Ефремов²⁸. Однако ни чем не отличались от «обывательской публики» и слушатели высших «курсов украинознания», которым присваивалась категория «хорошо знающих» украинский язык: «Проверка того, как и что именно читает наш слушатель из периодики

украинской, то и дело давала очень плохие результаты, — сообщается в отчете за 1929 год. — Конечно, слушатель говорит, что читает «Комуніст», «Вісті» или рабочую газету «Пролетар», но это в основном не искренне — в лучшем случае он просматривает кое-как и то очень поверхностно эти газеты, а доказательство этому то, что редко какой слушатель мог назвать хоть одного-двух постоянных сотрудников той или иной газеты»²⁹.

Не желали читать украинских газет и селяне: «Наша украинская газета еще мало распространяется на селе — докладывал на уже упомянутом учительском съезде делегат из Харькова. — Возьму пример: у нас на Харьковщине на селе русская газета «Харьковский пролетарий» по каким-то причинам лучше распространяется, почему-то ее больше выписывают, чем «Селянську правду»»³⁰.

Та же картина наблюдалась в театрах. Посещаемость украиноязычных спектаклей была исключительно низкой. Чтобы заполнить зрительные залы, властям приходилось организовывать принудительные «культпоходы» в театр рабочих коллективов. Туго прививался украинский и в школе. Попадая из русскоязычной среды в украинизированные учебные заведения, дети калечили свою речь: «Я имел возможность наблюдать речь подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания — украинский. Речь этих детей представляет собой какой-то *уродливый конгломерат*, какую-то *невыговариваемую мешанину* слов украинских и московских», — замечает один из украинизаторов³¹.

А украинский министр просвещения Шумский даже жаловался, что «украинизация идет туго, *на украинизацию смотрят как на повинность*, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой»...

А это и было **повинностью**, наложенной коммунистической диктатурой на население Малороссии, с целью вышибания из него всякой Русскости. С этой же целью это население совершенно произвольно по наводке шумских и скрипников оптом было зачислено в «украинцы». Впрочем, адептам украинизации это мало помогло: они, как и раньше, испытывали острейший дефицит кадров для украинизации

«украинского» населения. В мае 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь направил записку в комиссию Политбюро ЦК КП(б)У с предложением в короткий срок *«взять на учет всех членов партии, говорящих на украинском языке»*, а также «выяснить украинских работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик». Число знающих «ридну мову» было столь мизерно, что приходилось их всех *ставить на учет*.

Но и после столь тщательной мобилизации укркадров катастрофически не хватало. Особенно на местах. В 1924 г. в ЦИК СССР пришло письмо, авторы которого подписались как «инструктор Степашко-украинец, зав. конторой Гвоздя-белорус». Категорически выступая против присоединения к УССР ряда пограничных территорий РСФСР, население которых официально было признано «украинцами», они в обоснование своего мнения приводили следующий красноречивый факт: «Когда весной в этом году в городе Серединой Буде Черниговской губернии было получено предписание ввести с 1 августа украинский язык, все всполошились. *Бросились искать украинцев*, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. *Нет никого*. Наконец, нашли кого-то, но оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон — предложить принять вновь его в профсоюз — учи только»³²...

Чтобы восполнить острую нехватку «украинцев», решили начать завозить их из Галиции. Одного из изобретателей украинского новояза, М.С. Грушевского, приглашали переехать в УССР еще в 1923 г, сразу же после XII съезда РКП(б), уверив, что «по желанию Ленина теперь *национальный вопрос решен в пользу нерусских народов* твердо и бесповоротно»³³. Бывший австрийский агент, высокопоставленный масон и заклятый враг России охотно откликнулся на приглашение коммунистов и в 1924 г. прибыл в УССР. Но это стало лишь первым шагом на пути массового завоза галичан в республику. 6 августа 1925 г. комиссия по украинизации Политбюро ЦК КП(б)У специально рассмотрела вопрос об использовании «украинцев» из Восточной Галиции. Было решено выявить «все способные к работе силы и использовать их»

в УССР³⁴. Уже к концу 1925 г. в республике орудовала многотысячная армия галицких «янычар», подготовленных еще при австрийском императоре Франце—Иосифе, и с каждым месяцем число их увеличивалось. В 1926 г. приехал «украинский географ» С.Л. Рудницкий, в 1927 — «украинский историк» М.М. Лозинский. В одном из своих писем Грушевский сообщал, что в УССР из Галиции переехало около **50 тыс. человек**, многие с женами и семьями, молодые люди и мужчины³⁵.

Вся эта заезжая публика сразу же заняла теплые местечки во множестве бюрократических структур, занимавшихся украинизацией Малороссии. Много галичан работало в аппарате украинского наркомпроса. Его учеными секретарями были А.И. Бадан—Яворенко, а затем И.М. Зозуляк. Личным секретарем Скрыпника был галичанин Н.В. Ерстеньюк. Коммунисты не скупились в обеспечении этого антирусского «десанта» щедрыми материальными благами. Видный представитель галицкого украинства К. Студинский, посетивший УССР, с довольством отмечал: «Партийный, хоть и комиссар (министр) получает самое большее 210 руб. в месяц, когда украинизатор, работающий в пяти кружках, зарабатывает 500 руб.»³⁶.

Насколько далеко заходила благосклонность советской власти к галицким «украинцам», можно судить по той трогательной заботе, которую проявляла она в отношении нужд украинских деятелей, продолжавших жить в Галиции. Уже в 1921 г. было принято решение о субсидировании львовского «Наукового товариства им. Шевченко». Выплаты по тем временам достигали немалой величины. Например, на 1927 г. планировалось выделить этой организации дотацию в размере 24 тыс. рублей (примерно 12 000 дол.). Такой же размер субсидий сохранялся и в последующие годы. Так, в 1933 г. планировалось выделить 9 000 долларов. Оказывалась материальная помощь и наиболее известным деятелям «украинской культуры», проживавшим в Галиции, между прочим, иностранным гражданам. Например, в 1928 г. было принято решение о назначении пенсий «выдатным украинським пысьмэнныкам» — О.Ю. Кобылянской, проживавшей в Черновцах на Буковине, и В.С. Стефанику из

Галиции. В том же году назначена пенсия вдове еще одного галицкого деятеля — В. Гнатюка. Всего же на начало 1930-х годов советское правительство перечисляло за границу деньги семи персональным пенсионерам УССР на общую сумму 7920 руб. золотом. Помимо вышеперечисленных деятелей, пенсию получала и вдова Ивана Франко. Эти пенсии были отменены только в мае 1934 г. (кроме пенсии семье И. Франко)³⁷.

Заезжие украинизаторы весьма высоко оценивали политику коммунистов в Малороссии. Грушевский, например, в письме одному из своих соратников восторженно писал: «Я здесь, несмотря на все недостатки, чувствую себя в Украинской Республике, которую мы начали строить в 1917 г.»³⁸.

Но пиетет к галицийским самостийникам со стороны коммунистов не мог изменить враждебного отношения к ним местного населения. М.М. Лозинский, перебравшийся в Харьков, жаловался: «Мое несчастье в том, что я — галичанин. *Здесь галичан никто не любит*. Старшая русская публика относится к ним враждебно как к большевицкому оружию украинизации (вечные разговоры о «галицийской мове»). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан «предателями» и «большевицкими наймитами»³⁹.

Но галицких «янычар» такое отношение не смущало, и они с энтузиазмом исполняли предназначенную им миссию... Их преданность Советской власти представляла еще и своеобразную форму *благодарности*, ведь именно коммунисты в тот момент были ближайшими союзниками и соратниками «украинцев» в их непримиримой борьбе против Русских непосредственно в самой Галиции.

В послевоенный период Русское движение в Галиции снова возродилось, несмотря на страшные потери, понесенные в 1914—1918 гг., когда в результате развязанного австро-венгерской военщиной в союзе с поляками и «украинцами» террора были убиты десятки тысяч ни в чем не повинных Русских галичан. И хотя польская власть относилось к этому возрождению исключительно враждебно, всячески препятствуя его развитию, оно пользовалось массовой поддержкой сотен тысяч местных жителей. Только в Русской селянской организации (РСО) состояло до 100 тыс. человек. Но кроме

польской власти, Русские организации столкнулись с еще большей враждебностью со стороны местных «украинцев» и коммунистов. «Москвофилы» — так презрительно называли они Русских галичан, тех, кто в отличие от них не отказался ни от своей природной национальности, ни от своей православной веры. «Часть украинских крестьян еще и до сих пор попадает под влияние реакционной москвофильской агитации, главным образом на Полесье и в округах Золочев, Львов, Перемышль», — отмечал в 1928 г. в своей резолюции III съезд Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ)⁴⁰. «Галицкое москвофильство ... представляет теперь серьезную опасность для западно-украинского революционного движения», — отмечалось в тезисах пленума ЦК КПЗУ (1930)⁴¹.

Понятно, что деятельность КПЗУ финансировалась из СССР. Отсюда же осуществлялось и идейное руководство. «Галицкое москвофильство — корень графов Бобринских, епископов Евлогиев, русской черной сотни — необходимо уничтожить. И сделать это нужно как можно быстрее», — формулировал задание зав. отделом прессы ЦК КП(б)У А.А. Хвыля (Олинтер)⁴².

Сделать это «как можно быстрее» следовало уже потому, что Русские галичане прекрасно знали, что скрывается за искусственно слепленной большевиками «Украиной» и смело разоблачали в своей печати этот антирусский проект: «Мы отрицаем самостоятельную Украину в национальном и государственном значении, ибо знаем, что таковая Украина — не Украина, а притон своих проходимцев и чужих искателей легкой наживы»⁴³.

Вскрывали Русские галичане и истинную цель украинизации: «Вот уже десять лет коммунисты не за страх, а за совесть украинизируют Малороссию, чтобы таким образом парализовать нормальный рост общерусской культуры и тем самым *противодействовать росту общерусского национального сознания*. Бесконечными экспериментами в области творения украинской культуры они измучили и до смерти надоели малорусскому народу»⁴⁴.

Галицийский «десант» в этих нескончаемых экспериментах над «малорусским народом» был задействован самым непосредственным образом, но даже массовый завоз

из Польши многих тысяч украинизаторов так и не помог восполнить дефицит украинских кадров.

Комиссия ЦКК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики в УССР в 1928 г., вынуждена была признать наличие объективных факторов, существенно затруднявших украинизацию партийных и государственных учреждений. Прежде всего, незавершенность формирования украинского новояза: *«несколько раз менялась грамматика, и лица, раз уже сдавшие экзамен по украинскому языку, снова подвергались испытанию»*. Кроме того, «для большинства госслужащих украинский язык все еще является языком официальным, которым пользуются лишь в стенах учреждений и то, главным образом, для составления «бумаг». Разговорным же языком вне стен учреждения, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще является русский язык»⁴⁵.

Однако самые главные трудности украинский новояз создавал в тех сферах, где требовались высокая квалификация и соответствующий ее уровню язык, а не искусственный его суррогат. В виду этого власти приходилось идти на некоторые послабления в деле тотальной украинизации края. Примером таких «послаблений» может служить изданная в июле 1928 г. Центральной всеукраинской комиссией по украинизации при Совнаркоме УССР инструкция. В этом документе говорилось о трудностях с подбором высококвалифицированных кадров, владеющих украинским языком, для работы в госучреждениях СССР, действовавших на территории республики. В связи с этим для данных учреждений допускалось — временно — ведение делопроизводства на двух языках — русском и украинском. В целях обеспечения учреждений высококвалифицированными кадрами инструкция также разрешала принимать на работу лиц, не владевших украинским, с условием, чтобы они в течение года этот язык непременно выучили⁴⁶.

Однако и такого рода «поблажки» не решали проблемы. Из республики начался отток научных кадров. «Не только реакционеры, но и явно советские ученые начинают говорить, а кое-где уже и принимают меры, чтобы перевестись в Россию, другие республики, «где нет украинского наре-

чия»», — жаловались украинизаторы⁴⁷. Это беспокоило тем более, что приходявшая на смену старой интеллигенции новая, уже подвергшаяся украинизации, была «гораздо более слабая и числом и умением»⁴⁸.

* * *

Но наряду с такого рода *пассивными* формами протеста против украинизации, власть натолкнулась и на *явное сопротивление* ей со стороны населения Малороссии. Причем со стороны самых разных его социальных слоев или, точнее, *всех* социальных слоев — от высокопоставленных советских служащих до политически индифферентных крестьян. Группа беспартийных из Малороссии (58 человек) в своем приветствии XIII съезду РКП(б) (1924), жалуясь на низкие темпы украинизации в южных губерниях Украины (Донецкой, Екатеринославской и Одесской), приводила примеры неуважительного отношения к украинскому языку со стороны госслужащих этих регионов. Когда к последним авторы письма обращались на «мове», то в ответ слышали: «Потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком».

Но не только советские работники не жаловали «мову». В штыки встретила ее и интеллигенция. Так, преподаватель математики из Днепропетровска Белинский утверждал, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это *выдумка*, чуждая даже для украинцев». А преподаватель физики Бароновский заявлял: «На этом (украинском) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас не что иное, как часть России, никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»⁴⁹.

Еще более откровенно о «мове» высказался заместитель главного бухгалтера николаевского завода «Марти» Новиков, который заявил: «Украинский язык — собачий язык, и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело ограничилось выговором⁵⁰. Мягкость «при-

говора» объяснялась всеобщим сочувствием к пострадавшему, ибо подобное отношение к «мове» было присуще не только интеллигенции, но и рабочим. В резолюции оргбюро ЦК КП(б)У, составленной в 1929 г. и снабженной грифом «совершенно секретно», отмечалось резко негативное восприятие украинизации в среде рабочих и инженерно-технических работников промышленных регионов УССР, особенно Донбасса.

Впрочем, то же неприятие украинизации было характерно и для большинства крестьян. В своем письме в ЦК Компартии Украины рабочий-партиец из Луганска писал следующее: «Убежден, что 50% крестьянства Украины *не понимает этого украинского языка*, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?». Автора особенно возмущал перевод на «мову» партийной печати: «Я не говорю уже о «Коммунисте» на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для *хозяйственных нужд*. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и, только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации».

Житель села Никольского Павловского района Сталинского округа в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» (1927) сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «*непонятном для народа*». «На сходах читают указы, распоряжения, объявления и т.д. на украинском языке. Народ заявляет: «*Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском*», т.е. на непонятном языке». Такие же затруднения вызывали и объявления, «расклеенные на РИКе (райисполкоме) и сельсовете», их никто не хотел читать, «потому что написано на *украинском непонятном языке*». Делопроизводство на «мове» вызывало еще большее раздражение крестьян: «разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно». Отвергалась и пресса на «мове»: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское «Рад[янське]

село» лежит рядом, никто не берет»; «какие имеются [книги] на русском языке — нарасхват разбирают, а от украинских отбегают...»; «большинству интересно прочитать биографию В.И. Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, *никто не хочет читать*, а если кто возьмется, то ничего не поймет *без переводчика*». «Для чего это?» — спрашивал автор письма. А послание свое заканчивал призывом к высшим центральным властям «прислушаться к народу Украины, к тем местностям, где не говорят на украинском языке и не читают, и не разберут читанное и слушающееся, отменить постановление XIII съезда об украинизации, нежелательности местностям говорить на украинском языке. Вот что говорит народ»⁵¹...

В Одессе в январе 1926 г. выступавшему на собрании партактива члену ЦК КП(б)У Ф.Д. Корнюшину из зала было прислано несколько записок относительно украинизации. В одной из них некто Кравчук писал: «Для вас более чем для кого другого, должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одессине составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация — подавляющим большинством неукраинского населения — есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии... Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди привилегированной украинской нации... Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»⁵²...

«Шоры», однако, никто не собирался снимать. Не помогло даже вмешательство Сталина. В апреле 1926 г. вождь партии отправил письмо «Кагановичу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У», в котором отмечал: «нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета»⁵³.

Но и эта попытка образумить фанатиков украинизации завершилась ничем. Многочисленные жалобы, обращения и открыто выражаемое массовое недовольство лишь подстегнули их к еще большему ужесточению политики украинизации. Лазарь Каганович, возглавивший в апреле 1925 г. компартию Украины, в очередной раз потребовал «со всей силой нажимать в деле украинизации».

И нажимали. Со всей силой. Уродовали до неузнаваемости образование, печать, репертуары театров, саму речь жителей края. «Каждый член партии, каждый гражданин должен знать одно: национальная политика в действительно ленинском понимании на Украине неминуемо ведет к полной украинизации всего рабочего класса на Украине, украинизации прессы, школы, научной работы» — категорически заявлял А.А. Хвыля (*Олинтер*)⁵⁴. В унисон с ним разъяснял «политику партии» еще один известный украинизатор Г.Ф. Лапчинский: «Бывает, приходится слышать разговоры, что, дескать, украинизация слишком остро проводится, что массам она не нужна, что крестьянство вроде бы хорошо и русский язык понимает, что рабочие не хотят усваивать украинскую культуру, потому что это отдаляет их от их братьев русских. Все такие разговоры — в какие бы ультрареволюционные и «интернационалистические» наряды не одевались — партия в лице своих руководителей и каждый отдельный разумный партиец — считают проявлением антирабочего и антиреволюционного влияния буржуазно-нэповских и интеллигентских настроений на рабочий класс»⁵⁵.

А нарком образования УССР Н.А. Скрыпник, бывший чекист и друг Ленина, был еще более откровенен: «Украинизация проводится и будет проводиться решительными мерами ... Тот, кто это не понимает или не хочет понять, не может не рассматриваться правительством как *контрреволюционер* и сознательный или бессознательный *враг* Советской власти»⁵⁶.

С «врагами» же не стоило церемониться. И не церемонились. За критику или саботаж украинизации можно было получить срок. Например, профессор Киевского политехнического института Я. Маркович получил *год тюрьмы* и

был выслан в Нижний Новгород «за нежелание читать лекции на украинском языке».

Но заботились не о развитии «мовы», а об **уничтожении Русской культуры**. Еще один чекист, а по совместительству украинский литератор, Мыкола Хвылевый (1893—1933) писал в это время: «Украинское общество, окрепнув, не примирится со своим фактическим гегемоном — русским конкурентом. Мы должны стать немедленно на сторону молодого украинского общества, представляющего не только крестьянина, но и рабочего, и этим навсегда покончить с *контрреволюционной идеей* создавать на Украине русскую культуру». Он же в другом месте: «Перед нами стоит такой вопрос: на какую из мировых литератур взять курс? Во всяком случае, *не на русскую* ... Дело в том, что русская литература тяготеет над нами веками как хозяин положения, приучивший психику к рабскому подражанию»⁵⁷.

От «подражания» следовало избавляться всеми доступными средствами, поэтому всему *Русскому* немедленно приклеивался ярлык «*контрреволюционного*» и «*вражеского*», а «*украинское*» автоматически обретало ранг «*социалистического*» и «*передового*»...

* * *

Таков был коммунистический «интернационализм» в действии. Коммунисты упорно следовали раз избранным путем, и всеми наличными средствами проводили политику *дерусификации* Малороссии, удовлетворяя при этом любые, даже самые абсурдные притязания украинизаторов, в том числе и *территориальные*.

В 1926 г. к УССР был присоединен ряд пограничных территорий Российской Федерации, а именно: часть Валуйского уезда Воронежской губернии, часть Путивльского, Белгородского, Суджанского уездов Курской губернии, Семеновская волость Гомельской губернии, часть волостей Севского уезда Брянской губернии. Причем сделано это было вопреки категорическому несогласию населения этих районов, совершенно произвольно зачисленному в «украинское».

Вопрос о возможном присоединении к Украине активно обсуждался на уездных съездах Советов в 1923—1925 гг. Их

делегаты решительно высказались против присоединения, мотивируя это нежеланием подвергнуться насильственной украинизации. При этом, по словам делегатов, местное население *категорически отказывалось* от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, «которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка». Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Склярченко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы». «Большинство жителей Острогжского уезда определенно не считают себя малороссами», делал вывод председатель местного исполкома и приводил показательный пример. В губернской крестьянской «Нашей газете» была открыта специальная рубрика, так называемый «украинский куток» в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух-трех заметок «Куток» заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... *Жители не считают себя хохлами*».

Сходная ситуация сложилась и в Таганрогском округе, где население категорически было против присоединения к СССР. Жители слободы Матвеев Курган, официально зачисленные в «украинцы», открыто высказались против «изучения *чуждого населению языка*», отмечая «непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке». «Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т.д.» высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донской губернии⁵⁸.

В конечном итоге, центральное руководство страны удовлетворило претензии «украинцев» на приграничные территории РСФСР, но только отчасти. Однако те не успокоились на достигнутом и уже в мае 1927 г. ЦК КП(б)У направило

в ЦК ВКП(б) новую докладную записку по данному вопросу. Ссылаясь на то, что на непосредственно прилегающей к УССР территории Российской Федерации проживает около 2 миллионов «украинцев», расселенных компактными группами в Курской, Воронежской губерниях и Северо-Кавказском крае, украинский ЦК предлагал передать УССР часть районов Курской и Воронежской губерний, а также Шахтинский и Таганрогский округа Северо-Кавказского края. Не прошло и года, как в апреле 1928 г. в Секретариат ЦК ВКП(б) было отправлено очередное «обоснование» в пользу передачи УССР прилегающих к ней территорий РСФСР. На этот раз украинские лидеры ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях»: как доказывал украинский нарком просвещения Н.А. Скрыпник, украинизация там якобы не проводилась.

Конец всем этим претензиям положил И.В. Сталин. Во время встречи с украинскими писателями (12 февраля 1929) на вопрос о судьбе «украинских уездов Курщины и Воронежчины» генеральный секретарь ВКП(б) ответил следующее: «этот вопрос несколько раз обсуждался у нас» и решено было ничего не менять. «Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны». А кроме того, у «некоторых русских это вызывает большой отпор» и с этим «надо считаться». Поэтому проблеме границ лучше оставить: «У нас каждый раз, когда этот вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т.д.». Но самое главное, вопрос границ внутри СССР — чистая формальность: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины или РСФСР»⁵⁹...

Впрочем, «украинцам» все же удалось кое-чего достигнуть. Власти РСФСР заметно ужесточили политику украинизации тех регионов, население которых формально числилось «украинским». Видя, что местные жители отказыва-

ются «добровольно» украинизироваться, стали прибегать к более привычному средству — *принуждению*. Наркомпрос РСФСР осудил «случаи, когда на местах ... производят голосование, желает ли население иметь школу на украинском ... или на русском языке», ибо «население, *естественно, голосует за школу на русском языке*». После этого указания местные власти перестали интересоваться мнением населения при введении обучения на украинском языке, мотивируя это тем, что «часто практикующийся при переводе школ на родной (?) язык преподавания опрос населения, а иногда и плебисцит должны быть отвергнуты как мероприятия, носящие часто случайный характер»⁶⁰.

Но и открытое принуждение не приводило на практике к желаемому результату. В 1928 г. украинское ГПУ подготовило справку о результатах украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа, население которых официально считалось «украинцами». «В большинстве случаев преподавание на украинском языке, — говорилось в справке, — вызывает *явное недовольство*, как среди иногородних, так и казачества». Сотрудники ГПУ признавали, что местное население не понимало украинского языка, значительно отличавшегося от «местного наречия». В результате на Кубани и Дону русские школы были переполнены, тогда как в украинских школах ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927—1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в Русскую школу 144 (!) человека; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в Русскую же 130; «тоже имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других». Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в Русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что «не считают себя украинцами».

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа: «**советская власть навязывает украинизацию против**

нашей воли», «наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти».

Примечательно, что украинизация Кубани, в качестве ответной реакции, вызвала к жизни столь же странную идею «кубанизации», выдвинутую профессорами Шалем и Мартининым, в соответствии с которой заявлялось о необходимости изучения «своего кубанского языка», а не «чужого украинского», «кубанизации школы» (причем последняя установка была популярна среди как учителей, так и учащихся ряда школ Донского округа). Идея «кубанизации школы» плавно переходила в мысль о необходимости «кубанизации Кубани»⁶¹. Таким образом, одна социальная патология провоцировала возникновение другой, еще более дикой. Впрочем, творцы украинизации на такой эффект и рассчитывали...

Ответ на сопротивление режим ужесточал репрессии. Официально было объявлено, что «некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т.п.» является «*русским националистическим уклоном*»⁶² (обвинение, в те времена неизбежно влекущее за собой тюремное заключение или расстрел). Власть все чаще прибегала к уголовному преследованию тех, кто не проявлял должного рвения в украинизации себя и своих подчиненных. Лишь один из тысячи примеров. В июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к *уголовной ответственности* руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способ украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации». При этом прокуратуре поручалось проводить показательные суды над «преступниками». Административный террор и запугивание приносили свои черные плоды. Например, в Русском городе Мариуполе к 1932 г. не осталось не только Русских школ, но даже ни одного Русского класса.

Казалось, конечная цель дерусификаторов практически достигнута и до решающего успеха рукой подать, но именно в 1932—1933 гг. в деле тотальной украинизации Малороссии произошел первый серьезный сбой.

Связан он был в первую очередь с резким ухудшением внешнеполитической ситуации и огромной вероятностью возникновения войны. Причем, военная угроза СССР в этот момент исходила, прежде всего, от **Польши**, не оставлявшей надежды снова завладеть Малороссией. Красноречивый факт: Польша долгое время отказывалась заключить с СССР пакт о ненападении, хотя советские дипломаты добивались этого с 1926 г. Подписать его удалось только в 1932 г., при этом поляки согласовали срок действия пакта всего на три года. Между тем, сразу же после прихода Гитлера к власти, Польша 26 января 1934 г. заключила с Германией договор о дружбе и ненападении. А когда Советское правительство в это же время выдвинуло предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от возможной агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия (Восточный пакт), польское правительство заявило (27 сентября 1934), что не может принять участие в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия. Таким образом, было сорвано подписание соглашения, могшего реально воспрепятствовать агрессивным устремлениям гитлеровской Германии.

Вообще следует отметить, что вся внешняя политика Польши в период между двумя мировыми войнами носила ярко выраженный антирусский характер. Несмотря на то, что по Рижскому мирному договору (март 1921) к Польше отошли обширные Русские территории (Подолія, Волинь, западная часть Белоруссии), польская правящая клика продолжала вынашивать планы расчленения России и отторжения от нее новых территорий. Она также рассчитывала расширить сферы своего экономического и политического влияния на востоке путем создания «федерации» в составе Финляндии, балтийских государств и «отделившихся» от России «Белоруссии», «Украины», крымского и казачьего «государств», а также «союза государств» Кавказа. С этой целью по инициативе Варшавы только в первой половине

20-х годов состоялось около 60 различных «балтийских конференций» с участием Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Правда, создать Большой балтийский блок, направленный против СССР, Польше так и не удалось (прежде всего, из-за захвата поляками в октябре 1920 г. Вильно, ранее переданного большевиками Литве), однако сами эти попытки ясно говорили о вынашиваемых ею в отношении России экспансионистских планах.

К тому же еще в январе 1921 г. Польша заключила договор с Румынией о взаимопомощи на случай войны с СССР, а в апреле и июне были заключены пакты Румынии с Чехословакией и Югославией, что привело к окончательному оформлению Малой Антанты. Дополнительно к этим договоренностям в феврале 1921 г. был заключен франко-польский, а в январе 1924 г. — франко-чехословацкий союзы, в результате чего эта сеть соглашений на западных рубежах СССР была укреплена поддержкой сильной военной европейской державы.

Понятно, что подобная дипломатическая активность польских кругов в Москве оценивалась однозначно. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 3 апреля 1925 г. отмечалось: «Факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии таит в себе непосредственную угрозу безопасности СССР». Эта обеспокоенность не исчезала и в последующем. На заседании Политбюро 19 апреля 1928 г. снова отмечается, что военная опасность угрожает стране главным образом со стороны Польши⁶³.

Знали в Москве и о польских претензиях на большую часть Малороссии, тем более что именно в Польше нашло убежище эмигрантское «украинское правительство». А «министр иностранных дел» этого «правительства» Р. Смаль-Стоцкий информировал в 1927–1928 гг. британского представителя о наличии *разведывательной сети в УССР*, которая действовала под патронажем II отдела Генштаба Польши, и базировалась, по его словам, в Церкви, кооперативных обществах и Академии наук⁶⁴. Польша же содержала на своей территории украинские банды, которые на протяжении первой половины 20-х годов неоднократно вторгались в пределы Малороссии, грабя и разоряя местное население. Так,

осенью 1921 г. государственную границу СССР пересекла банда некоего Паляя численностью до двух тысяч человек. Месяц она грабила край, а когда части Красной Армии прижали ее, спокойно отступила в Польшу.

Впрочем, науськиванием и вооружением украинских «повстанцев» дело не ограничивалось. Нередко поляки организовывали провокации на границе собственными вооруженными силами. При этом вели себя исключительно вызывающе и нагло. Вот лишь некоторые эпизоды этой приграничной войны (по отчетам Ямпольского погранотряда): «5 января 1925 года перешла границу группа польских солдат, около 40 чел. пехоты и три всадника, которая, обстреляв наш сторожевой наряд, прорвалась в здание заставы и управление комендатуры, обстреляла их и забросала гранатами. Ворвавшись в канцелярию заставы, захватила дела и переписку. Пограничники, приняв меры к обороне, вынудили поляков отойти в прилегающий сад». Бой затем продолжился и только после того, как был убит руководивший нападением капрал, поляки поспешно отошли на свою территорию... А через полгода новое нападение: «25 июня 1925 г. добровольно перешел на сторону СССР поручик польской пограничной охраны. 28 июня на рассвете польский офицер вызвал на границу помощника начальника заставы Бахлина и заявил, чтобы немедленно возвратили якобы захваченного поручика. Спустя некоторое время к границе подошла группа польских солдат в 120 чел. и 100 чел. конницы, перешла границу и начала организованное наступление на заставу. Застава была приведена в боевую готовность; в то время на заставе было 20 пограничников, и под давлением численно превосходящего противника застава отступила в лес. Поляки захватили переписку, зажгли заставу и продолжали перестрелку с заставой»⁶⁵. И таких стычек, перестрелок и боев было множество...

И польская разведсеть в УССР существовала. В декабре 1929 — январе 1930 г. разгорелся дипломатический скандал, связанный с тем, что двух сотрудников польского консульства в Киеве обвинили в военном шпионаже. Советская сторона потребовала выслать их из СССР. Польша, в свою очередь, потребовала выезда четырех сотрудников совет-

ских полпредства и торгпредства. И в дальнейшем ситуация только обострялась. Весной 1930 г. ОГПУ отмечало, что на территории УССР поляки усилили шпионаж и «контрреволюционную агитацию» и даже использовали в этих целях радио. К тому же с конца февраля 1930 г. в официальной польской печати началась широкая антисоветская кампания, и полпред в Варшаве должен был просить разъяснений относительно «травли СССР» и «прямых призывов к интервенции». Участились и провокации на границе. Военные сообщали о полете над Правобережьем трех польских аэропланов в ночь с 16 на 17 марта, о чем был сделан даже соответствующий запрос в польский МИД⁶⁶...

Крестьянские волнения в западных пограничных округах СССР, вспыхнувшие в связи с началом коллективизации, еще более накалили обстановку. 5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о повсеместном выселении «кулацких и контрреволюционных элементов», в том числе и в двенадцати западных пограничных округах. В связи с этой акцией опасение враждебных действий со стороны Польши еще более возросло. В решении Политбюро от 11 марта 1930 г. прямо указывалось: «По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, — *польское правительство может пойти на вмешательство*»⁶⁷.

Момент для этого казался подходящим. Развернувшаяся в СССР кампания по *сплошной коллективизации крестьянства* резко осложнила внутривнутриполитическую ситуацию и грозила социальным взрывом.

Антагонизм коммунистической власти и крестьянства носил системный характер. Именно Русское крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения страны, с точки зрения коммунистической идеологии являлось главным препятствием на пути коренного переустройства страны. И режим, по сути, объявил ему настоящую войну. К концу 20-х годов эта война в связи с курсом на ускоренную индустриализацию достигла своего апогея, вы-

завав вначале продовольственный кризис, а затем и полную дезорганизацию сельского хозяйства в СССР. Между тем, экспорт зерна составлял главный источник затеянной большевиками промышленной модернизации. Однако уже хлебозаготовительная кампания 1927—1928 г. столкнулась с серьезными трудностями, вызванными полной несостоятельностью политики, проводимой коммунистами в аграрном секторе и отказом крестьян продавать государству произведенную продукцию по заведомо заниженным ценам. К началу 1928 г. государственными учреждениями было заготовлено только 300 млн. пудов зерна против 428 млн. пудов к январю 1927 г.⁶⁸. Нежелание крестьян продавать хлеб государству по грабительским ценам было объявлено «кулацким саботажем». Режим прибег к террору, крестьяне ответили восстаниями. Только в конце 1928 — начале 1929 г. был зарегистрирован 5721 случай крестьянских выступлений, официально названных «кулацкими»⁶⁹. К их подавлению были привлечены даже регулярные армейские части.

Начавшийся погром деревни еще более ухудшил экономическое положение. К началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система распределения продовольствия. Впрочем, и она не всегда помогала, поскольку в условиях продовольственного кризиса нормы снабжения зачастую не выполнялись.

А разразившийся в это же время мировой экономический кризис (1929—1933) сделал проблему еще более трудноразрешимой. Цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке падали быстрее, чем на промышленные изделия. Это было крайне невыгодно для СССР: хотя экспорт зерна за эти годы вырос, он не мог покрыть стоимость импорта, а при таком положении выполнение плана хлебозаготовок становилась для режима задачей, которую требовалось решить *любой ценой*.

В качестве главной меры такого решения и была разработана политика так называемой «сплошной коллективизации». Насильно загнанное в колхозы, совершенно подконтрольное коммунистическому государству крестьянство превращалось в бесправную и фактически бесплатную ра-

бочую силу, призванную с минимумом издержек обеспечить экономические предпосылки для большевистских планов ускоренной индустриализации. Те, кто представлял потенциальную опасность для коренной ломки жизненных устоев страны или оказывал открытое сопротивление, физически уничтожались или ссылались в непригодные для жизни районы, где большинство из них мученически погибло. Такими методами правящий режим подготовил почву для достижения поставленной цели, и 1932 г. был объявлен «годом завершения сплошной коллективизации». А зимой 1932—33 г., в результате успешного осуществления этого чудовищного социального эксперимента, в зерновых районах страны — Малороссии, Северном Кавказе, Поволжье и Южном Урале — разразился небывалый голод, унесший жизни сотен тысяч, а может быть и миллионов людей.

Голод не был вызван неурожаем. Беда пришла потому, что *весь хлеб* принудительно, «под метелку», был изъят как у колхозников, так и единоличников. Во имя выполнения совершенно нереальных на тот момент планов государственных хлебозаготовок изымалось даже семенное зерно, предназначенное для будущего урожая. Благодаря этим мерам экспорт зерна не сократился. А миллионы тех, кто его производил, погибли от голода или в лагерях для *спецпереселенцев*.

Это страшное несчастье, повлекшее за собой неисчислимое количество жертв, до предела обострило политический кризис в стране, в полной мере затронув и УССР. Ситуация была настолько острой, что летом 1932 г. Сталин, оценивая обстановку в республике, выражал вообще опасение за дальнейшую ее судьбу: «Если теперь же не возьмемся за выправление положения на Украине, *Украину можем потерять*. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, его агентура на Украине во много раз сложнее, чем думает Реденс (глава ГПУ УССР. — С.Р.) или Косиор (возглавлявший ее партийную организацию. — С.Р.). Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тыс. членов, хе-хе), обретаются не мало (да, не мало!) гнилых элементов ... наконец — прямых агентов Пилсудского»⁷⁰.

Положение требовало кардинальных мер, и они не замедлили явиться...

14 декабря 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», в котором виновниками тяжелого положения в сельском хозяйстве указанных регионов назывались разного рода «контрреволюционные элементы», и в их числе ... *«петлюровцы»*. Более того, постановление указывало, что в УССР эти враждебные элементы проникли в партийные и советские органы вследствие *«механического проведения украинизации»*. Поэтому ЦК ВКП(б) потребовал от украинского руководства «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций»⁷¹.

Набор туманных и внешне лишенных всякого положительного смысла фраз официального партийного документа (одно только выражение *«правильное проведение украинизации»* чего стоит: «правильное» — это как?), — лишал возможности непосвященных в номенклатурную казуистику догадаться о направлении предполагаемых *перемен*, но фанатики украинства застыли в тяжком и мучительном ожидании дальнейшей своей участи.

Собственно, первый звонок прозвучал для них еще в ноябре 1929 г., когда органами ГПУ была якобы раскрыта контрреволюционная организация «Союз Освобождения Украины» (СВУ). По этому делу приговор был вынесен 45 украинским деятелям, в их числе академиком С. Ефремову (как руководителю) и М. Слабченко, а также бывшему премьер-министру УНР В. Чеховскому, историку И. Гермайзе, писателям А. Никовскому и Л. Старицкой—Черняховской... Чеховский просидел в тюрьме до 1937 г., а потом был расстрелян по постановлению «тройки» УНКВД. Ефремов 7 лет провел в Ярославском политизоляторе, потом был переведен во Владимир, дальнейшая судьба его неизвестна. Старицкая—Черняховская после пятилетней ссылки вернулась в Киев, но в 1941 г. снова была арестована и во время этапа умерла...

Но СВУ дело не ограничилось. В июне 1930 г. XI съезд КП(б)У осудил «шумскизм» и «хвылевизм», призвав партийные организации усилить борьбу с «националистическим уклоном». За этим последовало продолжение. В 1931 г. ГПУ раскрыло новую организацию — «Украинский Национальный Центр» (УНЦ), а в марте арестовало М. Грушевского. К делу об УНЦ привлекли 50 человек, в их числе 14 заезжих галичан. Грушевского, правда, выпустили, но знаменитый корифей самостийничества явно впал в немилость. Началось дружное разоблачение его исторических фантазий на тему «Украины—Руси». 4 мая 1931 г. работы Грушевского подверглись уничтожающей критике на объединенном пленуме философов и историков украинской Академии. Тогда же в шестом номере «Большевика Украины» за 1931 г. появилась статья А. Хвыли (Олинтера) «Буржуазно-националистическая трибуна», в которой было раскрыто любимое детище Грушевского — журнал «Украина». А состоявшийся 18—22 ноября 1932 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У поставил жирный крест на советской карьере бывшего австрийского агента, включив его в число «контрреволюционеров-националистов». Жизнь и свободу ему, впрочем, оставили, да и академический спецпак сохранили в прежнем объеме. Но его труды и практическая деятельность на долгие годы были припечатаны к позорному столбу...

У коммунистов словно раскрылись глаза на ту потенциальную угрозу, которую таило украинство для целостности и безопасности страны. Режим, наконец, осознал, что проводимая им политика тотальной украинизации Малороссии представляет собой исключительно благоприятную питательную среду для роста и развития местного *сепаратизма*, а сепаратисты во все времена и при любом режиме легко шли на сотрудничество с внешним врагом. Перспектива надвигающейся войны на фоне резко возросшего недовольства населения проводимой коммунистическим режимом политики вынудило его умерить пыл по интенсивному возвращению внутри страны украинской «пятой колонны».

Конечно, внезапно наступившее «прозрение» коммунистов носило вполне *ситуативный* характер, и было обуслов-

лено, в первую очередь, резко изменившейся внешнеполитической обстановкой. Тем более что именно в этот момент к военной опасности со стороны Польши добавилась еще и *немецкая угроза*.

31 января 1933 г. рейхсканцлером Германии стал Адольф Гитлер. Возглавленное им правительство немедленно распустило рейхстаг, назначив новые выборы на 5 марта. А в ночь с 27 на 28 февраля здание рейхстага погибло от пожара, воистину символического: парламентаризм Веймарской республики превратился в пепел на глазах не только Германии, но и всего мира. На смену ему пришла национальная диктатура.

Правительство Гитлера использовало этот провиденциальный пожар для решительного подавления в стране всех коммунистических организаций. Захваченный на месте преступления поджигатель, некий Ван дер Люббе, бывший голландский коммунист, представил все необходимые для этой цели показания: он коммунист, он совершил поджог «из протеста против международного капитала», он не только сочувствует коммунистической партии, но имеет также «связь и с социал-демократией». Именно то, что требовалось. Уже через день правительством был издан чрезвычайный декрет о борьбе с коммунистической опасностью, и по всей стране начался беспощадный антикоммунистический террор. И хотя на выборах 5 марта коммунистам удалось провести в рейхстаг 81 депутата, они фактически оказались вне закона. Избранных ими депутатов просто не пустили в парламент. Гитлер заявил: «либо марксизм, либо германский народ. Через десять лет в Германии не будет больше никаких признаков марксизма»⁷².

Но это было только началом. День 5 марта национал-социалисты окрестили «днем пробуждения Германии». Всю ночь выборов горели огни вдоль Рейна и польской границы: символический жест в адрес немцев, отторгнутых от родины. А победу на выборах одержала национал-социалистическая партия Гитлера, которая вместе с другими немецкими националистами получила в парламенте абсолютное большинство. 23 марта Гитлер потребовал от рейхстага предоставления «правительству национальной революции» всей полноты

власти на четыре года. «Заставлять правительство, — заявил он, — от случая к случаю выторговывать и выпрашивать у рейхстага согласие на необходимые мероприятия противоречило бы духу национального возрождения и поставленным целям». И добавил, что правительство использует закон о чрезвычайных полномочиях лишь для проведения жизненно необходимых реформ⁷³.

Рейхстаг пошел навстречу и закон о полномочиях был принят квалифицированным большинством в две трети депутатов (441 голос против 94), что позволяло внести необходимые изменения в конституцию. Принятый закон передал кабинету министров право издавать любые законы. Против его принятия голосовали только социал-демократы. На другой день, 24 марта, рейхспрезидент фельдмаршал Гинденбург подписал этот исторический акт, немедленно вошедший в силу. Исполнив свою задачу, рейхстаг разошелся на неопределенное время. Вся полнота власти, таким образом, сосредоточилась в руках Гитлера и его партии.

Произошедший в Германии политический переворот самым непосредственным образом касался и СССР — этой мировой цитадели коммунистической идеологии, которой Гитлер объявил непримиримую войну. Но имелись и более существенные причины, помимо идеологических, для непримиримого противостояния Германии и России. В своей программной книге «Mein Kampf», написанной им еще в 1924 г. во время заключения в тюрьме Ландсберг, Гитлер предельно ясно сформулировал задачи внешней политики национал-социалистической Германии:

«Целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель»⁷⁴. «Само собой разумеется, что такая политика приобретения новых земель должна быть осуществлена не где-нибудь в Камеруне. Новые земли придется теперь искать почти исключительно в Европе»⁷⁵. При этом «необходимо отдать себе полный отчет в том, что достигнуть этой цели можно только силой оружия и, поняв это, спокойно и хладнокровно идти навстречу неизбежному»⁷⁶.

И куда же именно идти?.. В первых главах книги Гитлер еще как будто находится в раздумье и высказывается в предположительной форме:

«Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только **за счет России**. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации». В таком случае «наше право на это было бы не менее обосновано, нежели право наших предков»⁷⁷.

Но в конце книги, потратив сотни страниц на обоснование своей правоты, Гитлер уже безапелляционен:

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, **расположенных на востоке**. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь **только РОССИЮ** и те окраинные государства, которые ей подчинены»⁷⁸.

И ради этих новых земель, которые предстояло завоевать в России, Гитлер призывает немецкий народ идти на любые жертвы:

«Мы будем неуклонно стремиться к своим собственным целям в иностранной политике, а именно к тому, чтобы наш **немецкий народ получил на этой земле такие территории, которые ему подобает**. Только в борьбе за такие цели смеем мы принести хотя бы самые великие жертвы и только в этом случае мы сможем оправдать эти жертвы как перед Богом, так и перед будущими поколениями. Перед Богом мы будем чисты потому, что люди, как известно, вообще рождаются на земле с тем, чтобы бороться за хлеб насущный, и их позиция в мире определяется не тем, что кто-либо им что бы то ни было подарит, а тем, что они сумеют отвоевать своим собственным мужеством и своим собственным умом. Перед будущими поколениями мы будем оправданы потому, что при нашей постановке вопроса каждая капля пролитой крови оку-

пится в тысячу раз. Нынешние поколения, конечно, должны будут пожертвовать драгоценной жизнью многих своих сынов, но зато на землях, которые мы завоюем, будущие поколения крестьян будут производить на свет Божий новые сильные поколения сынов немецкого народа, и в этом будет оправдание наших жертв. Государственных деятелей, которые возьмут на себя ответственность за проведение предлагаемой нами политики, история не обвинит в том, что они легкомысленно жертвовали кровью своего народа»⁷⁹...

И этот человек, открыто звавший свой народ к завоеванию земель в России, невзирая ни на какие жертвы, теперь обладал безраздельной властью над Германией. Причем выдвигаемые им и его единомышленниками идеи и политические лозунги пользовались безусловной поддержкой подавляющего большинства немецкой нации, практически всех ее социальных слоев, в том числе рабочих и крестьян. Эта массовая поддержка уже сама по себе была верной порукой того, что внешнеполитические задачи, сформулированные в «Mein Kampf», начнут реализовываться в самое ближайшее время, что, в свою очередь, для советского руководства означало одно: впереди **ВОЙНА**. Война беспощадная, война на уничтожение. В виду этой совершенно неизбежной перспективы Сталину и коммунистам пришлось в корне пересматривать проводимую в стране политику. Эта перемена взгляда на весь комплекс внутренних проблем коснулась и украинизации.

Состоявшийся 18 ноября 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У констатировал: «Установление фашистской диктатуры в Германии ... открытая пропаганда *отторжения Украины* от Советского Союза в германской фашистской печати, публичные выступления ответственных польских фашистских кругов ... за антисоветский блок Польши с фашистской Германией и, наконец, борьба между польскими и германскими фашистскими кругами за гегемонию в лагере украинской контрреволюции — все это, безусловно, стимулировало контрреволюционную активность остатков разгромленных капиталистических элементов на Советской Украине»⁸⁰.

Отрешившись от леворадикальной риторики документа, можно ясно увидеть, что коммунисты трезво оценивали

внешнеполитическую ситуацию: страна находилась в преддверии войны. Войны с Польшей или Германией, или с ними обеими, объединенными в военный союз. Это понимание нашло отражение и в разработке соответствующих мероприятий *военного* характера. Так, в «Записке начальника Генштаба Красной Армии о наиболее вероятных противниках СССР», адресованной наркому обороны К.Е. Ворошилову (24 марта 1938), говорилось: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — *Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей...* Германия и Польша могут сосредоточить свои главные силы к северу или к югу от Полесья. Этот вопрос указанными государствами будет решен в зависимости от положения в Средней Европе и, наконец, от того, *насколько договорятся оба этих государства в украинском вопросе*»...⁸¹.

Примечательно упоминание в «Записке» *договоренностей по украинскому вопросу*. Эта тема, действительно, поднималась на польско-немецких переговорах. Глава внешнеполитического ведомства Германии И. Риббентроп в своих записках так описывает встречу с польским министром иностранных дел Ю. Беком (январь 1939): «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от *претензий на Украину*. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что *эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня*». Во время следующей встречи польский министр выразился еще откровеннее: «Г-н Бек не скрывал, что **Польша претендует на Советскую Украину** и на выход к Черному морю»⁸².

Об этих претензиях были осведомлены и в России, поэтому и готовились загодя к войне. Серьезной войне. Рассчитывать в ней на «украинцев» не приходилось. Большевики еще не забыли, что в предыдущую мировую войну (1914–1918) украинские самостийники находились именно в стане врагов России — Австро-Венгрии и Германии, а позже, уже в Гражданскую, выступили на стороне той же Польши. Следовало нейтрализовать потенциальную опасность, исходящую со стороны украинства. Отсюда настоятельная потреб-

ность существенно «подправить» украинизацию, умерив пыл ее фанатичных приверженцев...

* * *

Персонально миссия по искоренению «националистического уклона» в УССР была возложена на секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева (1887—1939). 24 января 1933 г. он был избран вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома, — и сразу же взялся за дело. В феврале того же года состоялся пленум ЦК КП(б)У, давший «зеленый свет» организации широкой кампании против «националистических элементов», проникших, вследствие *недостатков украинизации*, в партийные и государственные органы, научные и культурные учреждения. И первым, демонстративным шагом начатой кампании стало снятие с должности Н.А. Скрыпника (23 февраля 1933), на которого и была возложена вина за «националистический уклон» в сфере «культурного строительства на Украине». В июне на очередном пленуме ЦК Постышев прямо указал, что «на этом серьезнейшем участке засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок ... Эти вредители и шпионы ... насаждали ... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских». Цель такой «вредительской работы» заключалась в том, чтобы «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза». Персональную вину за это П.П. Постышев возложил на бывшего министра украинского просвещения: «Тот участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник, я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, — оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами»⁸³. Под грузом столь тяжелых обвинений Н.А. Скрыпник вынужден был признать, что «во многих случаях ошибался». Но это запоздавшее «раскаяние» мало помогло: от него потребовали письменного признания «ошибок» для публикации в прес-

се. В течение месяца он тянул, отказываясь написать этот публичный акт капитуляции, а затем, осознав, что участь его предreshена, 7 июля застрелился.

Процесс внедрения в жизнь очередного зигзага «генеральной линии партии» начался. Теперь украинизация оценивалась совсем с иных позиций. 24 апреля 1933 г. уже знакомый нам А.А. Хвыля (*Олинтер*) написал докладную записку Косиору и Постышеву, в которой указывал на «большую вредительскую работу» «украинской контрреволюции» «в вопросах создания украинской терминологии» и на умышленную «ликвидацию общеизвестных в украинском и русском языках» научно-технических терминов.

Главными координаторами этой «вредительской работы» являлись скрипниковское ведомство и Государственная комиссия для разработки правил украинского правописания при Наркомпросе УССР. *«Общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс».* В качестве примера Хвыля—Олинтер приводил замену в украинском языке слова «сектор» на «*витинок*», «сегмент» — на «*утинок*», «экран» — на «*застувач*», «экскаватор» — на «*копалка*», «штепсель» — на «*притичку*», «аэрография» — на «*марсознавство*», «атом» — на «*неділка*», «завод» — на «*выробня*». По мнению Хвыли, такие нововведения, проходившие под лозунгом замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, обычно заимствованными из польского или других иностранных языков, крайне недопустимы. Так же как и предложенная ранее Скрипником реформа украинского алфавита по введению двух латинских букв для обозначения звуков «дз» и «дж» (соответственно «*S*» и «*Z*»).

Свою докладную записку Олинтер—Хвыля заключал следующим выводом: *«Процесс создания украинской научной терминологии, направление развития украинского научного языка пошло по линии искусственного отрыва от братского украинскому языку — языка русского народа. На языковедческом фронте националистические элементы делают все, чтобы между украинской советской культурой и русской со-*

ветской культурой поставить барьер и направить развитие украинского языка на пути буржуазно-националистические. Это делалось для того, чтобы, пользуясь украинским языком, воспитывать массы в кулацко-петлюровском духе, воспитать их в духе ненависти к социалистическому отечеству и любви к казачьей романтике, гетманщине и т.п.»⁸⁴...

Неожиданное «прозрение» А.А. Олинтера носило, конечно, конъюнктурный характер. Ведь еще пару лет назад, как мы могли убедиться, именно этот борец с «националистическими элементами» в должности заведующего отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП(б)У не только не видел в проводимой политике украинизации никакого «националистического уклона», но еще и настаивал на *тотальном* ее характере: «полной украинизации всего рабочего класса, украинизации прессы, школы, научной работы». А присутствуя на одном из партсобраний, сурово приструнил сотрудника Украинского института марксизма Скрипченко, попробовавшего указать на возрастающую опасность *украинского шовинизма*: «Говорить так ... это не видеть на Украине русского нэпмана, кулака, буржуа, бывшего царского чиновника, попа, городского мелкого буржуа-мещанина, который когда-то составлял часть армии *русской черной сотни* на Украине. Разве эта реакционная сила на Украине сгинула? Разве она не проводит всюду, каждый день своей работы?... А раз эти контрреволюционные силы *русского шовинизма* имеют на Украине почву, то, значит, они и действуют... Как симптоматично, что расстрелянный контрреволюционер, один из главарей шахтинского дела, работая в Донугле, в столице Украины, говорил: «Плывать мне на вашу украинизацию»»⁸⁵...

Люди, не забывшие, что они — Русские и открыто выражавшие несогласие с тотальной украинизацией Малороссии, приравнивались А.А. Олинтером в 1929 г. к «классовым врагам», которых следовало немедленно «уничтожать», а теперь этот *еврей*, развернувшись на 180°, вдруг заговорил о «братском русском народе». Теперь в числе «нэпманов, кулаков, мелких буржуа и шовинистов» он числил уже не Русских, а сторонников тотальной украинизации... Удивительное превращение... Впрочем, легко объяснимое. Вряд

ли ненависть А.А. Олинтера к Русским стала меньшей, но изменившаяся ситуация требовала на время сделать ее прикровенной. Кроме того, он был серьезно напуган. Поначалу персонально ответственными за «националистический уклон» в УССР были признаны он, Олинтер—Хвыля, и секретарь ЦК КП(б)У, редактор органа ЦК КП(б)У газеты «Коммунист» А.П. Любченко. В январе 1933 г. оба были сняты со своих должностей. Дальнейшее разбирательство сулило «уклонистам» мрачную перспективу. Любченко срочно помчался в Москву и сумел-таки добиться встречи со Сталиным и Кагановичем. Неизвестно, о чем шел разговор, но обвинения в «уклонизме» с Любченко и Хвыли были сняты, и они, естественно, обратились в самых ярых и непримиримых преследователей «украинского шовинизма».

В тот момент подобным образом «прозревали» многие. С.В. Косиор (1889—1939), например, возглавлявший украинскую компартию с 1928 г., внезапно осознал (ноябрь 1933!), что «линия Скрыпника» и «возглавляемого им уклона» была направлена на «ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками, на *ослабление Советского Союза*», на *«максимальный отрыв украинского языка от русского, на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими»* и, наконец, на *«насильственную украинизацию школы»*⁸⁶. А что же, в предыдущие пять лет он, являясь *первым руководителем* республики, ничего этого не видел?.. Видел, конечно, но на тот момент первоочередной задачей коммунистов в Малороссии было *искоренение всего Русского*: Русской культуры, Русского языка, Русской истории, — и насаждение вместо них лживой «украинской истории», «украинской» псевдокультуры и искусственного «украинского языка». Теперь наступали иные времена. Соответственно и коммунистическая пропаганда приобрела другое направление.

Лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению Русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» создавали благопри-

ятные условия для деятельности в УССР не только украинских, но и немецких, польских и прочих националистов. Поэтому весной 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областей. Через несколько месяцев, в августе 1933 г., Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе». В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы. Таковых в 20-е годы было создано в УССР немало, для самых разных национальностей, даже совсем миниатюрных и экзотических, для всех, кроме наиболее многочисленной — **Русской**. Поэтому Русских детей насильно загоняли в польские, немецкие, еврейские, венгерские школы, где они были вынуждены изучать чуждые язык и культуру, а теперь все эти искусственно размноженные «национальные районы» и школы предстояло очищать от «антисоветских элементов». Очищали. Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁸⁷...

* * *

Так распался союз коммунистов и «украинцев». Вряд ли стоит этому удивляться. Мог ли вообще быть долгосрочным союз убежденных «интернационалистов», стремившихся к уничтожению всяческих «наций», — и *сепаратистов*, фанатично навязывавших Малороссии «этнические ценности» никогда не существовавшей виртуальной «нации»? Конечно же, никакой перспективы подобное содружество не могло иметь. И та, и другая сила надеялись просто *использовать* друг друга, каждая в своих собственных интересах. У ком-

мунистов это получилось лучше, ибо на тот момент именно они были *властью* в России. «Украинцы» в очередной раз оказались всего лишь в роли *подручного материала* для достижения чужих целей. Большевики максимально использовали их для превращения России в коммунистический СССР, а когда достигли этого, выкинули «украинцев» из политического поля страны за ненадобностью.

С другой стороны, при всей кажущейся странности подобного симбиоза двух внешне полярных сил, нельзя не признать, что до определенного момента он был естественен и неизбежен. *Цель-то и у тех и у других была одна: уничтожение Русского национального самосознания малороссов*, превращение их в *этнических мутантов*, идеальный объект для манипуляции, хоть с целью создания нового «советского человека», *совка*, хоть на пути превращения его в «украинца», с вымышленной «украинской» историей и искусственно сконструированным «украинским языком». И не только цель едина, но и *методы* в достижении ее были совершенно одинаковы: *тотальная ложь* и грубое, циничное *насилие*.

Однако разоблачения «буржуазных украинских националистов» в целом не ослабили русофобской составляющей советской политики в Малороссии. Расправа со Скрыпником и другими оголтелыми украинизаторами вовсе не означала конец украинизации как таковой. По ней, конечно, был нанесен серьезный удар, но она отнюдь *не была отменена*. Из нее просто выхолостили «национальную» составляющую, еще более выпятив единственную ее функцию: вытравливание из Малороссии всего Русского. Задача вполне *украинская*. На что же «украинцам» обижаться?... А они, тем не менее, до сих пор обижены.

Если вы сегодня почитаете украинскую прессу, книги украинских «историков», то у вас сложится твердое убеждение, что за всю историю украинского движения не было у «украинцев» злее врагов, чем коммунисты. Ушаты грязи выливаются на коммунистических вождей, миллионы проклятий сыплются по адресу КПСС и «советской оккупации»... Какая черная неблагодарность! Разве не коммунисты нарезали «украинцам» на исконных Русских землях их «украинскую республику»? И не они ли ввели «украинскую

национальность» как таковую?.. Разве не при Ленине и Сталине расплодились украинские писатели, академики, украинские школы и институты? И не при Сталине ли обрела «украинская республика» международный статус в качестве равноправного члена ООН? Сталин же наделил «украинцев» «государственными границами», которые включили в себя территории, о которых они не смели мечтать даже в самых безумных своих фантазиях, и которые, тем не менее, сегодня без всяких колебаний объявили своими «дэжравными кордонами». За что же такая ненависть к «вождю всех народов»?.. Да что там говорить! Выше мы видели, как душа в душу жили «украинцы» с коммунистами, как верою и правдою служили коммунистическим идеалам, рука об руку с «верными ленинцами» душили и терроризировали население Малороссии, без всяких угрызений совести беря за это свои тридцать сребренников. Даже будущие бандеровцы, галичане, и те без стеснения пользовались коммунистическими щедротами. А теперь с пеной у рта проклинают и шельмуют их. Да так дружно и единогласно, что диву даешься: без малого сотню лет работали в одной связке, а теперь, смотри-ка, наотрез отказываются от столь очевидного «родства».

Украинский президент В.А. Ющенко даже предложил открыть в Киеве *«Музей советской оккупации»*. Тот самый Ющенко, который за годы «оккупации» совершил головокружительную карьеру, достигнув к декабрю 1989 г. поста заместителя председателя республиканской конторы Агропромбанка СССР, которому «оккупанты» дали бесплатное образование вначале в школе, а затем в Тернопольском финансово-экономическом институте, что и позволило ему успешно продвигаться по «оккупационной» служебной лестнице. Тот самый Ющенко, который уже в возрасте 23 (!) лет вступил в «передовой авангард» *оккупационного режима* — КПСС, и не просто вступил, а при этом еще и закончил с *отличием* (видно, старался не за страх, а за совесть!) высшую партийную школу — Университет марксизма—ленинизма для идеологических кадров. Т.е. не просто был в рядах *авангарда* «оккупантов», но в рядах тех из них, кто теоретически обосновывал правомочность и справедливость этой самой «оккупации»! Такой вот «борец» с «оккупационным режимом». И

соратники его, все эти драчи, павлычки и мовчаны, ему под стать. Бездарные украиномовные писаки и рифмоплеты, которых абсолютно никто не читал, а «оккупационный режим», вопреки всему, содержал и щедро оплачивал штампуемую ими макулатуру. И даже представлял к правительственным наградам! За что они слезно благодарили и клялись в нерушимой верности. А теперь... Какая черная неблагодарность! Да кто же, в конце концов, провозгласил Украину в 1991 году *«самостийной»* и *«нэзалэжной»*? Не коммунисты ли? Ведь все 100% депутатов тогдашней Верховной Рады являлись членами КПСС и все единогласно проголосовали за «самостийность»! А теперь вы клянете компартию и «советскую оккупацию».

Впрочем, благодарность лакея явление вообще редкое. Сколько, казалось бы, сделали для «украинцев» **поляки**, которых смело можно назвать *крестными отцами* украинского движения как такового, а чем отблагодарили их «украинцы»? Волынской резней 1942—1943 гг.!.. Такой же монетой платят они сегодня и коммунистам, обвиняя их в жестоком подавлении «украинского возрождения», хотя, как мы могли убедиться, само это «возрождение» стало возможным только благодаря коммунистам.

И 1933 г., несмотря на определенный поворот, никаких *принципиальных изменений* в политику украинизации не внес. Курс оставался прежним. *«Исправляя перегибы украинизации, мы должны одновременно продвинуть вперед саму украинизацию, которая является неотъемлемой частью нашего социалистического строительства»*, — подчеркивалось на ноябрьском 1933 года пленуме ЦК Компартии Украины.

Вот ведь как: **«неотъемлемой частью нашего социалистического строительства»**. Почему и двигали украинизацию с прежней энергией и «после Скрыпника». Весьма показательно в этом плане развитие ситуации в Донбассе как раз в эти годы. До революции здесь было 7 украинских школ. В 1923 г. Наркомпрос Украины приказал в течение трех лет украинизировать 680 школ региона. Но пик украинизации Донбасса пришелся именно на 1932—1933 гг. На 1 декабря 1932 г. из 2 239 школ региона 1 760 (или **78,6%**) были украинскими, еще 207 (9,2%) — смешанными русско-украинскими. К 1933 г. закрылись последние русскоязычные педагогические тех-

никумы. Однако достигнутые успехи нисколько не охладили пыла украинизаторов. Вот цитата из решения 4-го пленума Донецкого обкома КП(б)У (октябрь 1934): «Строго соблюдать украинизацию советских органов, решительно борясь со всякими попытками *врагов* ослабить украинизацию». А за полгода до этого (апрель 1934, самый разгар борьбы с «перегибами украинизации»), тот же обком принял волевое решение «О языке городских и районных газет Донбасса», которым предписывал полностью перевести на украинский язык 23 из 36 местных газет, еще 8 должны были печатать как минимум две трети информации по-украински, 3 — на греко-эллинском и лишь две газеты (!) области решено было оставить на Русском языке⁸⁸. Точно такая же политика проводилась и в остальных областях УССР.

К 1937 г. в республике практически не осталось газет на Русском языке. Зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. Мехлис писал секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову (30 октября 1937):

«Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине. В республиканских центрах всех союзных республик, столицах автономных республик, наряду с национальными газетами, выходят руководящие газеты на русском языке. Тбилиси, Баку, Алма-Ата имеют даже по две — три газеты на русском языке. <...> Ничего подобного нет на Украине. Там буржуазные националисты по сути дела ликвидировали русские газеты, несмотря на то, что русского населения на Украине немало. Да и украинское население охотно читает русские газеты.

В Киеве выходит 11 республиканских и областных газет. <...> Нет только ни одной газеты на русском языке...

Ни в одной из 12 областей УССР, кроме Донбасса, не выходит ни одна областная газета на русском языке. В частности, такой крупнейший город, как Одесса, не имеет русской газеты. Не приходится доказывать, что огромнейшая часть населения Одессы говорит на русском языке.

В Донбассе издается на русском языке областная газета «Социалистический Донбасс». Все остальные газеты выходят преимущественно смешанными — часть материала на

русском языке, другая на украинском. Эти газеты какие-то ублюдочные»⁸⁹...

1937 год оказался судьбоносным для украинизации. Уже и коммунисты смекнули, что дальнейшее поощрение этого совершенно *безумного* проекта может привести к непредсказуемым последствиям для самого режима. А это в условиях надвигающейся войны с гитлеровской Германией могло привести просто к фатальным последствиям. В очередной раз внешняя угроза вынудила коммунистов несколько притормозить в деле дерусификации Малороссии. Беспрецедентный разгул русофобии, длившийся в крае почти полтора десятилетия, завершился довольно неожиданно: наиболее оголтелые фанатики украинства, ранее всемерно поощряемые коммунистической властью, вдруг, к своему удивлению, в ранге «*национал-уклонистов*» были причислены к числу прочих «врагов народа» и тысячами отправлены в советские концлагеря. Украинизацию слегка притормозили. В 1938 году вновь разрешили открыть всеукраинскую газету на русском языке. В крупных городах родителям теперь предоставляли возможность выбирать язык обучения для своих детей (и, естественно, выбор был *всегда* в пользу Русского языка). Впрочем, в селах большинства областей УССР родители такого права выбора были *по-прежнему лишены*.

Затишье, впрочем, было недолгим. Военные успехи Гитлера, оккупировавшего к концу 1942 г. всю Малороссию, на короткий срок возродили самые смелые чаяния украинизаторов. Взятие немцами каждого города сопровождалось незамедлительным закрытием любых Русских газет, вместо которых начинали печатать исключительно украинские. Той же метаморфозе подвергалась сфера образования. И во всех учреждениях, созданных для работы с местным населением, обязательным опять же объявлялся украинский. Лица, не владевшие «мовою», из них изгонялись. Причем все эти мероприятия проводились за немецкие деньги и при самом активном участии немецких специалистов.

Гитлер не задавался вопросом: почему подавляющее большинство «украинцев» не владеют укромовою. Ему было важно одно: *любой ценой уменьшить численность Русского народа*, чтобы максимально ослабить его сопротивление

оккупационному режиму. Украинизация являлась весьма удобной формой этнического геноцида: чем больше «украинцев», тем меньше Русских — и наоборот. Фюрер хорошо усвоил предостережение Бисмарка: «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах Русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути». Следовательно, необходимо было не только нанести Русским военное поражение, но и дополнительно расколоть их на несколько частей, враждебных друг другу, что гарантировало прочность владычества над ними. «Украинцы» в этом деле оказались незаменимым подспорьем. Отсюда и полное тождество политики в «украинском вопросе» немецкого национал-социализма и советского коммунизма: цель-то была одна — *раскол Русской нации...*

В 1945 г. по настоянию Советского правительства СССР была признана членом ООН, и таким образом искусственно созданная коммунистическим режимом «нация» приобрела **международный статус**. Украинизация Малороссии получила дополнительный политический импульс, но выводить ее на уровень 20-х годов уже опасались, удерживая в рамках вялотекущего процесса. Впрочем, и при минимальном напряжении она в любой момент готова была выйти из-под контроля. Так, летом 1965 г. по настоянию тогдашнего первого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста (руководил республикой в 1963—1972 гг.) была предпринята попытка реанимировать украинизацию в полном объеме: вновь последовало решение о повсеместном переходе преподавания в вузах СССР на украинский язык. Вслед за тем на «мову» начали в спешном порядке переводить делопроизводство в министерствах и ведомствах, на предприятиях и учреждениях. Разумеется, от жертв бессмысленного эксперимента снова последовал поток жалоб на «перегибы в области национальной политики». В Москве не сразу, но отреагировали: П. Шелеста убрали из Украины и все вернулось на круги своя, т.е. опять в стадию *вялотекущего процесса*. Наступила эпоха Брежнева, когда дело было пущено на самотек, планов расширить

применение украинского новояза уже не составляли, а без государственной поддержки мова стала умирать естественной смертью...

* * *

И вот очередная украинизаторская конвульсия. Снова насилие, запугивание, шантаж — и всё те же проблемы, что и восемьдесят лет назад: подвластное «украинцам» население не желает изучать изобретенный для него новояз. Председатель общества «Просвіта» и по совместительству зампред комитета Верховной Рады по вопросам «культуры и духовного возрождения» Павло Мовчан на специально созванной пресс-конференции в Киеве (июнь 2002) назвал положение украинского языка на Украине «постыдным» и в доказательство этой самой постыдности привел следующий показательный факт: среди молодых людей в возрасте до 21 года только 20% разговаривают исключительно на украинском, тогда как *исключительно русский* используют 60% молодежи⁹⁰. При этом следует иметь в виду, что речь идет о молодых людях, языковая культура которых формировалась уже в условиях украинской «нэзалэжности», когда самостийники получили в свои руки все государственные рычаги давления для «исправления» языковой ситуации в нужном для них направлении. И — совершенно ничемный практический результат. «Здесь Русский дух, здесь Русью пахнет...» Как тут не сорваться в истерику...

И срываются на вой и визг, кипят нешуточною злобою, извергают страшные угрозы и строят совершенно безумные прожекты. Разрушить, уничтожить, *распылить* живую действительность... 12 марта 2003 года. В стенах Верховной Рады идут слушания о функционировании украинского языка в самостийной украинской «дэржавѣ». Снова Павло Мовчан: «Денационализируются целые отрасли и все госструктуры сверху вниз, как это происходит в налоговой администрации, МВД, не говоря уже о Министерстве промышленности и Минобороны. Только глухой не услышит, какой господствует язык у власти на Банковой или какой язык недавно воцарился в Кабмине». Никаких изменений в лучшую сторону. Поневоле взвоешь. «Украинских школ у

нас больше, но *на переменах* и учителя, и ученики общаются исключительно по-русски», — причитает ему в унисон ярая гонительница православных, нардеп Лилия Григорович. Как тут не возмутиться: понуждаемые официальными приказами использовать на уроках исключительно «мову», учитель и ученики вдруг расслабляются на переменах (вдуматься только, какая вольность!) и в течение нескольких минут позволяют себе общение на родном Русском языке. Действительно, неслыханное преступление!.. А города — эти явные очаги «антиукраинства», средоточие вызывающей Русскости! «Наша урбанистическая среда, среда больших городов, русифицирована, — вызывает с трибуны профессор Киево—Могилянской академии Лариса Масенко. — И это требует специальной программы деколонизации». Наверное, придется по примеру «красных кхмеров» Кампучии все города в Малороссии разрушить, — тогда и осуществится в полной мере программа их «деколонизации»...

Глава парламентского комитета по культуре и духовности Лесь Танюк неожиданно стал расхваливать советские времена, когда в Донецке, например, 68% газет издавалось на украинском языке, а вот в 2000 году (после десяти-то лет самостийности!) их число составило всего 35%. «Украинец» Танюк не может смириться с реальностью, позабыв о том, что «расцвет» украинской периодики в СССР обуславливался тем, что издавалась она исключительно за *государственный* счет, хотя в том же Донбассе ее тогда, как и сегодня, абсолютно *никто не читал*, используя на пресловутые *хозяйственные нужды*. Сегодня, в условиях рынка, такая схема уже не проходит: никто не будет издавать литературу, у которой совершенно нет читателей! Да и сам глава «украинской духовности» выбрасывать на ветер деньги не станет, тем более что у «дэргавы», которую он представляет, их и нет. Вот и мечутся громы и молнии по адресу живой действительности, которая никак не желает покоряться «украинцам» и их искусственно мутированной «мове». Потому и приходится объявлять объективную реальность *вне закона*.

Именно так и сделал основной докладчик по теме академик Иван Дзюба. «Украинский язык не является повноприсутним (!) в общественной жизни, — заявил он. — Но

не всякая реальность разумна и морально легитимна. Не говорю уже о том, что эта реальность противоречит самой идее украинского государства. И когда использование родного (?) языка становится делом патриотизма и его признаком, это свидетельствует об очень небезопасном уровне вырождения общества»...

Лучше не скажешь: откровенно и по существу. А главное, последовательно и логично. САМА РЕАЛЬНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИТ ИДЕЕ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА, ПОЭТОМУ ОНА НЕ РАЗУМНА И МОРАЛЬНО НЕ ЛЕГИТИМНА, ПОЧЕМУ И СЛЕДУЕТ ЕЕ УНИЧТОЖИТЬ ИЛИ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ИЗУРОДОВАТЬ И МУТИРОВАТЬ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТОБЫ НИКТО И НИКОГДА НЕ СМОГ БЫ ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО КОГДА-ТО ОНА БЫЛА ИНОЙ...

И сыпались от выступавших проекты и предложения, способные повести к достижению этой недостижимой цели, проекты столь же безумные, как и сами докладчики. И чего здесь только не было: и необходимость введения языкового налога, и создание специального языкового комитета, который отслеживал бы использование дэржмовы во всех сферах жизни, и введение в Генпрокуратуре должности *«заместителя Генерального прокурора Украины по языку»* с неограниченными полномочиями для привлечения *мовопреступников* к ответственности, и немедленное изгнание ректора Одесского и других университетов, где еще сохранилось преподавание на Русском языке. А еще: предлагалось «отправиться в поход» против городов, являющихся рассадником Русского, и поставить заслон европейской Хартии о языках, и ввести санкции и карательные статьи за использование Русского в быту, — разгул ненависти был нешуточным⁹¹...

Но за всеми этими воплями и истерическими стенаниями слышались неуверенность и горькое разочарование, ведь основной факт жизни и после двенадцати лет самостоятельного существования остается неизменным: **«70% украинцев отреклись от родного языка»**. И это притом, что в предыдущую эпоху, как мы видели, был заложен прочный фундамент для повсеместного внедрения «мовы»: «Украинский язык уже как-то составлен, на нем пишут разные произведения лите-

ратурного и научного характера... Введено принудительное обучение на нем в школах, в средних учебных заведениях и в университетах, а так же принудительная публикация всех видов научного и литературного творчества»⁹². И, невзирая на столь солидный задел, **«украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на двух третях своей территории»...**

Неразрешимый самостийнический парадокс... Можно ли представить себе, например, французский народ, *три четверти* которого изъясняются исключительно *на иностранном языке*, ну, хотя бы том же немецком? Полный абсурд. А вот три четверти «украинцев» способны думать, писать и говорить лишь на «иностранном» Русском. И это несмотря на многочисленные кампании по украинизации, проведенные за последние сто лет! **«Украинцы» упорно отказываются украинизироваться...**

Глава 6. Первые бесспорные выводы об «украинском народе», его «мове» и «дэержаве»

Их стоит начать, пожалуй, с общей оценки сочиненной самостийниками украинской легенды и ее основных постулатов. Что же мы увидим? Даже в своей официальной ипостаси украинская легенда в целом, как и каждая ее составная часть, не только не выдерживает критики, но и с трудом поддается здравому анализу, ибо представляет собой невообразимую мешанину вздорных и совершенно анекдотических интерпретаций Русской истории. А если уж быть до конца точным, то интерпретаций еще и *лживых*, не подтверждаемых ни историческими фактами, ни реалиями сегодняшней «Украины».

Если принять всерьез самостийническую версию «украинской истории», придется поверить в то, что мы имеем дело с совершенно удивительным (и *неправдоподобным!*) историческим феноменом — **НАЦИЕЙ–НЕВИДИМКОЙ**. Ни письменные источники, ни современники, ни соседние народы и государства на протяжении тысячи лет (подумать только!) ничего *не знали* об «Украине» и «украинцах». Отсутствие последних в исторической реальности — настолько непреложный факт, что сами самостийники не в силах его замолчать, и нередко, совершенно произвольно, проговариваются на эту столь болезненную для них тему. Например, украинский президент Л. Кучма в своей книге, написанной специально для Русских читателей, рассуждая об итогах Малороссийской войны, отмечает: «Благодаря Хмельницкому, одним из главных *секретов* истории мира в XVII веке стало *появление* на европейском континенте, на землях стиснутых Московским царством, польско-литовской Речью Посполитой, владениями Оттоманской империи и Швеции, *новой страны*, сумевшей затем сохранить свою жизнеспособность на протяжении столетий»... «Новая страна» — это, конечно, «Украина». Но почему такая секретность? А потому, что «*секрет не был разгадан*» ни современниками Хмельницкого, ни их ближайшими потомками: «люди XVIII и XIX веков смотрели на карту и *не видели на ней никакой Украины*, а *она*

уже была»¹... Итак, к «нации-невидимке» абсолютно закономерно присовокупляется и СТРАНА—НЕВИДИМКА. Еще одна историческая загадка. Польшу современники видели, Турцию видели, даже Россию видели, а «Украину» — *нет*... Кучму несказанно удивляет подобная избирательная слепота. А между тем, удивляться следует только тому, что взрослый грамотный человек способен писать подобную белиберду. Люди XVIII—XIX вв. не видели на географических картах «Украину» по совершенно простой причине: такой «страны» **в реальности не существовало**... Впервые на картах «Украина» (да и то в виде «УССР») появилась лишь при *коммунистах*, превративших историческую Россию в искусственный конгломерат якобы независимых «республик» — СССР. В числе таковых наличествовала и «Украина». Впрочем, и тогда речь шла не о «стране», а *искусственном политическом образовании*. Это *произвольно* вычлененное из тела России эфемерное образование и унаследовали «украинцы» от Советской власти, и уж, конечно, прекрасно осведомлены, *кто и когда* его слепил. Тем более бывший высокопоставленный коммунист Л. Кучма.

«Украинская мова» — это более содержательное явление. О ней-то не скажешь, что ее нет в реальности, не зря же в глазах самостийников именно «мова» всегда являла (и до сих пор являет) *безусловное доказательство* существования отдельного «украинского народа». Однако *реальная история* ее создания со всей очевидностью показывает: «доказательство» не только не безупречное, но и явно притянута за уши. Это, не в последнюю очередь, подтверждается и тем, что за два десятилетия своего полного господства над Малороссией самостийникам так и не удалось внедрить «украинский язык» в народную жизнь. Этот *новояз*, как и раньше, *активно отторгается* населением края.

Далее мы сжато изложили *реальную историю «украинцев» в России*... Какая же картина открылась нашему взору? Даже с выданным априори авансом протяженность «украинской истории» едва ли достигает *полутора сотен лет*. И это при том, что в качестве хронологической точки ее отсчета мы выбрали 40-е годы XIX века, момент, когда в России только-только появились *первые единичные «украинцы»*, а общее

их число едва ли составляло несколько десятков человек. Впрочем, можно выделить и более конкретную дату, которую, пусть и условно, следует обозначить как *начало* исторического бытия «украинцев». Наиболее подходит для этой цели **1847 год**. Именно в этом году в Киеве Русская полиция арестовала членов так называемого «Славянского общества свв. Кирилла и Мефодия». Его организаторами стали чиновник канцелярии Малороссийского генерал-губернатора Николай Гулак (1822—1899), адъюнкт Киевского университета Николай Костомаров и студент университета, а в будущем редактор журнала «Основа» Василий Белозерский (1825—1899). К обществу оказались причастны и другие студенты Киевского университета, а также (косвенно) Пантелеймон Кулиш и Тарас Шевченко. Сам перечень этих людей, ставших впоследствии не только коноводами, но и символами малороссийского сепаратизма, говорит о том, что встреча их не являлась простой случайностью. Был накоплен и некоторый подготовительный материал. Так, Шевченко к тому времени уже издал своего «Кобзаря» (1840), поэму «Гайдамаки» (1841), пресловутый «Заповіт» (1845), знакомство с которыми, несомненно, оказало серьезное влияние на складывание мировоззренческих установок будущих «украинофилов»...

Впрочем, весь наличный состав «общества» насчитывал 12 человек. Да и те собирались редко и нерегулярно. Это скорее был кружок образованной молодежи, только пытавшейся выработать некоторую систему политических взглядов, притом достаточно хаотично и бессистемно. Хотя антиправительственный характер имевших место обсуждений прослеживался четко, что, в общем-то, и привлекло внимание полиции. Да и было чем заинтересоваться...

* * *

Политической платформой «общества» стала написанная Н.И. Костомаровым «Книга буття українського народу», где *впервые* и нашла свое отражение «украинская точка зрения». Особо следует подчеркнуть, что уже в момент своего появления она носила ярко выраженный отпечаток польского влияния, а конкретно — «Книг польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича. И это тоже не было слу-

чайным. Во время создания своего произведения, в 1846 г., Костомаров часто встречался с поляком Зеновичем, бывшим профессором Кременецкого лицея, учреждения, ставшего рассадником польского реваншизма и экспансионизма. Инструкции польского профессора не пропали втуне...

Само содержание «Книги буття українського народу» убого и примитивно, а излагаемые в ней «идеи» замечательны лишь своей откровенной русофобией и злобными инсинуациями на произвольно выхваченные из Русской истории сюжеты. Здесь же, продолжая традицию Шевченко, очерчивается образ вечно несчастной и закабаленной москалями «Украины». Прошлое ее, по мнению автора, было чистым и безоблачным, потому что на «Украине» *«не сотворили ни царя, ни пана, а сотворили братство-казачество, к которому каждый мог примкнуть, будь он пан или невольник, но обязательно христианин. Там все были равны, и старшины избирались и обязаны были служить всем и на всех работать. И никакой помпы, и никакого титула не было между казаками»*... Увы, длился украинский «золотой век» недолго. Когда «Украина», освободившись от польской власти, пристала к *Московии*, как стране славянской, то скоро увидела, *«что попалась в неволю»*, ведь *«она, по своей простоте, еще не знала, что такое царь, а царь московский это все равно, что идол и мучитель»*. Тогда Украина *«отбилась от Московии и не знала, бедная, куда ей повернуть голову»*, но Московия поделила ее с Польшей, а это *«есть самое негодное дело, что когда-либо случалось в мире»*... А дальше пошло еще хуже: царь Петр *«положил сотни тысяч казаков в канавах и на их костях построил себе столицу»*, а *«царица Екатерина-немка, курва всесветная, явная безбожница, — доканала казачество, так как отобрала тех, которые были старшиной на Украине, и наделила их вольными братьями, и стали одни панами, а другие — невольниками»*... *«И так пропала Украина»*, но скоро она *«проснется и крикнет на всю широкую Славяницу, и услышат ее крик, и встанет Украина и будет независимой Речью Посполитой (т.е. республикой) в славянском союзе»*²...

Как видим, особой оригинальностью первоукраинские идеи не блистали. Абстрактный гуманизм—демократизм вкупе с примитивным эгалитаризмом; романтическая идеали-

зация прошлого; воспевание казачьей вольницы, тоже представляемой весьма абстрактно; провозглашение государственной «всеславянской федерации» в качестве далекой (и несбыточной) цели, и тут же в качестве лейтмотива всей этой мечтательно-созерцательной абракадабры, — вселенский плач и вопль о «погубленной Украине», причем погубленной, разумеется, *москалями*. Их в число «славян» Костомаров не включал...

Вот и весь спектр «идей», торжественным провозглашением которых начали «украинцы» отсчет *собственной своей истории*. Последующие ее этапы ненамного обогатили идейный багаж самостийников. Лысяк—Рудницкий в этой связи отмечал: «Что касается украинской политической программы, то ее фундамент был положен в 1846—1847 годах кружком молодых интеллектуалов в Киеве, получившем известность под названием Кирилло-Мефодиевского братства. Пройдя через стадии ревизии и разработки, она оставалась платформой украинского движения вплоть до самой революции»³... Иначе говоря, за время с 1847 по 1917 год политическое мышление «украинцев» так и не смогло преодолеть школярский уровень костомаровского памфлета. И это, конечно, демонстрирует уровень *интеллектуального потенциала* украинского движения.

Но для нас гораздо важнее иной показатель: ««Славянское общество свв. Кирилла и Мефодия» было *первой попыткой* украинской интеллигенции вступить на путь организованной политической борьбы за национальное освобождение... *Попытка братства утвердить отдельную от русской украинскую идентичность* воспринялась всеми кругами русского общества как национальная измена»⁴... Насчет «измены» понятно. Как еще можно было относиться к столь дикой и нелепой идее?.. Но за чье «национальное освобождение» собирались бороться Костомаров с компанией? «Украинского народа»?.. Однако сама *попытка* утверждения отдельной от Русской «идентичности» была предпринята *малочисленным кружком*, состоящим всего из 12 человек!.. Таков был наличный состав «украинцев» на тот момент. А кто еще, кроме них, обладал «украинской идентичностью»?.. *Никто*. Даже современные украинские историки не могут в добавление к

«кирилло-мефодиевцам» назвать какие-либо иные украинские организации того времени, которые пытались бы утвердить *отдельную от Русской* «украинскую идентичность». Их *не существовало*. Иными словами, численность «украинского народа», который будто бы собирались освободить «кирилло-мефодиевцы», точно *совпала* с количеством активистов этого же *кружка*...

Сам по себе этот факт демонстрирует правомерность и обоснованность определенной нами *начальной даты* собственно «украинской истории»: **1847 год**. Вот оно — **начало** (а оно, как известно, никогда не бывает легким). Собрался десяток с лишним скучающих бездельников и решил определить свою национальность как «украинскую». Дело, конечно, немного *странное*, но, как говорится, добровольное. Гоголевский чиновник Поприщин, например, всерьез полагал, что он — испанский король, и даже принял страдание за это свое *убеждение*... «Кирилло—мефодиевцы» тоже пострадали. Правда, их не посадили в сумасшедший дом, как Поприщина, а всех сослали. Причем, как мы видели, на достаточно льготных условиях. Впрочем, мы готовы, вслед за самостийниками, признать их *страдальцами за идею*. Однако признать *десяток индивидов «украинским народом»* — отказываемся. Это значило бы признавать очевидную *ложь* — правдой, откровенный *вымысел* — реальным историческим фактом. Тем более что и в последующие десятилетия, как мы показали в предыдущих главах, «украинская идентичность» так и не смогла выйти за пределы точно таких же *малочисленных кружков*. Правда, ближе к 1917 году их стало намного больше, но только полный глупец (или сознательный *лжец*) согласился бы признать эти *кружки* оппозиционно настроенной интеллигенции «30-миллионным украинским народом»...

Кстати, и сами «украинцы» нисколько не заблуждались насчет действительной *численности* своего сообщества. «**Нас горсточка**», признается П.А. Кулиш в письме к С.Т. Аксакову (1858), ведя речь о тех, кто убежден, что между малороссами и остальными Русскими «лежит такая же бездна, как между драмой и эпосом»⁵... Минует шестьдесят (!) лет, а маргинальная общность «украинцев» все так же замкнута в пределах «*горстки*». Уже знакомый нам

Е.Х. Чикаленко в письме к П.Я. Стебницкому (2 апреля 1917), рассуждая об «автономии Украины», отмечает, что «против нее будут *все*, кроме сознательных украинцев, которых всего **горстка**»⁶... Как видим, даже охватившее Российскую Империю революционное безумие нисколько *не увеличило* украинских рядов... Премьер-министр петлюровского «правительства» Исаак Мазепа вспоминал об этой бурной эпохе: «За два года революционной жизни в Екатеринославе, с его более чем 200 000 населения, я не припоминаю себе, чтобы ряды нашей украинской интеллигенции пополнились хотя бы полудесятком «обращенных» малороссов. *Как была нас горстка в два десятка человек* в начале революции, такой и осталась до самого моего отъезда из Екатеринослава, после двух лет революции. Как много этот факт должен говорить будущему историку для характеристики *украинских национальных сил* во время великой украинской революции!»⁷...

Непредубежденному историку все вышеприведенные признания украинских деятелей говорят об одном: *в случае с «украинцами» мы имеем дело не с «нацией» и «народом», а с политической сектой*, идейное влияние которой ограничивалось немногочисленным кругом ее непосредственных участников. Даже принятое в этой секте *самоназвание* — «украинцы» категорически отвергалось населением Малороссии (впрочем, большинство о нем вообще ничего *не знало*), да и в узком кругу ее сторонников прививалось с большим трудом. Бывший секретарь Центральной Рады М.М. Еремеев вспоминал: «В ту эпоху само название «украинец» было еще каким-то чужим и странным... термин «украинец» был в ту эпоху неологизмом, который тяжело входил в жизнь»⁸...

Наглядным подтверждением *сектантского характера украинства* является численное соотношение украинских политических организаций и соответствующих им Русских, действовавших в Малороссии накануне Революции 1917 года. В то время как украинские партии в совокупности насчитывали около *трех тысяч* человек, численность Русских измерялась *сотнями тысяч*! Таким образом, и по прошествии семи десятилетий после 1847 года украинское сообщество так и продолжало оставаться малопопулярной изолированной *сектой*. При этом, публично озвучивая свои цели, «укра-

инцы» делали упор, прежде всего, на экономических или культурологических проблемах, а отнюдь не на «*украинской идентичности*», тем самым молчаливо признавая, что имеют дело с населением по национальности **Русским**, которое еще только предстояло *превратить в «украинское»*. (А сделать это удалось лишь в советское время, под игом коммунистического интернационала, путем откровенного ОБМАНА и НАСИЛИЯ). Ложь и обман формировали «этническое самосознание» «украинцев» и до революции 1917 года. И подобные методы «украинского этногенеза» дают нам право на следующий абсолютно бесспорный вывод:

используемый самостийниками термин «УКРАИНСКИЙ НАРОД» представляет собой всего лишь эвфемизм, изобретенный «украинцами» для обоснования своих претензий на южную часть России. К реальным историческим явлениям это понятие никакого отношения не имеет, оно — порождение политической идеологии, а не этнической истории. Со времен Киевской Руси и по настоящее время этническая принадлежность населения Малороссии не изменилась, оно принадлежало и принадлежит к Русской нации.

Между прочим, у самих же «украинцев» можно почерпнуть массу свидетельств в пользу того, что **никакой «украинской нации» до революции 1917 года в России не существовало**. Так, сепаратистский журнал «Украинская хата» признавал в 1910 году: «Украинская национальная жизнь в России представляет громадную пустыню. Широкий простор, масса народа, а жизни нет. *Несколько единиц* упорно борется со всеобщим сном, пытается нарушить тишину своим криком, кричит... но что значит слабый голос этих *единиц* против молчания многих миллионов»... Журналу «невольно припоминались слова из переписки одного писателя: украинская нация состоит из **30 миллионов рабов и жменьки Дон-Кихотов**»⁹...

Отметим этот момент. «Жменька» («несколько единиц») «украинцев» приклеивают ярлык «рабов» 30 миллионам своих соотечественников лишь за то, что те не выказывают никакого сочувствия и поддержки их совершенно бредовым идеям. За такую «непонятливость» эти «несколько единиц» испытывают самую неподдельную ненависть к тем самым

«многим миллионам», которые они же (без их ведома!) нарекли «украинским народом», который почему-то всегда изображают тупой, раболопной, жадной массой, не имеющей представления о своих «национальных интересах», а потому и склонной к предательству и коллаборационизму. Эта ненависть — еще одно неоспоримое доказательство того, что «украинский народ» — *выдумка, болезненное порождение денационализированного сознания «горстки» маргинальной Русской интеллигенции...*

* * *

Теперь подытожим исторические факты, касающиеся так называемого «украинского языка», ведь именно этот вновь созданный *волапук* и должен был служить подтверждением существования *виртуального* «украинского народа». В силу чего и главным лейтмотивом реальной истории «украинцев» в период с 1847 по 1917 год стало отнюдь не «национальное освобождение» (ибо совсем невозможно, обладая нормальными мозгами, представить себе борьбу с «этнической дискриминацией» **несуществующего народа**), а *создание и распространение искусственной «украинской мовы»*.

Задача оказалась не из легких. Прежде всего, потому, что этот искусственный новояз *никому не был нужен*. Население Малороссии, которое «украинцы» решили объявить своим «народом», общалось на *Русском языке*, и это было естественно, ведь и по национальности оно являлось Русским. Вот свидетельство коренного малоросса А. Царинного, относящееся ко второй половине XIX века: «Мы лично, родившись и проведя, по окончании образования, почти полвека сознательной практической жизни в глубине Левобережной Малороссии, да и всяк живший в малорусской деревне и служивший на уездных должностях, требовавших ежедневного общения с малорусским сельским населением... мы можем засвидетельствовать и подтвердить, что *нам никогда не представлялось надобности обращаться к «мове»*. **Мы говорили по-русски**, не подражая московскому говору, а так, как вообще в семье и в обществе говорят на юге, **и селяне прекрасно понимали, а мы понимали селян**»¹⁰... Это было характерно не только для Левобережной Малороссии, но и Правобережья

Днепра. Так, в обращении Союза служащих правительственных учреждений Винницы к украинским властям (1918) говорилось, что при делопроизводстве в учреждениях *нет необходимости переходить с Русского языка на «мову»*, поскольку *«случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением — с другой, никогда не было»*. «Более того, — указывалось в обращении, — *такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний... почти ничего общего с местным просторечием не имеет*». Служащие же вполне понимают это просторечие, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». А вот *украинской «мовой» никто не владеет*¹¹...

Однако «горстке» революционных маргиналов, поставивших себе целью создание искусственной «нации», необходимо было изобрести для нее и соответствующий искусственный «язык». Не кто иной, как Пантелеймон Кулиш, писал в 1857 году крупному малороссийскому землевладельцу Г.П. Галагану по поводу намечающегося издания «Основы»: «Если бы был журнал, то есть деньги на него, то можно б и найти дельных ребят, которые поняли бы, *что нам нужно, и создали бы свой язык не хуже чехов и сербов*»¹²...

Итак, по прошествии десяти лет с момента своего появления в России «украинцы» лишь *намеревались* приступить к созданию «своего языка». В основу его они решили положить тот русско-польский диалект, который сложился в Малороссии за время польской оккупации. Вместо того чтобы освободить этот диалект от «проказы полонизмов», «украинцы» принялись усиленно вымарывать из него Русские слова, намеренно усугубляя его *испорченность*. Таким образом, конструирование украинского новояза изначально приняло форму сознательной и зловредной **порчи родного (Русского) языка малороссов**. В реальной жизни проходил прямо противоположный процесс: малороссийский диалект все более очищался от польского налета и приближался к общепринятому Русскому литературному языку. В результате этого разрыва вновь возникающая литература на украинском волапюке столкнулась с проблемой *полного отсутствия читателей*. Именно по этой причине первый украинский

журнал «Основа», появившийся в **1861 году**, смог просуществовать всего лишь полтора года. Уже тираж за 1861 г. не был распродан до конца, а с началом 1862 г. журнал испытывал серьезные финансовые затруднения из-за *недостатка подписчиков* и закрылся к концу года.

Но «украинцы» не сдались, продолжая всеми правдами и неправдами добиваться *количественного роста* литературы на украинском новоязе. Не прошло и сорока лет, а в России уже действовало четыре издательства, специализировавшихся исключительно на выпуске украинской литературы. Особенно большой размах в этом направлении приняла деятельность Б.Д. Гринченко в Чернигове. С 1894 по 1901 гг. он издал более 50 названий книг, по 5—10 тыс. экземпляров каждого названия. Помимо собственных сочинений Гринченко издавал произведения Т.Г. Шевченко, М.М. Коцюбинского, Е.П. Гребенки, П.А. Грабовского, Ю. Федьковича и др., а также «целый ряд научно-популярных работ — по медицине, технике, истории, естествознанию»¹³... «*Украинских книжек выходит у нас много*»¹⁴, — с гордостью отмечал в **1903 году** один из активнейших творцов «украинской литературы» И.С. Нечуй—Левицкий.

Многим «украинцам» в тот момент казалось, что задача успешно решена, но реальность опрокидывала оптимистичные оценки. Количество произведений на украинском новоязе, действительно, росло, но число желающих на нем общаться и читать по-прежнему ограничивалось пределами *малочисленных украинских кружков*. «Мова» так и продолжала оставаться «*языком жменьки полулегальной интеллигенции*»... Вот свидетельство «украинца» Ю. Сирого (Тищенко) (**1906**): «Помимо того **маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински**, для многомиллионного населения Российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т.д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим *тренировки и изучения*»... Желающих *потренироваться* в овладении новосозданным *волапюком* было немного, поэтому, по данным того же Ю. Сирого, одна из наиболее распространенных украинских газет «Рідний край» имела *200 подписчиков*, «и это в то вре-

мя, когда такие враждебные украинскому движению и интересам украинского народа *русские газеты*, как «Киевская мысль», «Киевлянин», «Южный край» и т.д., выходившие на Украине, имели огромные *десятки тысяч подписчиков*... а такие *русские журналы*, дешевого качества, как «Родина», «Нива» и т.д. выходили миллионами экземпляров и имели на Украине *сотни тысяч подписчиков*»¹⁵...

Итак, с одной стороны «*маленький круг украинцев*», представлявший «*жменьку полулегальной интеллигенции*», дававшей украинской прессе *несколько сот* подписчиков, с другой, 30 миллионов малороссов, выписывавших и читавших *миллионы* экземпляров Русской периодики. Как видим, *распространение «мовы» полностью соответствовало распространению «украинской идентичности*», не выходя за пределы все тех же *малочисленных кружков* «украинцев». При чем же здесь «народный язык Малороссии»? Никакого отношения к нему так называемая «украинска мова» не имела, ведь «народ Малороссии» составлял не «жменьку» национально оскопленных маргиналов, а *миллионы*, и эти миллионы общались на совсем другом языке. Каком? Разумеется, **РУССКОМ!**.. И в дальнейшем языковая ситуация в Малороссии не менялась. Количественный рост литературы на «мове» нисколько не увеличивал ареал ее распространения. Она по-прежнему не выходила за границы «*маленького круга украинцев*». Да и здесь многие так и не смогли ею овладеть...

Это был по-настоящему «**МЕРТВЫЙ ЯЗЫК**». Такой же, как латынь или древнегреческий. Но те, по крайней мере, являлись языками пусть и умерших, но великих цивилизаций. На них существует литература мирового значения (а не штампуемая количества ради *макулатура*), без них невозможно изучать историю двух величайших народов мира, обогативших человечество непревзойденными культурными достижениями. Поэтому и две тысячи лет спустя эти языки все еще востребованы, пусть и не в тех масштабах, как ранее... Украинский *новояз* никаких культурных потребностей не удовлетворял, да и не мог удовлетворить: уже в момент своего рождения он имел ярко выраженные признаки именно «**мертвого языка**». Даже многие «украинцы» зачастую *не понимали* того «языка», который сами же для себя изобрели.

Причем, не понимали не только рядовые участники движения, но и те, кто создавал на «мове» *«украинскую литературу»*. Проблема достигала такой остроты, что еще в **1907 году** М.С. Грушевский, принимавший самое непосредственное участие в разработке украинского волапюка, рекомендовал единомышленникам не падать духом и мужественно преодолевать трудности, возникающие при овладении «мовой». Для прочтения же и уразумения украинских статей или книг советовал максимально *«напрягать свое внимание»* и почаще *«заглядывать в словарики»*^{16!}.. «Родной язык» со словарем?.. Воистину это — **«МЕРТВЫЙ ЯЗЫК»**...

* * *

Сложность овладения «украинской мовой» объяснялась не только ее искусственным характером, но и тем, что, как мы уже указывали, весь процесс ее создания, по сути, свелся к одному-единственному средству: усиленной *порче* разговорного малорусского диалекта путем тщательного вычищения из него Русских слов и оборотов, или их намеренного коверкания и искажения (*ковки*). Причем данная **порча** приобрела, так сказать, имманентный характер, став одним из качеств и отличий (совершенно уникальных!) «украинского языка». Выучить такой «язык» чрезвычайно сложно. Столь же сложно его понять. Характерное признание сделала в **1911 году** украинская газета «Рада». В своем обращении к читателям она объявила, что *«украинский литературный язык только лишь вырабатывается»*, почему и просила подписчиков не смущаться, если для них язык газеты *непонятен*. Далее редакция сознавалась, что и сотрудники ее сами лишь *«учатся писать на своем языке»*¹⁷... Вот так: *«только лишь вырабатывается»*... А ведь минуло уже полвека с того исторического момента как Пантелеймон Кулиш поставил перед «украинцами» задачу *«создать свой язык не хуже, чем у чехов и сербов»*. И вот по прошествии пятидесяти лет они всего только *«учатся писать»* на этом «языке». И при этом умудряются издавать на нем газету!.. Годы бегут, проблема остается неразрешимой: *«Современный писатель украинский, за небольшим исключением, украинского языка не знает»*. И в связи с этим строгая директива: *«Писатели должны вы-*

учить язык»¹⁸!.. А на календаре уже 1925 год! «Украинская литература» существует почти столетие, а ее творцы так и не овладели языком своих произведений. Совершенно уникальный, нигде больше не встречающийся феномен. *Только «украинец» способен творить на языке, которого не знает!*..

Неодолим человеческий фактор. «Украинцем» не рождаются, им становятся. Причем зачастую это требует от желающего не просто «ломки», а сверхусилий. Тот же Грушевский, прежде чем стать «украинцем», должен был овладеть «мовой», которой совершенно не знал и которой никогда не пользовался. По рассказам близких, получив приглашение на должность профессора Львовского университета по кафедре славянской истории, он на целые дни запирался в комнате и с настойчивостью Демосфена, едва ли не с камешками во рту, упражнял свой язык на украинском новоязе...

Здесь, кстати, коренится одна из наиболее тяжелых проблем украинского волапюка — создателями-то его являлись... *Русские*, по тем или иным причинам решившие превратиться в... «украинцев». Каким бы глубоким ни было подобное «обращение», родным для новоиспеченного «украинца» все равно продолжал оставаться Русский язык. Но сочинять-то ему приходилось «украинскую литературу». Ввиду подобного *раздвоения* создателям украинских произведений приходилось внимательно следить не только за собой, но и за другими, ибо слова родного языка поневоле закрадывались в их сочинения. В конечном счете, это привело к самой настоящей *мании*, а на практике породило нескончаемую войну с так называемыми «*русизмами*» и «*москализмами*». Даже произведения величайшего украинского «гения» Шевченко содержали в себе огромное количество Русских слов, почему и подвергались самой варварской «*зачистке*» при их издании. Причем эта «зачистка» осуществлялась не только при жизни Шевченко, но и после его смерти. Так, содержащиеся в шевченковских рукописях слова «осень», «камень», «семья», «всего», «чернило», «явор», «царь», «Киев», «Польша» и многие-многие другие при публикации заменялись «украинцами» на более «правильные» — «*осінь*», «*камінь*», «*сім'я*», «*всього*», «*чорнило*», «*явір*», «*цар*», «*Київ*», «*Польща*»

и т.д. Буква «с» в приставках менялась на «з». И даже слово «кобзарь», которое Шевченко писал с мягким знаком, как это принято в Русском языке, «украинцы» заменили на «кобзар». Строгой цензуре подверглось и правописание «гения». Шевченко не знал букв «ї», «є», «г'», апострофов, и использовал Русский алфавит (с «ы», «э», «ъ»), который и был для него родным, но все его произведения и с этой стороны подверглись позднейшей «правке»¹⁹...

Точно такой же «правке» подвергались произведения и других украинских писателей. Весьма примечательна и мотивация подобной вивисекции. Создатель «Словаря украинского языка» Б.Д. Гринченко (1863—1910), взявшись подготовить для популярного московского издательства несколько произведений Г.Ф. Квитки—Основьяненко (1778—1843), безжалостно вымарал из авторских текстов все «русизмы». *«Не нам помогать обрусению, лучше будет подать широкой украинской массе Квиткины повести, очищенные от чужого, негодного элемента»*, — обосновывал он свое право на «исправление» оригинального текста автора, зачисленного им в «украинские». Соредактор серии профессор А.Е. Крымский (1871—1942) не только одобрил подобный образ действий, но при редактировании других произведений того же автора пошел еще дальше, «вымарав весь (обильный, нечего сказать!) цареславный и антидемократический элемент»²⁰... Точно так же позднейшей «зачистке» подвергся текст пьесы И.П. Котляревского «Наталка—Полтавка». Язык ее персонажей, по мнению «украинцев», оказался «частично русифицирован», потому что «тяжело было ему (Котляревскому) *победить русскую традицию*». Им, успешно эту традицию в себе превозмогшим, нетрудно было «украинизировать» и героев Котляревского. Поэтому содержащиеся в авторском тексте слова «вечер», «виноват», «ей», «кровавым», «крылья», «одинаковый», «он», «они», «покорна», «равны», «старость» и многие-многие другие были заменены на *«вечір», «винуватий», «їй», «кривавим», «крилля», «однаковий», «він», «вони», «покірна», «рівні», «старість»* и т.д.²¹...

Впрочем, многие украинские «пысьмэнныкы» еще при жизни по собственной инициативе спешили вымарать из своих произведений все, что могло быть истолковано как

«русизмы». В их числе известный галицкий писатель Иван Франко (1856–1916). Многие слова из его произведений, изданных в 1870–1880-е годы: «взгляд», «воздух», «войско», «вчера», «жалоба», «много», «невольник», «но», «образование», «ожидала», «осторожно», «переводить», «писатель», «сейчас», «слеза», «случай» и многие другие — в позднейших изданиях оказались замененными на «погляд», «повітря», «військо», «вчора», «скарга», «багато», «невільник», «але», «освіта», «чекала», «обережно», «перекладати», «письменник», «зараз», «випадок». Вего в 43 проанализированных специалистами произведениях, вышедших при жизни автора двумя и более изданиями, насчитали более 10 тысяч (!) подобных изменений. После смерти Франко «правка» его произведений была продолжена новыми поколениями «украинцев»²²... Зачищал от «русизмов» свои уже опубликованные произведения при новом их издании и Нечуй–Левицкий (1838–1918). Такие Русские слова, как «восток», «голоса», «жизнь», «запад», «зонтик», «пожар», «показалось», «пройдохи», «уже», «шептала», «язык» и т.д. и т.д. — были заменены на «схід», «голоси», «життя», «захід», «парасолька», «пожежа», «здалось», «пройдисвіти», «вже», «шепотіла», «мова» — и т.д. и все в том же духе²³...

Воистину, борьба со своей Русской сущностью стала подлинной украинской *манией*, ибо даже в самый разгар советской украинизации (1925) расплодившиеся, как тараканы, «пысьмэнныки» по-прежнему не могли избавиться от вечного своего проклятия — «русизмов-москализмов». За ними приходилось строго следить. И доносить, доносить, доносить... «Современный писатель украинский, за небольшим исключением, украинского языка не знает»... «Даже выдающиеся поэты и писатели-стилисты... портят эффекты художественного достижения ненужными ошибками и абсолютно противными духу украинского языка русизмами»... «В языке самых лучших современных писателей рядом с прекрасными неологизмами случаются совсем не нужные москализмы»²⁴... И снова сизифов труд по «зачистке» и вымарыванию, направленный «на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими»²⁵... Небезызвестный нам Олинтер–Хвыля и в 1933 году отмечает все ту же осо-

бенность совершенствования укрмовы: «*Общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс*»²⁶...

* * *

Эта маниакальная одержимость «украинцев» поиском и истреблением «москализмов-русизмов» в любых произведениях на «мове» (а этот процесс с не меньшей интенсивностью идет и сегодня) со всей очевидностью показывает нам, что так называемая «*украинская литература*» — понятие совершенно *виртуальное*, и к собственно «литературе» никакого отношения не имеет... Ну, скажите на милость, кто бы из Русских посмел десятилетия спустя «улучшать» Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого?.. Подвергать «правке» творение *гения*? «Совершенствовать» признанного всем человечеством писателя и поэта? Не святотатство ли!.. У кого поднимется рука вымарывать слова из рукописи классика? Ведь это же *сам ПУШКИН!* Это великий *ГОГОЛЬ!* И ни с кем не сравнимый пророк и провидец *ДОСТОЕВСКИЙ*, а еще — изумительный знаток человеческой души *ТОЛСТОЙ!!!*

Мыслимо ли такое кощунственное «улучшение» признанных *совершенными* творений человеческого гения не только в русской, но и любой другой — английской, американской, немецкой литературах?.. Да нет, конечно же! Человека, осмелившегося на *такое*, — какими бы выдающимися талантами он ни обладал, — сразу же пригвоздили бы к позорному столбу и объявили просто сумасшедшим. А в «украинской литературе» *такое* встречается сплошь и рядом. И признается не только нормальным, но даже *полезным* и, главное, весьма «патриотическим» делом... И, действительно, почему бы их и не *улучшать* всех этих квиток, нечуй—левицких, кропивницких, да и того же Шевченко с Франко? Эти литературные величины не шедевры творили, а исполняли свой «украинский долг», ускоренными темпами создавая самостийну «литературу». И не вдохновением двигались их литературные потуги, а *политической доктри-*

ной и насущными задачами сепаратистского движения в тот или иной момент его развития. *Политические императивы* и составляли суть их «творчества». Они — не творцы и даже не литераторы, а *политические солдаты украинства*, получившие приказ «сочинять литературу», писать вирши и романы по заказу, на срок, на килограммы и тонны. Они усердные созидатели не литературы, а *макулатуры*, ценность которой определяется не качеством, а количеством. Их «произведения» живут не в вечности, а в стихии *текущего момента*. Наступают новые времена, а с ними и новые *политические* задачи самостийничества, которым бывшие украинские «шедевры» уже не соответствуют или соответствуют не в той степени, какая требуется. Закономерно, что их приходится «улучшать» и «подправлять» в соответствии с новыми потребностями украинского движения. И «улучшают»: серых и бездарных «корифеев» прежних времен переписывают столь же серые и бездарные их продолжатели времен новых. И так до бесконечности. В этом и состоит «творческое» кредо и смысл существования «украинской литературы» и ее авторов: *создавать не литературу, а актуальный агитпроп*. Неловко поэтому читать о «всемирном значении творчества» Ивана Франко или того же Тараса Шевченко, не говоря уже о более мелких украинских «пысьмэнныках». «Значение» созданных ими произведений ограничено узкими рамками политического украинского движения, в развитие которого они, безусловно, внесли весомый вклад. Но в качестве художественных произведений они *никакой ценности не представляют*. Именно по этой причине у «украинской литературы» и отсутствует массовый читатель...

Читательский круг украинских «пысьмэнныкив» был изначально ограничен *политическими активистами* украинства, и уже в силу этого предельно мал, не выходя за рамки все той же пресловутой «горстки» или «жменьки» продвинутых «украинцев». «Десять—пятнадцать лет проходит, — сокрушался Грушевский в 1911 году, — пока книга Франко, Коцюбинского, Кобылянской разойдется в тысяче — полторы тысяче экземпляров»²⁷... И это в Галиции, «украинском Пьемонте»! Даже здесь желающих читать по-украински и при этом «заглядывать в словари» находилось немного. Что

уж говорить про остальную Малороссию. Даже массовая кампания по тотальной украинизации, предпринятая коммунистами в 20-х годах, при всей своей внешней успешности, так и не смогла обеспечить для «украинской литературы» читателя. Показательна в этом плане ситуация со слушателями «курсов украинознанства», которые не только углубленно изучали творчество украинских писателей, но и относились к категории *«хорошо знающих»* «украинский язык». Большинство из них поступало на курсы *добровольно*, — кто из карьерных соображений, а кто и по причине «пробудившейся национальной сознательности». Тем не менее, проведенная в 1925–1929 гг. проверка 3,5 тысяч слушателей этих курсов показала следующее: «Как общее явление, массовый читатель еще и до сих пор не знает не то что всего минимума по украинской литературе, он не знает его даже в третьей, часто в четвертой, пятой доле... «Энеиду» Котляревского знает очень незначительная часть слушателей... Масса слушателей, как это ни странно, жалуется обычно на непонятность «Энеиды»... Всю «Энеиду» среди проверенных слушателей знает 5–7%»... «Существует очень распространенный взгляд, что творчество Шевченко для наших слушателей и вообще для всех читателей — самое популярное среди всех писателей украинских, что его знают больше всего». Проверка показала обратное: «Тут совсем придется обойти множество курьезов, как *переводят* слушатели (ведь слушатель массовый вообще всё *переводит*) не то, что целые выражения, но и отдельные слова из «Кобзаря»... Все курьезы проверки сознательно тут обходим, но одновременно, особенно следует подчеркнуть, что масса слушателей Шевченко *не знает, не понимает*».

Не вызвали интереса у слушателей И.С. Нечуй–Левицкий и Панас Мирный, от изучения произведений которых они уклонялись с «наивностью-хитростью». Творчество М.М. Коцюбинского слушатели знали «поверхностно», «если не из чтения, то, по крайней мере, из бесед во время лекций». Не повезло и «западноукраинской литературе»: «Не говоря уже о второстепенных писателях Западной Украины, наши слушатели очень мало знают таких писателей, как Бордуляк, Яцкив, Кобылянская, Черемшина, Стефаник

и даже такого гиганта, как Франко». «Творчество Федьковича не знает и один процент наших слушателей». «До сих пор только отдельные слушатели так-сяк знают творчество Леси Украинки»... Не читали «украинознавцы» и украинской периодики: «Конечно, слушатель говорит, что читает «Коммуніст», «Вісті» или рабочую газету «Пролетар», но это в основном не искренне — в лучшем случае он просматривает кое-как и то очень поверхностно эти газеты»...

В тоже время, как признавал проверяющий, произведения *Русской литературы* кто лучше, кто хуже, *знали все слушатели*. Он даже составил специальную таблицу, из которой следовало, что около 45% проверенных обладают «элементарными знаниями по русской классической литературе», 35% «более солидными знаниями русской классической и новейшей литературы» и 20% «доскональными знаниями русской и элементарными знаниями мировой литературы»²⁸... Как видим, для себя, а не для «галочки», «украинознавцы» предпочитали *настоящую* литературу ее эрзацу.

То же самое происходило и с языком. Ведь и сегодня, как признают сами самостийники, *«украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на двух третях своей территории»*²⁹. Иными словами, на двух третях территории современной «Украины» полностью господствует... **РУССКИЙ ЯЗЫК**. В раздвоенном сознании самостийников этот факт, как и все прочие, выворачивается наизнанку: *«сегодня 60–70 процентов украинцев отреклись от родного языка»*³⁰... Да нет, как раз наоборот: несмотря на насилие и террор, большая часть малороссов так и не отреклась от *родного Русского языка!*.. Даже современное подрастающее поколение, выросшее в условиях так называемой «нэзалэжности» и подвергшееся в силу этого тотальной украинизации уже со школьной скамьи, сохранило, тем не менее, родной язык. По данным на июнь **2002 г.**, на Украине среди молодых людей в возрасте до 21 года только 20% разговаривают исключительно на украинском, тогда как *исключительно русский* используют 60% молодежи³¹... Вывод напрашивается сам собой. **Мертвый, никому не нужный «украинский язык».** И такая же фиктивная «литература» на нем...

Впрочем, нынешняя действительность «самостийной и нэзалэжной» как будто опровергает это наше утверждение. Сегодня украинский *новояз* пребывает в ранге официального языка крупного государства. На нем вещают СМИ, издаются документы, огромное количество литературы, он повсеместно внедрен в школы и высшие учебные заведения. Кажется, что «мова» прочно укоренилась в качестве основного средства общения десятков миллионов людей. Но это не более чем *иллюзия*. Наблюдаемый нами украиномовный бум носит совершенно *искусственный, спекулятивный характер* и поддерживается за счет одного-единственного средства — ГОСУДАРСТВЕННОГО НАСИЛИЯ. Стоит это насилие *пресечь* и так называемый «украинский язык» тотчас ужмется до своих естественных пределов — *малочисленных кружков* украинствующей интеллигенции. Кстати, сами «украинцы» это прекрасно знают. Почему и добиваются с таким маниакальным упорством максимального расширения *государственного принуждения* для внедрения «мовы» в общественную жизнь. **«БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ ЗДЕСЬ НЕ ОБОЙТИСЬ!»** — вот лозунг и кредо всей «языковой политики», проводимой «украинцами» в Малороссии. И эта необходимость *перманентного насилия* для превращения украинского *новояза* в средство общения со всей очевидностью показывает: мы имеем дело именно с **«мертвым языком»**. Каковым он и был *изначально*. Это доказано всей 150-летней историей его развития и становления. И она, эта история, позволяет нам сделать следующий неопровержимый вывод:

Все рассказы о «тысячелетнем существовании» так называемого «украинского языка» являются заведомой и циничной ЛОЖЬЮ. Родным языком Малороссии всегда являлся РУССКИЙ ЯЗЫК. Изобретенный сепаратистами в XIX веке украинский новояз никакого отношения к народному языку малороссов никогда не имел. Никогда не имел он и какого-либо культурного значения. Более того, с первого момента своего зарождения этот искусственно созданный волапюк являлся орудием разрушения культуры. Его создание и распространение в Малороссии преследовало исключительно политические цели сепаратистов, а именно: расчленение и разделение

РУССКОЙ НАЦИИ, *отрыв Малороссии от остальной России. Эта подрывная функция «мовы» со всей очевидностью проявляется сегодня, когда ее принудительное навязывание населению так называемой «Украины» сопровождается разжиганием неприкрытой ненависти к России, Русскому народу, Русской Истории, Русской культуре, а также тотальным облованиванием населения, подвластного сепаратистскому режиму Киева. В этом и заключается главная функция так называемого «украинского языка» — служить рупором и средством поддержания в украинском сообществе самой оголтелой русофобии. Ни языком общения, ни языком культуры, ни языком народного просвещения он никогда не был и не будет...*

В сущности, если то или иное общество поместить в условия полной изоляции, ему, в качестве средства общения, можно навязать какой угодно «язык». Современный малороссийский автор С.Н. Сидоренко по этому поводу замечает: «Можно, в принципе, «узаконить» любой язык, наречие или говор, употребляемый населением того или иного региона, либо той или иной прослойки общества — к примеру, знаменитый одесский жаргон, или язык уголовников, или современный «молодежный говор» и т.д., — но от этого он не станет универсальным, достаточным для того, чтобы отражать собою всю сложность и многообразие жизни. Правда, если, допустим, на языке уголовников на протяжении сотни-другой лет упорно писать трактаты, вести делопроизводство, изучать его в школах и переводить на него иностранные сочинения (*одновременно не допуская ему никакой альтернативы*), то, в конце концов, к этому языку *привыкнут*, и всё на нем написанное будет казаться естественным. Никого тогда не удивит, если на этом языке издадут, например, конституцию, в которой парламент будет, вероятно, именоваться «малиной», руководство всех уровней — «паханами», суды — «правилками» и т.д. Однако, что касается языка украинского — то эти благодатные времена еще не наступили»³²... И, подчеркнем еще раз, могут наступить лишь при условии превращения самостийной «Украины» в полностью изолированный от внешнего мира (и, прежде всего, от России) **КОНЦЛАГЕРЬ**. Эту-то задачу и призвана решить так называемая «украинска держава»...

Миф о «*тысячелетней традиции украинской государственности*» — самый лживый из всех украинских мифов. Нет и никогда не было в историческом прошлом явления, которое, хотя бы условно, можно было бы охарактеризовать как «начало украинской государственности». Да и откуда ей было взяться, если сами «украинцы», как мы показали выше, появились в России лишь в **40-е годы XIX века**, да и то в виде *малочисленного кружка «кирилло—мефодиевцев»*. Но и в этот первый момент своего явления на политической арене они не помышляли о создании «украинского государства». Не помышляли они об этом даже в условиях революционного развала Русского государства в 1917 году, максимум, на что тогда претендовали «украинцы», — это создание *автономной единицы в составе Российской Федерации*. Все Универсалы Центральной Рады об этом. Провозглашение УНР в январе 1918 г. «суверенной державой» было осуществлено *по требованию Германии и Австрии*. И существовать эта «украинска держава» могла только в условиях **немецкой оккупации** Малороссии. Население края выступало против ее создания, что и предопределило крах этого «государства» после ухода немцев. Последовавшее затем двухмесячное правление петлюровской Директории в Киеве тем более не может претендовать на статус «государства»...

Все *фантазии* самостийников на темы «державотворэння» призваны *скрыть* тот совершенно бесспорный факт, что начала так называемой «украинской государственности» возникли только **после 1917 г.**, при *коммунистах*, учредивших на обломках разрушенной ими Российской Империи свой социалистический СССР, а в его составе «Украинскую республику» (УССР), с произвольно нарезанными границами и якобы «украинским» населением. Именно КОММУНИСТЫ за годы своего правления и создали ту административно-политическую инфраструктуру, которая позволила «украинцам» провозгласить в 1991 году свою якобы самостийну «державу». С.Н. Сидоренко в своей книге «Украина — **тоже Россия**» (своеобразном опровержении

Л. Кучмы) абсолютно точно оценивает *решающий вклад коммунистов* в украинское дело:

««Отцы-основатели» отдельной украинской нации, будучи поголовно социалистами, атеистами, богоборцами, и пребывая в наивной уверенности, что можно создать искусственно новый народ, придумав ему собственный книжный язык, сочинив для него историю, снабдив его «независимой» религией и т.д., *нашли естественных союзников в большевиках*, взявшихся, тоже по плану, воплощать коммунистическую утопию. Несмотря на все проклятия нынешней украинской власти по адресу большевиков, и, несмотря на возникавшие временами между большевиками и украинствующими взаимные неудовольствия, *именно при Советской власти украинским самостийникам удалось максимально продвинуться в реализации своих упований*. Именно коммунистическая власть записала в паспорта малороссам (видимо, чтобы не путались), что они «украинцы»; именно она обучила в школах большую часть населения Малороссии «українському правопису», изобретенному самостийниками с единственной целью — сделать его непохожим на русское правописание. **Именно коммунистическая власть сформировала все институты украинской государственной власти**, содержала многочисленную орду украинских «диячив науки та культури», издавала массовыми тиражами книги на украинском языке, которые никто не читал и т.д. После семидесяти с лишним лет коммунистического владычества потребовалась лишь встряска горбачевской перестройкой, чтобы окрепший за годы советской власти организм украинской государственности смог окончательно оторвать малороссов от русских корней»³³... И еще: «Нельзя не вспомнить и о *территориальных приобретениях нынешней самостийной державы — Донбасс, Новороссия, Крым*, — ставших возможными лишь благодаря коммунистам»³⁴...

Вот так и были заложены «начала украинской государственности». Точнее, ПСЕВДОГОСУДАРСТВЕННОСТИ. Эту квазигосударственность и пытаются нынешние «украинцы» вот уже два десятилетия превратить в некое подобие «государства». С совершенно плачевными результатами...

По определению Льва Тихомирова, государство — это «высший союз», созданный творчеством человека³⁵... «С тех пор как люди живут сколько-нибудь сознательно, с тех пор как они имеют историю, — человечество живет на основе государственности»³⁶... Столь высокая оценка государства определяется его основными функциями: «государство есть организация национальной жизни»³⁷, именно *«в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы»*³⁸...

Ни под одно из этих определений ныне существующая «украинска держава» не подходит, ни одной из выше означенных функций не выполняет. Я уже не говорю о защите «права и свободы», она не способна обеспечить *элементарного физиологического выживания* подвластного ей населения. Официально утвержденные размеры пенсий и минимальной зарплаты в *два раза ниже прожиточного минимума*, т.е. «украинское государство» открыто декларирует, что те слои населения, для которых эти пенсии и зарплаты — единственный источник дохода, просто-напросто *обречены умереть от голода*... Они и умирают. «Самостийна Україна» здесь выступает в роли грандиозного концлагеря, где миллионы людей — заведомые *жертвы*, обреченные на *преждевременную смерть*. В украинских больницах, например, нормы питания на порядок ниже, чем в советских *тюрьмах*. А ведь речь идет о больных людях, в том числе — детях. И, невзирая на столь убогое положение этих «лечебных заведений», общее их количество после 1991 года неуклонно сокращается, а те, что еще не закрыты, максимально переполнены. Сегодняшняя украинская больница напоминает прифронтовой госпиталь военной поры: больные лежат не только в переполненных палатах, но и в коридорах, переходах, подсобных помещениях. У врачебных кабинетов — нескончаемые раздраженные очереди. О лекарствах и говорить не стоит: они покупаются строго за счет больного, содержимое кошелька которого и определяет меру оказываемой ему лечебной помощи. «Бесплатная» по названию украинская медицина лечит исключительно за деньги, поэтому миллионы граждан «нэзалэжной» не в состоянии воспользоваться врачебной помощью даже в остро необходимых случаях,

и это — одна из причин набирающего скорость *вымирания* населения Малороссии. Прибавьте к этому массовую безработицу, а у тех, кто работает, издевательски нищенскую зарплату, отвратительную пищу, нечеловеческие жилищные условия, отсутствие какой-либо перспективы улучшения в будущем, — и мы получим тот букет «достижений», которыми вознаградила «украинска държава» своих граждан за два десятилетия своего существования. Недаром же за годы «нэзалэжности» ее население сократилось на 6 млн. человек, с 52 млн. в 1991 г., до 46 млн. в 2008-ом...

Конечно, не все из этих 46 млн. граждан «самостийной» находятся в лагерных условиях, и, может быть, даже не большинство. Но, согласитесь, *миллионы* мужчин, женщин, стариков, детей, в *мирное время* обреченных на смерть в силу типично лагерных условий жизни, — такое не снилось даже большевикам с их ГУЛАГом, первопроходцам в деле организации в государственных масштабах *геноцида гражданского населения* через систему концентрационных лагерей. Далеко людоедам XX века до своих украинских собратьев. А уж по умению лгать — и подавно.

Те, кто сегодня правит Малороссией (и намерен управлять ею дальше), всю практику затеянного ими «государственного строительства» свели к одному-единственному средству — умению искажать у подвластного населения чувство реальности. Нынешний голод миллионов своих сограждан они прикрывают истеричной шумихой о «голодоморе» 1932–1933 гг. Все украинские СМИ день за днем пережевывают подробности (не столько реальные, сколько *вымышленные*) этого «геноцида украинцев», а официальные власти с такой же частотой отмечают очередной его «юбилей». О вымирании населения сегодняшней «Украины» украинская власть вспоминает лишь в связи с очередными-внеочередными выборами депутатов и президента... и тут же забывает после их проведения. Почитайте многочисленные «заявления», «обращения», «протесты», «резолуции» бесчисленных «съездов» и «конференций», созываемых «украинцами». В них вещается о чем угодно, — «мове», «русификации», «европейском выборе Украины», «московском империализме» и «вхождении в НАТО», бесконечно пере-

жеваются темы украинской «соборности» и «единства», счастливого обретения «самостийности» и «незалежности», сыплются проклятия по адресу «жахливой империи», — и *ни одного слова* о том, что миллионы так называемых «украинцев» живут в совершенно нечеловеческих условиях, на грани элементарного физического выживания. *Ни одного слова* или «заявления» о массовом вымирании «украинского населения», преступности, наркомании, проституции, эпидемии самоубийств, захлестнувших «украинское общество». *Ни одного слова* или «заявления» о действительно насущных проблемах общественной и государственной жизни, о той духовной и экономической КАТАСТРОФЕ, которая разверзлась после 1991 г. на огромной территории, обретшей статус «украинской». *Ни одного слова...*

За семнадцать лет независимого существования «самостийна Украина» потеряла более **70% национального богатства**, что составило сумму в 2,5 триллиона долларов США. В 1992 г. внешний долг «Украины» составлял 400 млн. долл. К 2007 г. он достиг суммы в 24 млрд. долл. Если в 1990 году валовой внутренний продукт (ВВП) составлял около 300 млрд. долл., в т. ч. *5,5 тыс. долл.* на душу населения, то в 2001 г. — лишь 38 млрд. долл., в т.ч. на душу населения — *800 долл.* При этом следует учитывать неравномерность распределения ВВП, его львиная доля сосредоточена в руках небольшой кучки нуворишей, составляющих всего несколько процентов населения «Украины». За годы самостийности фактически уничтожена индустриальная база края и ее основа — ведущие отрасли народного хозяйства, определяющие научно-технический прогресс, эффективность и конкурентоспособность народнохозяйственного комплекса. К уровню **70-х годов** отброшено производство электроэнергии и холодильников. Производство нефти и газа пребывает сейчас на уровне **1961 года**, цемента и тканей — **1960-го**. Столько стали, сколько сегодня производится на «самостийной Украине», в УССР производилось в **1959-ом**, картона и радиоприемников — в **1958-ом**. Производство муки упало до уровня **1953 года** (когда еще давали себя знать страшные последствия самой разрушительной в истории войны). Угля сегодня добывается столько же, сколько

в 1951 году. По выпуску тракторов аналогичные данные находим лишь в 1940-м, предвоенном году. А для металлорежущих станков и обуви во всей истории «колониальной» Украины и вовсе таких цифр не найти. Их сегодняшнее производство в *два раза меньше*, чем в 1940-м. В целом по сравнению с 1990 г. производство промышленной продукции сократилось в *2 раза*, а сельскохозяйственной — в *2,5–3 раза*. В т.ч. тракторов — в *40 раз*, металлорежущих станков — в *60 раз*, телевизоров, холодильников, тканей, обуви — в *40–50 раз*, мяса и молока — в *3 раза*, сахара — в *5 раз*. Теперешняя заработная плата в процентном отношении к 1990 г. составляет *18%*! При этом на Украине более *40%* безработных трудоспособного возраста, около *7 млн.* чел. вынуждены искать работу за границей. За это же время цены на продовольственные товары и тарифы на коммунальные услуги выросли в *3 раза*. По этим причинам *10 миллионов семей*, или более *50%* «украинского населения» *живет на грани нищеты*. Нечеловеческие условия существования приводят к ускоренному вымиранию «украинского населения». *По смертности трудоспособных мужчин Украина занимает первое место в мире*, и по данным ООН отнесена к числу *вымирающих наций*.

Таковы на сегодняшний день реальные достижения «украинского государства». И другими они просто не могли быть...

* * *

В декабре 1991 г., накануне референдума о «незалежности», украинские организации распространили огромное количество листовок, в которых утверждалось, что по большинству экономических показателей «Украина» занимает первые места в Европе, тогда как ее граждане не имеют и десятой части тех материальных благ, которыми обладают европейцы. Этот вопиющий разрыв объяснялся «экономической зависимостью от Москвы», присваивающей себе богатейшие украинские ресурсы. Обретение «незалежности», обещали «украинцы», обеспечит невиданный экономический расцвет и чисто европейский уровень жизни для украинских граждан... С той поры минуло семнадцать лет.

Семнадцать лет болтовни о «нэзалэжности», понимаемой, прежде всего, как «экономическая независимость от Москвы». И что же? Сегодня эта *зависимость* от ненавистой Москвы выросла как никогда ранее. Причем, в отличие от былых времен, когда наличие Малороссии в составе России позволяло на основе цифровых манипуляций и откровенных подтасовок хоть каким-то образом «обосновывать» нелепое утверждение, что «Украина кормит Россию», ныне экономическая зависимость от «клятых москалей» выражена в столь объективных показателях, что оспорить их, при всем желании, невозможно.

Украинский долг Российской Федерации за поставляемые энергоносители постоянно растет, достигнув уже **2,5 млрд. долларов**, и это притом, что поставляются они по демпинговым ценам, а не мировым, как должно было бы быть. Учитывая современное положение украинской экономики, можно смело утверждать, что никакой перспективы погашения этого долга *нет*. Более того, в случае развала РФ, о чем так страстно мечтают «украинцы» и чему с таким рвением содействуют, их самостийна «Украйна» умрет в течение последующих двух-трех месяцев. Глупые, тупые «украинцы» в упор не хотят замечать того очевидного факта, что их «самостийна и нэзалэжна» существует лишь за счет финансирования из Москвы — и мгновенно умрет, как только этот источник будет перекрыт... Не спасет ни Евросоюз, ни НАТО (куда они стремятся с таким воодушевлением), ни «мировое сообщество» во главе с США. Эти международные структуры могут прислать в Малороссию танки, оккупационные корпуса, просроченные продукты, но поставлять энергоносители, сырье, полуфабрикаты, да еще и по льготным ценам, никогда не будут. Сказка о добром дяде Сэме, способном *безвозмездно* кому-то что-то давать, живет только в свихнувшихся мозгах «украинцев», но никогда не осуществлялась на практике. Это только Москва способна, по сути, задаром гнать на Украину свое сырье, соглашаясь на бесконечные оттяжки в оплату. Ни Вашингтон, ни Париж, ни Берлин, вообще никто в мире никогда не согласится на подобное *донорство*. Между государствами, даже самыми близкими, приняты совсем другие отношения. В нашем же

случае речь идет о финансировании Русскими деньгами откровенно русофобского режима!.. Причем эта русофобия является главным, а, по сути, и единственным принципом политики, проводимой «украинской дэржавой». Только здесь имеется преемственность и постоянство, во всем остальном «Украина» совершенно марионеточное образование, у которого напрочь отсутствуют какие-либо свои «национальные интересы», а его высшие руководители безропотно выполняют *любые приказы и распоряжения госдепа США и подконтрольных ему международных организаций*. Американский посол в Киеве без всякого стеснения вызывает к себе «на ковер» украинских министров, депутатов, руководителей крупнейших партий для раздачи указаний, что, когда и как надо делать. Об этом пишут газеты, сообщается в теленовостях, и подобное вмешательство иностранного посла в дела якобы «самостийной дэржавы» *никого не удивляет...*

Осенью 1996 г. Конгресс США принял резолюцию №120. В ней безо всяких обиняков указывалось, что «правительство Украины» должно всеми способами препятствовать деятельности организаций, которые даже потенциально могли бы способствовать воссоединительным настроениям на постсоветском пространстве. «Украинская власть» тут же ретиво принялась исполнять решение *иностранного* парламента... По требованию США «нэзалэжна Украина» расторгла с Ираном контракт на сооружение Бушерской АЭС (1998). Только для Харьковского «Турбоатома» потери составили 200 млн. долл., а для всех украинских предприятий, связанных с этим контрактом, они превысили 1 млрд. долл. И подобных фактов можно приводить тысячи и тысячи.

«Оранжевая революция» 2004 г. в Киеве воочию продемонстрировала всему миру, что на самом деле на территории, обозначенной в современных атласах как «УКРАИНА», **никакого государства НЕТ**. Украинские «парламент», «суд», «президент», «армия», «конституция», «депутаты», «чиновники» и прочие квазигосударственные институты, в реальном существовании которых нас (и себя!) на протяжении полутора десятка лет пытались убедить самостийники, оказались самой обычной **бутафорией**. Шайка проходимцев, собрав несколько тысяч безмозглых оборванцев на

центральной площади столицы, смела этот ничего не значащий реквизит за несколько недель. В контексте произошедших в октябре—декабре 2004 г. событий даже определение «банановая республика» по адресу созданной «украинцами» «дэ́ржавы» звучит незаслуженным комплиментом. Мыльный пузырь лопнул сам по себе, без малейшего дуновения исторических ветров, в условиях абсолютного штиля...

Всё вышеизложенное свидетельствует только об одном:

*Так называемая «украинска дэ́ржава» на самом деле есть **ФИКЦИЯ**, обманный фетиш, призванный скрыть господство продажно-воровской клики, незаконно захватившей власть над Малороссией в 1991 г. и самозванно присвоившей себе право выступать от имени ее населения. Сегодняшняя «самостийна дэ́ржава» — не более чем мыльный пузырь, рожденный прихотливым извивом Истории, образование искусственное и эфемерное, квазигосударственная химера, не обладающая самостоятельностью ни во внутренней, ни во внешней политике. Превратиться в жизнеспособный политический организм это псевдогосударство не способно по определению, ибо в исторической реальности отсутствует тот самый «украинский народ», который и призван стать его опорой и творцом. Вот почему «украинска дэ́ржава» способна существовать лишь **при опоре на иностранные штыки**, будь то немецкие, американские, натовские или какие-либо другие. В сущности, и сам термин «украинска дэ́ржава» точно такой же **эвфемизм**, как и «украинский народ», придуманный «украинцами» лишь для того, чтобы завуалировать факт реальной оккупации южной части России той или иной иностранной державой (или их группой)...*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРОЕКТ «УКРАИНА»: ЦЕЛЬ — УНИЧТОЖЕНИЕ РОССИИ

Глава 7. «Мы обречены воевать с Московской империей»... Начальная подготовка (1991–2009)

То, что весь смысл существования «украинцев» и созданной ими «дэръжавы» сводится, по сути, к одной единственной цели — *уничтожению* России и Русского Народа, или (хотя бы!) нанесении им максимального *вреда*, со всей очевидностью демонстрируют реалии современной «Украины». Именно Русские являются главным и *единственным* объектом агрессивных проявлений ее политики, а сама эта политика служит практическим воплощением господствующих в сознании всякого «украинца» идеологических установок.

Мировоззрение индивидуумов, составляющих украинскую общность, может, конечно, существенно варьироваться по тем или иным вопросам, в оценке тех или иных жизненных явлений, но никогда — в отношении России и Русских. В этой части украинского мировоззрения разногласия не допускаются и жестоко преследуются. Если ты — «украинец», но не испытываешь ненависти к Русским, значит ты... *ненавидишь Украину, свою родную землю, свой народ. Ты — «яны-*

чар», «предатель», «агент Москвы», «пятая колонна Кремля». Ты — такой же враг «украинского народа», как и Русские. Ты — еще больший враг, чем Русские, ибо, причисленный к великому сообществу «украинцев», готов всадить нож в спину своих братьев, ведущих священную войну против векового насильника «неньки» — коварного и злобного «москаля»...

Эта пещерная философия ежедневно и ежечасно вдалбливается в головы граждан «самостийной и нэзалэжной». «Украинцы» должны жить под прессом постоянной *ненависти* к Русским и всему, что с ними связано. Недовольство скудной, безрадостной жизнью исподволь направляется на внешний объект — и *рассеивается* при помощи такого приема, как организация бесчисленного количества помпезных русофобских «мероприятий», «годовщин», трагикомических «стояний» и «шествий», в ходе которых под неумолчный плач о неисчислимом множестве «понэволэнь», «голодоморов» и «зныщэнни украинцев» планомерно разжигается антирусская истерия. Приносимая СМИ (прежде всего телевидением) практически в каждый дом, каждую семью, эта лавина ежедневных «репортажей ненависти» всякое недовольство действительностью канализирует в раз и навсегда избранном направлении. Главное, что должно дать эффект — безотчетный характер прививаемой ненависти: «украинцу» следует ненавидеть Русских просто потому, что они — РУССКИЕ, и Россию за то только, что она существует.

Это чувство поддерживается изо дня в день, становится обиходной привычкой, даже необходимостью. Оно дарит совершенно безвозмездную радость, когда у соседнего государства что-то не получается и переполняет праведным возмущением, если там что-то хорошо. Внутриукраинские события отходят на второй план, потребность в их анализе и понимании совершенно исчезает. Исподволь, как бы само собой формируется примитивное, убогое представление о том, что все достижения «украинцев» — следствие того, что они самый одаренный, самый талантливый народ в мире; за все же их промахи и потери, за сегодняшнее нищее и полуголодное существование ответственность несет извечный враг — РОССИЯ. А чтобы подобный черно-белый тип

мышления стал единственной формой мировосприятия, его начинают формировать сызмальства, буквально с детского сада и школы, закрепляя форсированной милитаризацией сознания.

«Украинец» постоянно должен находиться *в состоянии войны*. В его душе должны жить страх, ненависть, слепое поклонение и безудержный восторг. Иначе говоря, его ментальность должна соответствовать состоянию войны, даже если таковой не имеется в наличии в переживаемый исторический момент. Все равно, рано или поздно, она разразится. Ее приход неизбежен, как смена времен года, восход и заход солнца. «Украинец» не может чувствовать себя в безопасности, покуда существуют Русские и Россия.

Эта роковая неизбежность грядущего военного катаклизма в условиях полной социально-экономической несостоятельности украинского бантустана дает возможность нейтрализовать перманентно возникающее недовольство «украинца» его убогой, нищей жизнью, откладывая решение всех проблем «на потом», неопределенное «счастливое будущее». Кроме того, делает его нерассуждающим зомбированным фанатиком, которым легко манипулировать властью предрежащим.

При этом совсем неважно, каковы вероятность военного противостояния и его возможные последствия. Война как явление человеческой истории рано или поздно кончается каким-либо конкретным результатом — победой или поражением. **Священная война «украинца» с «москалями»** имеет характер запредельной бесконечности, она не может закончиться, ибо наличие ее — одна из главных скреп его внутренней духовной сущности, ее базовая, фундаментальная ценность. Эта война — постоянно действующий внешний раздражитель, не дающий ему сосредоточиться на чем-либо ином, кроме патологической ненависти к своему извечному историческому антиподу — «москалю». И украинская «держава» всеми наличными средствами старается поддержать постоянно высокий градус напряжения. Вот отчего, несмотря на наличие в украинском законодательстве статьи об уголовной ответственности за «разжигание межнациональной розни», на «Украине» *официально дей-*

ствуют десятки организаций, открыто исповедующих не только необходимость этнического геноцида Русских, но и таковой проводящих в меру своих возможностей. Вот лишь некоторые из них.

Конгресс Украинских Националистов (КУН). Базисная идеологическая установка: «*Извечным врагом Украины является дикая Московщина, и какими бы лозунгами она ни прикрывалась (коммунистическими, славянофильскими, правами человека или защиты православия), москаль является врагом украинца*»¹... А вот выдержки из программы *Союза Украинской Молодежи (СУМ)*: «*В первую очередь необходимо очистить Украину от пяти-шести миллионов москвитов, которые являются паразитами... привыкли к господству над украинцами*»... «*Уничтожение России — это предварительное условие сильной Украины*»... «*Украина — это могильник Российской империи*»... В 1992 г. возникла *Социал-Националистическая Партия Украины (СНПУ)*. Суть ее идеологии выразил руководитель Львовского отделения И. Коцюрупа: «Я давно мечтаю устроить во Львове *Варфоломеевскую ночь для русских*. Но, понимаете, для этого еще недостаточно сил». Председатель СНПУ Ярослав Андрушків постоянно заявляет о подготовке партии к «вооруженной борьбе за независимую Украину». С кем конкретно? Разумеется, с Россией и Русскими. На счету этой группировки погромы штаб-квартир оппозиционных партий, поджоги Русского культурного центра им. Пушкина, избиение активистов Русского движения. Во всех случаях реакция правоохранительных органов была нулевой, а в ноябре 1995 г. СНПУ официально зарегистрирована Министерством юстиции Украины...

Украинская Национальная Ассамблея (УНА). Вот как формулировал программные тезисы ее лидер Дмитрий Корчинский: «Задача наших организаций заключается не столько в том, чтобы добыть независимость, сколько в том, чтобы *добить Россию* в том виде, в каком она существует сейчас»²... В мае 1992 г. УНА принимает заявление по Крыму: «*Крым будет украинским или безлюдным*»³. После этого 350 молодчиков созданной при УНА боевой организации УНСО (Украинская Народная Самооборона) совершили

«поход» по Новороссии и Крыму с целью запугивания местного Русского населения... 16 января 1993 г. в Киеве состоялись командно-штабные учения УНСО «Глас вопиющего», в ходе которых отрабатывались действия на случай «отделения Крыма, создания Донецко–Криворожской республики или агрессии России против Украины»⁴. При возникновении подобной ситуации предусмотрено, что еще до начала конфликта на территории Российской Федерации будут сосредоточены «50–100 опорных пунктов террора», а с открытием боевых действий в Россию будут засланы «250–500 морально выдержанных и подготовленных бойцов». Ими и должны быть осуществлены «химическая атака в метро, на рынках, железнодорожных вокзалах, в больших магазинах», закладка зарядов взрывчатки «в многоэтажных жилых домах, подземных строениях, троллейбусах»⁵... С началом военных действий в Чечне боевики УНА–УНСО сражались в составе чеченских бандформирований. 29 декабря 1994 г. партия была зарегистрирована Минюстом Украины...

Кстати, деятельность чеченских террористов находит не только полное понимание среди «украинцев», но и вызывает демонстративную поддержку с их стороны. Кровавый захват чеченскими боевиками заложников в Москве в концертном зале «Норд-Ост» 26 октября 2002 г. вызвал неопишимый восторг в украинских рядах. А после операции по освобождению заложников через СМИ «Украины» было распространено обращение «Информбюро Ичкерии» при Одесской организации *Украинского Народного Руха (УНР)*. Документ радостно поведал миру, что «группа Бараева осуществила акт возмездия, перенеся войну из Ичкерии в Москву», а «чеченские моджахеды-смертники в безысходных условиях проявили больше человечности, чем российские силовые ведомства и российский президент»... Политический близнец УНР *Народный Рух України (НРУ)* призвал украинские власти... *потребовать от России* компенсации за смерть заложников — граждан Украины... В том же духе на трагические события в Москве отреагировал Конгресс Украинских Националистов (КУН), организовавший пикет возле генконсульства Российской Федерации во Львове. В ходе этого глумливого действа звучали отнюдь не собо-

лезнования по поводу жертв теракта, а требование «Геть з Чечні, москалі!». Руководитель же местного КУНа Иван Губка пообещал всем Русским: «Когда вас будут мочить на Кавказе, Камчатке, в Мордовии, мы не откроем границу, чтобы вас спасти». При этом твердо уверил консульских работников, что если Русским мало земли, то он, Губка, их ею накормит⁶...

А вот политическое кредо лидера *Всеукраинской организации «Тризуб»* Дмитра Яроша: «Главный внешний враг — имперская Россия... Да, рано или поздно мы обречены воевать с Московской империей... Уверен, мы сможем победить сатанинскую Москву, разрушив Империю... Вот ради этого стоит жить, а если надо — то и умереть»... На интернетовском сайте организации размещен агитационный плакат, призывающий записываться в «националистические добровольческие формирования», которые и должны стать «одной из гарантий будущей победы над Московской империей»⁷...

* * *

И не следует думать, что изложенные выше программные установки являются сугубой принадлежностью карликовых радикальных группировок. Нет, они широко рекламируются в средствах массовой информации, в том числе и *государственных*. Украинские СМИ вот уже семнадцать лет последовательно и настойчиво формируют образ врага, изображая Русских полудикими, звероподобными существами, которые даже не заслуживают названия людей. Полтора десятилетия сотни изданий, десятки тысяч статей, теле- и радиопрограмм изо дня в день возвращают, культивируют и пропагандируют неиссякаемую ненависть к одному-единственному народу на Земле — *Русским*. Вот, например, какого рода «исторической» зарисовкой порадовал своих читателей в августе 2007 г., в канун украинского *Дня Незалежності*, луцкий еженедельник «*Вільна думка*»: «За полтысячи лет до нашей эры прибрел из Азии маленький угро-финский народец-андрофаги (людоеды). Огромный дикий лес на болотистой почве остановил и отгородил этот народец от всего мира так, что он *отстал от культурного развития человечества на многие века*. Например, свой лите-

ратурный язык начал творить в XIX в., от Пушкина, то есть на 800 лет позже, чем украинцы... *Лень, безделье стали одним из самых примечательных признаков московского народного характера. Москвин считает труд проклятием, наказанием худшим, чем смертная казнь.*

...Пребывая на низком уровне умственного и духовного развития, москвины не смогли выдвинуть из своей среды ни одного действительно благородного праведного мужа, преданного делу добра для всего человечества, своего народа... Кое-кто может спорить о том, что не все москвины дикие, что среди них есть много культурных людей. Возможно, и есть, но мы не видим их и не слышим их... Мы встречали множество москвинов, и все они, как один, вели себя нагло, надменно, бессовестно, с болезненным превосходством по отношению к другим... Куда ни повернешь — москаль был москалем, им и останется»⁸...

А вот образчик, касающийся уже дней нынешних. Львовская газета «*За вільну Україну*» своим читателям представляет Русских следующим образом: «Народ в Донецке в основном переселенцы, бедняки с *Курской и других областей России*. Это в основном народ темный, забитый, безграмотный, но очень процветают среди них *алкоголизм, бандитизм, хулиганство, воровство*. Сомневаюсь, что можно пробудить у них сознание — им просто не понять, что это такое»... В унисон ей газета «*Слово*», орган «Товариства української мови», *официальной организации*, дотируемой из госбюджета, решительно призывает уничтожать «гниль московского и других влияний в украинских городах, переполненных паразитами, тем грязным люмпенизированным полукриминальным московским кагалом, расселенным вокруг никому ненужных заводов и предприятий... *Права на какую-то отдельную историчность и так называемую «самобытность»* эта масса уже не имеет, и всякое сопротивление со стороны этой биомассы должно вызывать немедленные карательные устрашающие акции»...

Жгучую ненависть к Русским и готовность убивать их «украинцы» демонстрируют даже в столь, казалось бы, далекой от политики сфере, как спорт. 26 октября 2005 года во Львове во время футбольного матча между львов-

скими «Карпатами» и донецким «Шахтером», среди зрителей (а их на игре присутствовало 28 тысяч!) в огромном количестве распространялись листовки, на которых с одной стороны красовалась эмблема футбольного клуба «Карпаты», а с другой были напечатаны тексты песен для болельщиков. Главный рефрен их: беспощадно *«резать москалей»*. Вот лишь некоторые фрагменты этих «футбольных гимнов»:

*«Батько Бандера ще до нас прийде, гей!
Він за Україну нас поведе, гей!
Буде вільна Україна, буде ненька самостійна!
Гей, москалів на ножі, на ножі!»*

*Не плач, стара мати, син героєм став!
Він за Україну голову поклав.
Тече річка Тиса, в ній москальська кров.
Москалів ми били, будемо бити знов!»⁹...*

Такой вот гей-футбол. И опять же, подчеркну, никакой реакции со стороны органов правопорядка или официальной власти. Разжигание ненависти к Русским и России воспринимается украинским государством с молчаливой благосклонностью. И эта благосклонность поощряет дальнейшую эскалацию ненависти. Даже безобидная музыкальная попса, исполняемая по-русски, вызывает истошный вопль *«дать в рыло кацапне»!* Именно такой призыв сделала массовым достоянием львовская газета *«Поступ»*, выходящая тиражом 60 тысяч (!) экземпляров: «...наши патриотические депутаты сквозь пальцы смотрят на тотальную русификацию Львова, на то, что в каждой маршрутке ревет и стонет русское радио, и не допросишься водителей, чтобы выключили это свинство. Еще и нахамят... И этого никто не видит... Да ты вылезь из иномарки, проедься в одной-другой маршрутке и послушай, что мелет кацапня по радио в нашем патриотическом Львове!.. Да ты схвати того рагуля-водителя, который помешан на кацапской попсе, и дай в рыло! Кто-то, наконец, должен это сделать или нет?.. Да ты пройдишь за гидами, которые водят экскурсии, прислушайся к перлам

типа «Успенскую церковь пастроили за деньги русских царей»... И тоже *дай в рыло*»¹⁰...

Примечательно, что призыв «*дать в рыло кацапне!*» раздаётся во Львове на фоне непрекращающегося физического и морального террора против Русских. Вот свидетельство жительницы города А. Поляковой о нескончаемой цепи провокаций против местного Русского культурного центра:

«В 1995 году в окно служебного помещения какие-то «патриоты» стреляли из мелкокалиберного ружья. Слава Богу, никто не пострадал. В 1997-м здание подожгли бутылками с зажигательной смесью. В 1998-м была предпринята попытка подорвать дом Русского культурного центра (РКЦ), в котором находится библиотека; к окну злоумышленники прикрепили фугас, который обезвредили сотрудники МЧС. В 2001-м подорвали одну из дверей, и начался пожар, который вовремя заметили и погасили.

Все это делалось в темное время суток. Но вандалы настолько обнаглели, что в 2002-м днем выбили стекла в актовом зале РКЦ в то время, когда в нем шли занятия детской балетной студии, — стекло летело в помещение с высоты 4 метров. Стены РКЦ неоднократно расписывались пакостными антирусскими лозунгами с фашистской свастикой.

В июне 1999 года, на радость всем поклонникам А.С. Пушкина, в нише здания РКЦ установили его бюст. Какой это был праздник! Но в июне 2005-го хулиганы извлекли бюст из ниши и разбили на куски. А 9 мая этого года (2006) облили краской фасад Русского центра»... Полякова рассказывает и о *массовом сожжении* во Львове книг на Русском языке: «Жители города видели, как из школьных и ведомственных библиотек выносили разнообразную литературу на русском языке и сжигали. В 1997-м я извлекла из такой кучи Ф. Достоевского, Б. Васильева, несколько журналов «Юность» и сборник избранных стихов русских поэтов, в том числе А. Пушкина»¹¹...

И снова показательна позиция украинских официальных властей. После очередной попытки поджога здания РКЦ в ночь с 16 на 17 мая 2001 г. лидеры Русского Движения Украины (РДУ) тут же проинформировали о происшедшем президента Украины Л. Кучму, руководство Верхов-

ной Рады, местную администрацию, а так же генеральное консульство Российской Федерации во Львове. 20 мая на стихийном митинге возле здания РКЦ люди требовали от властей правдивой оценки данных событий, поиска преступников, возмещения убытков, а также наказания провокаторов, открыто разжигающих межнациональную вражду. Однако некоторое время спустя редакция газеты «*Поступ*» изложила свою версию событий, которая и была взята на вооружение официальной властью: Русские сами-де себя поджигают, сами бьют стекла в своем центре и сами же по ночам на заборах пишат: «*Убей русского!*» или «*Хороший кацап — мертвый кацап!*»... Версия «Русские сами себя жгут» очень понравилась местной власти, и потому во львовском УВД на подозрение как потенциальных поджигателей взяли двух активистов... Русского движения!¹²

* * *

Что же, все логично. С украинской точки зрения Русские — «биомасса», *не-люди*, поэтому и не имеют права «на отдельную историчность или самобытность». Любая подлость и жестокость по отношению к ним приемлемы. И даже обязательны. Никаких человеческих прав «украинец» за ними не признает. Только «устрашающие карательные акции»... Обесчеловечиванию Русских, наделению их чертами инфернального мирового зла служит массовое тиражирование «фактов» (*на 100% фальсифицированных*) о якобы совершенных (или готовившихся) ими чудовищных преступлениях против человечности и (в особенности!) против «украинской нации». О чем бы ни шла речь в той или иной статье украинского автора, он непременно сопровождает свои размышления живописанием «массового уничтожения» ненавистной «Москвой» десятков миллионов (только так: *десятков* и, непременно, *миллионов*) «украинцев». Вот лишь один из множества подобных материалов. Статья Василия Стрильцива, опубликованная в газете Ивано-Франковского областного Совета «*Галичина*» в рубрике «Правда истории» (!) и посвященная дивизии СС «Галичина». Авторские аргументы в защиту этой дивизии украинских наемников, наголову разгромленной в 1944 г.

наступавшей Красной Армией, строятся следующим образом:

«Злоумышленные и целиком безосновательные утверждения московских коммуно-шовинистов о том, что солдаты украинской дивизии «Галичина» якобы были «прогитлеровскими фашистами» и что их нельзя реабилитировать, свидетельствуют лишь о трагическом менталитете этого жестокого племени завоевателей, от рук и по воле которых *погибли мученической смертью, начиная примерно от царя Петра, десятки миллионов сыновей и дочерей Украины*, — за попытки вырваться из *страшного московского ярма*». Мимоходом упомянув о *немецкой оккупации Малороссии*, автор тут же перескакивает на излюбленную тему самостийников: «Между тем московский деспотический империализм, который свирепствовал у нас на протяжении 337 лет, нанес украинскому народу несравненно больше вреда, *уничтожая его духовно и физически*. Таким образом, для украинцев *порабощение их Москвой является самым жестоким и самым долгим по сравнению с оккупацией Украины другими её соседями...* Ведь *Московия—Россия была историческим и самым жестоким врагом украинского народа и его государственности*, и теперь остается она самым опасным соседом Украины. Это общеизвестная и неоспоримая истина»¹³...

Свой вклад в обоснование этой «общеизвестной и неоспоримой истины» вносит и украинская историческая наука. В 1992 г. газета «Литературная Украина» опубликовала сногшибательное «открытие» украинского кандидата исторических наук В. Марочкина. Сей «вчёрный», работая в Центральном государственном архиве общественных организаций Украинской республики (бывший партийный архив ЦК КПУ), в один из дней испытал восторженное чувство первооткрывателя. Среди документов Отдела пропаганды и агитации Компартии Украины он обнаружил совершенно секретный советский «приказ», имевший прямое отношение к его исследовательской теме, связанной с историей Организации Украинских Националистов (ОУН). Приведем лишь наиболее важные места обнаруженного В. Марочкиным «документа»:

«За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюда-

ется явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти... Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью оккупантов.

Выселение производить:

а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев.

б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации.

в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.

г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрываться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР (БЕРИЯ)

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР, МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ЖУКОВ)

Верно: Начальник 4-го отделения Полковник (Федоров)».

Своим открытием В. Марочкин поделился с редколлегией газеты «Литературная Украина», где приказ и был опубликован со ссылкой на место его хранения.

«Приказ Берии—Жукова» добавлял новые яркие краски «в историю страданий Украины под имперской пятой».

С одной лишь незначительной помаркой. Директор архива, в котором был обнаружен «приказ», Р.Я. Пирог в своем письме в редакцию «Литературной Украины» указал, что этот «приказ» — не более чем *фальшивка*. В реальности этот «документ» представлял собой всего-навсего *немецкую листовку* 1944 г., о чем говорил исключенный Марочкиным при публикации фрагмент текста: «Украинцы! Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования» — и издательский знак «566». Таким образом, подчеркивал в своем письме в редакцию Р.Я. Пирог, «общественность Украины сознательно или умышленно введена в заблуждение»... Но и открытое разоблачение совершенной подтасовки ничего не изменило в судьбе «приказа Берии—Жукова». Как ни в чем не бывало, он продолжил свое существование в украинских средствах массовой информации. В 1994 г., например, его опубликовала «Народная газета» и вновь без фразы — обращения немецкого командования к «украинцам». Причем редколлегия сопровождала публикацию своим комментарием. В нем подчеркивалось, что этот документ «должен знать каждый украинец», — в то время, когда миллионы «украинцев» сражались с нацизмом на полях Европы, *«московско-большевицкая клика собиралась выселить в Сибирь их отцов, жен, сестер и детей»*. По мнению публикаторов, депортации привели бы к всеукраинскому восстанию, в связи с чем (?) Сталин не решился сам подписать такой приказ, переложив эту задачу на плечи Берии и Жукова¹⁴...

И подобных фальшивок украинские СМИ публикуют сотни и тысячи. Излишне говорить о том, какую атмосферу формируют они и к кому именно возвращают вражду и ненависть...

* * *

Но венцом этой русофобской пропаганды можно считать совершенно уникальную по своему размаху и напряжению кампанию, посвященную «голодомору—геноциду» 1932—1933 гг. Кампанию, вдохновителем и координатором которой является непосредственно официальная украинская власть, причем на уровне высших должностных лиц и

органов государства. Реальная трагедия *Русского крестьянства*, обреченного коммунистической властью на тотальное ограбление, нищету и массовый голод, кощунственно и цинично используется сегодня «украинцами» для обвинения в совершении этих чудовищных преступлений... самих Русских!

На государственный уровень данная русофобская акция вышла еще в президентство Л. Кучмы. Постановлением Верховной Рады «О 70-ой годовщине голодомора на Украине» (28 ноября 2002 г. №258-4) было запланировано проведение целого ряда специальных мероприятий, посвященных этой дате. В названном документе Верховная Рада осудила «*политику геноцида*, который проводился на государственном уровне руководителями тоталитарного советского режима против *граждан Украины, национального духа, менталитета и генетического фонда Украинского народа*», и постановила провести в мае 2003 г. специальное заседание Верховной Рады с участием президента и членов кабинета министров, чтобы почтить память жертв этого преступления. Министерству иностранных дел поручалось осуществлять международные мероприятия, направленные на признание голода на Украине государственной политикой, *направленной против украинского народа*, инициировать признание международным сообществом голода 1932—1933 годов *актом геноцида украинского народа*; предложить Генеральной Ассамблее ООН почтить память жертв голода на «Украине» минутой молчания перед началом одного из заседаний¹⁵...

Однако особый размах эта провокационная кампания обрела после государственного переворота 2004 г., приведшего к власти Ющенко и его «оранжевую» команду. Сам «оранжевый» президент своими высказываниями на эту тему недвусмысленно дает понять, как именно следует трактовать трагедию 1932—1933 гг. Так, в одном из своих многочисленных интервью, посвященных «голодомору—геноциду», свое видение проблемы он изложил следующим образом: «украинцев» морили «*преднамеренно, чтобы наказать Украину и уничтожить основы ее национального существования... Это была планомерная кампания против украинской нации, против ее истории, культуры, языка и образа жизни. Голодомор*

являлся актом геноцида, предназначенным для подавления украинской нации»¹⁶... При этом, правда, В. Ющенко не устал повторять, что обвинения в геноциде не направлены против какого-либо конкретного народа или страны, но эта риторика — не более чем тактическая уловка. В реальности все интерпретации по поводу конкретных виновников «голодомора—геноцида» аккумулируются «украинцами» в строго избирательном направлении. Вот одна из наиболее распространенных трактовок, массово тиражируемых украинскими СМИ: «Голодомор 1932—1933 гг. ... был задуман и осуществлен руководством СССР, находившимся в Москве. А так как *Россия была колонизатором Украины...* то многие у нас отождествляют это преступление с Россией». А дальше самое главное: голодомор — это «геноцид» и его **«цель выморить побольше украинцев, а на их место заселить русских»**¹⁷...

Развернутое изложение последнего тезиса дал депутат Верховной Рады, Герой Украины (!) Левко Лукьяненко. В ходе интернет-дискуссии с представителем Донецка этот украинский «герой» так объяснил своему оппоненту русскоязычность Юго-Востока современной «Украины»:

«...об идеологической неоднородности граждан Украины. Я хотел бы, во-первых, призвать... к изучению истории, в частности, истории *трех (!) голодоморов, которые московская оккупационная власть организовала на Украине.* Это голодомор 1921—1923, 1932—1933 и 1946—1947 годов. *За эти три голодомора выморено голодной смертью до 15 миллионов украинских граждан.* Было много сел, где вообще не осталось живых людей... И голодомор в основном уничтожал людей в Луганской, Харьковской, Запорожской, Донецкой областях, то есть, собственно, в той юго-восточной части Украины, которая на сегодняшний день заявляет про свою приверженность русскому языку.

Так вот, в те села, которые полностью вымерли от голода, и в области, которые больше всего пострадали от голодоморов, **перевозили из России граждан и поселяли в опустевшие хаты и опустевшие села... *Московская империя таким способом размывала этнический состав Украины, разбавляя его чужеродными элементами.*** Поэтому то, что мы имеем

сегодня, является результатом 70-летней *колониальной политики московского центра*»¹⁸...

Итак, Россия морила голодом «украинцев», чтобы заселить «Украину» Русскими и таким образом ее «русифицировать». Из данного тезиса последовательно вытекает следующий: те, кто до сих пор не отказался от своего родного Русского языка, это — или завезенные на Украину «чужеродные элементы», или «предатели» и «манкурты». Тот же Левко Лукьяненко в своей статье в еженедельнике *«Персонал плюс»*, в очередной раз перечислив все «голодоморы» и прочие проявления «геноцида» (со ссылкой на *никогда не существовавший «приказ Берии—Жукова» о выселении всех «украинцев» в Сибирь*), патетически заключает:

«Плоды этой имперской деятельности ужасны: немалая часть украинцев южных и восточных областей старшего поколения до такой степени зомбирована московской антиукраинской пропагандой, что не стыдится отказываться от языка своих предков... Они ходят на могилы своих украинских родителей, обращаясь к ним на *чужом языке*! Если вам *язык палачей* дороже языка своих предков, если вы из тех, кто *морил голодом, убивал и вывозил в Сибирь*, а не из тех, кто пережил страдания, если вам московская мечта о расширении империи дороже украинской мечты о возрождении независимой украинской государственности, тогда не ходите на могилы родителей и признайтесь, что вам безразлично, кто вы и какого вы рода»¹⁹...

Так тема «голодомора» получает дополнительное звучание, и духовный наследник этнических ренегатов, отказавшихся не только от веры своих предков, но и от их национальности и языка, сурово обвиняет в отступничестве как раз тех, кто подобного предательства *не совершал*. Параллельно объявляя Русский язык — «**языком палачей**», а также десятков миллионов «манкуртов», якобы ради выживания отказавшихся от родной «украинской мовы». Так искусственный *волапюк*, сконструированный в конце XIX — начале XX века, получает законное право на существование, а тысячелетний исконный язык Малороссии оказывается *вне закона*. Ведь это — «язык палачей», уморивших голодом миллионы «украинцев»!..

И детей в украинских школах давно уже учат тому, что «украинцев» морили голодом, а на их место завозили Русских. Вот цитата из учебного пособия по истории Украины для 10-го класса: *«Еще не развеялся трупный смрад в опустевших украинских домах, а из других республик СССР, в особенности из России, уже направлялись эшелоны с переселенцами.* К концу 1933 г. в Донецкую, Днепропетровскую, Одесскую и Харьковскую области переселилось около 117,1 тыс. человек. Голодомор 1932–1933 гг. принадлежит к трагедиям, последствия которых ощущаются по сей день»²⁰. О том, что массовым голодом были охвачены и многие регионы РСФСР в учебнике, разумеется, ни слова.

Но материалы учебников о «геноциде—голодоморе» — лишь часть воспитательного процесса. Широко используются и иные методы, призванные навсегда запечатлеть в детском сознании это кошмарное событие. Вот лишь одна зарисовка с натуры:

«Проходя коридорами киевской школы №90, что на Печерске, невольно вздрагиваешь. Прямо в вестибюле — *могила*, убранная красным кумачом, рушниками... Она ограждена, как и положено на кладбищах, столбиками с металлическими цепями. Стены вестибюля увешаны холодающими кровью фотографиями человеческих черепов, умирающих от голода людей, скорбных и просящих о милости лиц. Повсюду черная траурная драпировка, усиливающая атмосферу безысходности, горя и мрака.

Это — **«музей голодомора»**. Школьный музей. Даже на взрослых подобное зрелище производит ужасное впечатление. Как же оно может воздействовать на детскую психику? А ведь через этот «музей» ежедневно проходят и первоклассники. Любой психолог может подтвердить, что у малышей подобные картины способны вызвать страх, а у старшеклассников — агрессию... Соседство могилы рядом со спортзалом не просто травмирует неокрепшие души, но и выглядит откровенным кощунством по отношению к жертвам голодомора... Учителя школы сообщили мне, что данная экспозиция появилась не по их желанию — это *при-*

каз, поступивший из РОНО (райотдела народного образования)»²¹...

Вот вам и еще одна функция мифа о «геноциде-голодоморе» — воспитание «истинного украинца». Не зря же приказ Главного управления образования и науки от 28 декабря 2007 г. *обязал* все украинские школы провести мероприятия, посвященные «годовщине голодомора», в том числе «сдать папки с информацией о результатах поисковой работы, фото, воспоминания, свидетельства очевидцев голодомора 1932—1933 гг.»²²... Где именно детям следует искать «свидетельства очевидцев» событий *75-летней давности* и фотографии тех лет, — приказ не разъяснил. Для украинских чиновников голод 1932—1933 гг. не народная трагедия, а очередная пиар-кампания, за которую следует отчитаться перед вышестоящими инстанциями. И здесь уж все средства хороши, даже если они превращают проводимые «мероприятия» в простое издевательство над памятью мученически погибших соотечественников.

В том же Киеве ежегодно к «Дню голодомора» в Украинском Доме проводится выставка «рассекреченных материалов» СБУ (Служба Безопасности Украины). Эти выставки открывает не кто-нибудь, а сам президент В. Ющенко, и на них свозят учеников со всех школ Киева и пригородов. Среди прочего здесь демонстрируется большое число фотографий, тоже якобы «рассекреченных». На одной из них, например, можно наблюдать заснеженное Русское кладбище, и на нем в беспорядке сваленные останки умерших от голода людей. Внизу подпись: «*Кладовище в Харкові. Замерзлі трупи українських селян. 1933 р.*». На самом деле, это фото — обычная украинская *фальшивка*, ибо представляет собой открытку, выпущенную в **1921 г.** Комитетом знаменитого исследователя Арктики Фритьофа Нансена. Комитет занимался сбором средств для помощи голодающим... *Поволжья!* Фото было сделано экспедицией Ф. Нансена на кладбище городка Бузулук (ныне в Оренбургской области), что на реке Самаре. В Интернете можно найти массу фотографий этой экспедиции, и все они активно используются для обоснования «геноцида украинского народа в 1932—1933 гг.»²³. Но самое замечательное то, что и после публичного разоблаче-

ния показываемых на выставке фотографий как *фальшивок*, «украинцы» продолжают их демонстрировать как ни в чем не бывало. И также выступает украинский президент, и также, затаив дыхание, безмолвно глазят на все это бесстыдство киевские школьники... Нет, не память жертв голода ежегодно чествуют власть имущие «украинцы», а цинично глумятся над их трагической участью...

Наиболее очевидным свидетельством этого глумления являются совершенно фантастические цифры «*уничтоженных украинцев*». Причем с каждым годом число жертв увеличивается на все новые и новые миллионы, десятки миллионов. Первоначальная цифра в 5,5 млн. выросла до 6—8 млн., достигнув по прошествии некоторого времени 10 млн. Но и это число не устроило создателей мифа о «геноциде—голодоморе», и они подняли цифровую планку до 15 млн., а в последние годы в украинских СМИ появилось новое число «жертв» — 25 млн. «украинцев»! Причем в качестве «обоснования» этой последней цифры в средства массовой информации была запущена ложь о том, что в СССР по переписи населения 1926 г. якобы проживало 81,195 млн. «украинцев» и только 77 млн. Русских. А к 1939 г. Русские численно стали превосходить «украинцев». Чтобы оценить степень украинской лживости, достаточно обратиться к *подлинным данным* указанной переписи. В 1926 г. в СССР проживало 147 млн. человек, из них 31,195 млн. «украинцев», в том числе в УССР — 23,3 млн. Ловкость украинских махинаторов проявилась в том, что к цифре 31,195 млн. было добавлено ровно 50 млн., так сказать, для большей красочности²⁴...

Уже это жонглирование цифрами погибших показывает, насколько организаторам кампании безразлично *реальное число жертв* голода. Какая разница, сколько, — 5, 20 или 50 млн., — умерло в то время? Ведь *подлинные цели* кампании совсем не связаны с той реальной трагедией, которая случилась в Малороссии (и не только в ней!) восемь десятилетий назад. По замыслу ее вдохновителей, она должна не просто содействовать воспитанию «истинных украинцев», но и сплотить их общность в единое целое. Об этом прямо говорит, например, глава украинских униатов кардинал Любомир Гузар (кстати, гражданин США). «*Память о голодомо-*

ре», — поучает кардинал, — это «*нациотворческий элемент*». Она являет собой «*фундаментальную ценность, объединяющую общество, связывающую нас с прошлым, без которого не может сформироваться единый государственный организм ни сейчас, ни в будущем*»²⁵. А главный украинский историк «голодомора» С. Кульчицкий провозгласил, что «*голодомор исполняет роль основного символа, который должен объединить историческое сознание всех украинцев*»²⁶... Иными словами (учитывая, на кого конкретно возлагается прямая вина за организацию «геноцида—голодомора»), объединить украинское сообщество и помочь ему в строительстве собственной державы призвано культивирование *ненависти* к России и Русским, якобы выморившим «голодной смертью десятки миллионов украинцев». Вот истинная подоплека истерической шумихи вокруг голода 1932—1933 гг. Не восстановление исторической правды об этой страшной трагедии и не увековечение памяти ее многочисленных жертв, а доведение до точки кипения *ненависти* к совершенно конкретной стране и народу, ибо, по верному определению А.В. Марчукова, «*«Голодомор» — это идеологическая концепция, мощный инструмент воздействия на массовое сознание*»²⁷...

Однако формирование конкретного образа врага — не единственная цель этого пропагандистского проекта. Имеются и сопутствующие. Прежде всего, — возложить на этого «врага» моральную и материальную ответственность за совершенный «геноцид». Не зря же самостийники все чаще и чаще называют «голодомор» «*украинским холокостом*». При этом чувство «вины» перед «украинцами» должно нравственно разоружить не только собственно Русских, но и тех людей в Малороссии, кто не считает последние 350 лет и советский период в ее истории эпохой «колониального угнетения» (хотя при этом искренне числит себя в «украинцах»). «Геноцид—голодомор» позволяет выставить таковых в качестве «пособников палачей» и «пятой колонны», что априори делает их взгляды и оценки неприемлемыми для общественного сознания... Загнать в подполье инакомыслящих призван и закон «О голодоморе 1932—1933 годов на Украине», принятый Верховной Радой 28 ноября 2006 г. Закон устанавливает обязательную для всех трактовку голода

как «геноцида украинского народа» и предусматривает *уголовную ответственность* за отрицание этого...

Не менее значимой целью кампании является утверждение *материальной ответственности* России. Уже сегодня «украинцы» с вожделием подсчитывают, сколько *миллиардов у.е.* «задолжала» им «Москва» за «геноцид—голодомор» и прочие «преступления». Не за горами и *официальное требование* о материальной компенсации за «понесенные Украиной потери». Этому призвана содействовать широко-масштабная дипломатическая кампания по организации *международного признания* «геноцида—голодомора». И хотя ни одна международная организация из числа тех, куда обращались «украинцы» (ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, ПАСЕ и т.д.) не поддержала украинскую версию трагедии, на сегодняшний день уже 13 государств мира согласились признать голод в СССР 1932—1933 гг. «геноцидом украинского народа». В их числе США, Грузия, Литва, Польша, Венгрия, Канада и пр. Америка задает здесь тон и показывает пример. В своем роде монументальный. Так, президент Буш подписал в 2006 г. закон о строительстве в районе американского Капитолия в Вашингтоне мемориала «жертвам голодомора». Можно не сомневаться, что США сделают все от них зависящее, чтобы навязать свою официальную позицию и остальному «международному сообществу». Да и само это «сообщество», конечно же, не откажется в нужный момент использовать против России дубину «геноцида—голодомора». Поэтому «украинцы» не теряют надежды, что рано или поздно добьются своего. Поливать грязью Россию и *жить за ее счет* — такова суть их философии. Философии подлинных паразитов, живущих на теле Русского народа... А Запад, конечно, поддержит самые абсурдные претензии своего верного сателлита, тем более что миф о «геноциде—голодоморе», собственно, на Западе и был разработан, там же запущен в политический обиход и уже в готовом виде экспортирован в Малороссию после 1991 года.

* * *

Первоначально концепция «геноцида украинцев» имела хождение лишь в среде украинской эмиграции, предста-

вителями которой в 1940—1970-е годы был издан ряд работ, доказывавших, что голод 1932—1933 гг. являлся заранее спланированной акцией «Москвы», направленной на «духовное и физическое уничтожение украинского народа», и стоившей ему жизни 7, 10, 15 млн. человек. Однако в течение нескольких десятилетий на эту совершенно абсурдную «теорию» никто не обращал внимания, и только в начале 1980-х государственные структуры США внезапно заинтересовались данной проблемой. Эта заинтересованность объяснялась тем, что как раз на эти годы пришелся очередной виток «холодной войны», и президент Р. Рейган публично объявил СССР «империей зла». Миф о «геноциде—голодоморе» был выбран одним из «доказательств» данного определения. (При этом стоит обратить внимание на то, что непосредственно во время голода 1932—1933 гг. никакой шумихи на Западе не поднималось, хотя о голоде там *знали*. Тщетно Русская эмиграция пыталась привлечь внимание европейских и американских СМИ к тому, что происходило в России. Запад молчал. *50 лет молчал*. И вдруг «вспомнил»). Тут же соответствующие госструктуры США и, в первую очередь, ЦРУ, получили соответствующие указания — и началось. В 1981 г. при Гарвардском университете (этой кузнице кадров американской политической элиты) совместно с украинскими организациями была основана программа «исследования голода на Украине». Первым результатом «Гарвардского спецпроекта» стало издание в 1983 г. книги Джеймса Мейса «Коммунизм и дилеммы национального освобождения: национальный коммунизм в Советской Украине. 1918—1933». В этой работе Дж. Мейс и выдвинул те постулаты, которые составили базовые положения мифа о «геноциде—голодоморе», и сразу же стали использоваться официальным Вашингтоном в качестве идеологического оружия. В 1984 г. Конгресс США создал специальную комиссию для исследования «причин голода на Украине в 1932—1933 гг., инспирированного советским правительством». Возглавил ее Дж. Мейс. Комиссия предполагала завершить свою работу к 1987 г. (когда в СССР должно было отмечаться 70-летие Октябрьской революции), что лишний раз свидетельствует о сугубо политических целях проекта.

Кроме произведения Дж. Мейса в основание мифа была положена еще одна работа — книга британца Роберта Конквеста «Жатва скорби» (1986). Суть своего творческого кредо сам автор определял так: «Правда может быть установлена исключительно в форме *молвы*. Самый лучший, хотя и не безупречный источник — *слухи*»²⁸. О степени «объективности» Конквеста можно судить по предыдущим его работам. Так, в 1984 г. он по поручению президента США Рональда Рейгана написал материал «Что делать, когда придут русские? Руководство по выживанию» (для рейгановской президентской кампании) — с целью «подготовить американский народ к советскому вторжению». В этом «труде» Конквест начертил и такие строки: «*Неправда, что все люди суть люди. Русские не люди. Это чуждые существа*»²⁹... Все книги Конквеста, — а писал он по заказу, если не британских, то американских спецслужб, — голая пропаганда на основе подтасовки и прямой фальсификации фактов в духе «холодной войны». Его работы выкупались издателями, распространявшимися их по заказу и на деньги ЦРУ. Данное ведомство направляло и деятельность комиссии Дж. Мейса...

Сам характер работы комиссии не имел ничего общего с поиском истины. Вот как излагает методы ее работы С. Кульчицкий: «Возглавляемая Дж. Мейсом комиссия Конгресса США *не имела доступа к советским архивам* и работала по большей части с *эмигрантами*, пережившими коллективизацию и голод, а после Второй мировой войны оказавшимися в Северной Америке. Конечно, очевидцы Голодомора *не могли разобраться* в хитросплетениях сталинской политики, но *инстинкт жертвы подсказывал им*, что советская власть *намеревалась физически уничтожить их*. Комиссия Дж. Мейса воспроизвела на основании сотен свидетельств реальную картину событий и в апреле 1988 года представила Конгрессу США окончательный отчет... Комиссия Конгресса США назвала голод 1932—1933 гг. на Украине **геноцидом**. Но *это определение основывалось не на документах, а на субъективных суждениях свидетелей Голодомора*»³⁰. Особо подчеркнем: «субъективных суждениях» *полувековой давности*, когда большинство так называемых «свидетелей» должны были быть еще *детьми*, и уже в силу этого, действительно,

«не могли разобраться» в происходящем, а, следовательно, по прошествии столь длительного времени, утверждать могли лишь то, что им *подсказывали* опрашивающие, напирая на их «*инстинкт жертвы*» (речь ведь шла об эмигрантах, не от хорошей жизни покинувших историческую родину). Так что большая часть «свидетельств», вне всякого сомнения, носила вполне *заказной* характер. Впрочем, львиная доля их вообще оказалась «*липой*», как и сами «свидетели». Специалисты, исследуя технологию фабрикации членами комиссии информации о голоде в Малороссии, установили, что **80%** (!) «свидетельств» проходят с отметкой «*Анонимная женщина*», «*Анонимная супружеская пара*», «*Анонимный мужчина*», «*Мария №...*» и т.д.³¹. Эти-то *анонимы* и дали те «сотни свидетельств», которыми оперировал Дж. Мейс. Он их записывал, обрабатывал и публиковал, после чего они обретали статус *официального документа*. На основании такого рода «документов» комиссия и сделала свои далеко идущие выводы. В ее итоговом отчете (1988) говорилось об искусственном характере голода, его антиукраинской направленности, а сам он объявлялся актом *геноцида украинского народа*. Поставленная цель была достигнута.

Впрочем, не все прошло гладко. Так, американская академическая наука сразу же увидела в «научном» творчестве Дж. Мейса и Р. Конквеста наследие времен «холодной войны» и признала, что оно, таким образом, выходит «за пределы научного знания». А известный советолог профессор университета в Стэнфорде А. Даллин вообще назвал исследования Р. Конквеста «бессмыслицей» и не нашел свидетельств того, что голод «был намеренно направлен против украинцев». Канадский журналист Д. Тоттл в книге «*Фальшивки, голод и фашизм: миф об украинском геноциде от Гитлера до Гарварда*», опубликованной в Торонто (1987), подчеркивая сфабрикованность материалов книги Конквеста и фильма «*Жатва отчаяния*» (снятому по этой книге), доказал, что авторы книги и фильма использовали устрашающие фотографии голодных детей из... *хроники Первой мировой войны и голода 1921 года*³²! (И, как мы могли убедиться, продолжают использовать их до сих пор)... Немецкий профессор Стефан Мерль также считает концеп-

цию «геноцида—голодомора» несостоятельной: «Сам факт голода на Украине в 1932—1933 гг. не доказывает наличие геноцида... *Изъятие зерна производилось, как правило, местными активистами украинской национальности*. И этот факт, который с сожалением констатируется в докладе Конгресса, трудно сочетать с тезисом о геноциде»³³...

Итак, даже западная наука отвергла выводы комиссии Дж. Мейса, как *тенденциозные и антинаучные*. Зато «украинцы» не только подхватили их, но и возвели в ранг «научных светил» их творцов. Например, Дж. Мейса, оказавшегося в изоляции в научном мире США, пригласили в Малороссию, где украинские власти оказали ему самый теплый прием. Он стал преподавать в Киево-Могилянской академии и широко популяризировать свою лживую концепцию «геноцида—голодомора» в украинских СМИ. Отмечен был и вклад Р. Конквеста. В. Ющенко, едва став украинским президентом, не замедлил наградить его орденом Ярослава Мудрого V степени...

Подобного рода символические акты со всей очевидностью демонстрируют непреклонную волю украинской власти к культивированию концепции «геноцида—голодомора» в качестве *основополагающего украинского мифа*. В связи с этим для нас особенно важно знать подлинные причины и реальные масштабы случившейся трагедии, а также, кто несет за нее ответственность и каково количество жертв...

* * *

Безусловно, голод 1932—1933 гг. стал следствием политики коммунистической власти. Кстати, точно так же, как и голод 1921 г., когда тотальное ограбление деревни большевиками и спровоцированная ими же Гражданская война привели к резкому сокращению сельскохозяйственного производства страны и катастрофической нехватке продовольствия, что и повлекло массовый голод, особенно сильно проявившийся в Поволжье.

Не меньшей силы удар по сельскому хозяйству России нанес и принятый коммунистической партией в 1929 г. курс на *ускоренную индустриализацию*, которую планировалось завершить, буквально, в течение двух пятилеток. Для срав-

нения: в Англии этот процесс занял около *300 лет*, начавшись во второй половине XV века с «огораживаний» и завершившись лишь в конце XVIII века. Эволюционным путем шла индустриализация и в дореволюционной России. Но прожектеры от коммунизма, как известно, шли «своим путем», тем более, что приносить в жертву миллионы Русских людей им было не привыкать.

Ускоренную индустриализацию мог обеспечить лишь массированный импорт оборудования и машин, а для него необходима была валюта. Ее надеялись получить, прежде всего, за счет резкого увеличения экспорта зерна. Между тем, сельское хозяйство страны после многолетних военных и революционных потрясений и разрушения крупных товаропроизводящих хозяйств (помещичьих и кулацко-середняцких) было неспособно обеспечить экспорт зерна в необходимых размерах. И тогда большевики решили в очередной раз ограбить Русскую деревню. Политика НЭПа была свернута, ее сменил курс на *сплошную коллективизацию* крестьянских хозяйств, в реальности означавший процесс превращения миллионов Русских крестьян в бесправных государственных рабов, дармовой труд которых и должен был обеспечить экономическую основу форсированной индустриализации. Представление о непосредственной зависимости импорта оборудования и машин от экспорта зерна дают следующие цифры. Так, ввоз техники в СССР из США в 1928 г. оценивался в 7,5 млн. руб., в 1929 г. — уже 80 млн. руб., в 1930 — 220 млн. руб., в 1931 — 222 млн. руб. Та же нарастающая динамика наблюдается и в вывозе хлеба из СССР: 1928 — 1 млн. центнеров, 1929 — 13 млн., 1930 — 48 млн., 1931 — 52 млн., и только в 1932 году, когда уже стало очевидным, что основные зерновые районы страны охвачены голодом, наблюдается резкое сокращение вывоза зерна — 17 млн. центнеров³⁴... Впрочем, не только индустриализация резко повысила нужду в хлебе, но и стремительный рост численности городского населения. По СССР всего за 4 года (к 1932) городское население возросло на 12,4 млн. человек. По УССР только за 1931 г. оно увеличилось на 4,1 млн.³⁵...

Эти резко выросшие потребности страны в зерне и повлекли жестокие меры при обеспечении его государственных

поставок. И чем более развито было в регионе сельское хозяйство, тем круче были меры. Поэтому и самый страшный голод разразился в наиболее хлебных регионах страны. СССР пострадала не потому, что в ней жили «украинцы», а потому что являлась одной из главных житниц СССР. Так же, как Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Центральное Черноземье, Урал, Западная Сибирь, Казахстан, — где голод носил столь же масштабный характер. Сам перечень этих регионов (а все они, кроме «Украины», представляют регионы Российской Федерации, включая и Казахстан, — на тот момент автономную единицу РСФСР, где Русские составляли *большинство* населения) показывает полную абсурдность утверждений о якобы «антиукраинской направленности» государственных хлебозаготовок. Столь же абсурден тезис о том, что голод был *преднамеренно* инспирирован советским руководством. Нет ни одного *документа*, подтверждающего подобную версию. Наоборот, ставшие ныне доступными документы, относящиеся к этому периоду, однозначно свидетельствуют: власть предпринимала активные (хотя во многих случаях и запоздалые) меры с целью исправления ситуации в голодающих районах. И в первую очередь — на «Украине». Так, 24 июля 1932 г. Сталин писал Кагановичу и Молотову: «Наша установка на безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР совершенно правильна. Но имейте в виду, что *придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т.п.* Я думаю, можно было бы скостить колхозам особо пострадавших районов половину плана, а индивидуалам треть. На это уйдет тридцать или сорок миллионов пудов зерновых»³⁶... 19 августа 1932 г. Сталин отправляет следующую телеграмму Кагановичу: «Как видно из материалов, о сокращении плана хлебозаготовок будут говорить с ЦК не только украинцы, но и северо-кавказцы, Средняя Волга, Западная Сибирь, Казахстан и Башкирия. Советую удовлетворить пока *только украинцев*, сократив им план на 30 миллионов и лишь, в крайнем случае, на 35—40 миллионов. Что касается остальных, разговор с ними отложите на самый конец августа»³⁷... Как видим, перечисляя районы,

пострадавшие от голода, Сталин предлагает удовлетворить просьбу лишь «Украины», остальные, по его мнению, могут подождать. А ведь масштабы голодной трагедии у этих «остальных» были ничуть не меньше. При этом еще раз подчеркнем, речь шла о районах именно Российской Федерации, которые даже нынешние самостийники не додумались включить в число «украинских». Но именно по отношению к ним сомнение: помогать — не помогать, зато «Украине» — в экстренном порядке. А здесь и предоставление семенных ссуд, и разрешение на разбронирование хлебных запасов из госрезерва (которые сберегались на случай войны) с последующей раздачей голодающим, и другие виды помощи, включая возврат экспортируемого зерна (а иногда и закупки за рубежом для помощи голодающим). Вот только два документа из этого числа: постановление Политбюро о помощи Украине (разбронирование хлеба для снабжения Украины) от 23 апреля 1932 г. и постановление Совета народных комиссаров СССР о возврате из портов кукурузы и пшеницы и о дополнительной закупке в Персии и на Дальнем Востоке зерна для Украины от 3 мая 1932 г. И этот список можно продолжить³⁸. Впрочем, даже С. Кульчицкий вынужден констатировать: «...признаков террора голодом в первой половине 1932 года мы не видим. Наоборот, *когда факт голода был официально установлен, голодающее население получило семенную и продовольственную помощь в размере 13,5 млн. пудов зерна*. Совнарком УССР постановлением от 21 мая определил районы, которые больше всего пострадали от голода. Они получили и дополнительную помощь пищевым зерном, рыбой и консервами»³⁹... Но ведь эта помощь поступала и в дальнейшем. Вот шифрограмма секретаря Днепропетровского обкома М.М. Хатаевича Сталину о сложных погодных условиях, оттянувших вызревание хлебов и уборку урожая, сильном обострении продовольственного положения, с просьбой выделить области еще 50 тыс. пудов продссуды (27 июня 1933). На ней рукой Сталина выведена резолюция: «*Надо дать. И.Ст.*»⁴⁰...

Да, предпринимаемые меры во многом не только запоздали, но зачастую и не соответствовали масштабам разразившейся катастрофы. Не в последнюю очередь и потому, что зависели от тех, чья политика и предопределила острую

нехватку продовольствия. Но *кто* же занимался в этот период «реформированием» Русской деревни? Разве Русские? Отнюдь нет. Наркомат земледелия СССР возглавлял Яков Эпштейн (Яковлев) (1886–1938), Колхозный центр — Каминский, совхозный — Моисей Калманович (1888–1937). Власть в Нечерноземном центре досталась Иосифу Варейкису (1894–1939), в нечерноземных областях (вокруг Москвы) — Карлу Бауману (1892–1937), в среднем Поволжье — Хатаевичу, в Западной Сибири — Роберту Эйхе (1890–1940). Во главе ОГПУ–НКВД стоял Генрих Ягода (Иегуда) (1891–1938). Главное политическое управление РККА возглавлял Ян Гамарник (1894–1937). В УССР хлебозаготовки лично курировал Лазарь Каганович. Представители той же этнической группы имели решающее влияние на деятельность и нижестоящих органов государственного управления. Причем же здесь Русские? Как раз они-то и стали первой (и главной) жертвой политики «сплошной коллективизации» и «раскулачивания». Тот же Иосиф Варейкис в Нечерноземном центре за полгода взвинтил темпы коллективизации с 6% до 80%, а Бауман в нечерноземных областях (вокруг Москвы) — с 3% до 70%. В большинстве зерновых районов СССР процент «раскулаченных» (т.е. крестьян, полностью лишенных имущества и высланных вместе с семьями в безлюдные и непригодные к жизни районы страны) составлял до 20%, а на тех, кто не желал вступать в колхозы, обрушились беспощадные репрессии⁴¹. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Хотя еще на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927) планировали коллективизировать к 1933 году лишь 20% единоличников...

Теперь о жертвах. Их точное число вряд ли когда-нибудь будет установлено, но по наиболее реалистическим оценкам общее число погибших от голода в 1932–1933 гг. в целом по стране составило 1,5 — 2 млн. чел. При этом в УССР, если отталкиваться от статистических данных ежегодной смертности по республике, число жертв голода составило 640–650 тыс. человек, а не 10, 15 или 20 млн., как об этом вещают украинские СМИ⁴²...

И, наконец, последнее: *а судьи кто?*.. Какое моральное право имеют нынешние самостийники изрекать пригово-

ры о трагедии давно минувших дней, замалчивая при этом еще более масштабную катастрофу, происходящую прямо на их глазах, в зоне их юрисдикции, да к тому же и при их активном участии. Ведь даже по официальным данным за счет превышения смертности над рождаемостью население самостийной «Украины» за последние пятнадцать лет *уменьшилось* с 52 млн. чел. до 46,5 млн.!.. Откуда же эти колоссальные потери, да притом еще в мирное время, ведь ни войн, ни «голодоморов», ни репрессий сейчас нет, да и власть не «московская», а родная «украинская»? Тогда *почему*? Ответ известен: это результат приобщения «Украины» к «рынку» и «ценностям западной демократии», представляющим, по мнению самостийников, «магистральный» путь для всего человечества. А свыше *5 миллионов вымерших* соотечественников — всего лишь неизбежная плата за возвращение в «мировую цивилизацию». «Но если эти люди, — замечает по этому поводу А.В. Марчуков, — согласны признать *естественным* исчезновение 5,5 млн. человек или не обращать на это внимания ради «возвращения в цивилизацию», то какое моральное право они имеют обвинять большевиков, готовых жертвовать людьми во имя своих целей — построения коммунизма (передового и «магистрального», с их точки зрения, строя)?»... И если уж «считать голод 1932–1933 гг. геноцидом, *то надо открыто признать геноцидом и вымирание населения (кстати, более масштабное!) в 1991–2006 гг.*». И тогда уж «адептам «голодомора», чтобы быть последовательными, надо сказать: «Да, сейчас на Украине, в условиях самостийности, осуществляется геноцид собственного народа, и мы... тоже виновны в нем, поскольку боролись за этот строй, поддерживаем и прославляем его, очерняя советское и дореволюционное прошлое, как эру «колониального угнетения» украинского народа». У которого, кстати, в XVIII–XX вв. (за исключением короткого периода) наблюдался демографический рост — лучший показатель уровня жизни и самочувствия народа, и который, обретя «долгожданную независимость», вдруг стал вымирать. Однако так почему-то никто не говорит»⁴³... И, конечно, не скажет, потому что самостийникам глубоко наплевать на участь своего народа, который они всегда предавали и бросали на произвол судь-

бы. Вселенский же плач о его «трагической доле» — дешевое политиканство, средство удержаться у власти, чтобы вволю пожить и погулять за счет этого самого народа...

Да, голод 1932—1933 гг., безусловно, являлся преступлением, повлекшим за собой многочисленные жертвы, но нельзя не признать и того, что заявленная властью цель — ускоренная индустриализация страны — все же была достигнута. Не следует забывать и о том, что именно эта индустрия и обеспечила экономическую базу победы в мировой войне, обрушившейся на страну через каких-то десять лет. А какой позитив обрела нынешняя «Украина», обрекая миллионы своих граждан на нищету, голод и *массовое вымирание*? Та самая индустриальная база, которая создавалась с такими огромными жертвами, разворована, разрушена и приведена в негодность. Сельское хозяйство влачит еще более жалкое состояние, чем в сталинские времена. А что впереди? Дальнейшая деградация экономики и все убыстряющийся процесс вымирания населения, зависимое колониальное положение, а, может быть, и открытая оккупация «союзниками» по НАТО. Вот и весь «позитив» самостийности. И никакой другой перспективы даже не предвидится. Так что не самостийникам судачить о преступлениях других, пусть для начала хотя бы ответят за свои...

* * *

Официальные представители самостийной «Украины» не устают публично подчеркивать, что украинское государство в своей внутренней и внешней политике ни в коем случае не преследует целей, направленных против России или Русских, что обвинения в этом совершенно беспочвенны, и «образ Украины как «государства, постоянно противодействующего России и ее интересам»»⁴⁴, — не более чем злопыхательские выдумки. А если и имеют место *отдельные* антирусские выходки (в тех же украинских СМИ), то официальная власть и украинское государство здесь ни при чем. Это — издержки демократии, «один из «налогов на свободу», которые... платит любое государство, где есть свобода слова». Русофобские статьи, книги или фильмы — не более чем «сочинения энтузиастов, которые искренне полагают,

что защищают Украину от новых бед и рассчитываются, как умеют, за старые»⁴⁵...

Все это, конечно, ложь. Ложь наглая и циничная. В сказку про болтающих невесть что «любителей-энтузиастов», которым-де украинская власть не в состоянии заткнуть рот из уважения к «свободе слова», может поверить только человек совсем уж далекий от украинской действительности. Как раз факты этой действительности (тысячи, десятки тысяч фактов!) и демонстрируют нам со всей очевидностью, что именно *украинское государство* (независимо от того, какая политическая группа его возглавляет) является главным вдохновителем, организатором, спонсором, а при необходимости и «крышей», всех русофобских акций и начинаний. Более того, разжигание *ненависти* к России, Русскому Народу, Русской культуре и даже Русскому языку являет собой единственную постоянную константу его политики, тот краеугольный камень, на котором зиждутся и все остальные ее направления...

Выше мы показали роль украинского государства в силовом навязывании обществу лживого, русофобского мифа о «геноциде—голодоморе» 1932—1933 гг. Но это лишь один из аспектов проводимой им политики. Еще более очевидна стержневая ее направленность в сфере народного образования. Понятие о базовых составляющих *государственной политики* в этой отрасли прекрасно иллюстрируется содержанием школьных учебников, прежде всего, по отечественной истории. Именно из них подрастающие поколения украинских граждан черпают сведения не только о прошлом своего народа, окружающем его мире, но и, не в последнюю очередь, о его «друзьях» и «врагах». Изложенная в украинских учебниках «история» учит: у «украинского народа» всегда был лишь один враг...

По верному замечанию Е. Холмогорова, «бои за историю — одно из самых принципиальных сражений, которые могут вестись между народами, государствами, конфессиями, социальными и политическими группами. *Навязать свое видение истории означает реально изменить прошлое и перепрограммировать будущее*»⁴⁶. Над решением именно этой задачи напряженно и кропотливо трудятся сегодня

украинские учителя. Центром, вокруг которого школьные программы группируют основные события «украинской истории», является перманентное противостояние «украинцев» России и Русскому Народу (нередко в форме *открытой войны*). Заглянем, например, в учебник истории для 5-го класса. Первый миф, вдолбливаемый в голову учащихся, — «тысячелетнее существование Украины» и «украинцев». В качестве точки отсчета, разумеется, берется период древней Руси: «Загадочная дорога истории привела нас сегодня во времена возникновения *украинского народа* и строительства первого самостоятельного государства. Название этого государства — Киевская Русь»⁴⁷, §10 раздела, посвященного ей, так и называется: «Первостроители *украинского государства*». В их числе Кий, Щек, Хорив, Аскольд, Дир, затем Олег, Игорь и далее все Русские князья, вплоть до Даниила Галицкого: он — «первый из украинских князей, коронованный королем»⁴⁸... Далее идет изложение истории Русских земель в составе литовского, затем польского государства. При этом польское господство над Малороссией ни разу не упоминается в отрицательном контексте. Дела «украинцев» в Речи Посполитой шли отменно: процветала культура, развивался и совершенствовался «украинский язык», казаки были вольными, народ пел песни. Не хватало малости: снова стать «независимым государством». Увы, исторические обстоятельства этому не благоприятствовали. После Освободительной войны 1648—1654 гг. (причины ее и ход не рассматриваются) «истерзанная, обессиленная Украина искала спасения». От кого его ждать? Татары ненадежны и продажны. «Турция, возможно, и защитила бы, но преградой к объединению с ней была давняя ненависть народа к «бусурманам». У европейских стран были свои проблемы. Оставалось только Московское царство... Созвал Хмельницкий казаков на совет. Спросил их:

— Под каким правителем хотите быть? К кому обратимся за помощью? Думали казаки, совещались. Решили пойти на союз с Москвой, хоть *сердце к российскому самодержцу не лежало*. И не зря: подписанный в Переяславе в 1654 г. договор между Россией и Украиной «положил начало *новому закабалению украинского народа*», «вольнице пришел конец»⁴⁹...

Так исподволь, шаг за шагом ученику навязывается мысль о том, что воссоединение с Россией это — «закабаление», «угнетение» и «конец украинской вольницы»...

Но нашелся славный герой на «украинской земле» — гетман Иван Мазепа, стремившийся «сделать Украину великим и сильным европейским государством, *освободить из под гнета Московского царства*». Перед Полтавской битвой «гетман обращается к казакам:

— Братья! Настал наш час! Воспользуемся этой возможностью! *Отплатим москалям за насилие над нами, за нечеловеческие муки и обиды, причиненные нам!* Пришло время *сбросить ненавистный гнет*... Увы, Русские разгромили армию Карла XII, а ведь *«после победы шведов над Россией Украина должна была стать независимым государством»*... Ребенок должен усвоить еще один украинский постулат: беда любого внешнего врага над Россией — подарок судьбы для «Украины». Правда, в данном случае «не суждено было счастье Украине». А замечательный гетман Мазепа от горя даже умер: «Так закончилась жизнь одного из славных сынов Украины, мечтавшего увидеть свою землю свободной, а народ счастливым»⁵⁰...

После Мазепы звезда «украинцев» совсем закатилась: «Шли годы. Один за другим менялись российские цари. А Украина постепенно *разорялась*. Все больше *притеснялись* украинский язык и культура. *Ограничивались в правах* казаки, вводилось крепостничество... Из свободного государства, основы которого заложил Богдан Хмельницкий, Украина превратилась в Малороссию — в Малую Россию»⁵¹... Ребенок усваивает еще один самостийнический миф: оказывается, топоним «Украина» существовал с испокон веков, и лишь благодаря «закабалению» со стороны России был заменен другим — «Малороссия». Так исконное, историческое название края — «Малая Россия» — приобретает отталкивающий, негативный подтекст, а навязанное поляками — «Украйна» — становится близким и родным... Воспитательный процесс идет дальше.

Два века длились страдания «украинцев» под «ненавистным» Русским гнетом, и лишь в начале XX столетия проглянул луч надежды: «В Киеве в первых числах марта 1917

года возникла Центральная Рада... *Россияне неприязненно отнеслись к украинскому правительству*. Их беспокоило то, что Украина может отделиться и стать самостоятельным государством. Разве могли допустить это те, кто *столетиями вывозил с богатой украинской земли зерно, соль, рыбу, уголь, железную руду*. Где еще найдешь территорию с такими плодородными землями, мягким климатом, трудолюбивыми и терпеливыми людьми? Те, кто хорошо знал, чего стоит Украина, понимали, какой большой кусок «пирога» может упасть с их стола»⁵⁴... И, как это и принято у «россиян», они силой кинулись неволить «украинцев»: «Большевики России направили в Украину Красную Армию», та захватила Киев и ликвидировала «украинское правительство»⁵⁵...

Вот такого рода «уроки истории» преподносит сегодня молодому поколению украинская школа. В их действительности можно не сомневаться, ведь речь идет о *детях* 11–12 лет, принимающих за чистую монету любые рассказы взрослых дядей и тетей, тем более наделенных авторитетным званием учителя. Руководимая такого рода «специалистами», детвора старательно заучивает тексты параграфов, даты, имена, термины и географические названия, и невдомек ей, что не знание прошлого своей Родины обретает она, а впитывает идеологическую отраву, калечащую юные души ложью и ненавистью к собственному народу, замаскированному вымышленным персонажем «*москаль*». Примечательно, что термин этот несколько раз встречается в учебнике, но смысл его не разъясняется, хотя в конце каждого параграфа дается специальный словарь с толкованием незнакомых слов. Но контекст подачи понятия «*москаль*» таков, что ребенок быстро догадывается: эти закоренелые враги «украинского народа» — РУССКИЕ... А чтобы прочнее закрепить это в его сознании, в более старших классах данная идеологема не только многократно повторяется, но и углубляется, выходя на новый уровень, — непосредственно «русско-украинских войн». Так, в учебнике для 8-го класса вслед за параграфом об Освободительной войне 1648–1654 гг. под предводительством Б. Хмельницкого дается описание и «*московско-украинской войны 1658–1659 гг.*». Ее главный герой — гетман-изменник Иван Выговский, а кульминаци-

онный момент — сражение его войск с Русской армией у г. Конотопа (28—29 июня 1659). Оно завершилось «для московского войска сокрушительным поражением». В конце параграфа под рубрикой «ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!» содержится оценка одержанной «украинцами» победы: «Конотопская битва является ярким примером справедливых войн — войн, направленных на *освобождение своего народа от чужеземного господства*, войн за оборону собственного независимого государства. Битва эта была и остается одним из славных символов *национально-освободительной войны украинского народа*»⁵⁴. Итак, Конотоп — славный символ победы «украинцев» над Русскими. И это особенно подчеркивается... А то, что ударную силу «украинской армии» в данном сражении составляла *40-тысячная татарская орда*, приглашенная Выговским в качестве «союзника», а «туземцы» в его войске были представлены всего лишь 5 тыс. «казаков», из коих половина приходилась на *наемные отряды* сербов, немцев, волохов и поляков, — об этом дети, конечно, никогда *не узнают*. Как и того, почему после столь «блестящей победы» уже в октябре 1659 года на казачьей раде под Германовкой Выговский был низложен с должности гетмана и едва спасся, бежав в Польшу. Здесь судьба по заслугам воздала ему за иудино служение: первоначально возведенный поляками в ранг сенатора и киевского воеводы с титулом князя «Русского княжества», он в 1664 г. ими же был обвинен в предательстве и по приговору военного суда расстрелян...

Разумеется, все «неудобные» факты автор учебника игнорирует, ведь его цель не ознакомление школьников с отечественной историей, а закрепление в их сознании мифа о *векахи длящейся войне «украинцев» с Русскими*. Для более прочного усвоения этой «истины» привлекаются и изобразительные средства. Так, на обложке исторического атласа для того же 8-го класса помещена картинка «Конотопского боя». Она же воспроизведена на 20-й странице атласа. Что же созерцают дети? Они видят, как brave казаки лихо рубят ненавистных москалей-краснокафтанников. Один «москаль» валяется, порубанный, на земле, другой с ужасом и страхом теряет саблю и прижимается к своему вздыблен-

ному коню, но на него уже несутся два казака с пиками — он тоже обречен. Ни татар, ни наемных сердюков на картинке, разумеется, нет. Ее назначение — не воспроизвести реальность, а содействовать формированию у ребенка осязательного «образа врага». Запечатленный подсознанием, этот образ в нужный момент «выстрелит», а чтобы время не изгладило остроты впечатления, к нему добавляются все новые и новые штрихи. Уже знакомый материал обретает новое звучание:

«Гетманство Ивана Мазепы — героическая страница самоотверженной борьбы украинского народа за независимость. Проявлением этой борьбы стало *антиколониальное восстание против Московского государства*, возглавленное Мазепой»⁵⁵... Итак, с одной стороны (украинской) — борьба за «национальную свободу». А что же с другой — Русской? О, здесь зверская и бесчеловечная жестокость. Ею, например, отмечены действия Русской армии при захвате гетманской столицы Батурина: «Московские вояки 2 ноября проникли в город и устроили в нем *кровавую резню — жестоко убили всех его обитателей, даже женщин и грудных младенцев*. Затем Батурин был *дотла разрушен*... Этим карательным актом Петр I пытался *запугать* украинцев и окончательно *покорить их*, лишив стремлений к свободе»⁵⁶. В завершении (снова в рубрике «ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!») — соответствующее обобщение: «Действия Петра I были проявлением *жестоккой колониальной политики Московии* относительно Украины. Главная цель этих действий — посеять *чувство вины и страха* среди всего населения Гетманщины, *расколоть* украинский народ, *искоренить* из его сознания идею национальной самобытности и стремления к независимости»⁵⁷... Победа Русской армии под Полтавой — и новый виток жестокости и террора: «После Полтавской битвы по Украине прокатилась волна царского *террора*. Карательные мероприятия осуществлялись с *неслыханной жестокостью*. Они касались всех аспектов жизни и имели самое разнообразное проявление — от *смертных приговоров* мазепинцам до *запрета печатать книги на украинском языке*» (ни одного конкретного факта не приводится)... «Немало старшины было *арестовано и выслано в Сибирь*» (ни одной конкрет-

ной фамилии)... «московские войска вели себя на украинских землях как в завоеванной стране» (и снова ни одного конкретного факта)... «политика царского правительства приводила к постепенному *вымиранию украинского народа*, поскольку осуществлялось *физическое истребление* десятков тысяч людей» (никаких цифр, подтверждающих «вымирание», также не приводится)⁵⁸. Бездоказательно, зато производит *впечатление*, ведь речь идет (еще раз напомним) о *детях*. Они-то и являются главной *жертвой* этого циничного и подлого науськивания, взращивания в их неокрепших душах ненависти и вражды на протяжении всего курса школьного обучения...

Двинемся дальше по страницам того же учебника истории для 8-го класса. Годы идут, но ничего не меняется в горькой доле «украинцев» под «неслыханно жестоким» Русским игом: «Екатерина II преследовала цель не только лишить украинские земли остатков государственности, но и *уничтожить самобытную культуру украинского народа, его язык, превратить украинцев в нищих и слабых духом малороссов*»⁵⁹... «Вследствие целенаправленной *антиукраинской колониальной политики* царизма до конца 18 в. большая часть Украины была *превращена в колонию Российской империи*»⁶⁰... «Преобразование Левобережной Гетманщины в составную часть Российской империи сопровождалось *значительным ухудшением жизни украинцев*. Экономический и хозяйственный потенциал Украины *использовался* царизмом в многочисленных войнах»⁶¹. Например, русско-турецкие войны стали «*тяжелым бременем для Украины*», поскольку «*украинское население содержало российскую армию, а казацкие полки принимали непосредственное участие в походах*»⁶²... Итак, Россия *использовала* «украинцев», ее войны с Турцией — «тяжелое бремя», но (внимание!) присоединенные в результате этих войн территории... *неотъемлемая часть Украины!!!* Таков он, чисто **украинский паразитизм**: Русские и только Русские должны воевать и нести жертвы, особенно подчеркивается, что «украинцев» *принуждают против их воли* в этом участвовать, но плоды победы — **украинская собственность!**.. *Право* «украинцев» *паразитировать* за счет Русского Народа должно быть усвоено учеником как не вызывающая сомнений аксиома...

Те же темы развивает учебник для старших классов, посвященный периоду с конца XVIII до начало XX века. Из него школьник узнает, что «Украина» была *колонией России*, а «украинцы» — «резервуаром пушечного мяса» для российских военных авантур — «это была их *плата* за безгосударственное существование». «Украине» приходилось «кормить чужую армию и отдавать своих сынов на войну за чужие интересы»... Русские на «украинской земле» — *чужаки*, «имперская русская власть» *намеренно заселила ими юг и восток «Украины»* с целью последующего *отторжения* этих территорий в пользу метрополии⁶³... «Преступления русского царизма перед украинским народом» особо подчеркиваются славным житьем «украинцев» под властью Австро-Венгрии. Вот где страна была цивилизованная: и с образованием дело обстояло хорошо, и сейм местный действовал, и крепостные повинности добрые император Иосиф II с мамой отменили. Для пушей убедительности приведена цитата Грушевского: «Переход Галичины под власть Австрии был первым началом *возрождения украинской жизни* в Западной Украине»⁶⁴... В Восточной — под «русским гнетом» ничего подобного, конечно, не происходило. Теперь школьнику понятно и то, почему самостоятники в Галичине, этом «украинском Пьемонте», отнюдь не выступали за «нэзалэжність» от Австрии, зато настаивали на отделении Малороссии от России и присоединении ее к Австро-Венгерской империи: после мазепинских шведов не было у «украинцев» друзей лучше, чем австрийцы...

Так уродуют сегодня в Малороссии души и разум Русских детей, планомерно превращая их в **янычар**, ненавидящих собственный народ и призванных стать его злейшими, непримиримыми врагами. Весь учебно-воспитательный процесс построен таким образом, чтобы сформировать в сознании ребенка крайне негативное отношение к Русским и России: «*закабаление украинского народа*»... «*конец вольности*»... «*колония*»... «*насилие*»... «*ненавистный гнет*»... «*нечеловеческие муки и обиды, причиненные нам*»... «*введение крепостничества*»... «*притеснение украинского языка и культуры*»... «*вывоз зерна, угля, рыбы, железной руды*»... «*кровавая резня*»... «*неслыханный террор*»... «*смертные казни*»... «*ссылка в Сибирь*»... — такой отвратительный образ Русского народа

предстает в украинских учебниках истории. Татары, турки, поляки, евреи, немцы, — никто не удостоился подобной «честь», со всеми «украинцы», даже если иногда и конфликтовали, поддерживали и продолжают поддерживать нормальные человеческие отношения. Со всеми, *кроме Русских*. Чувства и эмоции, которые последние способны вызывать, строго отрицательны: отвращение, ненависть, страх, жажда мести, презрение, насмешка, злорадство...

Конечно, растление неокрепшего и неискушенного детского сознания русофобией, формирование его в духе ненависти к Русским и России не исчерпываются процитированными выше учебными пособиями. Глава украинского отделения Фонда Сороса Богдан Гаврилишин однажды похвастался, что его фондом выпущено около **90** наименований учебников по истории Украины «антиколониальной (т.е. антирусской) направленности». В некоторых из них авторы насчитывают до четырех «русско-украинских войн»!..

Детские впечатления — самые стойкие. Заложенные в юном возрасте основы мирозерцания и мировоззрения в последующем подвергаются известной шлифовке, но редко меняются кардинально. Пройдет каких-нибудь десять—пятнадцать лет, и миллионы сегодняшних украинских школьников станут взрослыми. Те, кто успешно освоил учебный курс, продолжат карьеру, в том числе и в структурах правящей «украинской элиты», станут определять приоритеты внутренней и внешней политики «Украины». Краеугольным камнем их мировоззрения и политических устремлений будет убеждение, сформированное еще в детском возрасте: смысл существования «самостийной и незалежной», ее историческое оправдание и геополитическое призвание заключены в непримиримом противостоянии *единственному и вековечному врагу*, соседской России. Это их убеждение получит мощную идеологическую и финансовую подпитку с Запада, а включение к тому времени Украины в НАТО придаст дополнительные импульсы и вдохновение. Дальнейшее предсказать несложно: многообразные проявления «холодной войны», отличающие современный этап российско-украинских отношений, плавно перерастут в войну «горячую». Совершенно немыслимая для се-

годняшних поколений людей, живущих в Малороссии, она станет явлением давно ожидаемым, закономерным и даже необходимым для их потомков. Основы этого величайшего мировоззренческого и психологического переворота уже сейчас буднично и кропотливо закладываются украинской школой...

* * *

На грядущую войну работает и тотальная кампания по выкорчевыванию на «Украине» Русского языка. «Языковый фронт» — еще одно звено в формировании *образа врага* из России и Русских. И хотя официально все проводимые в этой области мероприятия украинской власти преподносятся в качестве мер по «защите украинского языка» и утверждения его в качестве единственного «государственного», полное представление об их истинной подоплеке можно почерпнуть из даваемого им идеологического обоснования. Обратимся для примера к «Концепции государственной языковой политики», разработанной украинским Министерством юстиции в сентябре 2006 г. Ее положения вполне очевидно демонстрируют, против *кого* направлено острие этой политики.

Выразив обеспокоенность тем, что «Украина» может стать «легкой добычей тех государств, языки которых вытеснят украинский и станут господствующими», концепция откровенно указывает и на эти «государства». Собственно, оно одно, и это, разумеется, **РОССИЯ**: *«Особенно опасной является языково-культурная экспансия России, которая сопровождается потоками ненависти и пренебрежения к украинскому языку, украинской нации, украинской государственности и ставит своей целью вырастить из украинского гражданина русскоязычного украинофоба»*... Впрочем, «экспансия» это еще мягко сказано, на самом деле это — **ВОЙНА**, которая ведется против «Украины» уже три с половиной столетия: *«Нынешняя языковая ситуация на Украине является, прежде всего, результатом продолжительной войны против украинского языка, украинской идентичности и украинской государственности, которую Россия начала сразу после 1654 года и которая продолжается и сегодня в форме языково-культурной*

экспансии. После кратковременной приостановки политики ассимиляции Украины вследствие распада Российской империи в 1917 году ее в начале 30-х годов XX столетия снова возродил коммунистический режим Советского Союза»...

Итак, **«война»** против «Украины» ведется Россией уже триста с лишним лет! Министерский документ живописует ее коварство и жестокость: **«насильственная русификация Украины осуществлялась чрезвычайно интенсивно, планомерно и системно, в исключительно широких масштабах и с использованием наиболее жестоких и утонченных методов, вплоть до умышленного уничтожения миллионов носителей украинского языка, систематического искоренения украинской элиты и государственного вмешательства во внутренние законы развития языка»**... Подобная политика России, в свою очередь, дает полное право «украинцам» на объявление ответной войны Русскому языку. Однако, по мнению авторов документа, все украинские правительства, находившиеся у власти после 1991 г., так и не удосужились **«ни создать действенного механизма возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать языково-культурной экспансии России»**... Теперь все следует изменить и, прежде всего, **поставить вне закона тех, кто пытается сегодня на «Украине» отстаивать свое право на родной Русский язык: «Государственный статус украинского языка несовместим с пропагандой или другой практической деятельностью, направленной на введение другого государственного языка, каких-либо форм региональной языковой автономии»**... И прямая угроза в адрес тех областей **НОВОРОССИИ**, которые после мартовских выборов 2006 г. объявили на своей территории Русский официальным языком наряду с украинским: **«органы местной власти и органы местного самоуправления не вправе регламентировать статус языков и их использование своими актами»**. Подобные **«попытки введения официального многоязычия на национальном или региональном уровнях ... не могут квалифицироваться иначе как действия, направленные на языковый раскол страны, разжигание межэтнической вражды, нарушение конституционного строя и государственного единства Украины»**⁶⁵... То есть относятся к числу преступлений, подлежащих уголовному преследованию...

Такая вот «концепция». Тот факт, что она пока еще не обрела статуса *Закона*, не должен нас вводить в заблуждение. По большому счету, украинской власти *это и не нужно*. В самостийной «дэржаве» *законным* признается лишь право «украинцев» диктовать свою волю другим. Что касается Русских, то у них на «Украине» *никаких прав нет*. Поэтому за 16 лет самостийности украинские власти приняли **77 законов** и более **100 нормативно-правовых актов**, *ограничивающих* использование Русского языка. И это притом, что и украинская конституция, и закон Украины «О языках» (принятый еще в 1989 г. и до сих пор не отмененный), и международные договоры, ратифицированные украинским государством, *обязывают* его обеспечить полноценное функционирование во всех сферах общественной жизни именно Русского языка, как языка *большинства* украинских граждан. Но это — на бумаге. В жизни идет прямо противоположный процесс... Вот лишь некоторые эпизоды ведущейся против Русского языка *войны на уничтожение*.

В сфере образования за истекшие годы было закрыто свыше 3 тыс. Русских школ, что составляет более **60%** от их общей численности на 1992 г. При этом количество учеников, языком обучения которых является Русский, сократилось почти в **7 раз** — с более чем 3 миллионов до 480 тысяч. 25 декабря 2007 года министром образования Украины подписан приказ №1171 относительно внешнего тестирования желающих поступить в ВУЗы, каковым приказом внедрено тестирование *исключительно на украинской «мове»!* Абитуриентам, которые ею не владеют (а это, опять же, *большинство* выпускников школ!), для тестирования издевательски предлагается выдавать краткие словарики «с переводом основных терминов». Таким образом, большая часть молодежи (прежде всего, с Юго-Востока современной «Украины» — Новороссии) фактически лишена права на высшее образование, поскольку изначально поставлена в неравные конкурентные условия при поступлении в ВУЗы с выходцами из западных регионов. Перед тяжелым выбором поставлены и родители, вынужденные против своей воли и желания ребенка отдавать его в украиноязычную школу, зная, что выпускные экзамены их детям придется сдавать

исключительно на «мове». Кроме того, Министерство образования Украины осуществляет кампанию неприкрытого шантажа учебных заведений, где преподавание все еще ведётся на Русском... Полностью вытеснен Русский язык из сферы науки, государственного управления, медицины. В законах о суде установлено требование, чтобы все административное, гражданское и уголовное судопроизводство велось исключительно на укрмове...

Ускоренными темпами уничтожается Русский сегмент электронных СМИ — от 75% до 100% их эфира должно быть строго на украинском. Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания с каждым годом усиливает административное давление на телерадиокомпании, которые ведут вещание на Русском языке, и ужесточает меры для его окончательного вытеснения из эфира. Так, своим решением №1787 (от 12.12.2007) он обязал кабельных операторов отказаться от ретрансляции всех зарубежных телеканалов (главным образом *российских*), из-за того, что они не переведены на украинский язык. В перечень русскоязычных каналов, снятых с показа на «Украине», Национальный совет внес познавательные каналы «Дискавери», «Детский», «Культура», «Школьник» и им подобные. Зато в этот список не попали эротические каналы XXL, Adult channel, каналы сексуальных меньшинств. Подобная избирательность — еще одно свидетельство того, что в представлении украинских чиновников Русский язык представляет большую угрозу, чем порнография... Решение Нацсовета №540 (от 19.03.2008) устанавливает нормативы объемов программ и передач, подготовленных на украинском языке, в объемах не меньше **80%** (с 1.09.2009) и **85%** (с 1.09.2010) от *общего вещания для всех теле- и радиоканалов*. И это притом, что подобные нормативы прямо противоречат статьям 10-й, 11-й и 92-й конституции «Украины» (в части гарантирования «Украиной» свободного развития, использования и защиты Русского языка и регулирования этого вопроса исключительно законами), а также идёт вразрез с законами Украины «О ратификации Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств», «О языках», «Об информации», статье 10-й закона Укра-

ины «О телевидении и радиовещании» и еще множеству других...

В титаническую работу по искоренению родного языка Малороссии вовлечены все украинские ведомства, даже совершенно далекие от «языковой политики». 18 января 2008 года *Министерство культуры и туризма* «Украины» издало приказ №1 «О дублировании, озвучивании или субтитровании государственным языком иностранных фильмов». Этим приказом Государственной службе кинематографии запрещается выдавать субъектам кинематографии государственное удостоверение на право распространения и демонстрации фильма, если фильм не дублирован (озвучен или субтитрирован) украинской «мовой»... 25 марта 2008 года *Министром транспорта* «Украины» подписан приказ №332 «Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня использования украинского языка в сфере транспорта и связи». Пункт 1-й плана устанавливает требование ведения делопроизводства и переписки исключительно на укромове в подразделениях Министерства транспорта и связи. Пункт 2-й обязывает обеспечить проведение совещаний, семинаров и других собраний только на украинском новоязе. 8-й пункт — требует использования исключительно «мовы» в работе с пассажирами; 9-й — требует изготовления всей информационной продукции лишь на «украинском языке»; 13-й — заполнения проездных документов исключительно по-украински; 15-й — размещения на веб-страницах информации только на украинском волапюке...

Представление о том, какими бессмысленными трудностями переполняет жизнь все это украиномовное беснование, дает рассказ донецкого бизнесмена: «Я занимаюсь производством продуктов питания. У меня несколько предприятий этого направления... В процессе работы предполагается постоянное общение: с налоговой службой, Пенсионным фондом, банком, статистической службой, отделом занятости, многочисленными партнерами. И представьте себе: сначала мы составляем документацию на русском языке, потом со словарем *переводим* ее на украинский и отправляем адресатам. Наши партнеры получают, начинают переводить на русский. Наконец, понимают, чего мы хотим.

Сочиняют нам ответ на русском, потому что это наш общий язык мышления, затем *переводят* на украинский, потому что его сделали обязательным рабочим языком, и направляют нам. А дальше все пошло по новому кругу»⁶⁶...

Впрочем, возникающие «трудности перевода» — лишь внешняя сторона проблемы, и не самая важная. Кампания по борьбе с Русским языком перманентно провоцирует *открытую агрессию* против его носителей. Даже если речь идет о *детях*. Например, в Киеве учеников за то, «что они разговаривают в школе на переменах на русском языке, учителя украинского (случай из жизни Печерского района) называют «хам», «свинья», «скотина» и угрожают заставить носить таблички на груди с надписью: «Я украинец, но не разговариваю по-украински»»⁶⁷... Этот вопиющий пример, помимо прочего, демонстрирует нам и ту реальную роль, которую играют преподаватели украинского новояза в разжигании ненависти к Русскому народу. Даю показательный в этом плане фрагмент изложения для учеников 6-го класса (его передала мне в 1996 году знакомая из Харькова): «Край наш родной, наша земля — это Украина. А потому и мы называемся украинцы. Когда Россией правили петербургские цари, они *велели всем называться «русскими»*. Но мы *не «русские» и не «малороссы»*, а только украинцы, а наш родной край — Украина. И будь ты маленький или взрослый, ты обязан с гордостью называть себя своим именем» ... А вот «воспитательный час» в одной из донецких школ: 7-й класс. Классная руководительница, рассуждая о патриотизме и любви к Родине, следующим образом объясняет детям русскоязычие Донбасса: «Когда-то здесь жили *одни украинцы*, разговаривали по-украински и пели наши чудные украинские песни. А потом нашу землю *захватили Русские цари и заставили всех говорить по-русски*. Вот почему ваши родители и вы, дети, общаетесь не на украинском языке. И только честные, порядочные, достойные люди сегодня говорят на «ридной мови»... Детям дают понять: они и их родители — люди *нечестные, непорядочные и недостойные*. Во всяком случае, до тех пор, пока не начнут «розмовляти українською мовою»... Вот так, как когда-то в Галиции учителя австрийских гимназий, их сегодняшние духовные наследники в украинских школах уродуют сердца и

души Русских детей. Жительница Ровно Лидия Свадеба описывает следующий характерный случай: «Девчушка приходит после занятий домой и говорит родителям: «В школе записывали вашу национальность, я ответила, что мои папа и мама украинцы». Мать удивлена: «Но я же русская!». Дочь в слезы: «Мама, не говори в школе, что ты русская, мне в классе будет плохо». Страх ребенка понятен: во дворе дома, где живет Л. Свадеба, детишки уже подсчитывают, в каких квартирах живут Русские. На вопрос: «Зачем вы делаете это?» — они с искренней непосредственностью поясняют: «Считаем, сколько квартир у нас освободится, если всех русских выгнать туда, в Россию»⁶⁸... А вот и некий итог этой русофобской кампании. Его озвучил, выступая в Донецке, В. Янукович (16 октября 2008): «Люди, даже *дети*, которые пошли в первый класс и никогда не говорили на украинском, испытывают *издевательства*. Их сейчас заставляют разговаривать на украинском языке. Они приходят домой, *плачут*, и не хотят идти в школу, и таких примеров очень много... Студентов с юго-востока Украины стало намного меньше по одной причине, что они не могут пройти тесты на украинском языке»⁶⁹...

Такова украинская «гуманитарная политика». И здесь выступает еще одна цель *войны* против Русского языка. «Язык народа, — по определению карпато-русского историка В.С. Вилинского, — не только формальный, но и духовный его орган: *он хранит в себе всю сокровищницу его мирозерцания, его истории, быта, его духовных устремлений и достижений*, — все чувствование им национальной жизни. *Забывая язык, нации забывают свое прошлое, перестают понимать связь и преемственность с ним своего настоящего, меняют свое мировоззрение, т.е. денационализируются*»⁷⁰. Таким образом, вытравливание Русского языка на нынешней «Украине» — не просто акт вопиющей русофобии, но еще и зримое проявление осуществляемой украинским государством *политики геноцида Русского Народа*. «Бывает геноцид физический, а бывает — национально-культурный. Его называют: этноцид. Рабочая группа по коренным народам при ЮНЕСКО понимает под этим термином *любое действие, направленное на лишение этнических черт или идентичности, любые формы насильственной ассимиляции или интеграции, принуждение к*

*переходу к чуждому образу жизни и любую пропаганду против коренных народов». Когда происходит массовое переименование географических и прочих пунктов, переписывание истории, уничтожение национальных и культурных памятников, гонение на национальную религию, запрет и ограничение родного языка, насильственное (т.е. осуществленное в условиях политического, силового или экономического давления) *изменение национальности людей*, — это все и есть этноцид». Иными словами, этнический геноцид Русских, осуществляемый на «Украине» — это *насильственная ассимиляция* их в «украинцев», насильственное принуждение к отречению *«от своих корней, своей истории, своего языка и культуры, своей крови, своих святынь, своей религии»*⁷¹...*

Эта политика, осуществляемая украинским государством, уже приносит и свои черные плоды. Далеко не случайно проведенная на «Украине» в декабре 2001 года перепись населения показала резкое сокращение количества граждан, идентифицирующих себя в качестве Русских. Из опубликованных официальных данных этой переписи видно: убыль населения «нэзалэжной» происходила на 80% за счет тех, кто официально признавался Русским по национальности⁷². Конечно, здесь следует учитывать и общее вымирание населения, и манипуляции с цифрами проводивших перепись учреждений, но помимо этого, возрастающая убыль Русских является и следствием *сознательного отказа* от своей подлинной национальности. Вот как описывает ее воздействие на украинских граждан участник переписи А.Н. Бураков:

«Хочу поделиться некоторыми своими наблюдениями участника переписи населения на жилом массиве Троещина в Киеве. Согласно статистике, здесь проживает около 300 тысяч человек. Замечу, что для получения объективных данных немаловажную роль играет личность переписчика.

Приходится признать, что 10 лет зомбирования, притеснения и запугивания русских, выдавливания их из структур власти в «нэзалэжной» Украине, для многих из нас не прошли даром. И это, увы, подтвердила перепись.

Называя себя русскими, многие опрашиваемые как бы стеснялись или боялись чего-то. Такое впечатление, будто за последние 10 лет у них сформировался комплекс неполноцен-

ности. Это очень тревожный симптом. Ибо с подавленным, растерянным, неуверенным в собственных силах человеком можно делать всё, что угодно...

Не могу забыть 60-летнего мужчину, человека с двумя высшими образованиями, уроженца Вятской губернии, приехавшего когда-то на Украину по распределению и отдавшего ей почти 40 лет трудовой жизни.

Красивое, умное лицо русского интеллигента выдавало внутреннее смятение, когда на вопрос о национальности он дрогнувшим голосом ответил, что с некоторых пор он украинец.

— Как же так? — удивился я. — Национальность жены, что ли, приняли?

— А так. Украина провозгласила независимость, и я как законопослушный гражданин обязан подчиниться. Родственники в России отрезаны границами, поехать к ним в гости не на что. Здесь же у меня взрослые дети. Не хочу, чтобы у них возникали трудности при продвижении по службе.

Он говорил на ломаном украинском, и мне от души было его жаль.

— Говорите на родном! — поощрил я его. Он смутился, а потом принялся оправдываться:

— Откуда мне знать, как настроен переписчик?..

Такая вот конъюнктура! Чтобы не попасть под «острел», человек отрекся от самого себя, от своей русскости, от своих родных.

Когда я поделился своими впечатлениями об организации переписки со своими друзьями, которых опрашивали в Старокиевском — центральном районе столицы, хозяйка дома потрясла меня своим рассказом:

— Кем только не назовешься, лишь бы тебе не капали на мозги! Я, к примеру, в знак протеста против насаждаемой русофобии назвалась... полькой. Хотя вообще-то я украинка. Но училась на территории военного городка, воспитывалась на русской культуре, окончила русское отделение филфака Киевского университета. Да и муж у меня русский. Разумеется, украинским я владею свободно, и родными назвала два языка, но предпочтение все же отдала русскому. В ответ переписчица, кстати, дворник по профессии, призналась: «А в нашем районе все так отвечают». И внесла в графу...

украинский язык. «Вам ведь все равно», — констатировала она.

— Не проще ли было назваться русской или украинкой? — спросил я.

— Видите ли, — ответила собеседница, — я родилась в сельской глубинке, место рождения в анкету уже было внесено, поэтому в мое русское происхождение при переписывании анкеты вряд ли бы поверили. А вот при девичьей фамилии, оканчивающейся на «-ская», «польку» проглотят. Тем более, коль уж нашей **«национальной элите»** сегодня милее **полячки, чем русские**, то, как говорится, **«Нате вам!»**.

А украинкой не назвалась только потому, что мне стыдно за украинскую интеллигенцию, яростно выступающую против русского языка и русской культуры. Вот уже и образовательную вертикаль (детсад — школа — вуз) сломали.

Вы бы видели, как **безграмотно пишут сегодня школьники!** Ничего удивительного: дома и на переменках они общаются на разговорном русском, но знания литературного языка они лишены. **Это делается сознательно, чтобы убить русский язык на Украине.** Я не могу на это спокойно смотреть! **Киев всегда был русскоязычным городом** (за исключением того времени, когда находился под Польшей). Зачем же насильственно его украинизировать? Пусть каждый говорит на том языке, который ему ближе. Именно в знак протеста против того, что переписчица не записала моим родным языком русский, я и назвалась полькой.

Услышанная история, повторяю, меня поразила.

Поглядят на «результаты» такой переписки хлопцы из Мин-проса, общества «Просвіта», Руха, блока «Наша Україна» и, вполне вероятно, скажут: **«Клятих москалів залишилось зовсім мало. Майже у всіх рідна мова — українська. То навіщо нам впроваджувати ще одну державну мову — російську? Навіщо нам російські школи, книги, теле— і радіопередачі? Україна — для українців!»**⁷³...

Что ж, на войне как на войне. Даже если ведется она пока на духовном уровне, все равно уже есть в ней свои «убитые» и «раненые». Или, если угодно, **взятые в плен**. И число их не мало, и с каждым годом прибывает. А ведь это лишь **начальный этап** войны, когда бои идут преимущественно в сфе-

ре идеологии и психологии. И уже такие потери с Русской стороны. А дальше будет еще жарче. Ведь не все Русские столь податливы, не все готовы поступиться своей национальностью, отказаться от родного языка, родной истории, наплевать на память и могилы своих предков. С такими «украинцы» не намерены церемониться, и в их арсенале на этот случай имеется не раз уже испытанное средство — *физический террор*. Именно к нему всё чаще и чаще прибегают украинские сепаратисты в развязанной ими войне против Русского народа...

Глава 8. «Наша власть должна внушать ужас!»..

Захват первых рубежей

Запугивание и устрашение оппонентов средствами террора имеет давнюю традицию в украинском движении. Достаточно вспомнить эпоху его зарождения в Галиции в конце XIX — начале XX столетия, когда в своей борьбе против Русских «украинцы», наряду с потоками гнусной лжи и клеветы, широко использовали и методы физического насилия, включая убийства наиболее видных деятелей противостоящей стороны. В дальнейшем террористическая составляющая украинского движения все более в нем укоренялась и «творчески» развивалась, обретая на каждом новом этапе и соответствующее идеологическое обоснование. Если в Империи Габсбургов украинский террор осуществлялся под флагом «австрийского патриотизма», то сегодня — как мера по предотвращению «российской агрессии» и, так сказать, превентивного уничтожения потенциального противника... *«Рядом с вами живут люди, которые хотят вашей смерти, и не просто живут, а делают всё, чтобы сжить вас со свету»*, — такого рода «открытием» некий Ромко Малко поделился с читателями газеты «Українське слово» (21 февраля 2002 г.) в статье «Они ненавидят Украину». И весьма красочно «обосновал» свой основной тезис:

«Не так давно американской властью был предан гласности список террористов — организаций и людей, которые, с ее точки зрения, представляют угрозу для развития демократии.

Оставим информацию для размышления, но воспользуемся прецедентом в своих, мягко говоря, благородных целях... В одном из последних номеров наша газета сообщала о коллизиях, связанных с так называемым «Русским блоком». Чтобы проблема была более понятна, мы решили углубиться в недра предвыборных баталий и представить на рассмотрение шановного панства небольшой список тех, кому все мы вместе со своей Украиной стоим поперек горла. Возможно, вы даже не догадываетесь, что человек, который каждое утро выгуливает в вашем дворе песика и приветливо здоровается, на самом деле желает видеть вас в гробу в белых тапках.

Это не шутка. Все очень серьезно. Итак, о списке. Изучивши внимательно избирательный список «Русскава блока», мы сделали примерно такую систематизацию, что касается наиболее националистических областей Украины.

Итак, вниманию львовян. Возглавляет список Свистунов Александр Григорьевич, председатель «Русскава блока» (РБ), Русского движения Украины (РДУ) и партии «За Русь единую» (ЗРЕ) — этот, так сказать, всему голова — мозг и кость. Лютиков Олег Юрьевич, главный редактор Издательского дома «Цивилизация», заместитель председателя РБ, РДУ и член ЗРЕ. Еще один интересный персонаж — Кравченко Владимир Владимирович, директор СШ №45 города Львова. Чему же он, горемыка, наших деточек научит, дорогие львовяне, вечно «буржуазные националисты»? Астахов Альберт Викторович — пенсионер, наверное, бегал по лесам, отстреливал оуновцев или отправлял эшелонами «на курорт»...

Второе место поделили между собой Ровно и Тернополь. Вниманию тернопольцев! Учительница школы №4 Комарова Светлана Игоревна **не любит Украину, хочет загнать ее в братские лапы северных медведиков.** О том же мечтает Казанцев Александр Васильевич, сторож. К счастью, таких в Тернополе не очень много.

Ровно представляют Батаров Геннадий Борисович, председатель областной ЗРЕ и щирый украинец, Андриенко Александр Васильевич, директор ООО «Гардарика», член партии «Русско—Украинский Союз»...

Для любознательных даем список **врагов украинской нации** — жителей Киева. Итак, вниманию киевлян и гостей столицы: Симоненко Иван Петрович, сопредседатель РБ, председатель партии «Русско—Украинский Союз» (РУС), Пиляев Игорь Славович, главный консультант секретариата комитета Верховной Рады Украины по иностранным делам, заместитель председателя РДУ; Найда Олег Георгиевич, заместитель руководителя секретариата ЗРЕ; Вишневецкий Георгий Васильевич, главный редактор газеты «Русский мир», частный предприниматель... Завершает этот позорный перечень безработная жительница Белой Церкви Вареник Наталья Владимировна, которой, очевидно, в обмен на **ненависть к родной нации** пообещали трудоустройство на тюменских шахтах.

Перечислять «героев» других регионов Украины нет смысла. Они там точно есть, и если в Тернополе боятся показывать нос из норы, то в Харькове чувствуют себя, как у Бога за пазухой.

Что ж, читайте, мотайте на ус, думайте и делайте выводы»¹...

Вот такой список «врагов украинской нации» с откровенным на них науськиванием без всяких опасений публикует украинская газета. Опасаться и в самом деле нечего. Когда в марте того же года Русский Блок обратился в суд Печерского района г. Киева с иском о закрытии газеты «Українське слово» за целенаправленное разжигание межнациональной розни и ненависти к Русским, предоставив в качестве доказательства статью «Они ненавидят Украину», суд принял 22 мая решение *иск отклонить*, мотивируя это тем, что статья была опубликована в период предвыборной кампании. По украинским понятиям разжигать ненависть к Русским и открыто призывать к террору против них в период выборов, по-видимому, дело абсолютно законное. Между тем всем, причастным к украинской политике, и судьи здесь не исключение, прекрасно известно, с *какой целью* публикуются подобные материалы в украинской прессе, и к каким практическим следствиям ведут. Хроника антирусского террора в Малороссии демонстрирует это со всей очевидностью...

17 мая 2001-го. Львов: ночью взорван вход в Русский культурный центр... 29 мая 2001-го. Белая Церковь: нападение группы «украинцев» с применением угроз и физического насилия на собрание активистов Русского Движения Украины... 29 декабря 2001-го. Полтава: неизвестными лицами избит заместитель руководителя Русского Блока в Полтавской области В.Ф. Шестаков... Двумя неделями ранее (16 декабря 2001 г.) в Киеве группа вооруженных дубинками «украинцев» напала на участников учредительного собрания городской организации «Русское молодежное движение Украины». Около 16.30 полтора десятка молодчиков в черных масках и с дубинками ворвались в помещение, где собралась киевская молодежь. С криками «*Бей кацапов!*», «*Бей москалей!*» они бросились избивать дубинками и стульями участников собрания, среди которых были женщины. В результате на-

падения восемь человек получили множественные телесные повреждения разной степени тяжести в области головы, лица, рук. Среди пострадавших — руководитель городского отделения Русского Движения Украины Василий Кулешов (тот самый, из «списка»!). Активисты Русского молодежного движения оказали нападавшим сопротивление, в результате чего молодчики вынуждены были бежать. Один из них был задержан и передан в руки работников Святошинского райотдела милиции. Им оказался внештатный сотрудник газеты... «Українське слово» Р. Солонец²...

Только два года спустя (25 декабря 2003) Святошинский суд г. Киева вынес, наконец, приговор по делу о нападении на Русскую молодежь. Этот случай, кстати, стал первым, когда дело по фактам насилия в отношении активистов Русских организаций было не только доведено до суда, но и завершилось вынесением приговора. Судебные слушания начались еще 20 августа 2002 г. под председательством судьи Ясельского. Состоялось свыше 10 судебных заседаний, во время которых обвиняемый, Руслан Солонец, под разными предлогами затягивал судебное разбирательство. И только через год с лишним был вынесен приговор. Солонец был признан виновным в том, что 16 декабря 2001 года, по предварительному сговору с *неустановленными* (почему-то!) следствием лицами, совершил хулиганские действия против участников собрания Киевской городской организации Русского молодежного движения Украины, что подпадает под ч. 4 ст. 296 УК Украины. За совершенные действия суд лишил его свободы сроком на три года. Впрочем... учитывая, что у осужденного двое несовершеннолетних детей, отбывать наказание он будет *условно*³. Трудно квалифицировать решение суда и характер проведенного следствия иначе, как откровенное глумление над законом и неприкрытое поощрение антирусского террора. Собственно, так и воспринимают действия украинских органов правопорядка сами самостийники, без всяких опасений продолжая совершать бандитские нападения на Русских людей.

13 января 2002 г. в Чернигове было совершено покушение на руководителя областного отделения Русского блока, председателя Черниговской областной организации партии

«За Русь единую» Григория Петровича Зинченко. Двое неизвестных напали на него на лестничной площадке дома, в котором он живет, и нанесли удары тяжелым предметом в область головы. Продолжить расправу над пожилым человеком помешали соседи, появление которых заставило нападавших скрыться. Результатом покушения стала госпитализация Г.П. Зинченко с тяжелой формой сотрясения мозга, переломом носовой перегородки и значительной потери крови⁴. Зинченко никогда не занимался предпринимательством и никому ничего не был должен, так что экономические мотивы преступления сразу отпадают. Исключается и версия нападения с целью грабежа — преступники могли бы расправиться с пожилым человеком еще в лифте, но они устроили показательное избиение. Его заказной характер очевиден. Косвенно это подтвердило и весьма странное поведение черниговской милиции. Только через полтора часа на место преступления вместо оперативной группы прибыл участковый уполномоченный, пообещавший разобраться во всем... с утра в понедельник (покушение было совершено в субботу). Понятно, что и это «разбирательство» завершилось ничем. И, как следствие, очередной виток запугиваний и насилия... 30 января 2002-го. Киев: поджог штаб-квартиры Русского Блока... 6 февраля 2002-го. Киев: поджог помещения Российского медиацентра... 8 июля того же года в центре Киева на ст. метро «Университет» сепаратистами был избит распространитель газеты «Русский мир» Валерий Борисович Гайнов. Часть газет приведена в негодность...

* * *

Все вышеприведенные факты свидетельствуют: в Малороссии за годы самостоятельности сложилась детально разработанная и последовательно осуществляемая система морального и физического террора против Русских, руководимая тайными структурами, тесно связанными с органами государственной власти, ими финансируемая и направляемая. При этом тотальному запугиванию и физической расправе подвергаются не только те, кто потенциально способен оказаться сторонником возвращения Малороссии в состав России, но и все, кто хотя бы в малейшей степени оппози-

ционирует себя существующему украинскому режиму, все более обретающему черты уродливого бандеровского тоталитаризма. Для их запугивания и моральной деморализации используются любые средства, включая и *убийства*. Так, в подъезде своего дома во Львове 26 октября 1999 года был убит Русский ученый В.И. Масловский. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы и перелома шейного участка позвоночника.

Доктор исторических наук, профессор Виталий Иванович Масловский стал известен благодаря своим работам, разоблачавшим преступления бандеровцев во время Великой Отечественной войны. После публикации в 1991 г. книги «ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ. Организация украинских националистов: документы и материалы» (М.: «Универсум», 1991), одним из авторов которой являлся В.И. Масловский, его уволили с работы в Институте общественных наук западноукраинского отделения АН Украины. С тех пор в течение почти десятилетия ученый оставался безработным, живя на небольшую пенсию, которую получал как инвалид Отечественной войны. Однако это не сломило волю В.И. Масловского. В условиях моральной реабилитации бывших «вояк» ОУН—УПА и возведения их в ранг «национальных героев», якобы боровшихся «за вызволения Украины», он в многочисленных статьях и выступлениях продолжал разоблачать человеконенавистническую суть «украинского национализма» и его чудовищные преступления.

Десять лет ученого травили как «ворога нэзалежной Украины», неоднократно угрожая расправой и через прессу, и лично — и, в конце концов, убили. Смерть настигла В.И. Масловского сразу же после выхода в свет очередной его книги «С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны» (М.: «Славянский диалог», 1999). Излишне говорить, что и это подлое политическое убийство было списано властью на очередных *неизвестных*, которых, конечно же, не удалось найти, — тем более, что их никто и не искал. Жена покойного, запуганная угрозами и шантажом, отказалась даже от возбуждения уголовного дела, заявив, что ее муж умер своей смертью. Впрочем, понять мотивы, толкнувшие вдову на столь кощунственную

ложь, можно. Вряд ли ей удалось бы добиться привлечения к ответственности убийц ее мужа. Ведь любое преступление на самостийной «Украине», даже столь резонансное, как убийство, отмеченное мотивами украинского «патриотизма», *наказанию не подлежит*. Даже если совершается среди белого дня и получает максимальное освещение в средствах массовой информации...

В полдень 9 марта 2000 г. в Киеве с десятков вооруженных пистолетами молодчиков (среди которых была одна девушка) ворвались в здание ЦК КПУ на Борисоглебской улице, и, как показала охрана офиса, с выкриками «*Украина — для украинцев!*» и «*Запретить КПУ!*» поднялись в приемную второго секретаря КПУ, депутата Верховной Рады Адама Мартынюка, против которого применили слезоточивый газ, затем облили с ног до головы бензином и пригрозили поджечь. По свидетельству пострадавших сотрудников секретариата КПУ, нападавшие угрожали им пистолетами и громили мебель при помощи специально принесенной с собой кувалды, после чего забаррикадировались в здании, облив пол и стены бензином. Вскоре на фасаде был вывешен транспарант «*Неделимая свободная Украина от Карпат до Кавказа*».

Некоторое время спустя нападавшие объявили, что являются членами молодежного союза «Самостийна Украина», и передали свои требования. Они включали: законодательный запрет партий и других организаций, которые ведут «*подрывную антиукраинскую деятельность*», немедленный выход Украины из СНГ, прекращение каких-либо контактов с «*террористическим режимом Путина*», проведение люстрации (чистки госаппарата от Русских и коммунистов), реорганизация госорганов принуждения и фискальных органов, признание за воинами Украинской Повстанческой Армии (УПА) статуса ветеранов Второй Мировой войны. Среди требований также находились: вывод Черноморского флота РФ с территории «Украины» и «*дерусификация и деколонизация*» украинского государственного образования и науки (т.е. акция носила не столько антикоммунистический, сколько *антирусский* характер).

По требованию нападавших переговоры с ними провел лидер одного из Рухов Геннадий Удовенко. Через него были

переданы дополнительные требования: огласить заявление террористов в СМИ, предоставить доступ к прямому телеэфиру, организовать выступление на радио «Свобода» и допустить их к тогдашнему премьеру Виктору Ющенко.

К вечеру на связь с правоохранительными органами вышел один из забаррикадировавшихся, который представился как «адвокат» молодых людей. Он попытался торговаться на предмет сдачи экстремистов властям. Затем хулиганам даже предоставили возможность провести пресс-конференцию, на которой стало известно, что на контакт с террористами власти все-таки пошли.

Выяснилось, что их всего 11 человек, в основном, студенты киевских вузов. По предварительной информации, возглавлял группу учитель одной из школ Ватутинского района города. Все они были арестованы. Им предъявили обвинения по статьям Уголовного кодекса Украины 187-й, ч. 5 (насильственный захват зданий — наказывается лишением свободы до 5 лет или исправительными работами сроком до 2 лет), и 190-й, ч. 2 (нанесение телесных повреждений — предусматривает наказание в виде лишения свободы до 2 лет или исправительные работы сроком до 3 лет)... Впрочем, для широкой публики так и осталось неизвестным, были ли кто-нибудь осужден по данному делу, украинские СМИ обошли молчанием результаты судебного разбирательства (если таковое вообще имело место), зато сразу же по горячим следам поспешили объявить налетчиков «настоящими героями», уподобив их студентам, которые в январе 1918-го пытались под Крутами остановить наступление на Киев большевицкой армии Муравьева. Ждать, что украинский суд привлечет к ответственности «украинских героев», по меньшей мере, наивно! Все структуры самостийной власти не только прикрывают, но и всемерно поощряют антирусские акции, каким бы вопиющим нарушением закона они не сопровождалась.

Еще один эпизод этой нескончаемой войны.

4 ноября 2006 г. представители Русских организаций Малороссии решили в Киеве возложить венки к памятнику Богдану Хмельницкому. Дата была выбрана неслучайно — это день Русского Национального Единства, государствен-

ный праздник России (и церковный праздник Казанской иконы Божией Матери). Когда представители Русских организаций, числом около сорока человек, прибыли на Софиевскую площадь Киева, их уже поджидала толпа «украинцев», сразу начавшая истошно орать проклятия и угрозы Русским и России, вроде *«вы нам за Батулин ответите»* или *«москалей — в могилу»*. Киевский ОМОН отеснил украинскую толпу от памятника, что позволило представителям Русских организаций возложить к нему цветы. Тем не менее, одному из «украинцев» удалось подбежать к памятнику и пнуть ногой венки. Цветы разлетелись по тротуару, а милиция задержала хулигана. Толпа «самостийников» дружно стала скандировать: *«Русские ублюдки, вы за все ответите»*, *«москалей — на ножи!»* — и всё в таком же духе. Это продолжалось до тех пор, пока представители Русских организаций в плотном окружении ОМОНа не добрались до своих автобусов.

Одна из девушек, участвовавшая в акции с украинской стороны, заявила корреспонденту «Нового региона»: «Мы сюда пришли, чтобы помешать издеваться над нашей державой. Мы редко вспоминаем, что «Прорыв», витренковцев и другие пророссийские организации финансирует Путин. Он финансирует их, засылает своих лазутчиков, ведь цель России — восстановить российскую Империю. Поэтому наш главный враг — путинская Россия».

Примечателен комментарий и Русской стороны. Своими впечатлениями поделился депутат Харьковского горсовета, активист Русского Движения Украины Сергей Коновалов: *«Националисты кричат: «москалей — на ножи!», а милиция спокойно за этим наблюдает»*. Еще один участник, посвятивший статью этому событию, Виктор Шестаков отметил: *«Кому-то в администрации города или в управлении внутренних дел очень хотелось, чтобы на Софиевской площади прошел очередной антирусский и антироссийский шабаш и кто-то специально «слил» информацию. Иначе как понять, что о проведении акции возле памятника Хмельницкому узнали именно те, кому подобные мероприятия как кость в горле»*⁵... Все прекрасно понимают: без направляющей и указующей деятельности украинской власти правоохранительные органы

не проявляли бы столь странной пассивности и односторонности в подобного рода конфликтах.

Нет, невидимая рука направляет украинскую ненависть в строго заданном направлении. Тот же клич *«москалей — на ножи!»* реял над беснующимися толпами во Львове после случайной гибели в мае 2000 г. малоизвестного львовского композитора И. Билозира, ставшего жертвой пьяной драки. Конфликт разгорелся из-за того, что И. Билозир мешал слушать подвыпившей компании «русские блатные песни». И хотя национальность напавших на него предпринимателя и офицера украинской армии вначале не была объявлена (хотя позже стало известно, что они — «украинцы»), гибель композитора стала поводом для организации очередного антирусского шабаша. В течение трех недель город был захлестнут стихией митингов и шествий. Среди выдвигаемых требований *«немедленное выселение всех русских с Украины»* являлось самым «мягким». Кафе, где случилась трагедия, было разгромлено озверевшей толпой. Органы правопорядка, как и во всех подобных случаях, заняли позицию «невмешательства», иными словами, *прямого поощрения* русофобского беснования толпы. Примечательно, что установленная впоследствии в центре Львова надпись гласила, что И. Билозира убили «росийско-мовни вбивци». Вот так даже сугубо уголовный конфликт, словно по мановению волшебной палочки, превращается в повод для нагнетания антирусской истерии. И так день за днем, месяц за месяцем, вот уже в течение семнадцати лет.

Показательна в этом плане реакция «украинцев» на гибель своих земляков, например, в той же *Польше*. Поляки, вложившие немало сил и энергии в создание искусственной нации «украинцев», тем не менее, всегда относились к ним и продолжают относиться как к *быдлу*, рабочему скоту, людям «второго сорта», и, с чисто шляхетским высокомерием, не стесняются открыто проявлять свое презрение. Вот как вспоминают свою жизнь на заработках в современной Польше женщины из «Украины» (1998): «Отношения с хозяевами? А их и не было. Они в буквальном смысле считали нас *рабочим скотом*. Где-то через месяц после начала нашей

работы Тадезий поссорился с местными батраками, и те от него ушли. Вечером к нам подошла Стефания и приказала:

— Людмила, Наталья и Вероника, идите убирать свинарник.

Наталья не выдержала и возмутилась:

— Мы не договаривались работать по 15 часов в день!

Стефания резко развернулась и ударила ее кулаком в лицо, разбив губы:

— Не хочешь работать — убирайся! Никто тебя не держит, и платить не собирается!

И женщины, сцепив зубы, отправились убирать...

Или другой случай. Анне в теплице стало плохо, и она упала прямо на помидоры. Хозяин от злости исполосовал ее ремнем да еще оштрафовал на 15 долларов.

Когда приходили себе в комнату, не было сил даже плакать»⁶...

Подобное *скотское* отношение к гражданам соседнего государства, которых нужда гонит в Польшу на заработки или за товаром, имеет и свою мартирологию. Только за два года (2001—2002) из Польши на родину было отправлено 270 (!) гробов погибших украинских «челноков» и «заробитчан». Сергея Кудрю польский полицейский застрелил прямо на глазах его беременной жены, хотя, по ее свидетельству, муж никакой агрессии не проявлял. Их машину, следовавшую из Чехии, в Люблинском воеводстве остановили якобы за превышение скорости. Полицейский грубо вытащил С. Кудрю из машины, повалил на землю и выстрелил в голову. Об этом вопиющем случае сообщили всего лишь несколько украинских газет. Они же обнародовали и общую статистику погибших. Этим дело и ограничилось. Никаких официальных демаршей, заявлений или попытки разобраться в происходящем с украинской стороны не последовало. Как в рот воды набрали и украинские СМИ. Дело самым откровенным образом было замято. Не последовало никакой реакции и со стороны так называемых «украинских националистов». 270 гробов!.. а во Львове тишина: ни факельных шествий, ни манифестаций, ни истерических возгласов «поляков — на ножи!» или хотя бы пары газетных статей с призывом «дать пшеку в рыло!»...

Ничего, полная тишина. «Украинский патриотизм» проявляет себя строго избирательно...

В том же 2002 году «Русский вестник» опубликовал следующее письмо из Новороссии. Воспроизвожу его почти полностью:

«Пишет Вам Пшеничный Алексей из города Краматорска Донецкой области.

Сообщаю Вам, что в субботу 10 августа я был избит во дворе собственного дома. Били подонки, говоря: «Тебя же предупреждали, чтобы ты уезжал подобра-поздорову отсюда». Да, во время распространения русских патриотических газет мне часто приходилось слышать от антирусской нечисти угрозы и выражения типа: «убирайся в свою Россию». Я всегда им отвечал, что из России я не уезжал никуда, что Краматорск, как и Донбасс — исконно русская, Российская земля, и мы, русские, будем здесь защищать Россию.

Надеяться на то, что тех, кто бил, накажут, — глупо и бессмысленно. Тем паче они — всего лишь исполнители, а вот заказчики кто?..

Поэтому я прошу сообщить об этом случае в «Русском Вестнике», а также по возможности передать и в другие патриотические издания. А также, пользуясь случаем, хочу через газету обратиться ко всем русским людям: объединяйтесь! Оставьте все идеологические разногласия! Во имя служения нашему единому и единственному Отечеству — России, во имя воскресения Великой России — Святой Московской Руси!

Мы — русские! С нами Бог! Слава России!»⁷...

Слава Русским героям, в одиночку, при полном безразличии единоплеменников, продолжающих отстаивать свою Родину и свою нацию в условиях оккупационного украинского режима! Вопиющий случай с Пшеничным имел свою предысторию. Еще в конце прошлого века украинский мэр Краматорска А.М. Близнюк пообещал: «Я выживу из города всех москалей с имперским мышлением». Именно по его личному указанию и было состряпано уголовное дело против распространителя Русской прессы А.Н. Пшеничного и, хотя оно с треском провалилось, следователь Овчаренко пообещал матери Пшеничного, что все равно «упрячет» ее

сына в тюрьму. По указанию СБУ Алексею периодически отключали телефон, а когда включали, сразу же начинали звонить «неизвестные» с угрозами: «Москаль, убирайся в свою Московию!». Угрозы, как видим, не ограничились одними словами...

Да, на войне, как на войне. Но и это еще не самый ее разгар — дальше будет жарче. Политические события в Малороссии со всей наглядностью демонстрируют, к чему все неуклонно идет...

* * *

В марте 2009 года в Тернопольской области состоялись выборы в областной Совет. Это, в принципе, заурядное событие привлекло всеобщее внимание своим неординарным результатом. Уверенную победу на выборах одержало Всеукраинское Объединение «Свобода», набравшее 30% голосов избирателей и намного опередившее своих политических конкурентов. Если ВО «Свобода» получила в областном Совете 50 мандатов, то, например, «Блок Юлии Тимошенко» — 12, Партия Регионов В. Януковича — 14, патронируемые В. Ющенко «Единый центр» и «Наша Украина» соответственно — 20 и 8, «Блок Литвина» — 5. Таким образом, «Свобода» оказалась явным лидером среди всех политических сил. Во всяком случае, в Тернопольской области.

Эта организация получила известность еще 17 июля 2004 года, когда во время торжеств на горе Яворина, посвященных чествованию одного из командующих УПА Дмитрия Клячковского (Клима Савура), лидер «Свободы», депутат Верховной Рады и член ющенковской фракции «Наша Украина» Олег Тягнибок, отдавая должное бандеровским воякам, заявил: «Они не боялись, как и мы сейчас не должны бояться, они взяли автомат на шею и пошли в леса, они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидовй и прочей нечистью, которая хотела забрать у нас нашу украинскую державу... Необходимо, наконец, отдать Украину украинцам. Те молодые люди, и вы, ясноглазые, это и есть та смесь, которой больше всего боится *москальско-жидовская мафия*, которая сегодня управляет Украиной»⁸... Выступление Тягнибока было продемонстрировано по теле-

видению. Разразился скандал. Прокуратура возбудила уголовное дело за «разжигание межнациональной розни».

Внезапно пробудившаяся активность украинской Фемиды в данном случае, конечно же, объяснялась не тем, что Тягнибок призвал к *вооруженной борьбе* с «москалями» (десятки и сотни подобных призывов не вызывают у нее никакой реакции), но здесь в один ряд с Русскими попали и *евреи*, а этого стражи украинской законности уже не могли оставить без последствий. Собственно, перед евреями и пришлось оправдываться лидеру «Свободы». Тягнибок, как он объяснил позднее, всего-то и назвал вещи своими именами: «Я считаю, что ничего плохого не сказал, а просто назвал вещи своими именами: москалей — москалями, жидов — жидами. Никаких антисемитских настроений, в которых меня упрекают, не было. По тексту выступления я говорил про немецких и *русских оккупантов*, которые *уничтожали украинский народ*, про НКВД, руководящий состав которого был сформирован из евреев. Я делал ударение на продажности нынешней власти, которая является далеко не украинского происхождения. Я называл вещи своими именами и говорил о том, о чем говорит две трети украинцев на кухне, дома»⁹.

Получив со стороны Тягнибока заверения в «отсутствии антисемитизма», украинская власть сразу успокоилась. 13 декабря 2004 года апелляционный суд Ивано-Франковской области вынес решение: признать незаконным постановление о возбуждении уголовного дела против О. Тягнибока. Облпрокуратура закрыла дело *за отсутствием состава преступления*, признав, таким образом, призывы «брать автомат» и идти бороться против «москалей, жидов и прочей нечисти» совершенно *законными*.

А следом началась самая настоящая «раскрутка» О. Тягнибока и возглавляемой им организации. Ему стали охотно предоставлять страницы газет, радио- и телеэфир, причем, не только местные, галицкие, но и центральные. Билборды с его фото в огромном числе красуются во всех городах и местечках Малороссии, по которой он беспрерывно разъезжает с агитационными поездками. А это значит, что и с *финансированием* ВО «Свободы» дело поставлено не хуже, чем у тех же Тимо-

шенко или Януковича. Совершенно очевидно, что Тягнибока и его единомышленников *подлинные хозяева «Украины» ведут к власти*. Выборы в Тернопольской области — лишь первый шаг на этом восхождении. Поэтому стоит поближе познакомиться с идеологией «Свободы» и ее лидера. Тем более что рейтинги этой организации, как свидетельствуют соцопросы, растут и в других областях западной Украины — Львовской, Ивано-Франковской, Ровенской, Волынской...

О целях и устремлениях ВО «Свободы» красноречиво говорит тот факт, что эта организация — преемник той самой Социал-Национальной Партия Украины (СНПУ), лидеры которой еще в начале 90-х годов прошлого века мечтали устроить *«Варфоломеевскую ночь для русских»*... Однако, слишком откровенное выпячивание приверженности идеалам Адольфа Гитлера подтолкнуло лидеров СНПУ в начале 2004-го сменить свое название на ВО «Свобода» и отказаться от использования в качестве партийного символа стилизованной *свастики*. Впрочем, на целевые установки организации смена ее внешнего имиджа нисколько не повлияла. Так, вскоре после переименования О. Тягнибок, говоря об идеологических и мировоззренческих основах деятельности партии, подчеркивал: «Мы являемся украинскими националистами — этим все сказано... *Наш кумир, как политический деятель, Степан Бандера. Мы базируем нашу идеологию на трудах Михновского, Донцова, просто пытаемся их «осовременить» к теперешним реалиям и условиям нашей жизни*»¹⁰...

Итак, «Свобода», не стесняясь, объявляет себя продолжателем дела С. Бандеры, известного *террориста, убийцы и гитлеровского прихвостня*. В свете этих предпочтений и следует воспринимать перспективу развития политической ситуации в Малороссии на ближайшее будущее. И, признаем прямо, будущее, конструируемое сегодня почитателями Бандеры, мрачно, безрадостно и жестоко. К тому же с ясно ощутимым трупным запахом...

* * *

Степан Бандера (1909—1959) получил известность в качестве лидера и идеолога Организации Украинских Националистов (ОУН), а затем и Украинской Повстанческой Армии

(УПА), прославившихся жестоким истреблением мирного населения и активным сотрудничеством со спецслужбами гитлеровской Германии. ОУН была создана в 1929 году. Возглавил ее уже известный нам Евгений Коновалец, руководивший галицкими «сечевиками» во время революционных событий в Малороссии. После убийства Коновальца (1938) руководителем ОУН стал его свояк и давний друг Андрей Мельник (1890—1964). Однако этому решительно воспротивился Степан Бандера, считавший, что в качестве фюрера оуновцев его кандидатура намного предпочтительнее. У Бандеры нашлось немало сторонников в среде украинского подполья, где недоучившийся студент агрономического отдела львовской Высшей политехнической школы завоевал авторитет как жестокий и удачливый террорист.

Невзирая на свой молодой возраст, С. Бандера проявил недюжинные способности в организации грабежей и убийств в тогдашней польской Галиции. В начале 30-х годов Бандера непосредственно руководил дерзкими разбойными нападениями на почтовые отделения и специальные автобусы, перевозившие значительные суммы денег. Таким путем добывались финансовые ресурсы для «революционной деятельности». Были осуществлены вооруженные нападения на «Народный банк» в Бориславе, банковские конторы во Львове, Стрые, Трускавце и других городах. Под руководством Бандеры были совершены и резонансные политические убийства. Среди них убийство депутата польского сейма Т. Голувко и комиссара полиции Львова Е. Чеховского... Впрочем, жертвами оуновского террора становились не только поляки. Студент Яков Бачинский заинтересовался деятельностью ОУН с целью вступления. Но Бандере, к тому времени ставшего уже руководителем ОУН в Галиции, показалось, что за этим стоит польская полиция, и в мае 1934 г. по его приказу студенту всадили отравленный нож. Бачинский чудом выжил, но через два месяца его застрелили из револьвера. Директор львовской украинской гимназии профессор Иван Бабий запретил оуновцам заниматься в своем учреждении пропагандой, опасаясь репрессий польских властей, и в августе 1934-го тоже был убит. Типография Яськива во Львове напечатала не понравившуюся Банде-

ре либеральную брошюру, и ее взорвали. Бомбы сработали в редакции львовских газет «Праця» и «Сила»... В конце концов, 14 июня 1934-го С. Бандера был арестован по подозрению в покушении на Я. Бачинского. А на следующий день в Варшаве оуновец застрелил министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. На судебном процессе по делу об убийстве Б. Перацкого один из подсудимых, Иван Малюца, вдруг стал давать признательные показания. В свое время он получил приказ ликвидировать за невыход на связь с Бандерой другого оуновца, Р. Мигалья. Приказ, однако, не выполнил. В отместку боевики ОУН убили сотрудницу и подругу И. Малюцы Марию Ковалюк. Эта расправа и подвигла Малюцу на чистосердечные показания. Так С. Бандера оказался в тюрьме. Впрочем, смертную казнь суд заменил ему пожизненным заключением, а в 1939-м в связи с крахом Польши Бандера и вовсе оказался на свободе. И сразу же включился в борьбу за лидерство в ОУН.

10 февраля 1940 г. в Кракове состоялась конференция сторонников С. Бандеры, на которой было объявлено о создании «главного революционного трибунала» и «службы безопасности». Новосозданный трибунал тут же вынес смертные приговоры многим сторонникам А. Мельника. И полилась кровь. За сравнительно короткое время было убито 400 мельниковцев и свыше 200 бандеровцев. В числе жертв бандеровского террора оказались даже основатели ОУН Николай Сциборский, Емельян Сенник—Грибовский, Роман Сушко и др. А в апреле 1941 г. сторонники Бандеры создали в Кракове новый «большой сбор», который и провозгласил Бандеру руководителем ОУН. Так Организация Украинских Националистов раздвоилась на ОУН—м во главе с А. Мельником и ОУН—б во главе с Бандерой. Немцы использовали обе структуры, хотя по части свершения кровавых акций предпочтение отдавали обычно С. Бандере, учитывая его богатый уголовный опыт...

Таков в первом приближении политический портрет кумира Всеукраинской организации «Свобода», демонстрирующей сегодня стремительное восхождение из политического подполья к властному Олимпу. Собственно, и призыв О. Тягнибока *«взять автоматы и бороться с москалями, жидвой*

*и прочей нечистью», озвученный им на горе Яворина, представляет собой лишь парафраз соответствующих пунктов бандеровской программы. На уже упомянутом сборище в Кракове (февраль 1940), где С. Бандеру провозгласили «вождем ОУН», был принят программный документ под названием «Политические, военные и пропагандистские указания для членов ОУН». Общую их направленность прекрасно иллюстрируют следующие пункты: «После занятия какого-либо населенного пункта его необходимо основательно очистить от враждебных элементов НКВД, милиции и т.д. Русские должны быть переданы в качестве пленных немцам, а более опасные элементы *расстреляны*... Политические комиссары и известные коммунисты должны быть *расстреляны*... В период хаоса и беспорядков можно себе позволить *уничтожить нежелательные польские, еврейские и московские элементы*... В особенности необходимо уничтожить интеллигенцию этих национальностей... НАША ВЛАСТЬ ДОЛЖНА ВНУШАТЬ УЖАС. Необходимо своевременно составить «черный список» всех тех украинцев, которые пытались проводить свою политику»¹¹...*

Установить свою власть С. Бандере и его приспешникам, как известно, не удалось, но внушить ужас жестокими и садистскими расправами над мирным населением они смогли. Например, пункт об «уничтожении интеллигенции» начали реализовывать буквально с первых дней войны. Сформированные в составе немецкой армии из членов бандеровской ОУН два диверсионно-разведывательных батальона «Нахтигаль» и «Роланд» своей кровавой агрессивностью поражали даже немецких военных: «Немецкие солдаты, ожидавшие приказа о наступлении, с ужасом освобождали дорогу украинцам. «Нахтигалеvцы» взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастеров, держа наготовку автоматы. Их вид был омерзителен, когда они в 23.00 29 июня 1941 года бросились в город... Словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с вытаращенными глазами неслись украинцы улицами Львова... Каждый, кто попадался им в руки, был жестоко казнен»¹²... Семь дней продолжалась во Львове кровавая оргия батальона «Нахтигаль». Убийства осуществлялись в соответствии с «черными списками», заранее подготовленными

участниками местного оуновского подполья. Руководили операцией по уничтожению «нежелательных элементов» Николай Лебедь и Роман Шухевич, распределявшие украинских вояк по группам, которые и направлялись в заранее определенные участки города. Захваченных людей, прежде чем убить, обычно долго мучили и унижали. Так, 20 человек, среди которых были четыре женщины, заставили... языком вылизывать ступеньки в семи подъездах четырехэтажного дома. Расправы над беззащитными людьми отличались особой жестокостью и садизмом. Забивали на смерть железными и деревянными палками, ломами, топорами. К участию в массовых убийствах приглашалось и местное население, среди которого распространялись листовки со следующими призывами: *«Ляхов, жидов, москалей, коммунистов уничтожай без милосердия, не жалей врагов украинской национальной революции... Знай! Москва, Польша, мадьяры, жида — это твои враги. Уничтожай их!»*¹³... Всего по различным оценкам в период с 30 июня по 7 июля 1941 года во Львове от рук нахтигальцев погибло от трех до семи тысяч человек, прежде всего представителей польской и еврейской интеллигенции. На фоне этих кровавых расправ и был разыгран фарс провозглашения самостийной «украинской дэржавы».

Вечером 30 июня в помещении львовской «Просвиты» собралось около двух сотен человек. Вместо электричества обычные свечи. Среди присутствующих вояки из «Нахтигалья», оуновские функционеры, несколько немецких офицеров, представители львовской интеллигенции, даже не знавшие, какие вопросы собирается рассматривать собрание. И вот за длинным столом появляется Ярослав Стецько. Ссылаясь на поручение «вождя ОУН» он зачитывает Акт провозглашения «Украинской Державы». Затем оглашает декрет Бандеры о назначении его, Стецько, председателем Краевого правления. Под крики «Слава!» и «Хайль Гитлер!» зачитывается приветствие «вождю немецкого рейха». Среди собравшихся — самый неподдельный энтузиазм. Еще бы: вчерашние террористы и уголовники наконец-то получили возможность провозгласить себя **Властью**... Между тем, в Берлине были не просто удивлены происшедшим, но и в крайней степени раздражены: никто и никогда не обещал Бандере самостийной «украинской

державы». С точки зрения германского руководства предназначение С. Бандеры и возглавляемой им организации (как и всех предшествовавших ему украинских «вождей», «правительств» и «движений») оставалось неизменным — оказывать Германии посильную помощь в завоевании России. И все. Никаких импровизаций и самодеятельности. А здесь такое самоуправство. Следовало поставить на место зарвавшихся головорезов, тем более что своим патологическим зверством они компрометировали «освободительную миссию» германской армии в России. Последовало указание Гитлера «ликвидировать эту банду». Самозванное «украинское правительство» было разогнано. 2 июля 1941-го начались аресты. Они были необходимы еще и для того, чтобы показать всему миру: к совершенным во Львове злодеяниям немцы никакого отношения не имеют. Всего было арестовано около 300 человек. Арестовали и Ярослава Стецько. Затем отправили в Краков, где 5 июля 1941-го был взят под стражу «вождь ОУН» Степан Бандера. Отсюда обоих переправили в Берлин для дачи объяснений. Впрочем, 15 июля из-под стражи освободили «с запретом покидать Берлин и обязанностью отмечаться в полиции». Начались активные консультации С. Бандеры с немецкими военными и чиновниками различных ведомств...

Отношения германского руководства и лидера ОУН—б определялись его служебным статусом. Вообще ОУН с момента своего возникновения рассматривалась немцами в качестве *агентурного подразделения абвера*. «Меморандум по украинскому вопросу», подготовленный руководством НСДАП, в этой связи сообщал: «В 1932 году тогдашний начальник немецкой контрразведки полковник Гемпш вошел в письменное соглашение с руководителем ОУН полковником Коновальцем, на основании которого украинская организация получала материальную поддержку, за что передавала отделу контрразведки сведения о польской армии. Затем организация взялась за подготовку в Польше диверсионных актов. Регулярная месячная плата Коновальцу доходила до 900 марок»... По мере поступления от оуновцев сведений о состоянии вооруженных сил Польши, Чехословакии, СССР, а также усиления в Германии позиций сторонников Гитлера, финансирование ОУН возрастало. Уже в начале апреля

1933 года, после утверждения в Германии особого фонда для финансирования нацменьшинств, «украинцам» было выделено 200 тыс. марок. Е. Коновальцу же платили 7000 марок в месяц. Кроме того, он получал отдельную плату за выполнение спецзаданий. А после прихода Гитлера к власти сотрудничество ОУН с немецкой разведкой стало еще теснее, и она даже была зарегистрирована в абвере как особая разведывательная структура под зашифровкой «Dienst UKO» («Служба Украинской Боевой Организации») ¹⁴.

После убийства Е. Коновальца в мае 1938 года советским чекистом П. Судоплатовым положение ОУН нисколько не изменилось. Свидетельствовавший на Нюрнбергском процессе заместитель начальника 2-го отдела абвера (абвер-2) полковник Эрвин Штольце показал, что после гибели Коновальца «ОУН возглавил Андрей Мельник, которого, как и Коновальца, мы привлекли к сотрудничеству с немецкой разведкой... В конце 1938 или в начале 1939 Лахузену была организована встреча с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку «Консул»... Германия усиленно готовилась к войне против СССР и поэтому по линии абвера принимались меры активизации подрывной деятельности, т.к. те мероприятия, которые проводились через Мельника и др. агентуру, казались недостаточными. В этих целях был завербован видный украинский националист *Бандера Степан*, который в ходе войны (с Польшей) был немцами освобожден из тюрьмы, куда был заключен польскими властями за участие в теракте против руководителей польского правительства» ¹⁵.

Тот же Э. Штольце давал следующую агентурную характеристику С. Бандере: «В октябре 1939 года я с Лахузенем *привлек Бандеру к непосредственной работе в абвере*. По своей характеристике Бандера был энергичным **агентом** и одновременно *большим демагогом, карьеристом, фанатиком и бандитом*, который *пренебрегал всеми принципами человеческой морали для достижения своей цели, всегда готовый совершить любые преступления*. **Агентурные отношения** с Бандерой поддерживали в то время Лахузен, я — полковник Э. Штольце, майор Дюринг, зондерфюрер Маркерт и другие» ¹⁶... События лета 1941 г. показали, что для *агента*, пусть и высокопостав-

ленного, С. Бандера обладал слишком большими амбициями, поэтому зачастую вел себя неадекватно и выходил из-под контроля. По показаниям того же полковника Э. Штольца одной из причин ареста Бандеры в Кракове 5 июля 1941 года «послужил тот факт, что он в 1940 г., получив от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков»¹⁷. Непредсказуемость действий и слишком явная *«склонность к любым преступлениям»* вынудили немцев на время ограничить свободу Бандеры, впрочем, сохранив за ним функции руководителя ОУН...

А на оккупированных территориях Малороссии в августе 1941-го был образован рейхскомиссариат «Украина». Рейхскомиссаром назначили гауляйтера и обер-президента Пруссии Эриха Коха. Его резиденция находилась в Ровно. Что же касается Галиции, то Гитлер определил, что она «должна стать областью Германской империи», поэтому ее включили в Варшавское генерал-губернаторство, созданное еще в 1939 году из Варшавского, Люблинского, Килецкого воеводств Польши. Львов стал Лембергом, т.е. «немецким» городом. Буковина еще ранее была передана Румынии, Закарпатье — Венгрии. Игра в украинскую «самостийность» была закончена...

* * *

Между тем, Бандера и сам сознавал, что позволил себе слишком много. И вояки из «Нахтигалья» во Львове перестарались. Уже в Кракове во время встречи с государственным секретарем Германии Кундтом (июль 1941 г.) оуновский «вождь» уверял его в своей лояльности к Германии: «ОУН различными методами сотрудничала с руководящими немецкими инстанциями. Они (оуновцы) совместно с немцами боролись против Польши и тоже понесли потери, сотрудничая с Германией в той форме, *в какой им было позволено*. В эти последние два года нами велась также борьба против большевизма, конспиративно и лишь в той форме, что *разрешалась немецкими инстанциями*, с которыми велось сотрудничество, причем *политическому статусу Германии*

это ничем не угрожало». Примечательно, что в этой же беседе по поводу провозглашения «Украинской державы» С. Бандера заявил: «Относительно происходившего во Львове я не информирован. На собрании УНК во Львове присутствовал Стецько»¹⁸...

Я. Стецько тем временем спешил заявить и свои верно-подданнические чувства, направив оуновцам (4 августа 1941 г.) специальный «Комуникат». В этом документе отмечалось: «По инициативе ОУН во Львове дня 30 июня 1941 г. было провозглашено возобновление Украинской державы и создание Украинского правительства, которое в своей первой декларации заявило о тесном сотрудничестве с Немецким государством и Немецкой армией, которая вошла на украинские земли». А затем Стецько давал четкое указание: «Украинское государственное правление призывает весь украинский народ вести дальше непоколебимо безоглядную борьбу всякими способами, всегда и всюду, против Москвы и большевизма. Украинское государственное правление призывает одновременно украинский народ *помогать всюду Немецкой армии* разбивать Москву и большевизм»¹⁹. Тогда же в августе им была распространена разъяснительная директива, в которой подчеркивалось: «*ОУН рассматривает Германию как союзную силу...* Этим фактом регулируется в нынешнее время отношение ОУН к Германии»²⁰. Так что, как видим, арест многих оуновских функционеров немцами никак не отразился на позиции руководства организации в отношении Германии...

Между тем немцы продолжали настаивать на немедленной отмене «акта 30 июня». Бандера подчинился. Единственное, о чем попросил своих хозяев, не провозглашать гласно отмену «акта» и разгон «правительства» Я. Стецька, а вместо этого создать так называемую «Украинскую Национальную Раду» во Львове, которая не будет иметь никаких политических функций, строго выполняя все приказы и указания губернатора Галиции. «Надеемся, — писали С. Бандера и Я. Стецько, — что такое разрешение проблемы, с одной стороны, успокоит украинских националистов, а с другой — не подорвет престижа Германии»²¹... Немцы пошли навстречу. «Рада» была создана, но без каких бы то ни было

актов, декретов и универсалов, без фанфар и торжественных речей. А 15 сентября 1941 г. Бандера и Стецько снова были... арестованы. Теперь уже надолго. Тем не менее, в декабре того же года С. Бандера в директиве, отправленной своим единомышленникам в Малороссию, инструктировал их *«не проводить никаких акций против немцев, антинемецкие выступления являются вредными и следует как-то исправить украинско-немецкие отношения»*²²...

В начале 1942 г. С. Бандеру и Я. Стецько перевели в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Впрочем, не следует думать, что они оказались там в качестве «заключенных». Их поместили в отдельный корпус «Целленбау», где были собраны политические деятели из разных стран Европы, оказавшие или могущие оказать ценные услуги Рейху. С. Бандера сидел в номере 73 этого здания в достаточно комфортабельных условиях. Ему и его сподвижникам позволяли передвигаться по лагерю, получать продовольственные посылки и деньги от родственников. Нередко они покидали лагерь (разумеется, с ведома немцев) для встреч с различными функционерами ОУН—б или посещения замка Фринденталь (200 метров от корпуса «Целленбау»), где располагалась школа агентурно-диверсионных кадров ОУН—б. Инструктором в этой школе был недавний офицер специального батальона абвера «Нахтигаль» Ю. Лопатинский, через которого Бандера продолжал осуществлять руководство организацией, рассылая свои приказы, декреты и указания. Так что изоляция его представляла собой скорее «почетный арест», чем настоящее заключение. Недаром же руководимая С. Бандерой ОУН и во время его пребывания в «Целленбау» продолжала верой и правдой служить немцам. Об этом свидетельствуют проходившие с 5 марта по июнь 1944 г. в Тернополе и Львове секретные переговоры между уполномоченным членом Центрального Провода ОУН «Герасимовским» (И. Гриньох) и руководством немецкой службы безопасности СД «дистрикта Галициен» (гауптштурмфюреры Крюгер и Папе и оберштурмбанфюрер Витиска). Материалы этих переговоров были захвачены при наступлении Русской Армии. Гриньох четко формулирует позицию ОУН—б: *«Группа ОУН под руководством Бандеры*

никогда не считала своими противниками немцев... О враждебности по отношению к Германии никогда не было и речи... Лишь в феврале 1943-го бандеровская группа ОУН приступила к формированию военных отрядов (речь идет о создании Украинской Повстанческой Армии — УПА. — С.Р.)... Она (ОУН) достаточно благоразумна, чтобы ни разу не потребовать освобождения Бандеры... ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми... Вообще всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь»... Подытоживая итоги переговоров, германский представитель с удовлетворением констатировал: «Можно с уверенностью ожидать, что бандеровская группа ОУН и УПА пойдут на еще большие уступки и встречные услуги»²³...

В том же 1944-ом (25 сентября) С. Бандера был освобожден из Заксенхаузена. На дальнейшую службу его благословил лично рейхсфюрер СС Г. Гиммлер: «Необходимость вынужденного пребывания под арестом, вызванная обстоятельствами, временем, интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества — этап более ответственный, чем ранее»²⁴... Агент Бандера с жаром взялся за работу. По свидетельству сотрудника абвера Зигфрида Мюллера, взятого в плен Русской армией в мае 1945-го в местечке Колин под Прагой, выпущенный на свободу С. Бандера «получил под Берлином дачу от отдела 4-Д гестапо. Бандера находился под персональным наблюдением и работал по указаниям вновь назначенного начальника отдела 4-Д оберштурмбанфюрера Вольфе. В том же месяце (декабрь 1944 г.) Степан Бандера прибыл в распоряжение абвер-команды-202 в г. Краков и лично инструктировал подготовленную нами агентуру, направляемую для связи в штаб УПА. Бандера в моем присутствии лично инструктировал этих агентов и передал через них в штаб УПА приказание об активизации работы в тылу Красной Армии и налаживании регулярной связи с абвер-командой-202»²⁵... Немцы ценили своего влиятельного агента. Отто Скорцени в своих мемуарах рассказывает о том, что зимой 1944—1945 года находившийся в Кракове Бандера неожиданно оказался в тылу

наступающей Русской Армии. По личному указанию Гитлера О. Скорцени провел операцию по его эвакуации: «Это был трудный рейс. Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в тылу наших войск, в Чехословакии и Австрии. Гитлер приказал доставить Бандеру в рейх для продолжения работы»²⁶...

С. Бандера и работал на рейх до самой последней возможности. Лишь после мая 1945-го переключился на новых хозяев, американо-английских. Но у этих уже не был на первых ролях, слишком кровавый шлейф тянулся за ним. Впрочем, под суд как «нацистского преступника» вождя ОУН все же не отдали. ЦРУ до последнего держало его в резерве на случай войны с Россией, планы которой разрабатывались в США сразу же после разгрома Германии. Но Америке С. Бандера так и не пригодился, а 15 октября 1959-го погиб при загадочных обстоятельствах в Мюнхене. Вину за его смерть, и то лишь два года спустя, взял на себя некий Сташинский, то ли агент КГБ, то ли агент ЦРУ, — это так и осталось невыясненным. Впрочем, физическая смерть стала лишь заключительным аккордом наступившей намного ранее смерти политической. Слуга многих господ, Бандера, хотя судьба и сделала его участником грандиозных исторических событий, несмотря на всю свою амбициозность, так и остался на их величественном фоне третьеразрядной фигурой, отметившись разве что неслыханной жестокостью да убожеством замыслов, на которых жирный крест поставил май 1945-го. Но до этой поворотной даты не только сам С. Бандера трудился во имя Германии, но и направляемые им ОУН и УПА...

* * *

Впрочем, на кого еще могли работать организации, чье руководство практически полностью состояло из *офицеров немецкого вермахта и разведки*. Гауптштурмфюрер Р. Шухевич, штурмбаннфюрер Е. Побигущий, гауптманы И. Гриньох и В. Сидор, оберст-лейтенанты Ю. Лопатинский и А. Луцкий, лейтенанты абвера Л. Ортынский, М. Андрусак, П. Мельник, — все они служили одним хозяевам и сменили их (кто дожил) лишь после окончательного поражения Герма-

нии. В этой когорте наемников С. Бандера выполнял роль идеолога, практическое же руководство ОУН—УПА на оккупированной немцами территории Малороссии выпало на долю его ближайшего соратника, тоже террориста, убийцы и агента абвера Р. Шухевича...

Роман Шухевич (Чупринка) (1907—1950) закончил Львовский политехнический институт. Член ОУН с 1929 года. Член Центрального провода ОУН—б, заместитель «министра обороны» в «правительстве» Ярослава Стецько (1941). В должности замкомандира батальона «Нахтигаль» непосредственно руководил кровавой расправой над жителями Львова. Неоднократно поощрялся немецким командованием — кавалер двух Железных Крестов. С мая 1943-го военный референт Центрального провода ОУН—б, затем главнокомандующий Украинской Повстанческой Армией (УПА). В 1950 г. застрелен в стычке с сотрудниками советской госбезопасности...

Свою карьеру террориста Р. Шухевич начал в семнадцатилетнем возрасте, вступив в 1923 г. в Украинскую Военную Организацию (УВО) Е. Коновальца. В этот период под руководством Шухевича такие же юнцы проводили «саботажные акции» — сжигание скирд сена и усадеб польских переселенцев, ограбление почтовых отделений и почтовых вагонов в поездах. В дальнейшем он приобщился к более серьезным делам. Роман Шухевич, помимо руководства многими грабительскими акциями, лично участвовал, как минимум, в трех из них. А в октябре 1926 г. Шухевич со своим единомышленником Богданом Пидгайным убил школьного куратора Яна Собинского. Исполнители теракта исчезли, а вместо них осудили двух не причастных. Но и после этого мутного «дела» его карьера террориста продолжала развиваться успешно. Р. Шухевич причастен ко всем резонансным убийствам, совершенным оуновцами. И только убийство генерала Перацкого в июне 1934 г. завершилось арестом. Если Бандеру приговорили к пожизненному заключению, то Р. Шухевич получил четыре года тюрьмы. Впрочем, отсидел только два. По амнистии его выпустили в 1937 году, и он сразу же выехал за границу, в Германию. Здесь закончил офицерские курсы и был завербован абвером. Получив со-

лидную военно-диверсионную подготовку, Шухевич накануне нападения Германии на СССР занял должность заместителя командира батальона «Нахтигаль».

После резни во Львове батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» были расформированы, и на их основе образован 201-й «шутцманшафтбатальон», включенный в карательный корпус СС генерала фон дем Баха—Залевского, брошенного на борьбу с партизанами Белоруссии. В 201-м батальоне Р. Шухевич снова занял должность заместителя командира. И в Белоруссии оуновцы выделялись своей жестокостью — *«свиристывали и убивали больше, чем немцы»*²⁷... Грязная работа карателей, сопровождавшаяся массовым уничтожением мирного населения, доставляла им удовольствие. Летом 1942-го Р. Шухевич писал униатскому митрополиту Шептицкому: «Ваше святейшество! У нас дела идут хорошо, немцы удовлетворены нашей работой»²⁸...

Именно в это время в абвере, по-видимому, и возникла идея создания независимых по форме украинских вооруженных формирований, способных самостоятельно вести борьбу с польской Армией Крайовой и советскими партизанами, резко активизировавшими свои операции в тылу немецких войск к исходу 1942 года. Для их нейтрализации вермахту приходилось отвлекать крупные силы с Восточного фронта, выгоднее было переложить эту изматывающую борьбу на плечи «украинцев», сохранив за абвером функции негласного контроля и руководства. Так родилась на свет **Украинская Повстанческая Армия (УПА)**. Не исключено, что идею ее создания подсказали и сами «украинцы», тот же Р. Шухевич, например, который находясь в Белоруссии, неоднократно приезжал во Львов для встреч с сотрудником абвера А. Бизанцем. Последний в своих показаниях, данных уже после войны, упоминает несколько таких встреч. В декабре 1941-го Шухевич прибыл во Львов с просьбой обеспечить безопасность семей нахтигалецев, а также снабдить их пайками и денежным содержанием. А. Бизанц инициировал издание соответствующего распоряжения по дистрикту «Галиция». В ноябре 1942-го Шухевич снова встречается с А. Бизанцем, и они обсуждают тактику борьбы с партизанами. Где-то в эти дни и решается вопрос об организации

УПА, ибо в конце того же 1942 года немцы неожиданно... задерживают Шухевича и привозят во Львов, где, продержав для видимости три дня в гестапо, без всяких предварительных условий выпускают. Этот «арест» был необходим для создания «легенды» о полной автономии УПА и отсутствии у нее каких-либо связей с немцами. После мнимого своего «ареста» Шухевич бесследно исчезает. А в феврале 1943-го новая встреча. Шухевич, официально разыскиваемый немцами, в форме офицера полиции снова появляется... во львовском кабинете А. Бизанца. Просит помощи в освобождении своей жены Наталии, незадолго до этого взятой под стражу гестапо. Вообще немцы, зная насколько вероломен и коварен контингент, с которым приходилось работать, практиковали арест ближайших родственников оуновских главарей. Наличие этих заложников гарантировало большую управляемость верхушки ОУН. Так были арестованы и даже отправлены в концлагерь Освенцим родные братья Бандеры — Василий и Александр. Там они и погибли. Но убили их не немцы, а польские заключенные в порядке мести за резню поляков, устроенную УПА летом 1943 года на Волыни... А. Бизанц откликнулся на просьбу Шухевича, немедленно связавшись с губернатором дистрикта «Галиция» генералом СС Отто Вехтером. Наталия Шухевич сразу же была освобождена. А в марте 1943-го Шухевич в очередной раз навещает Бизанца. И снова в мундире офицера полиции. Благодарит за освобождение жены и обсуждает другие дела. А их к тому времени у гауптмана Шухевича накопилось немало...

Именно к весне 1943 года в основном завершилось формирование УПА. Ее-то главнокомандующим и суждено было стать Роману Шухевичу. В помощь ему немцы выделили целое подразделение офицеров абвера, своих давних и проверенных агентов. В. Сидор («Шелест») — *капитан абвера*, командир роты 201-го батальона шутцманшафт, затем командир УПА—Запад, *награжден немецким Железным Крестом*; Д. Клячкивский («Клим Савур») — *старший лейтенант абвера*, один из руководителей УПА; И. Гриньох («Герасимовский», «Данилив») — *капитан абвера*, организатор и член главного штаба УПА, отвечал за связь УПА с аб-

вером и гестапо, капеллан батальона «Нахтигаль», капеллан 201-го батальона шуцманшафт, главный капеллан 14-й Ваффен СС дивизии «Галичина», *кавалер двух Железных Крестов*; А. Луцкий («Богун») — *старший лейтенант абвера*, командир взвода 201-го батальона шуцманшафт, командир УНС (галицкий вариант УПА), с начала 1944 года замкомандующего УПА; В. Павлюк («Ирко») — *капитан абвера*, командир роты 201-го батальона шуцманшафт, куренной УПА на Станиславщине, затем районный проводник ОУН на Львовщине; Ю. Лопатинский («Калина») — *старший лейтенант абвера*, член Центрального Провода ОУН-б, инструктор по подготовке диверсантов; П. Мельник («Хмара») — *гауптштурмфюрер СС*, командир роты дивизии СС «Галичина», куренной УПА²⁹...

Немцы не только помогли в организации УПА, но и вооружили, передав ей более 700 минометов, около 10 тысяч станковых и ручных пулеметов, 26 тысяч автоматов, 22 тысячи пистолетов, 100 тысяч гранат, 80 тысяч мин и снарядов, несколько миллионов патронов, полевые радиостанции, портативные машинки и другое вооружение и снаряжение³⁰. Поставки осуществлялись по многим каналам. Так, начальник 2-го отдела штаба немецких войск в Галиции гауптман Юзеф Лазарек свидетельствовал: «На протяжении марта-апреля 1944 года я лично через своего подчиненного лейтенанта Винтгансена направил из Львова в Черный лес три раза по две грузовые машины с оружием. Там было всего 15 тонн различного оружия. Примерно 700–800 винтовок, 50 легких пулеметов и много боеприпасов. Одновременно с тем, что я поставлял УПА оружие, отделения второго отдела при первой бронетанковой и 17-й армиях также получили указания о снабжении УПА оружием, и эту задачу выполняли систематически, направляя оружие в большом количестве». Но и это не всё. Дополнительно к этим поставкам немцы устроили десятки тайных складов, за счет которых УПА продолжала пополнять свой арсенал и после отступления немецкой армии за границы России. Только на Волыни и в Галиции было конспиративно заложено около 40 баз с военным снаряжением для украинских «повстанцев». Альбом с картами и пометками мест расположения баз немцы

передали начальнику главного штаба УПА Д. Маевскому³¹... Между немцами и УПА также поддерживалась постоянная радиосвязь. В частности, офицеры абвера обер-лейтенант Йозеф Мюллер и доктор Вальтер Фель с помощью радиопередатчиков получали от Шухевича разведданные о расположении частей Красной Армии, передавали ему указания о проведении разведки и диверсий в тылу советских войск³²...

Но служа немцам и выполняя задания абвера, руководство ОУН—б тщательно следило за тем, чтобы эта служба сохранялась в *глубокой тайне*. «Наша организация стремится, чтобы все переговоры, встречи и последующее после этого сотрудничество осуществлялось *строго конспиративно*», — объяснял сотруднику полиции безопасности гауптштурмфюреру СС Паппе И. Герасимовский («Гриньох») в ходе встречи с ним 5 марта 1944 г. в Тернополе. И объяснял, для чего это нужно: «Уступка немцев бандеровской группе и ее официальное и политическое признание дали бы повод нашим противникам назвать нас *немецкими сообщниками или их агентами*»³³. А в этом немецкие холоуи в переживаемый момент совсем не были заинтересованы. Во-первых, потому, что становилось очевидным: Германия войну проиграла, а, значит, надо готовиться к смене хозяев, дистанцируясь от прежних. Во-вторых, тесное сотрудничество с оккупантами наносило удар по «патриотическому» имиджу ОУН—УПА в глазах местного населения, не способного понять, как можно одновременно *бороться за «освобождение» родной земли и верно служить тем, кто ее оккупировал...* Была еще и третья причина. Ее Герасимовский изложил в своем письме немецкому командованию: «Доставка оружия и диверсионных средств с немецкой стороны через линию фронта для подразделений УПА должна проводиться по правилам конспирации, чтобы *не дать большевикам в руки никаких доказательств относительно украинцев — союзников немцев или немецких агентов*, которые остались за линией фронта. Поэтому ОУН просит, чтобы переговоры, договоренности шли от центра, и чтобы партнерами со стороны немцев была по возможности полиция безопасности, так как она знакома с правилами конспирации»³⁴...

Сколь «шепетильны» в этот период были бандеровцы в вопросе своей работы на Германию (да, не 41-й год!), показывает листовка, специально выпущенная ими по этому поводу:

«К сведению членов ОУН, бойцов УПА и гражданского населения

Отступая, немецкая армия через свои разведывательные отделы, по согласованию с полицией и гестапо, упорно распространяет слухи о сотрудничестве и согласованности между ОУН—УПА и немецкой армией в совместной борьбе против СССР.

Наступающая советская армия через органы НКВД также старается всеми силами убедить народные массы, что ОУН — это немецкий союзник.

Сообщаем:

1. ОУН—УПА не имеет союза ни с какими империалистическими государствами. Нашими союзниками являются только закрепощенные народы...

2. В отношениях между руководством ОУН и командованием, с одной стороны, и немецкой властью — с другой, не имеется никаких изменений и нет сотрудничества.

3. Всех, кто в дальнейшем будет распространять провокационные слухи... — считать изменниками народа и как изменников наказывать.

Слава Украине!»³⁵...

Понятно, что немцы никоим образом не опровергали эту совершенно очевидную ложь. Они и сами были заинтересованы в сохранении строжайшей секретности, зная, что имеют дело с кровавыми бандитами и патологическими убийцами, не признающими никакой морали и «способными на любые преступления». Да они и именовали этот человеческий сброд не иначе, как «банды». Нельзя было допустить, чтобы их кровавые злодеяния бросали тень на Германию и ее армию. Задача состояла лишь в том, чтобы использовать эту безумную и преступную силу в интересах рейха. Решение данной задачи и определяло тактику взаимоотношения различных немецких

структур с УПА. Вот, например, что говорилось о ней в секретном приказе № 299/44 командующего 13-м армейским корпусом генерала пехоты Хауфе «Отношение к силам националистической — украинской повстанческой армии — УПА (националистических украинских банд)» (29 января 1944 г.):

«Националистические украинские банды ищут контакты с военными. Имеют место договоренности местного характера. Они будут продолжать борьбу против советских банд (т.е. партизан, — С.Р.) и регулярных красных войск... Все материалы разведки о советских бандах и регулярных красных войсках УПА будут сообщаться нам, а также будут передаваться захваченные военнопленные для допросов.

В своем отношении к УПА в дальнейшем корпус будет руководствоваться такими положениями:

А. В ЦЕЛОМ:

В настоящее время они хотят вести переговоры с нами, поскольку рассматривают русских как опасных врагов в данный момент. Из-за неблагонадежности УПА совместные действия с ней в перспективе не являются для нас необходимостью. Что касается надежности существующих соглашений местного значения, то в принципе у нас нет в них никаких сомнений.

Б. В ЧАСТНОСТИ:

1. Переговоры с отрядами УПА, которые ищут с нами связи, следует вести только через офицеров, имеющих опыт борьбы с бандами.

2. Как можно больше использовать УПА с военной целью»³⁶...

И использовали на полную. 19 апреля 1944 г. во Львове состоялось совещание руководителей абверкоманд 101-й, 202-й, 305-й армейских групп «Юг» по обмену опытом разведывательной работы и использования с этой целью отрядов УПА. Начальник абверкоманды-202 подполковник Зелингер докладывал: «Организация подрывной работы может быть выполнена только при помощи УПА. В районах, занятых русскими, УПА — единственный (у них) противник. Поэтому укрепление УПА, снабжение ее оружием и обучение определенного количества людей отвечает интересам немецкой армии... Я уже длительное время имею посредника по связи

с Шухевичем и получил от него несколько человек для обучения. Шухевич предложил вооружить все отряды УПА в Галиции и постепенно перебрасывать их на территорию русских»... Руководитель абверкоманды-101 подполковник Линдгарт: «Без связи с УПА осуществлять агентурно-разведывательную деятельность было бы вообще невозможно. Поданные в мое распоряжение военным сектором УПА данные исключительно велики и в большинстве своем пригодны для использования в военном отношении. В некоторых случаях соединения украинских банд УПА вместе с немецкой армией боролись против Красной Армии и большевицких партизан. Хотя соединения УПА несли большие потери, на некоторых участках в критический момент они оказали немецкой армии услуги, которые нельзя недооценивать»³⁷.

Впрочем, «услуги» эти носили весьма специфический характер...

* * *

Численность УПА в момент ее образования по различным оценкам достигала 40—60 тысяч человек. Делилась она на несколько региональных групп, которые в свою очередь подразделялись на «курени» и «сотни». Пополнение и содержание этой «армии» полностью ложилось на местное население. Причем о «добровольности» в этом случае даже речи не шло. По свидетельству члена УПА И.Т. Кутковца (1 июля 1944 г.) «в УПА 60%, а то и больше, составляют мобилизованные, которые при удобном случае из УПА уйдут». Мобилизация происходила следующим образом: «находившийся в селе войсковик выделял из села по несколько человек для службы в УПА, преимущественно из лиц, служивших в Красной Армии или польской, и эти лица повесткой вызывались в определенное место на сборный пункт. Лиц, которые не явились на сборный пункт, СБ (Служба Безопасности) вылавливала и избивала шомполами. Неявившийся на сборный пункт получал в наказание 50 ударов шомполом». Дезертировавших из УПА также избивали шомполами, «а более злостных — физически уничтожали. Из-за экономии патронов их душили так называемым путом (петлей, сделанной из веревки)»³⁸. Зверской расправе подвергались и

их родственники. Так в селе Вербляны (30 января 1945) были убиты Г. Палига и ее дочь О. Бедрий — на последнем месяце беременности за то, что их родственники дезертировали из УПА³⁹... В том же ключе решалась и проблема снабжения УПА: «Крестьянина, который отказался выполнить гужевое или какое-либо другое обязательство, — наказывали 25 шомпольными ударами»⁴⁰. А если это не помогало, карали смертью...

Сформированное и снабженное таким образом украинское воинство принялось за свою «освободительную миссию». *Смерть* на долгие годы стала обыденностью многих галицких сел и местечек, а массовые убийства их мирных жителей — заурядной рутинной, превратившейся в неотъемлемый атрибут каждодневного существования. Ее и воспринимали с *покорной обреченностью*, зная, что она может настигнуть в любой момент, слепой игрой случая, без каких-либо разумных причин или повода... А вместе со *смертью* такой же обыденной приметой жизни стал *страх*, глубоко въевшийся в душу, парализовавший волю к сопротивлению и стремление хоть как-то изменить обстоятельства. Любые моральные критерии потеряли смысл, человеческая жизнь — какую-либо ценность. Ее содержание ограничилось самыми элементарными потребностями, сведшихся, по сути, к одной — *выжить*, выжить в этой неотвратимо и беспощадно рубящей мясорубке, имя которой — УПА, чье сатанинское подпольное воинство объявило *свою войну* мирному населению обширной территории Галиции, Волыни и прилегающих к ним районов...

Первым значительным делом УПА в этой войне стала организованная летом 1943 г. *кровавая резня* поляков на Волыни, жертвами которой стали десятки тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей. Был у этой «акции» по устранению «нежелательных элементов» и впечатлительный «пролог». Весной 1943-го вояки УПА совершили массовое убийство польских жителей (в том числе и *детей*) в селе Лозовая на Тернопольщине. И даже оформили это убийство «эстетически». На аллее старых деревьев они «украсили» каждое дерево телами убитых ими младенцев, *прибивая их* таким образом, чтобы создать видимость «венка». Эту аллею бан-

деровцы называли «*шляхом до самостийної України*»... Красноречивый символ украинского «освобождения»! Впрочем, данный эпизод представлял лишь один из начальных шагов в задуманной массовой «акции». Кульминационный же ее момент пришелся на июль—август 1943-го...

Всего за этот период задокументировано более 900 антипольских акций на Волыни, из коих более трети приходится на 10—15 июля, что говорит о заблаговременно спланированном действе. Только 11 июля 1943-го одновременно нападению подверглись около ста польских сел и поселений. Уничтожали всех, начиная со священников у алтарей и заканчивая женщинами и детьми, искавшими спасения в своих домах. Вот лишь несколько эпизодов этой кровавой бойни.

Свидетельствует Чеслав Кувалек: «29 августа 1943 года в воскресенье после обеда к нам дошли сведения об уничтожении польских сел. Реакция у людей была разная: одни не верили, что кто-то может прийти и безосновательно уничтожить польское село; другие высказывали намерение выехать с семьями до Ягодина; третьи предлагали оборонять село... В ночь с 29 на 30 августа возле моего дома сформировалась колонна повозок, загруженных семьями, которые намеревались покинуть село. К сожалению, их вернули обратно и предложили участвовать в обороне села. Это привело к напрасной гибели около 480 человек.

Рано утром 30 августа 1943 года село было обстреляно из пулеметов по всей его длине с южного направления. Дорога на Ягодин была отрезана. Естественно, чтобы обороняться от такой силы, необходимо было бы иметь хотя бы 8 ручных пулеметов. Бандеровцы вошли в село после спада тумана. Успокаивая людей, они начали сгонять их в школу якобы для проведения собрания, вначале мужчин, а затем женщин и детей». А собрав всех вместе, стали беспощадно убивать: «Людей клали на землю рядами, лицом вниз, а затем расстреливали их. Укладывая в очередной раз людей для расстрела, бандеровец выстрелил в трехлетнего мальчика. Пуля снесла верхнюю часть его черепа. Ребенок поднялся, начал кричать и бегать то в одну, то в другую сторону с открытым пульсирующим мозгом. Бандеровец продолжал стрелять, а ребенок бегал, пока очередная пуля не успокоила его»⁴¹...

А вот еще одно свидетельство чудом избежавшей гибели Францишки Косинской: «Я проживала на Волыни в селе Дошно, что в 17 км. от Ковеля. Соседние села Велимче и Датынь. С болью в сердце вспоминаю трагический день 28 августа 1943 года... Уже было достаточно светло, когда я с ребенком подошла к окну и увидела страшную картину. Вдоль озера бежит Йозеф Савицкий, а за ним на коне мчится бандеровец с саблей в вытянутой вперед руке. Когда лошадь догнала Савицкого, бандеровец взмахнул саблей, и голова убегающего повисла на плечах. Несчастный еще сделал несколько шагов и замертво упал. Я разбудила домашних и с ребенком на руках выскочила на полевую дорогу сбоку дома и спряталась во ржи. Была уже середина дня. Дочь крепко припала к моей шее и шептала: «Мама, пить...». Мне показалось, что в селе уже наступила тишина. Мы встали и пошли в дом соседа-украинца»...

Напоив дочь, Косинская вышла на улицу и побежала к двухсемейному дому своих дядей — братьев отца. «Мои дяди Флориан и Петр Рубиновские и наш кузен Казимир лежали на полу лицом вниз, пробитые штыками. Под яблоней, недалеко от порога, лежали мертвые тетя Ганя с детьми. У нее и ее сына были разрублены головы. Тетя держала в объятиях самого маленького ребенка. Тетя Сабина, жена другого дяди, была совершенно голая. У нее также была разрублена голова, а у грудей лежали два восьмимесячных близнеца. Тут же увидела бабушку Еву. Она стояла, прислонившись к стене лицом. Я подумала, что она жива. Оказалось, что она пробита штыком и в такой позе умерла, опершись о стену.

Ошалелая бегала я от дома к дому и, наконец, добежала до своих родителей. Отец лежал в комнате возле кровати в одном белье, пробитый штыками, лицом вниз. На него был брошен стянутый с кровати матрац. Сестра Янина была одета в белое праздничное платье с распущенными волосами, перевязанными голубой лентой. Она лежала под столом. У нее было прострелено сердце. Где ни искала, не находила труп матери.

Дальше побежала по колонии к трем незамужним женщинам «Цырылянкам», как звали их в селе по имени отца — Цырыля. В доме никого не оказалось. На огороде, где рос

картофель, я нашла Михайлину, *с отрубленными руками и ногами*. Стася и Ганя были замордованы в селе. В зернохранилище обнаружила обезображенное тело Каролины Едынович со связанными руками, ее сына Тадеуша и падчерицы Юзи. Ее пасынок Бронислав проживал с женой и тремя детьми отдельно. Из дома их выгнали в стодола и там превратили в неподдающиеся описанию изувеченные трупы... Так я бегала целый день с двухлетней дочерью от дома к дому, от семьи к семье. Под вечер меня нашел муж и отвел в лес за кладбищем». Десять дней пряталась в нем Францишка Косинская с уцелевшими членами своей семьи. А затем только смогла перебраться к родственникам в Ратно⁴²...

Примечательно, что немцы, под властью которых находились эти территории в тот момент, заняли, по сути, позицию невмешательства. По-видимому, командиры всех немецких частей дистрикта «Галиция» получили соответствующие указания от начальства. Немцы вмешивались в исключительных случаях, да и бандеровцы при совершении своих «акций» тщательно следили за тем, чтобы ни в коем случае не были задеты интересы оккупантов, — тоже имели соответствующие указания... Еще один акт «освободительной миссии» УПА:

«1943. В субботу утром, перед Пасхой, к нам в село пришла очередная трагическая весть о массовом убийстве поляков в с. Янова Долина. Вблизи села находился карьер, где в течение многих лет добывался базальт. В период оккупации немцы возобновили добычу базальта. Карьер постоянно охраняла усиленная рота немецких солдат численностью до ста человек». Поэтому в Янову Поляну «съехалось много поляков, спасающихся от разгула бандеровцев, надеясь на защиту со стороны немцев. Накануне нападения на данное поселение там собралось свыше 3 тысяч поляков... До поляков дошла угроза «Сделаем ляхам кровавую пятницу». Знали об этом и немцы. Некоторые из них даже предупреждали поляков, чтобы те не ночевали в своих домах.

Атака бандеровских резунов на село, как и следовало ожидать, началась ночью в пасхальную пятницу со стороны реки Горынь и леса в направлении железнодорожной станции и казармы немецкого гарнизона. Множество вооруженных и

невооруженных украинцев начали стрелять и поджигать дома. В большинстве случаев в дома не входили. Поджигали их с нескольких сторон, используя при необходимости быстро-воспламеняющуюся жидкость, и поджигали выходы спасающимся. Их хватали, убивали топорами и чем попало, а тела бросали в огонь. Тех, кому удалось бежать, расстреливали. Заблокированные в деревянных домах люди не имели никаких шансов на спасение. Поскольку часть домов поселения, примыкавших к немецкому гарнизону, не была окружена, многим жителям удалось бежать и рассредоточиться в ближайшем лесу, однако часть из них попала в руки убийц. Несколько пойманных поляков были повешены или посажены на острые колья. Расправа над поляками продолжалась до рассвета. Команда немецкого гарнизона вела себя пассивно — поляков, пытавшихся найти укрытие на их территории, не пускали за ограду. Немцы открыли огонь только тогда, когда бандеровцы начали поджигать дома, примыкающие к гарнизону.

Когда стало светло и догорали пепелища сожженных домов, немцы вышли за ограду своей казармы и, стреляя, стали разгонять бандеровцев. Уцелевшим польским мужчинам даже выдали под расписку несколько винтовок, чтобы те отомстили за убитых. Полякам удалось все же поймать около десятка оуновцев, над которыми с согласия немцев они учинили самосуд.

В пламени пожарищ сгорело свыше 600 человек. Более 500 останков сгоревших похоронили в братской могиле»⁴³... Всего-то три дня — и уже сотни трупов. А ведь данная украинская «акция» длилась не один месяц. Вот лишь небольшая выдержка из отчетов бандеровской Службы Безопасности (СБ) за 1944 год:

«СТАНИСЛАВЩИНА: 30 марта 1944 г. группа Зализняка сожгла 30 хозяйств и *убила 11 поляков* в с. Тарновцы Лиси.

5 апреля 1944 г. группа Зализняка провела акцию в Порогах и Яблинци. Сожжено шесть домов, *уничтожено 16 поляков*.

6 апреля 1944 г. группа Зализняка ликвидировала в с. Росильное *14 поляков* и шесть хозяйств...

11 апреля 1944 г. группа Довбуша ликвидировала в Рафайлове *81 поляка*...

23 апреля 1944 г. группа Искры и Комара сожгла в с. Викляны вблизи Товмача 16 хозяйств и *убила 14 поляков...*

РАВА—РУССКИЙ ОКРУГ. Дня 25.4.44 окружная боевка провела ликвидационную акцию против с. Смолин, в результате чего сожжено шесть польских хозяйств и *уничтожено шесть мужчин и две женщины поляков...*

Дня 27.4.44 та же боевка ликвидировала в селе Улацко-Середкевичи *55 мужчин и пять женщин поляков.* При этом сожжено около 100 хозяйств...

ЛЮБАЧИВЩИНА. 4.5.44. Сотня «Мстители» с уездной боевкой провела акцию в местечке Чесанив, где большинство поляков. Чесанив сожжено.

13.5.44. Та же сотня уничтожила польскую колонию Фрайфельд. При этом *ликвидировано девять польских колонистов.*

13.5.44. Окружная боевка сделала засаду на поляков, которые шли с Немирова до Равы. В результате *ликвидировано 20 поляков...*

СТРЫЙЩИНА. Ночью с 8 на 9.V.44 группа Явора с местной уездной боевкой окружили с. Держив, в котором было много поляков, чтобы начать *чистку польского элемента.* Поляки начали убегать к костелу и там закрылись. Другие сидели в домах, закрывшись так, что тяжело было пробраться в дом. Поэтому начали поджигать хаты, совсем сожжен и костел. Убегающих ляхов расстреливали... В этой суматохе стали жертвами и несколько украинцев, которые вместе с поляками убегали. За время акции *убито 60 поляков...*

ТЕРНОПОЛЬЩИНА. Дня 14.IV.44 г. *убиты 38 поляков* в с. Жидовичи. В том числе четыре женщины, которые оказывали сопротивление. Сожжено 14 хозяйств...

Дня 29.IV.44 г. в с. Добряничи *убиты пять поляков и один украинец-сексот...*

Дня 30.IV.44 г. в с. Тучное *убиты четыре поляка...*

Все акции осуществляла уездная боевка с помощью УПА «Орлы»⁴⁴...

Такая рутинная каждодневная работа. Правда, с тяжелым запахом крови. Живодерня, где вместо скота массово забивали людей. Общее количество жертв сегодня оце-

нивают в 50—100 тысяч человек... Тысячи и тысячи зверски умученных, зарубленных, распиленных, утопленных в колодцах или сожженных в своих жилищах совершенно незащитных детей и взрослых, обреченных на мученическую гибель «приказом» какого-нибудь *унтерменша* вроде Бандеры или Шухевича. И это широкомасштабное жестокое убийство мирных безоружных крестьян самостийники преподносят сегодня как «борьбу за независимую Украину», а тех, кто глумился над незащитными жертвами, пытал, насиловал и резал, возносят как ее «героев». И всё это на *официальном уровне*. Совершенно очевидные *преступники* и их *преступления* выставляются в качестве *образца для подражания*, на их примере воспитывают *подрастающее поколение*. Да, совсем свихнулись эти «самостийники»...

* * *

Впрочем, может быть, допустима и иная точка зрения, с которой подобная бойня находит некое «оправдание»... Не сами ли поляки спровоцировали ее, начав заселять *чужую землю*? Безумное стремление любой ценой сделать «своими» исконные Русские территории с Русским же населением на них, в течение нескольких столетий толкало польское правительство, а вместе с ним и весь польский народ, на авантюрные и провокационные шаги, заведомо чреватые этническим противостоянием и конфронтацией.

Из числа таковых и кампания по колонизации «восточных кресов», которую Польша интенсивно проводила в 20-е годы прошлого века. Стремясь усилить польское присутствие в Восточной Галиции и отторгнутой от России Волыни, Варшава всячески стимулировала переселение сюда поляков. Первоначально большинство переселенцев (так называемых *осадников*) составляли ветераны армии (особенно на Волыни), затем стали преобладать гражданские лица. Несмотря на то, что аграрные районы этих регионов и так являлись перенаселенными, польские колонисты именно здесь получали большие наделы лучших земель и щедрые денежные субсидии. Тем, кто не хотел работать на земле, предоставлялись привилегированные должности сельских

жандармов, мелких служащих, почтовых и железнодорожных чиновников. К 1938 г. в села Восточной Галиции и Волыни переселилось около 200 тысяч поляков. В городах их осело около 100 тысяч. Этот наплыв поляков, хотя и не мог кардинально изменить этнический состав региона, был достаточен для того, чтобы создать взрывоопасную ситуацию национального противостояния.

Масла в огонь подлила и политика так называемой «пацификации» (умиротворения). Украинский террор вызвал ответные меры польского правительства. В сентябре 1930 г. крупные подразделения польской кавалерии и полиции обрушились на галицкие и волынские села с целью «наведения порядка». Действуя по принципу круговой поруки, армейские части, заняв около 800 сел, принялись громить в них клубы и читальни, отбирать имущество и продукты, избивая всех, кто пытался протестовать. Было арестовано около 2 тысяч местных жителей, в основном молодежи — гимназистов, студентов, молодых крестьян. Почти треть из них попала в тюрьму на продолжительные сроки. Местных кандидатов в депутаты сейма посадили под домашний арест, не дав принять участие в проходивших в это время выборах. Выборщиков запугиванием принуждали голосовать за польских кандидатов.

Репрессивный характер политики властей в отношении местного населения сохранялся и в дальнейшем. Понятно, что польские *осадники* активно участвовали в мероприятиях своего правительства. Польская молодежь, организованная в полувоенные вооруженные формирования, часто под предлогом поддержки законности и порядка терроризировала местное население. Так что заряд ненависти к пришельцам накопился здесь изрядный...

Весомый вклад внесла в него и антиправославная политика поляков на Волыни. Доказывая, что большинство местных церквей когда-то принадлежали униатам и католикам, власти передали им около 150 православных храмов, а 190 *разрушили*. В итоге из 389 православных храмов Волыни, насчитывавшихся к 1914 г., к 1939-му уцелел только 51. В соседних Холмщине и Полесье применялись те же методы. Банды вооруженных колонистов из организации «Кракус» терроризировали местных жителей, заставляя переходить

в католичество, а делопроизводство Православной Церкви, богословское образование и даже церковные службы принуждали вести исключительно на польском языке⁴⁵.

Так что *польский вклад* в происшедшую трагедию, безусловно, есть. *Да и не поляки ли породили само украинское движение?* Не они ли всячески поощряли этническое ренегатство «украинцев», их отказ от Русской национальности? Конечно, при этом надеясь направить всю разрушительную энергию украинского сообщества исключительно против Русских — и во многом преуспели в достижении поставленной цели. Во всяком случае, в разрушении исторической России «украинцы» сыграли (и продолжают до сих пор играть) отведенную им роль «пятой колонны». Разумеется, польским политикам и в голову не могло прийти, чтобы та политическая сила, в формирование которой *они* вложили столько средств и энергии, вышла из-под *их контроля*. И не только вышла, но обернулась *против них самих*. Не верилось, что может наступить такой момент, когда «украинцы» примутся *резать поляков*, своих извечных учителей и наставников. Увы, увы!.. История нередко берет на себя функции Немезиды, и те, кто усиленно роет пропасть другим, зачастую сами низвергаются в нее... Да, *это* случилось, и *польская вина* здесь очевидна. Но может ли она служить оправданием для *убийства детей*? Оправданием зверского, жестокого истребления десятков тысяч мирных людей? Конечно, нет!.. Массовое убийство поляков на Волыни в 1943—1944 гг., невзирая ни на какие привходящие обстоятельства, так и останется страшным преступлением бандеровцев, которому нет и никогда не будет прощения.

* * *

Опять же, справедливости ради, отметим, что широко-масштабную резню польского населения «украинцы» всё же признали преступлением, и даже покаялись перед поляками. Еще и на памятник невинным ее жертвам раскошелись. Однако на прославлении преступников, повинных в массовом убийстве мирного населения, это нисколько не отразилось. Вообще, наблюдая за развитием политических процессов в Малороссии, не перестаешь удивляться: впе-

чатление такое, что История здесь пошла *вспять* и, достигнув отметки 40-х годов прошлого века, «зависла». Ожившие политические мертвецы, казалось бы, давным-давно отправленные на историческую свалку, выползли на авансцену жизни и как ни в чем не бывало правят бал среди ныне живущих...

8 мая 2000 года. Канун праздника Победы. Финальный концерт Всеукраинского фестиваля авторской песни «Серебряная подкова». Рок-группа «Кому вниз» несколько раз исполняет *на бис* песню «Птичка по имени Нахтигаль», посвященную батальону «Нахтигаль» и войкам украинской дивизии СС «Галичина». Одуревшие от алкоголя и децибелов молодчики перекрывают исполнителей песни возбужденным ревом нацистского приветствия «Хайль Гитлер!», вдогонку которому из сотен глоток несется еще более мощно — «Убей москаля!»... Власть, и местная, и киевская, многозначительно молчит... В эти же дни украинский президент Леонид Кучма, поздравляя ветеранов Великой Отечественной, с трогательным пафосом повествует о том, что вот, дескать, и его отец-фронтовик сложил голову то ли под Новгородом, то ли под блокадным Ленинградом. И не в вермахте служил, а в рядах доблестной Красной Армии... Параллельно президентским поздравлениям во Львове на Холме Славы украинская «молодь» избивает ветеранов той же самой Красной Армии, пришедших возложить цветы к памятнику погибшим на войне товарищам. Избивает и глумится на глазах у милиции, равнодушно взирающей на то, как внуки немецких холуев берут реванш над состарившимися представителями поколения победителей. Поведение милиции легко объяснимо: сверху дано указание — *не мешать!*.. И так каждый год. Уже, наверное, полтора десятка лет, еще с середины 1990-х. Пока украинский президент поздравляет и рассказывает байки про отца-фронтовика, молодые дегенераты глумятся над беспомощными стариками... Это ежегодное львовское «избиение стариков» стало уже своего рода нацистским ритуалом, наполняющим День Победы новым смысловым значением. Складывается впечатление, что Вторую мировую выиграли вовсе не Россия и ее союзники, а... Гитлер и Германия! Поэтому-то те, кто слу-

жил верой и правдой «фюреру» и рейху, чествуются сегодня как «победители». А тех шуцманов, кому посчастливилось дожить до нынешних дней, благодарные потомки спешат окружить заботой и теплотой...

19 марта 2001 года. Горсовет Ивано-Франковска принимает постановление, по которому ветераны дивизии СС «Галичина» объявлены «участниками боевых действий за свободу и независимость Украины», поэтому на них распространены льготы, предоставленные законодательством Украины... ветеранам Великой Отечественной войны. Уже на следующий день письмо Генеральному прокурору «Украины» Михаилу Потебенько отправил депутат Верховной Рады Андрей Деркач, в частности, писавший: «Подобное решение является не только надругательством над памятью миллионов жертв нацистских палачей, но и имеет абсолютно неправоовой характер. Решением Нюрнбергского трибунала СС была признана преступной организацией, и это решение является неотъемлемой частью современных международно-правовых отношений. Предоставляя льготы бывшим эсэсовцам, депутаты де-факто выразили свою солидарность с идеологией, за которую воевали части СС, приносившие присягу на верность Адольфу Гитлеру»...

Что же, все верно. 14-я дивизия СС «Галичина» была сформирована из добровольцев, жителей Галиции, 28 апреля 1943 г. с разрешения рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Реально в нее набралось 12 тысяч «воежив». Первое (и последнее) боевое крещение украинские эсэсовцы получили 7 июля 1944 г. в Карпатах под местечком Броды, где наступающие части Красной Армии окружили и разгромили дивизию. Из двенадцатитысячного воинства 7 тысяч человек остались на поле боя. Тех, кому удалось выскользнуть из окружения, немецкие хозяева больше на передовую не посылали, отправив в сентябре 1944-го вначале на подавление словацкого восстания, позже — воевать против партизан в Югославии. Весной 1945-го остатки дивизии сдались в плен английским войскам и расползлись по разным щелям на Западе. Те же, кто попал в советский плен, отсидев полученные сроки, вернулись под родные крыши и тихо жили до 1991 г. На свет Божий их вытянули бандеровцы нового поколения и даже сколотили из

них «штаб ветеранов дивизии СС «Галичина»... Всё как будто понятно. Тем не менее, никакого, даже чисто формального осуждения решение Ивано-Франковского горсовета у украинской власти не вызвало. Не подняли истерического визга по поводу «угрозы украинского фашизма» ни в Европе, ни в США. «Украинский фашизм» люб демократическому Западу, впрочем, как и латышский, эстонский и любой другой, если острие его направлено против России. Такой «фашизм» не только *не осуждается* «мировым сообществом», но и всячески *поощряется*. Неудивительно поэтому, что тогдашний украинский премьер-министр Анатолий Кинах (кстати, еврей по национальности и как бы «антифашист» по определению), тоже не увидел *никакого повода для беспокойства*: дескать, «нельзя перечеркивать историю», а все решения следует принимать в соответствии «с принципами исторической справедливости». Его секретарь был более конкретен: *«Эти люди сражались за независимость Украины»*... Такая вот оригинальная интерпретация украинскими чиновниками краткого боевого пути дивизии СС «Галичина».

Между тем, точное представление о том, за *чью* независимость сражались воины дивизии, легко почерпнуть из присяги, которую они давали. Текст ее гласил:

«Я, украинский доброволец, этой присягой добровольно отдаю себя в распоряжение Немецкой Армии.

Я присягаю Немецкому Вождю и Верховному Командующему Немецкой Армии Адольфу Гитлеру в неизменной верности и послушании.

Я торжественно обязуюсь все приказы и распоряжения начальников исполнять, а также все военные, государственные и служебные дела строго держать в тайне и тем самым верно и преданно служить Немецкой Армии и одновременно своей родине. Мне ясно, что я после своей присяги подвергаюсь всем немецким военным дисциплинарным взысканиям. Конец моей службы как украинского добровольца определяет Немецкая Армия»⁴⁶.

Все. И где же здесь присутствует «Украина», а тем более «борьба» за ее «независимость»? Речь идет о **«неизменной верности и послушании вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру»**, а также **«преданной службе немецкой армии»**. Ту-

манное упоминание «своей родины» никаких обязательств на солдата дивизии СС «Галичина» не накладывало. Смысл присяги совершенно очевиден: «Германия превыше всего!». И не странно ли, что тех, кто верно служил нацистской Германии, сегодня прославляют как... *украинских героев*? С украинской точки зрения, никакой странности в этом нет. Разве не предателям и изменникам поклоняются «украинцы» с момента возникновения их движения? Так что для них набирающий силу процесс возвеличивания последней генерации предателей естественен...

Первый успех в прославлении коллаборационистов вдохновил на дальнейшие шаги в том же направлении. 11 июля 2002 года Львовский областной Совет принял решение «О праздновании 60-й годовщины Украинской Повстанческой Армии». Львовские депутаты, в частности, потребовали признать УПА «*воюющей стороной во Второй мировой войне*», предоставить участникам ОУН—УПА *статус ветеранов войны*, а трем наиболее известным оуновским главарям — Е. Коновальцу, Р. Шухевичу и С. Бандере — посмертно *присвоить звание Героев Украины*. Такое вот специфически украинское понимание «восстановления исторической справедливости»...

УПА, конечно, воевала. Вот только *с кем?*.. С безоружными поляками, их женами и детьми на Волыни?.. Но *резня мирного населения* ни в одной стране не приравнивается к боевым действиям, а международным правом однозначно квалифицируется как *геноцид*, т.е. *преступление*. Или УПА заслуживает звания «воюющей стороны» за диверсии и теракты в тылу Красной Армии?.. С украинской точки зрения дело, по-видимому, так и обстоит. Выше мы показали, что немцы, оценивая формирования УПА всего лишь в качестве вооруженных **банд**, тем не менее, отмечали, что эти банды оказывали «ценные услуги немецкой армии». Конечно, не в *открытых столкновениях* с наступающими Русскими частями, а террористическими акциями в их ближайшем тылу. На это, собственно, и нацеливал абвер верхушку ОУН—УПА. И абверовская агентура не подкачала, действуя строго в соответствии с полученными инструкциями.

В проводимых УПА в тылу Красной Армии операциях внимание обращалось, прежде всего, на дезорганизацию работы промышленных предприятий, непосредственно обслуживающих нужды фронта. Так, на нефтепромыслы Станиславской (ныне Ивано-Франковская) обл. было совершено несколько вооруженных нападений, во время которых уничтожены или повреждены 26 нефтяных и свыше 30 других производственных объектов. Однако особое значение немецкая военная разведка придавала, как показал на допросе 19 сентября 1945 г. сотрудник абвер-команды-202 З. Мюллер, проведению формированиями УПА диверсий на железных дорогах и магистральных автотрассах, по которым перебрасывались войсковые резервы и соответствующее снаряжение в направлении фронта. И здесь украинскими войсками было сделано немало. Так, 10 августа 1944 года близ поселка Добротвор Каменско-Струмиловского (ныне Каменско-Бугский) района Львовской обл. был пущен под откос эшелон с боеприпасами. 11 августа в Ровенской обл. подорван санитарный поезд №454, при этом погибли 15 человек, а 40 медсестер бандеровцы увели в лес. В тот же день на перегоне Каменка-Струмиловская — Ракеты в 4 км от станции Ракеты вследствие подрыва железнодорожного полотна произошло крушение воинского эшелона с боеприпасами. 10 сентября на том же участке бандгруппы УПА пустили под откос еще один воинский эшелон с боеприпасами, а 12 сентября захватили железнодорожную станцию Угнев и уничтожили эшелон с воинским имуществом. В начале сентября 1944 г. на участке Езупиль — Галич было вырезано девять пролетов связи, трижды повреждена связь Станислав — Львов. 23 сентября в 3 часа ночи на 160-м километре перегона Отыня — Марковцы, подорвавшись на mine, потерпел крушение поезд №901. В ночь на 18 октября в Рожнятовском районе Станиславской обл. было сожжено 11 мостов общей протяженностью 783 погонных метра. В Ровенской обл. с 25 сентября до 25 октября 1944 г. бандеровцы срезали или выворотили из грунта 179 телеграфно-телефонных столбов, уничтожив около 9 тыс. м. линии связи⁴⁷...

Диверсионная активность ОУН—УПА в тылу Красной Армии вынудила, наконец, ее высшее командование серьез-

но заняться этой проблемой. По решению Государственного комитета обороны СССР на борьбу с УПА были брошены значительные воинские подразделения. Ими до конца сентября 1944 г. было проведено 2573 операции. При этом было уничтожено 37087 бандитов и арестовано 7968 активных участников бандеровского подполья. Захвачено 28 пушек, 1720 станковых пулеметов, 163 противотанковых ружья, 10646 винтовок, 2365 автоматов, 236 минометов, а так же множество боеприпасов и другого военного снаряжения. Потери советской стороны — 2235 убитых, 2621 раненый, 330 пропавших без вести⁴⁸. Даже соотношение боевых потерь ясно показывает: противостоять в открытом столкновении регулярной вооруженной силе УПА не была способна. Подтверждают это и советские военные сводки:

«16 февраля 1944 года отряд под командованием помощника начальника штаба 2-го полка старшего лейтенанта Игнатова, действуя по проческе лесного массива в районе населенных пунктов Ромейки, Переспан, Большие Вербы, столкнулся с вооруженной бандой УПА до 300 человек, вооруженной пулеметами и винтовками. Несмотря на численное превосходство в живой силе и вооружении бандитов, старший лейтенант Игнатов принял смелое решение: окружить и уничтожить банду. В результате боя было убито 46 и ранено до 100 бандитов. Захвачено 13 лошадей, секретные документы и вооружение.

6 марта 1944 года отряд под командованием командира 2-го погранполка подполковника Мульчешского, выполняя задачу по розыску и ликвидации бандгруппы УПА, прочесывая населенные пункты и лесные массивы, обнаружил бандгруппу УПА в количестве 100—120 человек. В результате правильно принятого решения, смелых и энергичных действий отряда банда была полностью ликвидирована, 84 бандита убиты и 25 пленены... 9 марта 1944 года в районе села Иване Ровенской области пограничники обнаружили банду «Черноморец» численностью до 100 человек. В ожесточенной схватке 50 бандитов было убито, 10 захвачено живыми, остальным удалось уйти. Однако через три дня они были настигнуты у деревни Плоска и уничтожены»⁴⁹...

Вести настоящие боевые действия УПА была просто не готова. Конечно, бандеровцам, используя фактор внезапности или нападения из засады, нередко удавалось уничтожать небольшие по численности группы партизан или отставших от своих частей Русских солдат, но открытых боев они тщательно избегали, а когда это не удавалось, всегда бывали биты. Иное дело — массовое уничтожение мирного *безоружного* населения. Здесь уж палачи разворачивались вовсю, давая полную волю своему садистскому изуверству. На этом-то поприще и совершили большую часть своих «подвигов» ныне прославляемые украинские «герои». А в роли «воюющей стороны» они никогда не выступали, всегда действуя из-за угла, да и то, только там, где успех и безнаказанность были гарантированы. Никогда они не были *армией*, а всегда только *бандой*, сборищем вооруженных преступников, способной убивать, но не воевать...

* * *

Впрочем, эта вполне очевидная истина далеко не для всех очевидна. В связи с большим числом публикаций в украинской прессе о бандеровских злодеяниях одна из читательниц прислала в редакцию еженедельника «2000» следующее весьма примечательное письмо:

«Хватит копаться в прошлом!

Сталин и Шухевич оба убивали свой народ. Слава Богу, это все уже в прошлом, и мы сделали правильные выводы. Я обращаюсь к народу Украины: хватит копаться в прошлом. Давайте раз и навсегда прекратим разделение Украины.

Читательница из Луганска⁵⁰...

Наивное письмо. В том-то и дело, что *правильные выводы* в отношении минувшего «украинцы» до сих пор так и не сделали, упрямо стремясь превратить «прошлое», точнее, самую страшную его часть, не только в «настоящее» Малороссии, но и в ее неотвратимое и безальтернативное «будущее». И в этом смысле *война не закончена*, как бы этого не хотелось. Украинский президент Ющенко тоже, например, за то, чтобы «все забыть», и даже настойчиво добивался от ветеранов Великой Отечественной войны заключения «пе-

ремирия» с головорезами ОУН—УПА... Тщетно добивался. Здесь перемирия быть не может, ибо речь идет о *преступниках*, преступления которых *не имеют срока давности*...

Герой Советского Союза Михаил Степанович Лиховид (1922—1944), кстати, земляк Виктора Ющенко, родился в селе Могрица ныне Сумского района Сумской области. Летчик-истребитель. В 22 года имел на счету 208 боевых вылетов, в 44 воздушных боях лично сбил 16 самолетов противника и еще 11 — в группе. 12 августа 1944 г. гвардии старший лейтенант М.С. Лиховид получил приказ отправиться с двумя механиками в район с. Майдан, недалеко от Рава—Русской (Львовской обл.) — для перегона самолета с места вынужденной посадки. Во время подготовки машины к вылету авиаторы были окружены бандеровцами. После издевательств Лиховида и двух его механиков *облили бензином и сожгли заживо*... 5 февраля 1944 г. на восточную окраину с. Мизоч для выполнения боевого задания были высланы два бойца автоматной роты 287-й стрелковой дивизии, однако последние в часть не вернулись. Произведенной облавой были обнаружены трупы бойцов, убитых холодным оружием, *со следами зверских издевательств: отрезаны носы и уши*... В ночь на 7 февраля того же года в районе города Сарны Ровенской области на разъезде Страшево бандиты зверски убили *6 военнослужащих-связисток и одного старшего сержанта*. В доме, где располагались связистки, также убиты хозяева его — муж и жена. У убитых женщин *разбиты головы и вырезаны груди*... Красноармеец Звольников (140-я стрелковая дивизия) отстал от своей части на марше и был схвачен двумя бандеровцами, одетыми в красноармейскую форму, и утащен в ближайший лес. Бандиты отрезали Звольникову уши и нанесли несколько ран... В ночь на 9 января 1944 г. в с. Белашувка (65 км. северо-восточнее Ровно) бандеровцы *вырезали 15 красноармейцев*, а в с. Моквин (55 км северо-восточнее Ровно) *отравили 30 красноармейцев* 181-й стрелковой дивизии⁵¹...

Воины великой армии, защитившие свою Родину от опасного и сильного врага, победоносно прошедшие с боями почти всю войну и в самом конце ее мученически погибшие от рук каких-то нелюдей, бандеровских недо-

человеков — разве можно это забыть? Простить эти подлые убийства — значит кощунственно надругаться над памятью наших героических дедов. Здесь примирения быть не может. Примириться можно с *солдатами*, а с насильниками и убийцами, весь «героизм» которых выразился в нечеловеческих пытках и изуверских убийствах безоружных жертв, примиряться — стыдно и позорно. Да и невозможно. Нравственным компасом здесь могут служить и воспоминания непосредственных очевидцев и участников той великой драмы.

Вспоминает ветеран Великой Отечественной Андрей Шоста: «Весной 1945 г. меня направили в Ровенскую обл. для помощи местным комсомольским организациям. Я оказался в Сарненском районе. Однажды меня вызвали в райком и сообщили, что в Черном лесу бандеровцы устроили засаду на поезд с ранеными. Меня включили в комиссию, которую возглавил секретарь райкома Стабровский, и отправили к месту ЧП. То, что мы увидели, было: три санитарных вагона, заполненные ранеными, *все убиты топорами и ножами*. Сопротивляться никто не мог, поскольку все были безоружными.

Спустя некоторое время попал в засаду наш секретарь обкома комсомола по военно-физкультурной работе майор Татарко, инвалид войны. Мы искали его 10 дней. Когда нашли, то оказалось, что у него *выколоты глаза, отрезаны уши и язык*. Также ему *отрубили пальцы на руках и ногах, отрезали половой орган и обмотали тело колючей проволокой*»⁵²... А вот еще одно свидетельство — жителя Донецкой области Всеволода Козореца, бывшего во время войны командиром отделения автоматчиков: «С жертвами бандеровцев во время боевых действий мне приходилось сталкиваться еще дважды. В одном из сел Станиславской области (ныне Ивано-Франковской) мы видели *колодец на окраине села, забитый трупами убитых и сброшенных туда бандеровцами женщин, детей и стариков*, которые, по словам селян, отказывали в помощи этим бандитам. Во второй раз, в лесном Тартаке, увидели труп молодого мужчины, *распиленный вдоль туловища на пилораме*, из-за того, что он отказался вступить в националистическую «боївку»»⁵³...

О событиях тех дней вспоминает Валентина Гавриловна Денисенко, жительница с. Лисичье Донецкой области, тоже участница войны: «Нас, девчат, бывших десятиклассниц, призвали на службу уже к середине июля 1941 года и определили в 56-й отдельный батальон внешнего наблюдения, оповещения и связи, сокращенно — ВНОС.

Охраняли мы подземный пороховой завод.

А когда на фронте наступил перелом, и противника погнали на запад, наша часть была передислоцирована на Западную Украину, в город Ровно. Вот там-то мы и узнали, чем *обычный страх отличается от леденящего ужаса*.

Тут уже несколько лет все воевали против всех: бандеровцы, польская Армия Крайова, советские партизаны. Видели мы и разоренные польские села, и подвергшиеся ответным набегам украинские.

Террористы заманили в ловушку военного коменданта города Ровно и *отрезали ему голову. А потом эту голову на блюде прислали на его квартиру и вручили жене*. Очень по-европейски...

В те же месяцы немцы продолжали сильно бомбить Ровно и его окрестности, а бандеровские банды нападали на наши наблюдательные пункты. Кому они при этом помогали, вопрос, думаю, излишний. Несколько наших девчат находились на постое у немолодой волынянки, сыновья которой воевали в отряде так называемой УПА. Мамаша известила сынков, когда наблюдатели пришли с дежурства. И бравые хлопцы нагрянули из леса со всей своей бандой. Девушки, укрывшись на чердаке, пытались отстреливаться. Но силы были слишком неравными. Эти *нелюди* захватили наших подруг живьем, *долго терзали — изощренно, по-садистски*. Примчавшиеся на выручку бойцы во главе с командиром майором Огурцовым нашли *их изуродованные тела*.

В Ровно не ощущалось ни минуты покоя. Наша часть, не считавшаяся фронтовой, снабжалась по более низкой категории, потому чувство голода испытывали мы постоянно. Но на рынок за продуктами идти боялись. Потому что были случаи и отравления продуктами военнослужащих, и похищения их среди бела дня.

Оуновцы непрерывно нападали даже на маршевые части, устраивали диверсии, подрывали идущие к фронту эшелоны с людьми и вооружением — то есть объективно помогали Гитлеру. Тех бойцов, которые, забыв об осторожности, по лесным дорогам в одиночку или мелкими группами догоняли свои части, бандюки захватывали в плен, *насаживали на колья, резали на части, сжигали на кострах*. А потом, *переодетые в советскую форму, нацепив на грудь ордена и медали убитых, нападали на наши части, на села, выдавая себя за отряды НКВД*. Такую подлую тактику они применяли постоянно.

Очень противно, когда нынче раздаются стоны по поводу справедливого возмездия, постигшего националистов. Разве не понятно, что с ними поступали в соответствии с законами военного времени?

Вспоминаю публичную казнь шести видных бандеровцев на городской площади Ровно. Они стояли на платформах грузовиков в добротных светлых костюмах, явно без следов пыток и избиений. Посреди оцепленной войсками площади — виселицы. Приговоренным накинули на шею петли... Никто не выразил сочувствия — ведь за каждым из повешенных тянулся длинный кровавый след. Правда, ночью их «лесные братья» попытались отбить трупы, но неудачно.

Жителей тех сел, где активно помогали бандитам и добровольно посылали сыновей в леса, депортировали в Сибирь. Заметьте, не сжигали живьем в домах, не топили в колодцах, не рубили головы, как поступали оуновские вояки с мирными поляками, евреями, русскими, да и украинцами тоже, а просто высылали. А нынче дети и внуки бывших ссыльных заседают в Верховной Раде, областных и городских советах, громят православные церкви, нападают на ветеранов войны. Короче, чувствуют себя вольготно на нынешней Украине, да еще добиваются морального оправдания палачей и уравнивания их в правах с победителями коричневой чумы. А жертвы их отцов и дедов истлевают в земле вместе с загубленными семьями, с малыми детьми.

И это справедливо? Почему пепел невинных жертв не стучит в сердцах высокопоставленных адвокатов бандеровщины? Не знаю, как вам, а мне страшно за наших детей и внуков, живущих в таком государстве»⁵⁴...

Действительно, *страшно*. Но страшно лишь тем, кто не поддался оголтелому украинскому беснованию и нравственно не оглох под прессом оболванивающей идеологической обработки, чей взгляд не замутилен лавиной лжи и фальсификаций, и в сгущающейся тьме еще в состоянии отличить белое от черного, подвиг от преступления, истинное Добро от рядящегося в его одежды Зла. Но много ли таких в нынешней Малороссии?..

19 июля 2006 года на заседании украинского правительства был утвержден проект закона о предоставлении льгот участникам УПА. «Правительство на заседании *единогласно* приняло этот законопроект», — сообщил исполняющий обязанности вице-премьера Украины по гуманитарной политике (!) Вячеслав Кириленко. «*Это историческое решение*, поскольку ни одно правительство за 15 лет не рассматривало этот вопрос. Они сознательно избегали его», — добавил он. Проект закона «О социальной защите участников национально-освободительного движения 1939–1956 гг.» наметил выделение из государственного бюджета около 10 млн. долларов на поддержку бывших участников бандеровских формирований⁵⁵...

16 мая 2007 г. последовало очередное «историческое решение» — указ украинского президента Ющенко «Об ознаменовании 100-летия со дня рождения Романа Шухевича», в котором террорист, немецкий диверсант и организатор массовых убийств мирного населения был преподнесен в качестве «одного из видных вождей украинского освободительного движения 20–50-х годов XX столетия, выдающегося военного и политического деятеля». Указ предусматривал проведение 30 июня, в день рождения Р. Шухевича, торжеств в населенных пунктах, связанных с его жизнью и деятельностью; демонстрацию в кинотеатрах и на телевидении фильмов, посвященных ему же; «присвоение отдельным учебным и научным заведениям и учреждениям имени Романа Шухевича, а также соответствующее наименование или переименование в установленном порядке улиц, проспектов, площадей в населенных пунктах Украи-

ны». Тут же в Тернополе появились билборды с изображением «героя» и надписью: «Роман Шухевич — символ непокоренности и героизма Армии Бессмертных, командир величайшего творения Нации в годы Второй Мировой войны»⁵⁶. А некоторое время спустя последовал еще один президентский указ — о присвоении Шухевичу посмертно звания Героя Украины.

Что ж, как говорится, дальше идти уже некуда. Капитан абвера, отмеченный за *верную службу Германии* двумя Железными Крестами, удостоивается самотийниками высшей правительственной награды в качестве «главнокомандующего УПА». Да только за какие же «воинские подвиги» прославляют сегодня УПА «украинцы»? Или на их счету, кроме убийства безоружных, раненых, застигнутых врасплох, имеются еще какие-то деяния? О. Тягнибок рассказывает, что воевали и с «москалями», и с поляками, и даже с *немцами*. Как бандеровцы «воевали» с поляками, мы показали выше. «Война» с «москалями» отмечена разве что неслыханным зверством и садистской жестокостью — побед в ней нет. Здесь «Армия Бессмертных» выглядела всего лишь шайкой обреченных. Насчет немцев и говорить не приходится. Громоздя горы лжи, «украинцы» до сих пор не назвали *ни одного освобожденного УПА* от немецкой оккупации города, района или хотя бы небольшого местечка. *Ни одного* разгромленного немецкого соединения. Таковых просто не было. Их и не могло быть, ведь абвер создавал УПА не для того, чтобы она воевала против немецкой армии. Факты свидетельствуют: бандеровцы вели войну только на одном фронте, но правду об этой главной их войне сегодня как раз и замалчивают...

В 2009 году жительница Львовской области передала в редакцию украинского еженедельника «2000» «Список лиц, которые погибли от террора ОУН—УПА в Городокском районе (Львовской области) в 1944—1952 годах». При этом сказала, что боится за свою семью. А появление у нее этих документов и свое решение предать их гласности пояснила так: «Чтобы сохранить копии списков, в Городокском райкоме партии их раздали в августе 1991 г. В основном — местным коммунистам (так они попали к моему мужу).

В это время была угроза того, что райком со дня на день начнут громить. Понятно, что такие документы уничтожили бы в первую очередь. Муж... перед смертью просил, чтобы я обязательно отдала их надежным людям. Говорил, что это очень важные документы, что нельзя допустить, чтобы жертвы бандеровских злодеяний были забыты. Сегодня, когда власть делает все, чтобы стереть эту память, я понимаю, насколько он был прав. И выполняю его последнюю волю»⁵⁷...

Всего в списке, опубликованном в еженедельнике, 596 фамилий. И кто же по *национальности* эти зверски замученные, подло убитые из-за угла мужчины, женщины, дети? Убитые, не будем забывать об этом, «борцами за украинскую независимость», теми самими «украинскими героями», дух которых преисполняет новые поколения борцов за «самостийность». Нет, не поляки составляют большую часть этого мрачного мартиролога, и не солдаты Красной Армии или сотрудники НКВД, и даже не местные коммунисты или сочувствующие советской власти. Подавляющее число жертв — самые обычные «**украинцы**»: крестьяне, домохозяйки, учителя и агрономы, школьники и студенты, старые и молодые, и, конечно, *дети*, многие совсем малыши двух—трех лет. Привожу лишь малую часть из этого страшного списка.

«...**14. Бажега Анна Михайловна**, 1928 г.р. (16 лет), жительница с. Речичаны, *украинка*, несовершеннолетняя, погибла в августе 1944 года в с. Речичаны. Замучили только за то, что она осмелилась ехать на машине с бойцами Советской Армии.

...**16. Балагуш Надежда Петровна**, 1924 г.р. (22 года), жительница с. Тучапы, *украинка*, крестьянка, погибла 17 ноября 1946 года на хуторе Жбадин. *Повесили на дереве* (три недели висела, потому что не разрешали снимать) *за то, что рассказала сестрам Треся В.О., как его замучили.*

...**29. Билык Анна Иосифовна**, 1924 г.р., жительница с. Заверещица, *украинка*, погибла в 1948 году в с. Заверещица (*закололи штыками*).

...**39. Блашук Петр Михайлович**, 1925 г.р. (19 лет), житель с. Градовка, *украинец*, крестьянин, «ястребок», погиб в декабре 1944 года в с. Градовка в доме родителей, *вначале выкололи глаза, потом убили.*

...51. Бокало Михаил Григорьевич, 1904 г.р., житель с. Якимчицы, *украинец*, крестьянин, погиб 4 мая 1945 года в с. Якимчицы, *после жестоких пыток повешен*.

...60. Бугай Павел Иванович, 1920 г.р., житель с. Градовка, *украинец*, комсомолец, «ястребок», погиб осенью 1946 года в с. Градовка, *зверски убит (выкололи глаза, отрезали язык, изуродовали все тело)*.

...117. Гресь Василий Алексеевич, 1910 г.р., проживал в с. Родатичи, демобилизовался из Советской Армии в декабре 1945 года, погиб 8 января 1946-го на хуторе Жбадин, *зверски замучили (отрезали язык, нос, уши, выкололи глаза)*.

...143. Дудок Василий Анастасиевич, 1900 г.р., житель с. Косивец, *украинец*, председатель сельсовета с. Косивец, погиб в 1945 году в лесу у с. Косивец, *распят на дереве вместе с сыном*.

...150. Журавель Василий, житель с. Тучапы, *украинец*, заведующий Городокской средней школы №2, погиб в мае 1945 года в с. Тучапы, *рассекли голову лопатой*, похоронен в с. Тучапы.

...167. Звизло Екатерина Петровна, 1905 г.р., жительница с. Пидзвиринец, *украинка*, крестьянка, жена председателя сельрады и колхоза Звизло М.Я., погибла 27 марта 1947 года в с. Пидзвиринец в собственном доме (*перед этим на ее глазах поубивали детей*), похоронена в с. Пидзвиринец.

168. Звизло Любомир Михайлович, 1939 г.р. (8 лет), житель с. Пидзвиринец, *украинец*, несовершеннолетний, погиб 27 марта 1947 года в с. Пидзвиринец, *убит в родном доме вместе с матерью и братьями*, похоронен в с. Пидзвиринец.

169. Звизло Олег Михайлович, 1941 г.р. (6 лет), житель с. Пидзвиринец, *украинец*, несовершеннолетний, погиб 27 марта 1947 в с. Пидзвиринец, *убит в родном доме вместе с матерью и братьями*, похоронен в с. Пидзвиринец.

170. Звизло Петр Дмитриевич, 1894 г.р., житель с. Ливчицы, *украинец*, председатель колхоза с. Ливчицы, погиб в июне 1948 в с. Ливчицы от 10 ножевых ран.

171. Звизло Петр Михайлович, 1932 г.р. (15,5 лет), житель с. Пидзвиринец, *украинец*, несовершеннолетний, погиб 27 марта 1947 года в с. Пидзвиринец, *убит в родном доме вместе с матерью и братьями*, похоронен в с. Пидзвиринец.

172. Звизло Федор Михайлович, 1929 г.р. (17,5 лет), житель с. Пидзвиринец, *украинец*, крестьянин, погиб 27 марта 1947

года в с. Пидзвиринец, *убит в родном доме вместе с матерью и братьями*, похоронен в с. Пидзвиринец.

...194. Канцяр... Петрович, 1941 г.р. (3 года), житель с. Угры, *украинец*, несовершеннолетний, сын Канцяра П.Ф. — секретаря сельсовета с. Угры, погиб 12 ноября 1944 года в с. Угры, *убит вместе с родителями (от разрыва гранаты оторвало полголовы)*, похоронен в с. Угры.

195. Канцяр... Петровна, 1938 г.р. (6 лет), жительница с. Угры, *украинка*, несовершеннолетняя, дочь Канцяра П.Ф. — секретаря сельсовета с. Угры, погибла 12 ноября 1944 в с. Угры, *убита вместе с родителями в доме (зарублена топором)*, похоронена в с. Угры.

196. Канцяр Мария Михайловна, 1908 г.р., жительница с. Угры, *украинка*, крестьянка, жена секретаря сельсовета с. Угры Канцяра П.Ф., погибла 12 ноября 1944 года в с. Угры, *убита в доме вместе с мужем и детьми*.

197. Канцяр Петр Федорович, 1906 г.р., житель с. Угры, *украинец*, секретарь сельсовета с. Угры, «ястребок», погиб 12 ноября 1944 года в с. Угры, *убит вместе с семьей в доме (зарублены топорами)*, перед этим бросили гранату»...

Ладно, взрослые, а *детей-то за что?* Врагом кого или чего являлись трех- и шестилетние малыши? За какие же провинности «украинские герои» *убивали украинских детей?* Над этим бы вопросом задуматься сегодняшним почитателям Бандеры и Шухевича...

«...199. Карабин Мария Михайловна, 1926 г.р. (18 лет), жительница с. Комарно, *украинка*, комсомолка, телефонистка, погибла в 1944 году. Клицкивский лес (близ Комарно), *после надругательства и нечеловеческих издевательств отрезали голову*.

...207. Ключник Анна, 1942 г.р. (2 года), жительница с. Дубаневичи, несовершеннолетняя, погибла в 1944-ом или в нач. 1945 года, дома *зарублена топором* на глазах матери Ключник Анны Петровны, которая была тяжело ранена, но выжила.

208. Ключник Григорий, 1940 г.р. (4 года), житель с. Дубаневичи, несовершеннолетний, погиб в 1944-ом или в нач. 1945 года, дома *зарублен топором* на глазах матери Ключник А.П., которая была тяжело ранена, но выжила.

...297. Малушко Анна Ивановна, 1942 г.р. (3 года), жительница с. Путятичи, украинка, несовершеннолетняя, дочь «ястребка» Малушко И.М., погибла в с. Путятичи, *расстреляна вместе с отцом дома.*

298. Малушко Иван Михайлович, житель с. Путятичи, украинец, «ястребок», погиб 9 февраля 1945 года в с. Путятичи, *в собственном доме расстрелян вместе с дочерью.*

...301. Маляр Илья Михайлович, житель с. Зашковичи, украинец, крестьянин, комсомолец, погиб в 1948 году в с. Зашковичи, *нанесено 17 ножевых ран и перерезано горло.*

...346. Навроцкий Евгений Михайлович, 1931 г.р. (13 лет), житель с. Мшана, несовершеннолетний, погиб в августе 1944 года в с. Мшана, *убит вместе с родителями.*

347. Навроцкая Мария, жительница с. Мшана, крестьянка, погибла в августе 1944 года в с. Мшана, *убита вместе с семьей.*

348. Навроцкий Михаил, житель с. Мшана, работник железной дороги, погиб в августе 1944 года в с. Мшана, *убит вместе с семьей.*

349. Навроцкий Петр Михайлович, 1937 г.р. (7 лет), житель с. Мшана, несовершеннолетний, погиб в августе 1944 в с. Мшана, *убит вместе с родителями.*

...403. Притула Надежда Алексеевна, проживала в с. Бар, директор школы с. Бар, погибла 16 августа 1946 года, у с. Бар захвачена бандитами вместе с двоюродным братом Кеда И.М., *после жестоких издевательств убита.*

...408. Проць Иван Васильевич, 1900 г.р., житель с. Пидзвиринец, украинец, конюх колхоза, погиб 27 марта 1947 года в с. Пидзвиринец, *убит вместе с 16-летним сыном.*

...410. Проць Екатерина, жительница с. Пидзвиринец, крестьянка, жена «ястребка», погибла 29 апреля 1945 года в с. Пидзвиринец, *после садистских пыток в лесу — умерла.*

...412. Проць Николай Иванович, 1931 г.р. (16 лет), житель с. Пидзвиринец, украинец, несовершеннолетний, погиб 27 марта 1947 года в с. Пидзвиринец, *убит вместе с отцом.*

...415. Прус Степан, житель с. Суховоля, председатель сельсовета с. Суховоля, погиб в 1946 году в с. Суховоля в собственном доме *(сонного закололи вилами).*

...539. Чайковская Калина Тимофеевна, 1902 г.р., проживала в с. Бартатив, крестьянка, погибла 31 декабря 1946 года, убита в собственном доме в с. Бартатив.

540. Чайковская Анна Андреевна, 1929 г.р. (17 лет), жительница с. Бартатив, украинка, крестьянка, погибла 31 декабря 1946 года в с. Бартатив, *убита в собственном доме вместе с родителями и сестрой.*

541. Чайковская София Андреевна, 1922 г.р. (24 года), жительница с. Бартатив, украинка, комсомолка, заведующая клубом с. Бартатив, погибла 31 декабря 1946 в с. Бартатив, *после издевательств убита в собственном доме.*

...**543. Чайковский Андрей Андреевич**, 1888 г.р., проживал в с. Бартатив, хлебороб, погиб 31 декабря 1946 года в с. Бартатив, *убит в собственном доме.*

...**579. Яговка Николай Матвеевич**, 1888 г.р., житель с. Хишевичи, украинец, хлебороб, погиб осенью 1944 года в с. Хишевичи, *расстрелян на глазах жителей села*, похоронен в с. Хишевичи.

580. Яговка Екатерина Яковлевна, 1890 г.р., жительница с. Хишевичи, украинка, домохозяйка, погибла осенью 1944 года, *расстреляна на глазах жителей с. Хишевичи*, похоронена в с. Хишевичи.

581. Яговка Григорий Николаевич, 1907 г.р., житель с. Хишевичи, украинец, хлебороб, погиб осенью 1944 года в с. Хишевичи, *расстрелян на глазах жителей села*, похоронен в с. Хишевичи.

582. Яговка Анна Петровна, 1910 г.р., жительница с. Хишевичи, украинка, домохозяйка, погибла осенью 1944 года в с. Хишевичи, *расстреляна на глазах жителей села*, похоронена в с. Хишевичи.

583. Яговка Екатерина Григорьевна, 1927 г.р. (17 лет), жительница с. Хишевичи, украинка, проживала вместе с родителями, домохозяйка, погибла осенью 1944 года в с. Хишевичи, *убита на глазах жителей села*, похоронена в с. Хишевичи.

584. Яговка Мария Григорьевна, 1932 г.р. (12 лет), жительница с. Хишевичи, украинка, несовершеннолетняя, погибла осенью 1944 года в с. Хишевичи, *заколота штыком на глазах родителей и жителей села*, похоронена в с. Хишевичи»⁵⁸...

Вот такой список. И это только по одному району, а ведь таких районов, охваченных «освободительной борьбой», было несколько десятков. А это значит, что и число жертв «борцов за независимость Украины» измеряется многими

и многими тысячами. И как же следует квалифицировать действия тех, кто сегодня выставляет в качестве «героев» серийных убийц и маньяков? Только как *безумие*. Или *преступный умысел*, преследующий совсем не те цели, которые декларируются публично. Ведь «освободители» убивали, прежде всего, *своих*, зверски расправляясь с теми, кого они якобы стремились «освободить». Освобождали... правда, от жизни. Именно «украинцы» и составили большую часть погибших от бандеровского террора. И это не было отдельными случайными эксцессами, а именно спланированной и сознательно осуществляемой политикой. Вот как формулировали задачу вожди «освободительной борьбы»: «... добиться, чтобы ни одно село не признало советской власти. ОУН должна действовать так, чтобы *всех, признающих советскую власть, уничтожить. Не запугивать, а физически уничтожать!* Не нужно бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина — ничего страшного в этом нет»⁵⁹... Истребление 20 миллионов своих соотечественников проблемы не составляет, ибо оставшиеся в живых перестанут колебаться, навсегда преклонив колени перед «освободителями» и их звериной идеологией... 12 октября 2007 г. вышел указ В. Ющенко о праздновании 65-й годовщины УПА. Наряду с проведением торжественных мероприятий, посвященных столь знаменательной дате, указ обязал Совет министров АР Крым, областные, Киевскую и Севастопольскую городские государственные администрации предпринять меры «по улучшению социально-бытового и медицинского обслуживания бывших участников украинского освободительного движения, провести работу по изучению их повседневных нужд, изыскать возможности предоставления ветеранам украинского освободительного движения адресной материальной помощи и вручения им памятных подарков»⁶⁰. На следующий день, 13 октября, во Львове торжественно открыли семиметровый бронзовый памятник лидеру ОУН Степану Бандере. Во время церемонии председатель «братства ОУН—УПА» Олесь Гуменюк сказал: «И здесь теперь будет стоять гений нации Украины. И он будет передавать свой дух молодому поколению»⁶¹...

И каким же это «духом» должны проникнуться молодые поколения «украинцев»? Приведенный нами список вполне раскрывает суть «подвигов» тех, о ком с такой трогательной заботой печется сегодня украинская власть. Уничтожали противников создания «нэзалэжной дэржавы»?.. Но чем провинилась перед «самостийной Украиной» шестнадцатилетняя девчонка, Анна Бажега? Ехала на попутке до нужного места — и за это ее зверски убили... А Надежда Балагуш, двадцатидвухлетняя девушка, «вина» которой заключалась лишь в том, что оказалась невольной свидетельницей преступления и не стала молчать о том, что видела. За это «украинские герои» ее не просто убили, а убили показательно — чтобы другим было неповадно. Уже тогда они тщательно заметали следы своих «подвигов»... Анну Билык закололи штыками в 1948 году. А ведь она только начинала жить. Всего-то двадцать четыре года! Совсем недавно кончилась страшная война, вокруг налаживалась мирная жизнь, созидательный труд... Ан, нет, «герои» ОУН—УПА *войны против собственного народа* к тому моменту еще не закончили...

А сегодня им ставят памятники и в честь их называют улицы и площади городов. Да, воистину жалка участь общества, где политическими кумирами становятся деятели вроде Бандеры или Шухевича. А тот безрадостный факт, что проповедуемая ими политическая философия неуклонно овладевает массами, свидетельствует только об одном: украинское сообщество неотвратимо скатывается на путь *самопожирания*, *тотальной войны всех против всех*, жестокой и нескончаемой. Конечный ее результат очевиден — *духовная пустыня*, где вместо людей — нравственные и интеллектуальные уроды, а вместо вожденной «свободы» — страшное, омертвляющее *рабство*. Перспектива у такого общества одна — неизбежный социальный, духовный и нравственный коллапс, превращение в этническую «черную дыру», и оттого, что эта «черная дыра» будет и дальше величаться «самостоятельной и независимой Украиной», суть ее нисколько не изменится...

ЭПИЛОГ. ЧТО ДЕЛАТЬ.

И в самом деле: *что нам делать* со всем этим? Делать в условиях, когда чума украинства поразила миллионы Русских людей, охватив огромную территорию Южной России. При этом следует иметь в виду, что за прошедшее после 1991 года время в Малороссии в активную жизнь вступило несколько новых поколений, сознание которых с самого раннего детства формировалось исключительно под воздействием лживой украинской доктрины и которые ничего, кроме созданных ею русофобских мифов, *не знают*. *Не знают* своей подлинной национальной принадлежности, не знают истинной Русской истории, лишены воздействия настоящей Русской культуры. Они уже и языка-то Русского толком *не знают*, общаясь на примитивном украинском волапюке, который по своему невежеству именуют «родным языком». *Что же нам со всем этим делать?!* Как всему этому противостоять в условиях, когда каждый год численность подобных этнических ренегатов в Малороссии пополняется все новыми и новыми миллионами школьных выпускников, уже прошедших полную программу идеологического оскопления, вымуштрованных на ненависти ко всему Русскому, с душами, отравленными ядом сепаратистской пропаганды. Что с этим делать? Какие неотложные меры предпринять, чтобы избежать братоубийственной резни, на которую так рассчитывают все

враги Русской нации и особенно фанатичные последователи украинского мракобесия?..

Наверное, ответ на этот исключительной важности вопрос следует начать с формулирования того, *чего делать не следует*. Ведь сама успешная история украинского сепаратизма свидетельствует: те меры, которые предпринимались для его нейтрализации, на практике оказались недейственными, а, значит, и неадекватными. Тем не менее, именно это «наследие» безо всякой критической переоценки взято на вооружение современными оппонентами самостийничества, особенно в самой Малороссии. Вот как представляет себе, например, политику в отношении украинства С.Н. Сидоренко, автор книги «Украина — тоже Россия» (М.: «Альтернатива», 2005). Следует сразу отметить, что даваемые им оценки украинского сепаратизма точны и верны, в том числе и культурной его составляющей. Однако предлагаемые пути преодоления украинства находятся в вопиющем противоречии с оценкой самого явления. Свои наблюдения С.Н. Сидоренко подытоживает следующим образом: «Исходя из предыдущего опыта, разумнее будет предоставить украинству возможность *беспрепятственного развития* (естественно, за счет собственных его ресурсов), чтобы украинская культура *сама осознала* свои пределы»¹. Бесспорность сделанного вывода автор подчеркивает его неоднократным повторением: «очень важно ничем не помешать украинофилам *самостоятельно излечиться* от чрезмерных претензий и осознать свое место, не давая при этом им поводов для всевозможных спекуляций (*что их «запрещают» и «преследуют»*. — С.Р.)»²... «Даже если в будущем политическое развитие Украины пойдет по самому благоприятному для ее народа направлению (так что духовно он сможет возвратиться в ту цивилизацию, которая некогда зародилась на этой земле), нам еще *долго придется иметь дело с украинством и с необходимостью проявлять к нему терпимое отношение*. Ведь, к сожалению, украинство сегодня — это уже не просто безвредное поветрие, как в начале XX-го века, которое легко могло бы развеяться от благоприятных политических перемен. Сегодня это уже сама болезнь, поразившая часть народного организма. За послед-

ний исторический период значительное число нынешних граждан Украины самым искренним образом связали с ним свои жизни, а потому борьба с этой болезнетворной идеологией не должна превратиться в *перечеркивание жизненного пути каждого из этих людей*»³. Так что терпимость, терпимость и еще раз терпимость!..

Поразительно. Ведь все это *уже было*: **терпимость** Русской власти и, особенно, Русского общества к малороссийским сепаратистам, надежды, что все это как-нибудь само собой рассосется и *они* что-то там «осознают» (тем более, при совершенно очевидной абсурдности самой *их* идеи — превратить третью часть Русского Народа в «иностранных», другую нацию). Чуть ли не сто лет жили в плену этих иллюзий. И что же: рассосалось?.. *они* «осознали свои пределы», «излечились» от своих бредовых идей? Нет, полуторавековое развитие самостийничества — лучшее доказательство того, что ни в коем случае *нельзя было «проявлять к нему терпимое отношение»*... И почему С.Н. Сидоренко переводит все в сферу «борьбы идей»? Ведь украинство — это не только сепаратистская *идея*, но и выстраиваемая на ее основе *практика*. Разве уродование Костомаровым Русской истории и ее же тотальная фальсификация Грушевским не являлись *практическим деянием*, откровенно *подрывной акцией* против Русского государства и Русского народа? А лишение Малороссии родного Русского языка путем *насильственного* навязывания украинского волапюка, разве не к *практическим действиям* относится? Мы уже больше ста лет поставлены в условия бескомпромиссной борьбы не только с идеологией украинского сепаратизма, но и с *преступной деятельностью*, провоцируемой и направленной этой идеологией. И главная проблема как раз и заключена в том, что мы этой борьбе *избегали* и имевшую место преступную деятельность *не пресекали*... И, кстати, о *недопустимости* «перечеркивания жизненного пути» тех, кто «искренне связал сегодня свою судьбу с украинством». Почему-то сами сепаратисты изначально *не ограничивали* себя никакими моральными обязательствами в плане «*перечеркивания*» не только судьбы, но и *самой жизни* тех, кто им противостоял. Уже в первый момент своего появления

на политической сцене в Галиции в 90-е годы XIX столетия, они не только клеветали и доносили на своих Русских соотечественников, коверкая их судьбы, унижая человеческое и национальное достоинство, но и широко использовали против них методы физического *террора*, включая и *убийства*. Кровавые столкновения в галицких селах той поры, которые провоцировали именно «украинцы», число *жертв* этих братоубийственных столкновений и их моральные последствия еще ждут своего исследования. А вот о *массовом убийстве* Русских галичан в 1914–1917 гг., осуществленном по прямому науськиванию и доносам сепаратистов, и при их активном участии, мы знаем достаточно. Как и о *массовом истреблении* мирного населения бандеровцами в ходе Отечественной войны 1941–1945 гг. и еще десятилетие по ее окончании... А террор наших дней! Разве *убийство* Масловского, убийства и кровавые избиения православных священников и мирян, активистов Русских национальных организаций в сегодняшней Малороссии не являются «*перечеркиванием жизненного пути каждого из этих людей*»? Почему-то сепаратисты не испытывают никаких колебаний, ломая жизни и судьбы миллионов наших соотечественников. Более того, откровенно этим бахвалятся и гордятся. И даже открыто призывают продолжать в том же духе. А мы с этим должны мириться и проявлять к ним «терпимое отношение»? Странно вообще, что к подобному «пацифизму» (т.е. *ничегонеделанью!*) призывает человек, сам живущий в Малороссии, и имеющий полную возможность *непосредственно* наблюдать *практику* нынешних сепаратистов, которая в отношении Русских обладает всеми признаками *этнического геноцида*. Да и «прежний опыт» свидетельствует: «терпимое отношение» к себе *они* воспринимают однозначно — как нашу *слабость* и неопровержимое свидетельство *их правоты*. Надо же, наконец, ясно представлять себе, с *какой* человеческой общностью мы имеем дело!..

Однако С.Н. Сидоренко целиком находится в русле демократической традиции. Отсюда и странная парадоксальность его выводов: «К необходимости искать способы *уживаться* вынуждает и то обстоятельство», что «украинцы —

это не только те, кто из-за особенностей исторического пути русского народа в XX-м столетии попросту *не знают, что они — русские* (хотя таких и большинство), это также и те, **кто не желают быть русскими**. И к этому «сознательному выбору», по мнению С.Н. Сидоренко, следует отнестись с полным уважением (или хотя бы терпимо): «Несмотря на полную несостоятельность исторических построений самостийников, *приходится считаться с фактом*, свидетельствующим, что *существуют люди, много людей, которые, несмотря ни на что, просто не желают быть русскими* и не хотят принимать во внимание историческую правду». Поэтому «к приверженцам украинства правильнее будет относиться как к людям; сделавшим сознательный выбор, требуя, вместе с тем, и от них уважительного отношения к тем, чей выбор связан с продолжением традиций русской православной цивилизации»⁴...

И снова какая-то алогичная иллюзия. Если некое количество Русских людей сознательно отказываются *быть Русскими*, то с какой стати они при этом претендуют на *Русскую территорию, Русскую историю* и все тысячелетние приобретения **Русского народа** (территориальные, материальные, культурные и т.д.). Да пусть объявляют себя кем угодно, но **никаких прав на наше Русское наследие мы за ними не признаем**. Это историческое наследство является **не отторгаемой собственностью** только тех, кто сохранил свою национальную Русскую принадлежность, не предал свой Русский народ и не выступал на стороне его врагов... Замечательно при этом то, что сам автор книги «Украина — тоже Россия», призывая «*уживаться*» с сепаратистами, тут же признает наличие **непримиримого антагонизма** между этническими ренегатами и теми, кто не отказался от своей исконной национальности: «Сегодня для Украины *стало реальностью* совместное существование двух, *противостоящих друг другу* общин... прежде единый народ оказался разделенным на две части, на *два чуждых, даже враждебных* народа»⁵...

В принципе, сама по себе «враждебность» вполне допускает и «мирное сосуществование», но только когда к этому имеется взаимное стремление. В течение всего XX столетия

именно «украинцы» *на практике* (а не в своей лживой и лукавой «теории»), *реальными делами* продемонстрировали совершенно очевидное намерение ни при каких условиях **не уживаться** ни с Русским этносом, ни с Русской культурой, ни с Русским языком. Даже заполучив в свои руки вожделенную «самостийну Украину», они не только не стали более покладистыми к нам, но с каждым годом проявляли и проявляют все большую *враждебность* и *агрессивность*. И это притом, что все это время Русские неизменно демонстрировали как раз стремление «ужиться», даже путем принципиальных *уступок* сепаратистам, что вело лишь к выдвижению новых и все более наглых требований с их стороны. Так что никакого реального результата «миролюбие» Русских не принесло. Да и не могло принести при отсутствии встречного движения противостоящей стороны, лишь еще более ослабляя позиции Русских и ведя к дальнейшей эскалации террора против них. В предыдущих главах мы привели достаточно *фактов живой действительности*, подтверждающих украинскую враждебность и агрессию именно (и только) в отношении Русских. Да и сам С.Н. Сидоренко таковых приводит немало, правда, опять же, уводя из сферы «практики» в область «идеологии». Но подобный «уход от реальности» смазывает объективную картину происходящего и, естественно, лишает возможности верно определить те практические пути, которые позволили бы решить, наконец, проблему украинского сепаратизма. *Решить раз и навсегда*, без заведомо обреченных на провал попыток «ужиться» с ним любой ценой...

Впрочем, ошибочность выводов С.Н. Сидоренко объясняется отчасти и тем, что сам он мало верит в то, что малороссийский сепаратизм и рожденная им «самостийна Украина» вообще когда-либо могут быть *ликвидированы*. Его прогноз на будущее весьма пессимистичен: «Иллюзий у меня нет: я верю в украинскую государственность, верую в то, что, коль завелись у нас собственные политики и государственные деятели, *государственность эту уже не выведешь никакими средствами*. Что же касается народа, то, многократно обманутый всеми кому не лень, он вряд ли уже станет шевелить пальцем ради изменения

своей исторической судьбы. Окончательно разуверившись во всем, в чем только можно разувериться, он верит теперь разве что в помидор, выращенный собственноручно на приусадебном участке, который, можно надеяться, не обманет, но который всё же есть не более чем помидор»... Наблюдая, как сложившаяся в Малороссии система политических выборов раз за разом приводит к власти тех, кто откровенно обманывает своих избирателей, продолжая самоубийственный самостийнический курс, С.Н. Сидоренко не верит в способность Русского народа преодолеть нынешний погром России: «Тем временем у народа, на смену всем его политическим упованиям, явилась апатия и полное безразличие к тому, что делается наверху, а это значит, что рассматриваемые нами великие исторические события обратного хода иметь, скорее всего, не будут и власть имущим за установившийся в результате этих событий порядок вещей можно не беспокоиться. В этих обстоятельствах единственное, что стоит напомнить в утешение тем, кого лишили великой Родины — это то, что в нашем случае мы имеем дело с незыблемым мировым законом, согласно которому в истории всегда побеждает варвар»⁶...

На счет «незыблемости» мирового закона, на который ссылается наш автор, можно и поспорить, но главное не в этом. Мы в отличие от тех, кто считает, что «самостийна Украина» *навсегда* (а С.Н. Сидоренко здесь, конечно, не одинок), не только *верим*, но и *знаем* — **Малороссия снова будет воссоединена с Россией**, и со всеми проявлениями сепаратизма в ней будет покончено. Потому и попущено сегодня его торжество в Южной России, что в течение полутора столетий сами Русские отмахивались от той серьезной опасности, которую он нес, и откровенно игнорировали ее... Впрочем, и грядущее воссоединение возможно лишь при одном условии — полном отказе от былых *иллюзий и ошибок*...

* * *

Вот теперь и пришло время обсудить: *что конкретно делать*. Прежде всего, я думаю, следует ясно осознать: в случае с «украинцами» мы имеем дело не с «народом»,

не с «нацией», не с «этносом», а с *политическим сообществом*, которое для достижения своих *политических целей* создало *миф* о существовании нации «украинцев», и уже, опираясь на этот *лживый* миф, стало требовать себе власть, территорию, подданных, и, наконец, *государство*. Историческая катастрофа, постигшая Русский народ в XX веке, позволила этому политическому сообществу достигнуть всех декларируемых целей, включая «самостийну дэржаву» и, казалось бы, должна была перенаправить его разрушительную энергию, направленную до этого исключительно на подрыв России изнутри, в созидательное русло. Однако этого не произошло. И не могло произойти. Ибо именно в силу того, что «украинцы» — это не «народ», не «нация», не «этнос», они не являются *государственниками*. Их отношение к государству питается исключительно стихией разрушения и уничтожения, потому что глубинное мировосприятие «украинцев» определяется как раз не этнической доминантой, а *сепаратистской*. «Украинцы» — антигосударственники, потому что являются обычными *сепаратистами*, и не более того. Плачевное состояние их нынешней «дэржавы» демонстрирует это со всей очевидностью. И весь внешний «успех» украинского движения за истекшие полтора столетия стал возможен лишь потому, что и Русская власть, и Русское общество в дореволюционный период так и не нашли в себе мужества открыто признать это движение именно *сепаратистским*, ибо подобное признание требовало незамедлительных суровых кар для так называемых «укаинофилов». В любой стране мира *сепаратизм относится к уголовно наказуемым деяниям*. Так было и в России, но за единственным исключением — *украинского сепаратизма*...

Больше того, именно Русская власть отдельными своими мерами сама содействовала обретению украинским движением статуса «инородческого» (к чему оно всеми силами и стремилось). Об одной из таких мер писал еще С. Н. Щеголев в 1912 году: «Покойный министр внутренних дел Столыпин в циркуляре от 20 января 1910 года на имя губернаторов высказался против регистрации в России инородческих обществ, имеющих целью узкое национально-

политическое самосознание. К сожалению, *циркуляр объединяет в понятии «инородческих» и все украинские общества*, то есть *организации украинской партии*. Эти общества, несомненно, — антигосударственны; они стремятся развить центробежные явления в самом теле русского народа, ведут проповедь инородческих тенденций в одной из его ветвей, а потому гораздо опаснее инородческих ассоциаций, работающих только над придатками к русскому народному телу или даже над вкраплениями в это тело. Деятельность украинских обществ должна быть возможно ограничиваема, с нею нужно бороться, но нужно помнить, что *эти общества состоят из русских людей, распропагандированных «инородчествующими» русскими же агитаторами*. Сопричисление украинских обществ к инородческим вызвало бурю сарказма в лагере украинской партии. Профессор Грушевский (сам — инородчествующий русский) восклицал, что *«циркуляр следует записать золотыми буквами в истории украинского движения»*⁷. Так прокладывался путь малороссийскому сепаратизму в дореволюционной России...

Отказ юридически признать «украинцев» *сепаратистами* было не просто роковой, но **фатальной ошибкой** Русской власти. Повторять ее нелепо и глупо. Этим сегодня должен проникнуться каждый Русский, где бы он ни находился, включая и Малороссию. Мы должны осознать, что всякая пропаганда украинства, т.е. «инородческого» характера Южной России, ее населения, ее истории и культуры является *преступлением против Русского Народа*, и поэтому должна *преследоваться в уголовном порядке*, а в криминальном кодексе Русского государства должна быть специальная статья, посвященная именно **«малороссийскому (украинскому) сепаратизму»**, которая будет предусматривать *различные сроки лишения свободы* в зависимости от степени вины, определенной судом... Понятно, что в условиях нынешнего кремлевского режима о практическом осуществлении подобных мер не стоит и мечтать, но на уровне Русского национального сознания и Русского национального движения данный принципиальный поворот должен быть осуществлен незамедлительно. Тогда и *на практике* реализовать его будет значительно

легче... Впрочем, кое-что можно сделать и сегодня. В настоящее время на территории Российской Федерации действует масса украинских обществ и организаций. Уже сам характер украинства автоматически превращает все эти организации в *антигосударственные, подрывные центры*. Всеми мерами следует содействовать их безусловному и скорейшему закрытию. И если этого пока нельзя сделать за «пропаганду сепаратизма», то под статью «разжигание межнациональной розни», а конкретно — ненависти и вражды к Русскому народу, подпадает любая из них, какой бы невинной не представлялась ее деятельность на первый взгляд. Достаточно беглого ознакомления с распространяемой этими обществами литературой, чтобы убедиться: вся она пропитана самой оголтелой русофобией, восхвалением предателей и врагов России, а также убогими фальшивками на темы Русской истории. Этому можно и нужно положить конец...

Любой непредубежденный читатель согласится с нашим выводом: в главных своих проявлениях деятельность сепаратистов уже на протяжении полутора столетий представляет собой непрерывную цепь *преступлений* против Православной Церкви, Русского народа и Русского государства. Сегодня к этим *преступлениям* присовокупился тотальный погром в Малороссии Русской культуры. *Факты* исторической реальности прошлого и настоящего однозначно свидетельствуют: никакого «своего государства» *они* не строят, никакой «своей культуры» не развивают, а лишь *громят и уничтожают* все наше, *Русское*. Только на этом и заиклена вся их практическая деятельность. Кроме того, на протяжении всего XX века во всех войнах и конфликтах, в которые была втянута Россия, *они неизменно выступали на стороне наших врагов*.

Как! воскликнет, пожалуй, иной разложенный демократической пропагандой читатель: объявить *несколько десятков миллионов* «украинцев» сепаратистами и грозить этим миллионам уголовными карами! Да не свихнулся ли совсем Родин? Благими намерениями, как известно, устлана дорога в ад... О, пусть не переживают наши доморощенные демократы, если таковые еще имеются среди Русских лю-

дей после тех двадцати лет, когда эта самая «демократия» уничтожала наш народ голодом, нищетой, нравственным разложением молодежи, ускоренным заселением Русских земель инородцами и иностранцами. Пусть не переживают. Ни о каких «десятках миллионов» речи не идет. Нам еще только предстоит выяснить *истинное число* сепаратистов, ведь сегодня они завладели той частью России, которую 100 лет назад выделили им *коммунисты*, но это совсем не означает, что те 30—40 миллионов Русских людей, которые *не по своей воле* оказались гражданами вначале «УССР», а затем уже «самостийной Украины», т.е., по сути, были *сданы в плен* самостийникам, — разделяют их *преступную идеологию*. Не всё то «украинское», что провозглашается таковым сепаратистами. И не всякий, кто сегодня объявлен «украинцем» или даже сам числит себя таковым — наш враг. В большинстве случаев это как раз *наш человек*, только сбитый с толку и обманутый:

На неоднородность украинского сообщества обращал внимание еще В.В. Шульгин в своей работе «Украинствующие и мы»:

«Как и другие сектанты, украинствующие могут быть разделяемы на три категории.

1. Честные, но не знающие. *Это те, которых обманывают.*

2. Знающие, но бесчестные; *призвание сих — обманывать «младшего брата».*

3. Знающие и честные. Это маньяки раскола; *они обманывают самих себя.*

Первые две категории порой сливаются до неразличимости. Иногда никак не разберешь, почему человек юродствует: потому ли, что он ничего не знает, что он *rustikus*, как говорили римляне, и его обманывают другие; или же потому, что, очень хорошо всё зная, он сам обманывает действительно незнающих.

Гораздо интереснее маньяки чистой воды. Они часто весьма образованны. Иногда по-своему честны. Если и вскакивают изредка на Пегаса лжи, то из этого седла их легко выбить, апеллируя к их же собственным знаниям. Но маниакальная идея сидит в них глубоко, и, так сказать,

quand meme! Если взорвать их идеологию бомбами несомненных фактов, они восклицают: «Тем хуже для фактов!» — и сейчас же выдумывают з подкрепление своей мании новую аргументацию. Впрочем, всякие доказательства для них только линия второстепенных окопов. Цитадель же их в утверждении: **хотим быть украинцами!** Хотим — и больше ничего. Пусть для этого нет никаких оснований вовне; основание — внутри нас»⁸.

Те, кого В.В. Шульгин называет «маньяками чистой воды», и являются нашим *главным врагом*. Это подлинные *фанатики* украинства. Их численность невелика, но именно благодаря их злобной и разрушительной энергии первоначальное украинство, прозябавшее на уровне литературного сепаратизма, удалось преобразовать в агрессивную *политическую секту*, открыто объявившую *войну* Русскому народу и его культуре, и откровенно обозначившей конечную цель данной войны: *отторжение от России всего ее Юга...* Первоначальным апостолам украинства, вроде Кулиша, Костомарова, Антоновича и даже пресловутого Шевченко, и в голову не могло прийти, чтобы общественное движение, идеологические основы которого они заложили, спустя каких-то пять— шесть десятилетий, будет открыто призывать «убивать Русских», провозглашать необходимость «войны с Россией», максимального разгрома и расчленения России, и искренне радоваться торжеству ее врагов, активно выступая на их стороне... Конечно, в этом их «незнании» имелась изрядная доля *лукавства*. Ведь выдвигая идею максимальной «автономии Малороссии» и переименовывая ее население в «нерусское», они не могли не задумываться над тем, *что* придется *делать* в ситуации, если Русские не согласятся *добровольно* на эти дикие и нелепые эксперименты? Причем, Русские не из так называемой «Великороссии», а самой **Малороссии**, где «украинцами» еще в начале 1917 года почитали себя всего-то *несколько тысяч* индивидуумов (что признают и сами сепаратисты). Как быть в таком случае? Ответ на этот «неудобный вопрос» *они* откладывали «на потом». Но их последователи (особенно в Галиции) в первой половине XX века ответили на него совершенно ясно, и не только

в «теории», но и *на практике*, залив Русской кровью Галицию, Волынь, Закарпатье и Буковину (на большее у них просто не хватило сил). К тому времени украинство уже стало не просто сектой, а сектой воистину *сатанинской*, ибо люди, верующие в Бога, не могут творить *такого*. На подобное способны лишь те, для кого не существует ни Божьих, ни человеческих законов... Впрочем, подобная метаморфоза украинства вряд ли должна нас удивлять. В любой идее, уже в первоначальном ее зародыше, таится весь заложенный в нее потенциал, и нужно только время, чтобы он полностью себя проявил. Иногда на это уходят многие годы, в иных случаях хватает и нескольких лет. «Украинской идее», чтобы явить свой истинный облик, понадобилось чуть больше полувека. Правда, затем, под спудом Советской власти, она вынужденно замаскировалась, но сегодня вновь раскрыла свою подлинную сущность. Погром Русской Церкви, погром Русской культуры, этнический геноцид Русской нации, — вот и весь заложенный в нее «потенциал». Фактов, подтверждающих это, приведено достаточно в этой книге — не будем повторяться. Но сделать из них соответствующие выводы необходимо. А это значит, что уже сегодня мы должны открыто заявить: все «украинцы», в той или иной степени причастные к преступлениям против Русского народа, неизбежно *понесут суровые уголовные наказания*. Такие же наказания понесут и те, кто формулировал, развивал и насаждал **преступную идеологию украинского самостийничества**, приведшую к многочисленным человеческим жертвам и неоднократно разрушению Русской государственности. Ну, и наконец, следует откровенно сказать, что нашей конечной целью в «украинском вопросе» является **полная и окончательная ликвидация идеологии и практики малороссийского сепаратизма...**

Конечно, заранее можно предвидеть, что в своем большинстве *фанатики* украинства, эти «маньяки чистой воды», *не откажутся* от своих преступных намерений в отношении Русского государства и Русского народа, *не откажутся* использовать для подрыва России преступные практики украинства. И здесь заведомо бесперспективны

все разъяснительные и пропагандистские усилия. В таком случае нам, действительно, придется отнестись к их выбору «уважительно», и стать на путь *уничтожения* этой «пятой колонны», внедренной в тело Русской нации. В конце концов, не мы начали эту *войну*, ведущуюся против нас уже столет, и имеем полное право на защиту своей страны и своего народа *всеми доступными нам способами...*

* * *

А лобовое столкновение представляется почти неизбежным, слишком могущественные силы работают на организацию именно такого сценария развития событий. И в этом случае особую важность для нас приобретает проблема тех, кто оказался «по ту сторону баррикад» не в силу *сознательного выбора*, а став жертвой обмана и лживой украинской пропаганды. Таковых же среди так называемых «украинцев» — *подавляющее большинство*. Не по своей воле оказавшись гражданами «самостийной Украины», они за прошедшие годы подверглись тотальной «промывке мозгов», и это не могло не наложить известный отпечаток на их духовный облик, мировосприятие и мировоззрение...

В том, что труды «украинствующих» не пропадают втуне, я сам мог не один раз убедиться, встречая в Малороссии людей, совершенно далеких от политики, обычных трудяг, обремененных повседневными житейскими заботами, и, казалось бы, ни о чем другом не помышляющих, и, тем не менее, с уже очевидными следами уродливой идеологической обработки, сознанием и памятью, отравленными самостийнической пропагандой... С Валерием С., бывшим моим однокурсником, проживающим ныне в Днепропетровске, судьба свела меня в начале 2006 года. Типичный «технар», он и в университете, и после него не проявлял никакого интереса к истории или текущей политике. Как и многие из наших коллег-инженеров в постсоветской России, какое-то время влачил жалкое существование в одном из оборонных НИИ, пока, наконец, не ушел в коммерцию, где звезд с неба не хватал, но себя и семью на плаву мог поддерживать. О будущем особо не задумывался, считая, что все как-нибудь «само собою наладится». Собственно,

и беседа наша не выходила за рамки обсуждения суровой «прозы жизни» да светлых воспоминаний беззаботной студенческой молодости, пока совершенно случайно не коснулась украинской темы, да и не ее даже, а революции 1917 года. И здесь мой совершенно аполитичный знакомый неожиданно огорошил меня заявлением, что эту самую революцию «на Украину» экспортировали *вы* — русские, навязав ее *нам*, «украинцам», беспощадным террором и голодом. Разумеется, вспомнил он и расхожий укрсюжет о «голодоморе 1933-го»... Я оторопел от неожиданности. В университете Валерий никогда не отделял себя от Русских, был своим в нашей среде. И на «иностранца», даже в нелепом его украинском варианте, никак не тянул. Прошло всего девять лет, и вдруг такая перемена...

Впрочем, я тут же возразил ему: понятие «Украина», в употребленном им смысле, как раз и является *порождением той самой революции*, которую он столь страстно клянет, а до 17-го года никакой «Украины» ни территориально, ни тем более «этнически» не существовало. Поэтому, если уж придерживаться реалий того времени, речь следует вести о нескольких южных Русских губерниях с Русским же населением, применительно к которым формулировка «экспорт из России» лишена не только оснований, но и *бессмысленна*. Что же касается пресловутого «голодомора», то охватил он, собственно, и не Малороссию даже, а *Новороссию* («Новую Россию»), Слобожанщину, Дон, Кубань, Поволжье, земли уральских казаков. А еще раньше был голод 21-го года, от которого пострадали исключительно «великорусские» губернии, и ответственность за это ложится, прежде всего, на *антирусскую* власть, ту самую, что превратила виртуальную «Украину» в реальный субъект новосозданного «СССР», правящие структуры которого формировались почти исключительно из *инородцев*. При чем же здесь Русские?..

Тут-то его и прорвало и, чем жарче становился наш спор, тем более бессвязный и алогичный вид приобретали излагаемые им версии событий давно минувших дней и дня нынешнего. Иногда казалось даже, что это и не он говорит, а некое механическое устройство внутри него, с умыслом

запрограммированное чьей-то злой волей на заведомую галиматью, теперь просто озвучиваемую голосом моего собеседника. Сам же он, взрослый, семейный, здравомыслящий мужчина, помимо воли выступает в роли пассивного передатчика этой несусветной чуши...

То, что он излагал с таким воодушевлением и неподдельным пафосом свежепосвященного неопита, тайны для меня не составляло. Речь опять же шла о невероятных похождениях «украинцев» в Америке и Палестине, столь красочно описанных Черемисом и Дубиной... гениальных прозрениях Плачинды насчет шведского флага и венерианской «мовы»... и совсем уже свежих баек Шевчука о гетманстве, — словом, типичный набор украинской лжи, непроницаемым мраком покрывающей как прошлое, так и настоящее Малороссии... Я стал было возражать, но тем лишь раззадорил его на еще большие экскурсии в историю и политику. Спорить было бесполезно, да он и не умел спорить. Историю знал очень поверхностно, почти что и совсем не знал, поэтому часто заходил в тупик, путался, противоречил самому себе и, тем не менее, изрекал все безапелляционным тоном человека, наконец-то, познавшего «истинную правду», которую от него столь долго утаивали «коммунисты», «шовинисты», «сионисты» и Бог знает кто еще... В своем украинском восторге он доходил до полного самоотрицания. Совсем не владея украинским волапюком, ничего даже не читая на нем, он, тем не менее, со странной горячностью ратовал за тотальную украинизацию в качестве радикального средства восстановления непонятно кем и когда поправленной «исторической справедливости», и клялся, что уж сын-то его точно будет говорить «только по-украински»... Я пробыл у него в гостях несколько часов, общался с женой и двенадцатилетним сыном, но так и не услышал от них ни одного украинского слова. На папины планы они смотрели как на временный «бзик» и всерьез их не воспринимали. Да и сам он все как-то не решался приступить к их активной реализации, ведь и в «украинском Днепропетровске» (а точнее, *Русском губернском городе Екатеринославе*), где он жил, все и поныне говорят исключительно *по-русски*...

Наша дискуссия получилась скоротечной и быстро себя исчерпала. Спорить, в общем-то, было не о чем. Опровергать небылицы, которыми его напичкали, я считал делом бессмысленным. Он все равно никаких доводов не воспринимал и тщательно избегал обсуждения конкретных исторических, этнических или политических проблем. А точные даты и цифры вызывали в нем озлобленное раздражение. На любые мои возражения он долбил один и тот же ответ: «русские веками угнетали украинцев»... «все несчастья Украины от России»... «Россия и сегодня эксплуатирует нас и угнетает»... ну и все в таком же духе... Мне, наконец, стало скучно — и грустно одновременно. Жаль его было. Та убогая и пошлая политическая доктрина, которую он теперь исповедовал, построенная на ненависти и лжи, совсем не шла к нему, — доброму, отзывчивому, простодушному, в иные моменты по-детски наивному человеку. И это резкое несоответствие ясно говорило, что новые «убеждения» моего товарища — всего лишь результат подлой и коварной пропаганды. Воспринимать Валерия в качестве «врага», сознательно находящегося «по ту сторону баррикад», было бы ошибкой, он просто временно дезориентирован. Какие уж тут споры... Интерес представлял разве что сам факт «обращения», а точнее, его источники. Об этом стоило поговорить.

«Да, начитался же ты всякой мерзости за девять лет своей жизни здесь», — решил я подвести черту под нашей бесплодной перепалкой. Однако, к моему удивлению, оказалось, что по большому счету ничего-то он и не читал: о Грушевском, Крипьякевиче, Дорошенко, Полонской—Василенко, Костомарове и прочих только слышал, а из современных глашатаев украинства даже и фамилии ни одной не мог назвать... «Тогда все почерпнул из телящика?» — предположил я. Но, как выяснилось, телевизора он почти не смотрел, разве что футбол, да изредка какой-нибудь фильм. И политики по-прежнему сторонился: на митинги не ходил, во время выборов за укрнацюков не агитировал (хотя исправно за них голосовал, в отличие от жены, подерживавшей коммунистов), в общем, старался как будто подальше держаться от всей этой грязи... и в тоже время по

уши в ней утопал. «Кто же тогда тебя так нагрузил?» — «Да брось ты! — сразу рассвирепел Валерий. — Никто никого не грузил, все это давным-давно известно, а истории, сочиненной в угоду великодержавным шовинистам, уже никто не верит». И он тут же, весьма кстати, поведал мне несколько басен из «Истории Русов», в их числе уже знакомые нам о Батурине, «сожженном вместе с жителями», и «тысячах казненных в Лебедине». «Даже фашисты так не поступали», — с полным сознанием своей правоты подытожил мой визави... «Истории Русов» он, впрочем, тоже не читал. Но где-то же должен был все это слышать!.. И здесь меня осенила догадка: *радио*! Ну, конечно. Я же был у него в мастерской, и единственным развлечением от монотонного труда служил в ней радиоприемник. Я и обратил на него внимание лишь потому, что из его утробы раздавалась не обычная попсо-бессмысленная «композиция», а нечто похожее на «интеллектуальную передачу»... Помнится, речь шла о Киево—Могилянской академии. Это меня и удивило: обычно наши трудящиеся внимают местечковым «эфирам», расплотившимся на всем пространстве исторической России и щедро потчующих своих несчастных слушателей мерзопакостным репертуаром «звезд» типа Верки Сердючки или «Мумий-тролля», перемежая эту «духовную пищу» убогим набором погоды, сплетен, уголовной хроники и т.п. дребедени. А тут неожиданно передача с явной претензией на «серьезность». «От попсы уже тошнит, — коротко объяснил Валерий, — а эти бубнят себе потихоньку, фон создают, ну и ладно»...

«Фон», однако, оказался еще тот. Ведь на уккрании, как и в прочих средствах массовой информации, тон задают все те же Гнаткевичи, Чепурко, Кратко—Кутынские и им подобные субъекты, отравляющие теле- и радиоэфир Малороссии своей злопыхательской ложью и мрачными квазиисторическими пасквилями, ядовитое содержание которых медленно и неуклонно проникает в массовое сознание, исподволь разрушая его способность здраво оценивать не только прошлое, но и настоящее. Подобный «фон» — далеко не безобидное дело, особенно если индивид подвергается его воздействию длительное время, на протяжении

не одного года. Здесь уже начинают действовать законы *манипуляции сознанием*, давно доказавшие свою эффективность. Жертвой такого внешне неприметного и как будто малозначащего воздействия и оказались память и подсознание моего товарища.

Исследователям проблем манипуляции сознанием данное явление хорошо известно: «то, что в результате *частого повторения* прочно *запоминается*, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение... Направленность реакции *не существенна!* Тот, кто вперился в экран телевизора, и десять раз в день слышит одно и то же сообщение, подвергается манипуляции, даже если каждый раз чертыхается от возмущения»⁹. Точно так же и человек, совсем даже и не вникающий в смысл того, что бубнит включенный для «фона» радиоприемник, пусть пассивно, но *слушает* его. Память-то не отключена, продолжает работать в «дежурном режиме» и на уровне подсознания автоматически снимает, казалось бы, совсем постороннюю информацию. Там же, в подсознании она накапливается, а в известный момент внезапно всплывает в виде *непреклонных убеждений*: «Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности»¹⁰...

Вдумайтесь только: *действует независимо от истинности или ложности!* Иными словами, человек, как самостоятельная сущность, исчезает. Его место занимает сконструированный современными политтехнологами биоробот, *зомби*, в сознание которого искусно внедряются разрушительные, самоубийственные доктрины, выхолащивающие историческую память и адекватное восприятие наблюдаемой действительности. Так создается идеальный объект для манипуляции. Почему на ампутацию исторической памяти народа и были обращены после 1991 г. основные усилия нынешних хозяев России. Вспомним только, какому тотальному очернительству за последние двадцать лет подверглась Русская история, даже в своем урезанном

советском варианте. В ней не осталось ни одного исторического деятеля, события, эпохи, которых бы не оболгали, не смешали с грязью, и все это с одной целью: убедить Русских в том, что в их прошлом нет ничего, достойного гордости, даже никаких светлых просветов, а лишь сплошной мрак, пьянство и кровавая взаимная резня. Так цинично и нагло «освобождалась» народная память от ненужного патристического «хлама», а затем в образовавшийся вакуум целенаправленно стали внедряться доктрины, призванные побудить Русских к полному самоотрицанию и самоуничтожению, чтобы окончательно и бесповоротно утвердить господство над Русским Народом нынешнего компрадорского режима.

В Малороссии этот процесс аннигиляции исторической памяти Русских приобрел еще более грандиозный размах. Здесь их вообще подменили иным *виртуальным народом*, придумав последнему название, историю и даже смысл существования, заключающийся единственно в смертельной борьбе... с Русскими! Более удачной альтернативы подобному самоедству нельзя было и выдумать. Валерий С., успевший за девять лет «поменять» не только национальность, но и мировоззрение, далеко не единственная жертва этого русофобского трюка. И это притом, что сама технология оболванивания исключительно примитивна. Вся украинская пропаганда как раз и строится на принципе тупого «механического запоминания» буквально нескольких убогих тезисов, остальное — их неисчислимые вариации. К реальной истории они не имеют никакого отношения. Копните любого «украинца» и вы убедитесь: он совершенно *не знает* истории Малороссии. Более того, он ею и *не интересуется*. Из тысячелетней истории края он апеллирует буквально к нескольким событиям (в историческом измерении совершенно *ничтожным* и *второстепенным*), но пользуясь шаблонами, придуманными для него украинскими идеологами, именно на них и строит «теорию» о «вековом противостоянии» Русских и «украинцев». Это же «противостояние» переносится им на любые события современности, которые оцениваются исключительно с «конфликтной» точки зрения. Но что примечательно, до-

водить ее до *логического конца* он под всякими предложениями *избегает*. Таковой оказалась и позиция моего товарища: он тоже не хотел договаривать *до конца*, как говорится, «доходить до края», т.е. делать те самые *выводы*, которые сами собой напрашивались в качестве *итога* его обличительных филиппик. Я решил ему помочь, и задал прямой вопрос (я неизменно задаю его каждому из таких вот обманутых простачков): «Так, значит, будем *воевать*?.. Ты готов *воевать с Русскими*?.. Чтобы сын твой, например, пошел на «войну с Россией»?»...

Вопрос Валерию откровенно не понравился и даже, видимо, смутил. На некоторое время он смешался. Наконец, после тягостной паузы проронил: «Да нет, никто не собирается воевать... Да и с какой стати нам воевать?»... Я наугад, по памяти, процитировал ему высказывания тех самых «украинских патриотов», за которых он регулярно отдает свой голос на выборах, и которые уже сегодня рассуждают о *неизбежности* «войны с Россией». В самом ближайшем будущем *они* окажутся у власти, в том числе и благодаря его личной поддержке. Уж тогда-то проблема *военной конфронтации*, наверняка, из теоретической сферы переместится в практическую. Да и нынешняя украинская власть уже немало делает для развития ситуации именно в таком *конфликтном* направлении, взять хотя бы Южную Осетию или непрекращающиеся провокации против Черноморского флота. И подобных примеров можно приводить сотни... «А вы не лезьте в наши дела, и конфликтовать тогда будет незачем». — «*Мы* лезем в ваши дела? Разве не *вы* воруете нашу историю, наш газ, запрещаете Русским пользоваться Русским языком и воспитываете своих детей в жгучей ненависти к России? И при этом еще сидите на нашей шее и наших дотациях, заявляя: не лезьте в наши дела!». Он снова начал было спорить, но без прежней горячности, скорее по инерции. Видимо, мой вопрос о *войне* затронул в нем какие-то глубинные струны и требовал более четкого ответа, чем очередное пережевывание темы, кто кого «эксплуатировал» и «угнетал»... «Не переживай, я всегда буду *против* этого!» — в его голосе прозвучало убеждение, но меня он не убедил. «Возможно, ты и будешь против. Да только кто

же *тебя* будет спрашивать: *начинать* или *не начинать*?... Разве ты не знаешь, что все принципиальные решения, хоть внутренней, хоть внешней политики Украины, принимаются даже не в Киеве, а в Вашингтоне или Брюсселе. А там ты и миллионы таких же, как ты, воспринимаются лишь в качестве безгласного «пушечного мяса». Да и местным самостийникам *вы* нужны лишь на начальной стадии, для обеспечения *их* полноценной властью *над вами*. После достижения этой цели *ваше мнение* уже никого не будет интересовать и ни на что не сможет влиять. Твое «против» будет что-то означать лишь для тебя, и вот тогда-то придется окончательно определяться: *на чьей ты стороне*. Здесь уж: *или — или*. Или там, *с ними*, сепаратистами, или на стороне *Русского народа*, к которому ты принадлежишь и по крови, и по происхождению, и по вере. Третьего не дано»... Он уже ничего не стал мне возражать. Да и у меня не было желания продолжать диспут. До *главного вопроса* мы добрались, а дальше каждый должен определяться самостоятельно. Ибо *время выбора* уже на исходе, впереди — *эпоха ответственности* за сделанный выбор...

* * *

Ни одному «украинцу», хочет он того или нет, не удастся избежать этого *однозначного выбора*, в том числе и тем, кто, как мой знакомый Валерий С., числится пока в рядах все еще *не определившегося большинства*. Но время, отпущенное им, неумолимо тает. Примечательно, что даже С.Н. Сидоренко, призывающий нас предоставить украинскому сепаратизму возможность «беспрепятственного развития», да еще и при «терпимом отношении» к нему, тем не менее, осознает неизбежность для «украинцев» *окончательного выбора* между «русским» и «украинским»: «Тем на Украине, кому прежняя коммунистическая власть написала в паспортах «украинец», предстоит, наконец, определиться и решить для себя, *кто они: украинцы* или все-таки *русские*, малороссы, и что является их родиной: вся Россия — от Польши до Тихого океана или обособленная (и переименованная) ее юго-западная часть; какой исторический опыт считать своим и в русле какой культурной традиции им раз-

виваться дальше. Быть ли наследниками великой русской культуры, одной из величайших мировых культур, в создании которой немалая заслуга принадлежит и выходцам из Малой Руси?.. Или подключиться к мероприятиям по изготовлению, распространению и утверждению в качестве безальтернативной, новой — украинской — культуры, отличной от русской и стремящейся к максимальному от нее отдалению, мероприятиям, которые *всегда осуществлялись в интересах и при поддержке внешних враждебных России сил* с целью обосновать отторжение Малой Руси от Великой?»¹¹...

Так что высказать свое «за» или «против» придется каждому из нынешних «украинцев». И никуда от этой дилеммы не деться. Мы же, имея на практике дело с этим украинским большинством, должны исходить из следующих соображений. *Первое.* Никогда не забывать, что перед нами наши *единоплеменники*, в головы которым преступная сепаратистская пропаганда вбила, что они не только *нерусские*, но и *извечные враги Русских*. Наша задача объяснить им лживость этого мифа, убедить их, что главная его цель — стравить Русских между собой, и, воспользовавшись этой усобицей, завладеть их территорией и ресурсами, а самих превратить в рабов, рабочее быдло. *Второе.* Мы никогда не согласимся с отторжением от России исконных Русских земель, из которых и составлена ныне так называемая «Украина». Понятно, что в условиях нынешнего кризиса Русской государственности говорить о скором возвращении отнятых у нас территорий не приходится. Но все в мире, и «украинцы» в том числе, должны знать: *украинскую юрисдикцию* над территорией Юго-Запада России мы признаем лишь в качестве *временной*. Поверженная Германия после 1945 года тоже оказалась разделенной. Два немецких государства даже заключали между собой «международные договоры», оба являлись членами ООН, и, тем не менее, в обеих частях разделенной Германии осознавали правомочность и *неизбежность* воссоединения немецкой нации в едином государстве, слияние всех немецких территорий в одно целое. Что и произошло полвека спустя. Нам, наверное, с учетом позиции «международного сообщества»,

достигнуть этого будет намного сложнее. Возможно, что свои территории мы будем возвращать частями, а не все сразу. Вариантов множество. Одно следует помнить: достигаются те цели, ради которых государство и народ готовы преодолеть любые препятствия и понести любые жертвы. Возвращение Малороссии в состав России — именно такая судьбоносная для Русской нации цель... И, наконец, *третье*. Открыто провозгласив конечную цель, мы так же откровенно должны заявить и о конечной судьбе всего украинского движения и исповедуемой им политической программы. Не нужно при этом лукавить с «украинцами», в том числе и с их колеблющимся элементом, прямо объявив, что ни при каких условиях Русский народ и Русское государство не согласятся с существованием украинского сепаратизма в любой его форме: литературной, языковой, политической или какой-либо еще. Снова обмануть нас сказками о «культурной автономии», «языковой самобытности», «этнической специфике» не удастся. Вся территория нынешней «Украины» будет по своим обязанностям, правам и административному делению соответствовать любой другой Русской территории...

Понятно, что живая практика вносит существенные коррективы в любую теоретическую модель, но если эта практика не будет иметь четких руководящих ориентиров, тех самых принципов, которыми нельзя поступаться, она будет совершенно безрезультатной. Поэтому, прежде чем приступать к делу, мы должны ясно представлять, чего именно хотим достигнуть и какими именно средствами. И тут следует обозначить еще и четвертый фактор, заставляющий нас ставить «украинский вопрос» в качестве первоочередного. Вся воспроизведенная нами история малороссийского сепаратизма за полтора века бесспорно свидетельствует: **подлинный, реальный «украинец» — всегда ненавистник и злобный отрицатель всего Русского. Собственно, быть «украинцем» и означает быть непримиримым врагом Русского народа, Русского государства, Русской культуры. И ничего больше.** Само явление на свет Божий «украинца» в качестве определенного человеческого типа как раз и было вызвано этой враждебностью, ибо «украинец» не-

навидит Россию и Русских по определению: *«родившись Русским, он не чувствует себя Русским, отрицает в самом себе «русскость» и злобно ненавидит все Русское»...*

Причины, эту ненависть питающие, совершенно надуманы и абсурдны и, тем не менее, она — каждодневная, бытовая реальность современной «Украины». Ею пронизана вся атмосфера жизни украинского общества, его культура, образование, политика, профессиональные и социальные отношения. Она заложена в подсознании «украинца», пронизывает каждую его мысль, каждый его поступок, все его мировосприятие, не нуждаясь в каком-либо рациональном обосновании. *«Я ненавижу русских потому, что я — украинец»* — для всякого самостийника такое объяснение самодостаточно. Таково сознание всякого «украинца». Таково сознание всей той идеолого-политической общности, которая ныне с апломбом именует себя «украинской нацией». Та же русофобская доктрина возведена в ранг государственной политики «Украины», и не только внутренней, но и внешней. И об этом мы не должны забывать. Именно «украинская угроза» в ближайшие годы будет представлять для нас наибольшую опасность, причем не только по линии дипломатии, экономики, политики, но и в военной области. Грядущим *военным противостоянием* с Россией грезят не только многие самостийники, но и их кукловоды в Вашингтоне и Брюсселе. А это значит — данная опасность вполне реальна...

Конечно, сама по себе украинская ненависть никак не гарантирует готовности к войне. Состояние украинской экономики и науки таково, что о создании современных вооруженных сил говорить не приходится. «Украинская армия» — такой же мыльный пузырь, как и «древнейший в мире украинский язык», или пресловутое открытие Америки «украинцами». Сам ее феномен родился, буквально, два десятилетия назад, да и то лишь благодаря материально-технической базе Советской Армии, которая практически вся разворована и приведена в негодность. Говорить о наличии каких-либо исторических традиций также не приходится: они ограничены преклонением перед партизанщиной вояк вроде Петлюры, Бандеры или Шухе-

вича. В организации военного дела «украинцам» никогда не дотянуться даже до уровня батьки Махно. Да они и сами это прекрасно понимают. Недаром же наиболее воинственные из них загодя готовятся именно к *партизанской войне* и *диверсионной деятельности*. Это — потолок украинской военной доктрины.

Но в грядущей войне с Россией «украинцы» и не рассчитывают на собственные вооруженные силы. «*Заграница нам поможет!*» — вот суть их военной доктрины. Их наглая агрессивность — следствие твердой убежденности в том, что по первому же призыву вся военная мощь Запада обрушится на ненавистную им Россию. Украине достаточно выступить в роли застрельщика-provokatora, а для этого хватит одной пехотной дивизии, даже вооруженной трехлинейками. И следует прямо признать: эти украинские ожидания совершенно обоснованы. Уже сегодня творцы «нового мирового порядка» откровенно подчеркивают, что в их планах по уничтожению России как великой мировой державы «Украине» отводится центральная роль, она — тот ударный таран, посредством которого Запад намерен окончательно развалить Россию и похоронить любые надежды на ее возрождение.

«Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная *будущая эволюция России*»¹²... «Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую *геополитическую неудачу* Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, *этнически и религиозно наиболее связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу*»¹³...

Проводимая самостийной «Украиной» внутренняя и внешняя политика однозначно свидетельствует: она услужливо готова выполнять отведенную ей роль «тройного коня» Русского мира, став форпостом блока НАТО

в его продвижении к границам России. Уже сегодня достигнута договоренность о подготовке украинских офицеров в учреждениях альянса, приведении вооружения и оснащения украинской армии в соответствие с натовскими стандартами и ряд других. Само вступление Украины в НАТО — вопрос ближайшего времени. А это означает, что на границах Ростовской, Курской, Воронежской областей будут стоять натовские танки, ракеты и самолеты, и любая натовская дивизия сможет достичь Москвы в течение какой-нибудь пары часов... Впрочем, не исключено, что «Украина» так и не получит членства в Североатлантическом альянсе, если мировая закулиса сочтет, что прямая конфронтация «НАТО — Россия» менее выгодна, чем прямое противостояние «Украина — Россия». Натовская военная мощь и в данном случае будет направлена против России, но в этом случае натовские стратеги получают поле для маневра и время, необходимое для максимального разжигания «украино-российского конфликта» и поддержания его в стадии «нескончаемой войны», гарантирующей максимальное истребление Русских по обе стороны противостояния...

• На фоне подобной перспективы продолжать себя тешить прежними иллюзиями в отношении «украинцев» есть непроходимая глупость, а распространять миф о том, что их русофобия — не более чем словесная мишура, *преступление*. Каждый Русский человек должен четко усвоить: мы имеем дело с беспощадным и непримиримым врагом, и относиться к нему следует подобающим образом...¹

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. — Киев: 1851, с. 23

² Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. — Киев: изд-во Киевского университета, 1989, сс. 447—448

³ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. — М.: изд-во «Имперская традиция», 2004, сс. 55—56

⁴ Кілька записок М. Костомарова с 1859—1870 років. — «Україна» №10—11, 1929, с. 70

⁵ Частная переписка Г.П. Галагана. Письмо П.А. Кулиша. — «Киевская старина», сентябрь 1899, с. 349

⁶ Драгоманов М. Листи на Наддніпрянську Україну. — Коломия: 1894, с. 44

⁷ там же, сс. 62—64, с. 67

⁸ см. Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 158

⁹ РУССКАЯ ГАЛИЦИЯ И «МАЗЕПИНСТВО». Составитель М.Б. Смолин. — М.: изд-во «Имперская традиция», 2005, сс. 140—141

¹⁰ Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». — М.: изд-во «Имперская традиция», 2006, сс. 17—18

¹¹ там же, с. 35

¹² Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... сс. 179—180

¹³ там же, с. 145

¹⁴ там же, с. 183

¹⁵ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — СПб.: изд-во «Алетейя», 2000, с. 63

¹⁶ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помешавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск I. — М.: 1887, сс. 276—277

¹⁷ «Русский Вестник» №7, 1875, сс. 414—415

¹⁸ цит. по Миллер А.И. «Украинский вопрос»... сс. 73—74

¹⁹ там же, сс. 93—94

²⁰ Студинський К. Епізоди боротьби за українство в 1863 р. — Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергієвича Грушевського. Київ: 1928, т. II, сс. 521—522

²¹ цит. по Соколов Л. Валувевский циркуляр и Эмский указ: правда и вымыслы. — «Вестник Юго-Западной Руси» №1, 2006, сс. 24—25

²² И...ъ. О характере и деятелях народного образования. — «Вестник Юго-Западной и Западной России», 1863, февраль, т. III, с. 167, сс. 169—172

²³ цит. по Миллер А.И. «Украинский вопрос»... сс. 109–110

²⁴ Гогоцкий С. На каком языке следует обучать в сельских школах Юго-Западной России. — Киев: 1863; Кулжинский И. О зарождающейся так называемой малороссийской литературе. — Киев: 1863

²⁵ цит. по Соколов Л. Валуевский циркуляр... сс. 26–27

²⁶ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск II. — М.: 1887, с. 706

²⁷ там же, с. 695

²⁸ там же, с. 682

²⁹ Миллер А.И. «Украинский вопрос»... с. 97

³⁰ цит. по Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 59

³¹ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. — М.: 1909, с. 132

³² цит. по Миллер А.И. «Украинский вопрос»... с. 99

³³ там же, с. 100

³⁴ Гуревич П. Дело о распространении малороссийской пропаганды. — «Былое», 1907, №7, с. 169

³⁵ полный текст циркуляра воспроизведен в книге А.И. Миллера «Украинский вопрос»... сс. 240–241

³⁶ цит. по Соколов Л. Валуевский циркуляр... сс. 22–23

³⁷ цит. по Науменко В. До історії указу 1876 року про заборону українського письменства. — «Україна», май 1907, сс. 141–145

³⁸ Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. — Харків, Київ: 1930, сс. 375–376, с. 379

³⁹ полный текст «Выводов Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды» опубликован в книге А.И. Миллера «Украинский вопрос»... сс. 242–244

⁴⁰ Соколов Л. Валуевский циркуляр... с. 38

⁴¹ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 75

⁴² Єфремов С. В тісних рямцях. Українська книга в 1798–1916 рр. — Київ: 1926, с. 20

⁴³ Нечуй-Левицький І.С. Зібрання творів. — Київ: 1968, т. X, с. 404

⁴⁴ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 69

⁴⁵ цит. по Миллер А.И. «Украинский вопрос»... сс. 214–215

⁴⁶ там же, с. 212

⁴⁷ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 321

⁴⁸ там же, с. 270

⁴⁹ Садовський В. Студентське життя у Києві в 1904–1909 роках. — «З минулого», збірник II, Варшава: 1939, с. 5

Глава 2

¹Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. — УКРАИНСКИЙ

СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ. Идеология национального раскола. Составитель М.Б. Смолин. М.: 1998, с. 181

² цит. по Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М.: 2003, с. 76

³ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. — М.: изд-во «Имперская традиция», 2004, с. 129

⁴ там же

⁵ цит. по Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». — М.: изд-во «Имперская традиция», 2006, с. 34

⁶ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 62

⁷ там же, с. 93

⁸ там же, с. 97

⁹ там же, с. 251

¹⁰ там же, с. 87

¹¹ там же, с. 145

¹² там же, с. 235

¹³ там же

¹⁴ там же, сс. 144–147

¹⁵ там же, сс. 146–148

¹⁶ Будилович А.С. О единстве русского народа. — «УКРАИНСКАЯ» БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ НАЦИИ. Составитель М.Б. Смолин. М.: изд-во «Имперская традиция», 2004, сс. 30–31

¹⁷ там же, с. 33

¹⁸ цит. по Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 398

¹⁹ там же

²⁰ там же, сс. 365–366

²¹ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии (далее: Записка департамента полиции...). — «УКРАИНСКАЯ» БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ НАЦИИ сс. 122–123

²² там же, с. 127

²³ там же, с. 133

²⁴ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 173

²⁵ Записка департамента полиции... с. 129

²⁶ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 175

²⁷ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. В 2-х тт. — М.: «Родник», 1997, т. I, с. 370

²⁸ БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. История и культура. Ежегодник. 2004. — М.: «Наука», 2005, с. 147

²⁹ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... сс. 179–180

³⁰ там же, с. 181

³¹ там же, с. 196

³² там же, с. 195

³³ там же, сс. 189—190

³⁴ Записка департамента полиции... сс. 158—159

³⁵ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 189

³⁶ там же, с. 195

³⁷ Записка департамента полиции... с. 173

³⁸ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 192

³⁹ Записка департамента полиции... сс. 118—119

⁴⁰ Терех И. Украинизация Галичины. — УКРАИНА — ЭТО РУСЬ. Литературно-публицистический сборник под ред. М.И. Туряницы. СПб.: «ЛИО-Редактор», 2000, сс. 138—139

⁴¹ ТАЛЕРГОФСКИЙ АЛЬМАНАХ. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914—1917 гг. (далее: Талергофский альманах...) — РУССКАЯ ГАЛИЦИЯ И «МАЗЕПИНСТВО». Сборник. Составитель М.Б. Смолин. М.: изд-во «Имперская традиция», 2005, сс. 218—219

⁴² там же, с. 227

⁴³ там же, с. 258

⁴⁴ там же, сс. 272—273

⁴⁵ там же, с. 232

⁴⁶ там же, с. 370

⁴⁷ там же, с. 266

⁴⁸ там же, с. 233

⁴⁹ там же, сс. 403—404

⁵⁰ там же, сс. 364—365

⁵¹ там же, с. 248

⁵² там же, с. 244

⁵³ там же, сс. 234—235

⁵⁴ там же, сс. 235—236

⁵⁵ там же, с. 258

⁵⁶ там же, с. 238

⁵⁷ там же, с. 240

⁵⁸ там же, с. 275

⁵⁹ там же, с. 375

⁶⁰ цит. по Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. — М.: изд-во «Имперская традиция», 2007, с. 115

⁶¹ Талергофский альманах... сс. 260—262

⁶² Михутина И.В. Украинский вопрос в России... с. 194

⁶³ там же, сс. 193—194

⁶⁴ там же, сс. 184—185

⁶⁵ Записка департамента полиции... с. 170

⁶⁶ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. Т. I, сс. 368—

⁶⁷ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси (от начала 19-го до середины 20-го века). — М.: изд-во «Самотека», 2008, сс. 55—56. А. Дикий — псевдоним Андрея Ивановича Занкевича (1893—1977), потомственного Русского дворянина, политического деятеля и журналиста. Его книга первоначально была издана в США (Нью-Йорк: изд-во «Правда о России», 1960—1961, тт. I—II).

Глава 3

¹ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. В 2-х тт. — М.: «Родник», 1997, т. I, с. 479

² Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова (далее «Воспоминания...»). В 2-х тт. — М.: «Родник», 1993, т. II, с. 122

³ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. . I с. 467

⁴ там же, с. 488

⁵ цит. по Жевахов Н.Д. Воспоминания... т. II с. 126

⁶ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. Т. I, сс. 467—468

⁷ Жевахов Н.Д. Воспоминания... т. I, сс. 291—292

⁸ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. Т. I, с. 362

⁹ там же, с. 506

¹⁰ цит. по Каратаев О. Правовое решение русско-еврейского спора. — «Новый Петербург» №32 (439), от 3 августа 2000 г.

¹¹ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. Т. I, с. 527

¹² там же, с. 528

¹³ там же, с. 529

¹⁴ Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний (1917—1920 гг.). — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ. По мемуарам «белых». Репринтное воспроизведение издания 1930 г., с. 2

¹⁵ цит. по Лысяк—Рудницкий И. Между историей и политикой. — М.; СПб.: «Летний сад», 2007, с. 392

¹⁶ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси (от начала 19-го до середины 20-го века). — М.: изд-во «Самотека», 2008, с. 86

¹⁷ Михутина И.В. Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады. — БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. История и культура. Ежегодник. 2003. М.: «Наука», 2003, с. 310

¹⁸ там же, сс. 310—311

¹⁹ УКРАИНА — ЭТО РУСЬ. Литературно-публицистический сборник под ред. М.И. Туряницы. — СПб.: «ЛИО-Редактор», 2000, сс. 172—173

²⁰ там же, с. 173

²¹ там же, с. 108

²² там же, сс. 105—106

²³ там же

²⁴ Винниченко В.К. Відродження нації. В 3-х тт. — Київ: «Політвидав України», 1990, т. I, с. 94

²⁵ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА. Документи і матеріали. В 2-х тт. — Київ: «Наукова думка», 1996, т. I, с. 50

²⁶ цит. по Михутина И.В. Февральская революция... — БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. 2003, с. 315

²⁷ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... сс. 89—91

²⁸ Михутина И.В. Февральская революция... — БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. 2003., сс. 315—316

²⁹ там же, с. 309

³⁰ цит. по Історія України: нове бачення. В 2-х тт. — Київ: 1996, т. II, с. 21

³¹ Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 71

³² цит. по Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... с. 107

³³ Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний (1917—1920 гг.). — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 11

³⁴ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... сс. 96—100

³⁵ Сумский С. Одиннадцать переворотов. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 99

³⁶ Винниченко В.К. Відродження нації. т. II, сс. 216—217

³⁷ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... сс. 92—93

³⁸ цит. по Каревин А. Русь нерусская... с. 125

³⁹ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. I, сс. 101—104

⁴⁰ там же, т. I, сс. 164—168

⁴¹ цит. по Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... с. 131

⁴² УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. I, сс. 398—401

⁴³ цит. по Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... сс. 152—153

⁴⁴ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. II, сс. 102—104

⁴⁵ Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 95

⁴⁶ Сумский С. Одиннадцать переворотов. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 104

⁴⁷ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. I, с. 482

⁴⁸ там же, т. I, сс. 522—523

⁴⁹ там же, т. I, сс. 527—529

⁵⁰ цит. по Михутина И.В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. — М.: «Европа», 2007, с. 128

⁵¹ там же, с. 168

⁵² там же, с. 150

⁵³ там же, с. 155

⁵⁴ Архив русской революции. — М.: 1991, т. XII, с. 271

⁵⁵ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. II, с. 90

⁵⁶ Михутина И. В. Украинский Брестский мир... с. 81

⁵⁷ там же, с. 100

⁵⁸ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА... т. II, с. 85

⁵⁹ цит. по Михутина И. В. Украинский Брестский мир... с. 123

⁶⁰ там же, с. 202

⁶¹ там же, с. 214

⁶² там же, с. 219

⁶³ там же, сс. 224—225

⁶⁴ там же, сс. 229—230

⁶⁵ там же, с. 231

⁶⁶ там же, сс. 233—234

⁶⁷ там же, сс. 249—250

Глава 4

¹ цит. по РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ. По мемуарам «белых». Репринтное воспроизведение 1930 г., с. 136

² Федюшин О. Украинская революция. 1917—1918. — М.: ЗАО «Центрополиграф», 2007, с. 112

³ там же, с. 114

⁴ цит. по Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». — М.: изд-во «Имперская традиция», 2006, с. 62

⁵ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси (от начала 19-го до середины 20-го века). — М.: изд-во «Самотека», 2008, с. 196

⁶ там же, сс. 196—197

⁷ Федюшин О. Украинская революция. 1917—1918. с. 126

⁸ Доклад начальнику оперативного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. — «Архив русской революции». М.: 1991, т. I, с. 289

⁹ цит. по Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. — М.: изд-во «Европа», 2006, сс. 34—35

¹⁰ Каревин А. Русь нерусская... сс. 66—67

¹¹ Могилянський Н. М. Трагедія України (из пережитого в Киеве в 1918 г.). — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 120—121

¹² Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... сс. 199—200

¹³ УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА. Документи і матеріали. В 2-х тт. — Київ: «Наукова думка», 1996, т. II, с. 273

¹⁴ Федюшин О. Украинская революция. 1917—1918., сс. 159—160

¹⁵ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... с. 201

¹⁶ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917—1920 гг.). — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 34—35

- ¹⁷ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... с. 202
- ¹⁸ Сумский С. Одиннадцать переворотов. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 113—114
- ¹⁹ цит. по Каревин А. Русь нерусская... с. 60
- ²⁰ Чередниченко В.П. Анатомия предательства. — Киев: 1983, с. 36
- ²¹ Марголин А. Украина и политика Антанты. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 384—385
- ²² цит. по Соколов Л. Стремались ли украинцы к самостоятельности в 1917 году? — «Имперское возрождение», №3 (11), 2007, сс. 90—91
- ²³ Сумский С. Одиннадцать переворотов. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 107
- ²⁴ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. — УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ. Идеология национального раскола. Сборник. Составитель М.Б. Смолин. М.: «Москва», 1998, сс. 196—197
- ²⁵ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. В 2-х тт. — М.: «Родник», 1993, т. II, сс. 24—25
- ²⁶ Царинный А. Украинское движение. — УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ... с. 207
- ²⁷ Каревин А. Русь нерусская... с. 57
- ²⁸ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации... с. 43
- ²⁹ Каревин А. Русь нерусская... сс. 58—59
- ³⁰ Винниченко В.К. Відродження нації. В 3-х тт. — Київ: «Політвидав України», 1990, т. I, с. 111
- ³¹ Каревин А. Русь нерусская... с. 56
- ³² Гуреев В. Екатеринославский поход. — 1918 ГОД НА УКРАИНЕ. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2001, сс. 274—275
- ³³ цит. по Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М.: 2003, с. 147
- ³⁴ Каревин А. Русь нерусская... сс. 56—57
- ³⁵ там же, с. 57
- ³⁶ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси... с. 232
- ³⁷ Могилянський Н.М. Трагедія України (из пережитого в Киеве в 1918 г.). — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 122
- ³⁸ Каревин А. Русь нерусская... с. 133
- ³⁹ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. — 1918 ГОД НА УКРАИНЕ, сс. 304—305
- ⁴⁰ Сакович Г. Екатеринославский поход. — 1918 ГОД НА УКРАИНЕ, с. 287
- ⁴¹ Каревин А. Русь нерусская... с. 62
- ⁴² Федюшин О. Украинская революция. 1917—1918, сс. 187—188
- ⁴³ там же, с. 189
- ⁴⁴ там же, с. 176, с. 171

- ⁴⁵ там же, с. 176
- ⁴⁶ Турко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. — 1918 ГОД НА УКРАИНЕ... сс. 302–304
- ⁴⁷ Федюшин О. Украинская революция. 1917–1918... сс. 321–322
- ⁴⁸ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... сс. 245–246
- ⁴⁹ 1918 ГОД НА УКРАИНЕ... с. 4
- ⁵⁰ Царинный А. Украинское движение. — УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ... сс. 207–208
- ⁵¹ Нестерович–Берг М. В Киеве в конце 1918 года. — 1918 ГОД НА УКРАИНЕ... сс. 161–162
- ⁵² там же, с. 8
- ⁵³ Винниченко В. Из истории украинской революции. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 278
- ⁵⁴ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... с. 259
- ⁵⁵ Винниченко В. Из истории украинской революции. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 303
- ⁵⁶ там же, сс. 353–354
- ⁵⁷ там же, сс. 341–342
- ⁵⁸ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... с. 272
- ⁵⁹ Винниченко В. Из истории украинской революции. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... с. 291
- ⁶⁰ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. В 2-х тт. — М.: «Родник», 1997, т. I, с. 142
- ⁶¹ Михутина И.В. Украинский вопрос в России... сс. 120–121
- ⁶² Острцов В. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. Издание 2-е, исправленное. — М.: изд-во ООО «Штрихтон», 1998, сс. 678–679
- ⁶³ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. Т. I, с. 861
- ⁶⁴ Винниченко В. Из истории украинской революции. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 331–332
- ⁶⁵ там же, с. 320
- ⁶⁶ там же, сс. 322–323
- ⁶⁷ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... сс. 300–301
- ⁶⁸ Царинный А. Украинское движение... — УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ... с. 225
- ⁶⁹ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... сс. 302–303
- ⁷⁰ там же, с. 308
- ⁷¹ Винниченко В. Из истории украинской революции. — РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ... сс. 356–357
- ⁷² Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси... сс. 327–328
- ⁷³ цит. по Лозунько С. «Спецгруппа историков» СБУ работает... — «2000» еженедельник №5 (400) от 1–7 февраля 2008 г.

Глава 5

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 40, сс. 45—46

² там же, т. 39, сс. 334—335

³ там же, т. 51, сс. 141—142

⁴ Люксембург Р. Рукопись о русской революции. — «Вопросы истории», №2, 1990, сс. 22—23

⁵ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М.: 2003, с. 97

⁶ До історії міжнародних процесів на Україні. — «Український історичний журнал» № 6, 1990, с. 112

⁷ Каревин А.С. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». — М.: изд-во «Имперская традиция», 2006, с. 68

⁸ там же, с. 75

⁹ там же, с. 71

¹⁰ там же, с. 76

¹¹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20—50-ті роки XX ст. — Київ: 1994, с. 44

¹² Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник. В 2-х тт. — Київ: «Вища школа», 1997, т. II, сс. 57—58

¹³ «Українізація» 1920—1930-х років: передумови, здобутки, уроки. — Київ: 2003, сс. 83—84

¹⁴ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині XX століття (1900—1941). Стан і статут. — Чернівці: 1998, с. 95

¹⁵ Стенографічний звіт XV-ої округової конференції київської організації КП(б)У. — Київ: 1930, сс. 274—275

¹⁶ там же, с. 595, с. 597

¹⁷ «Українізація» 1920—1930-х років... с. 143

¹⁸ Шевельов Ю. Українська мова... с. 96

¹⁹ «Українізація» 1920—1930-х років... сс. 147—149

²⁰ Борисёнок Е.Ю. Советская украинизация в региональном измерении. — БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. История и культура. Ежегодник. 2003. М.: «Наука», 2003, с. 223

²¹ «Українізація» 1920—1930-х років... с. 105

²² Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. — Київ: 1997, с. 175

²³ «Українізація» 1920—1930-х років... с. 89

²⁴ Каревин А.С. Русь нерусская... с. 59

²⁵ там же, с. 124

²⁶ там же, с. 84

²⁷ там же, с. 78

²⁸ там же, с. 76

²⁹ там же, с. 80

³⁰ там же, с. 78

- ³¹ там же, с. 90
- ³² Борисєнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. — М.: изд-во «Европа», 2006, сс. 110–111
- ³³ Листи М. Грушевського до Е. Фариняка (1923). — «Український історик» №№1–2, 1977, с. 128
- ³⁴ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... с. 120
- ³⁵ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина... с. 28
- ³⁶ Студинський К. З побуту на Радянській Україні. — Львів: 1927, с. 77
- ³⁷ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... сс. 190–191
- ³⁸ Листи М. Грушевського до Т. Починка з додатком двох листів до Д. Островського. — «Український історик» №№1–3, 1970, с.182
- ³⁹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина... с. 40
- ⁴⁰ Вінярський К. Третій з'їзд КПЗУ про національне питання на Західній Україні. — Б.м., б.д., с. 90
- ⁴¹ Політична ситуація і завдання КПЗУ (Тези III пленуму ЦК КПЗУ). — «Більшовик України» №№5–6, 1930, с. 105
- ⁴² Хвиля А. Блюдолизи графів Бобринських. — «Більшовик України» №18, 1928, с. 90
- ⁴³ там же, с. 85
- ⁴⁴ там же, с. 86
- ⁴⁵ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... сс. 138–139
- ⁴⁶ там же, с. 108
- ⁴⁷ Волков. Стан вузів України. — «Більшовик України» №№ 17–18, 1929, с. 249
- ⁴⁸ Лапчинський Г. Національна політика за десять років соціальної революції. — «Життя й революція» №5, 1927, с. 249
- ⁴⁹ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... сс. 136–137
- ⁵⁰ там же, сс. 139–140
- ⁵¹ Она же. Советская украинизация в региональном измерении, сс. 226–227
- ⁵² Она же. Феномен советской украинизации... с. 151
- ⁵³ Сталин И.В. Собр. соч., т. 5, с. 136
- ⁵⁴ Хвиля А. Ясною дорогою (рік на літературному фронті). Б.м., 1927, с. 70
- ⁵⁵ Лапчинський Г. Національна політика... с. 249
- ⁵⁶ Чернышев В. Хвелевый — чекист и националист. — «Донецкий кряж—плюс» №47 от 15–16 декабря 2006 г.
- ⁵⁷ там же
- ⁵⁸ Борисєнок Е. Советская украинизация в региональном измерении, сс. 232–233
- ⁵⁹ Она же. Феномен советской украинизации... сс. 104–105
- ⁶⁰ Сергійчук В. «Українізація Росії»: політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. —

Київ: «Українська Видавнича Спілка», 2000, с. 47, с. 55

⁶¹ Борисенко Е. Советская украинизация в региональном измерении, сс. 233–235

⁶² Фрід Д. До питання про коріння КПУ. — «Більшовик України» №14, 1927, с. 37

⁶³ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. I. Декабрь 1928 — июнь 1934. — СПб.: 2000, с. 82

⁶⁴ там же, с. 504

⁶⁵ Пограничные войска в СССР. 1918—1928. сост. Е.Д.Соловьев, А.И.Чугунов. — М.: 1973, сс. 531—532

⁶⁶ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.)... с. 219

⁶⁷ Борисенко Е. Феномен советской украинизации... с. 197

⁶⁸ Сталин И.В. Собр. соч., т. 11, с. 10

⁶⁹ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932). — М.: «Наука», 1972, с. 98

⁷⁰ Борисенко Е. Феномен советской украинизации... с. 211

⁷¹ Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. — Київ: «Політвидав України», 1990, с. 293

⁷² Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. — М.: «Вузовская книга» 1999, с. 108

⁷³ там же, с. 109

⁷⁴ Гитлер А. Моя борьба. — М.: «Витязь», 2000, с. 551

⁷⁵ там же, с. 116

⁷⁶ там же, с. 118

⁷⁷ там же

⁷⁸ там же, с. 556

⁷⁹ там же, с. 554

⁸⁰ Борисенко Е. Феномен советской украинизации... с. 221

⁸¹ цит. по Широкопад А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. — М.: 2007, сс. 697—699

⁸² цит. по Мухин Ю.И. Антироссийская подлость: научно-исторический анализ. Расследование фальсификации Катынского дела Польшей и Генеральной прокуратурой России с целью развеять ненависть поляков к русским. — М.: 2003, сс. 109—110

⁸³ Борисенко Е. Феномен советской украинизации... с. 218

⁸⁴ там же, сс. 227—228

⁸⁵ Хвиля А. Про одну спробу ревізії ленінізму. — «Більшовик України» №19, 1929, сс. 33—34

⁸⁶ Борисенко Е. Феномен советской украинизации... сс. 222—223

⁸⁷ там же, сс. 228—229

⁸⁸ Корнилов В. Праздник голодомора. — «2000» еженедельник №48 (344), от 1—7 декабря 2006 г.

⁸⁹ Мехлис Л. Письмо секретарям ЦК «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937. — «2000» №№17—18 (317) от 12 — 18 мая 2006 г.

⁹⁰ Селижаров Г. Измолчался Мовчан. — «Донецкий кряж—плюс» от 27 июня—3 июля 2002 г.

⁹¹ Гордеева Л. Языческий шабаш в Верхраде. — «Донецкий кряж—плюс» №11, от 21—27 марта 2003 г.

⁹² Яворский В. Украина — русская земля. — УКРАИНА — ЭТО РУСЬ. Литературно-публицистический сборник под ред. М.И. Туряницы. СПб.: «ЛИО-Редактор», 2000, с. 29

Глава 6

¹ Кучма Л. Украина — не Россия. — М.: «Время», 2003, с. 253

² Кирило—Мефодіївське товариство. В 3-х тт. — Київ: 1990, т. I, сс. 256—258

³ Лысяк—Рудницкий И. Между историей и политикой. — М.; СПб: «Летний сад», 2007, с. 104

⁴ История Украины (с древнейших времен до начала XX века). Справочное пособие. — Луганск: 1999, с. 217

⁵ цит. по Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — СПб.: «Алетейя», 2000, с. 72

⁶ Михутина И.В. Февральская революция и образование Украинской Центральной рады. — БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА. История и культура. Ежегодник. 2003. М.: «Наука», 2003, с. 309

⁷ Соколов Л. Стремились ли украинцы к самостийности в 1917 году? — «Имперское возрождение», №3 (11), 2007, с. 85

⁸ Еремійв М. За лаштунками Центральної Ради (Сторінки зі спогадів). — «Український історик» №1—4, 1968, с. 98

⁹ цит. по Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. — М.: «Имперская традиция», 2004, с. 387

¹⁰ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. — УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИИ. Идеология национального раскола. Сборник. Составитель М.Б. Смолин. М.: «Москва», 1998, с. 249

¹¹ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. — М.: «Европа», 2006, с. 43

¹² Миллер А.И. «Украинский вопрос»... с. 71

¹³ Єфремов С. В тісних рямцях. Українська книга в 1798—1916 рр. — Київ: 1926, с. 20

¹⁴ Нечуй-Левицький І.С. Зібрання творів. — Київ: 1968, т. X, с. 404

¹⁵ цит. по Каревин А. Русь нерусская. (Как рождалась «рідна мова»). — М.: «Имперская традиция», 2006, с. 35

- ¹⁶ Шеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма... с. 183
- ¹⁷ там же, с. 145
- ¹⁸ Каревин А. Русь нерусская... с. 86
- ¹⁹ там же, с. 72
- ²⁰ цит. по Павличко С. Агатангел Кримський у 1890-і роки: на підступах до радикального сепаратизму. — «Київська старина» №3, 1999, с. 118
- ²¹ Каревин А. Русь нерусская... с. 73
- ²² там же, с. 32
- ²³ там же, с. 39
- ²⁴ там же, с. 86
- ²⁵ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации... сс. 222–223
- ²⁶ там же, с. 227
- ²⁷ Каревин А. Русь нерусская... с. 98
- ²⁸ там же, с. 78–80
- ²⁹ «Вечерний Киев» от 9 декабря 1994 г.
- ³⁰ там же, от 21 декабря 1994 г.
- ³¹ Селижаров Г. Измолчался Мовчан. — «Донецкий кряж—плюс» от 27 июня—3 июля 2002 г.
- ³² Сидоренко С.Н. Украина — тоже Россия. — М.: «Альтернатива», 2005, сс. 45–46
- ³³ там же, с. 58
- ³⁴ там же, с. 234
- ³⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. — СПб.: 1992, с. 25
- ³⁶ там же, с. 24
- ³⁷ там же, с. 29
- ³⁸ там же, с. 26

Глава 7

- ¹ Чебаненко С.В. Политические партии Украины. Политические партии Луганщины. — Луганск: 1997, с. 114
- ² «Донецкий кряж», апрель 1993
- ³ «Україна молода», август 1992
- ⁴ «Українські обрії», январь 1993, №1
- ⁵ Чебаненко С.В. Политические партии Украины... сс. 213–214
- ⁶ Макаров С. Украинские друзья чеченских террористов. — «Русская правда», ноябрь 2002 г.
- ⁷ Корнилов В. Шестипроцентный праздник. — «2000» еженедельник №42 (434) от 17–23 октября 2008 г.
- ⁸ цит. по Кичигин С. «Москаль был москалем, им и останется». Об этом мы узнали в Луцке. — «2000» №35 (379) от 31 августа—6 сентября 2007 г.
- ⁹ «Футбольное обозрение» №86 (479) от 4 ноября 2005 г.

¹⁰ «Поступ» №73 от 23–29 мая 2002 г.

¹¹ Полякова А. Библиотека, в которую стреляли. — «2000» №39 (335) от 29 сентября–5 октября 2006 г.

¹² Айрапетова Н. Отравы русофобии. — «Донецкий кряж» №416, от 11–17 октября 2001 г.

¹³ «Галичина» №№129–130 (1612–1613) от 29 августа 2002 г.

¹⁴ Баташев А. Фальшивка. Как Сталин собирался переселять украинцев. — «Донецкий кряж–плюс» от 26 февраля–4 марта 2002 г.

¹⁵ «Донецкий кряж–плюс» от 14–20 ноября 2003 г.

¹⁶ цит. по Лозунык С. «Голодомор–геноцид» как «геть від Москви». — «2000» №50 (442) от 12–18 декабря 2008 г.

¹⁷ Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ — ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ. Автор-составитель Ю.К. Козлов. М.: «Яуза-Пресс», 2008, с. 415

¹⁸ <http://www.from-ua.com/politics/ef438c97b1321.html>

¹⁹ Лукьяненко Л. Цивілізаційний вибір України. — «Персонал-плюс» №24 (276) от 24–30 июня 2008 г.

²⁰ Даниленко В.М., Гузенков С.Г., Колодяжный Н.Н. История Украины: учебное пособие для 10-го класса. — Запорожье: «Премьер», 2003, с. 175

²¹ Пехова З. Могила в школе. — «2000» №№18–19 (413) от 9–15 мая 2008 г.

²² Корнилов В. Северодонецк–2: повестка дня. — «2000» №5 (400) от 1–7 февраля 2008 г.

²³ там же

²⁴ Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 418, с. 421

²⁵ цит. по Марчуков А. «Голодомор» в идеологической системе украинства. — «Имперское возрождение» №2 (16), 2008, с. 85

²⁶ БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 441

²⁷ Марчуков А. «Голодомор» в идеологической системе украинства. — «Имперское возрождение» №2 (16), 2008, с. 81

²⁸ цит. по Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 412

²⁹ Лозунык С. Документы — вещь вредная. — «2000» №45 (437) от 7–12 ноября 2008 г.

³⁰ там же

³¹ Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 413

³² там же, сс. 411–413

³³ цит. по Лозунык С. Считать ли голод 1932–1933 гг. геноцидом украинцев? — «2000» №47 (343) от 24–30 ноября 2006 г.

³⁴ Смирнов А.С. История Южной Руси. — М.: «Алгоритм», 2008,

³⁵ Марчуков А. «Голодомор» в идеологической системе украинства. — «Имперское возрождение» №2 (16), 2008, с. 87

³⁶ Сталин И.В. Сочинения. — Тверь: 2004, т. 17, с. 552

³⁷ там же, с. 587

³⁸ Лозунык С. Документы опровергают «спланированный геноцид украинцев». — «2000» №42 (434) от 17–23 октября 2008 г.

³⁹ Лозунык С. Считать ли голод 1932–1933 гг. геноцидом украинцев? — «2000» №47 (343) от 24–30 ноября 2006 г.

⁴⁰ Лозунык С. Документы опровергают «спланированный геноцид украинцев». — «2000» №42 (434) от 17–23 октября 2008 г.

⁴¹ Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... сс. 432–433

⁴² там же, с. 419

⁴³ Марчуков А. «Голодомор» в идеологической системе украинства. — «Имперское возрождение» №2 (16), 2008, сс. 93–94

⁴⁴ Кучма Л. Украина — не Россия. — М.: «Время», 2003, с. 214

⁴⁵ там же, с. 206

⁴⁶ Холмогоров Е. Защитит ли Россия Украину? — М.: «Европа», 2006, с. 29

⁴⁷ Мисбан В. Рассказы по истории Украины. — Киев: «Генеза», 1997, с. 48. *Утвержден Министерством образования Украины как учебник для 5-го класса средней школы*

⁴⁸ там же, с. 69

⁴⁹ там же, сс. 118–119

⁵⁰ там же, сс. 119–121

⁵¹ там же, с. 125

⁵² там же, с. 168

⁵³ там же, с. 171

⁵⁴ Власов В. История Украины. 8-й класс. *Рекомендовано Министерством образования и науки Украины (Письмо №1/11-2391 от 07.10.98).* — Киев: изд-во А.С.К., 2002, сс. 160–161

⁵⁵ там же, с. 221

⁵⁶ там же, с. 217

⁵⁷ там же, с. 218

⁵⁸ там же, с. 232

⁵⁹ там же, с. 258

⁶⁰ там же, сс. 268–269

⁶¹ там же, с. 267

⁶² там же, с. 253

⁶³ Мороко В., Турченко В. История Украины. — Запорожье: изд-во «Просвита», 1999, с. 358

⁶⁴ там же, сс. 80–85

⁶⁵ Лозунык С. Не концепция, а провокация! — «2000» №38 (334) от

22–28 сентября 2006 г.

⁶⁶ «Донецкий кряж» №421 от 15–21 ноября 2001 г.

⁶⁷ «Братья славяне», май 2001 г.

⁶⁸ «Донецкий кряж», 12 марта 1993 г.

⁶⁹ «2000» №43 (435) от 24–30 октября 2008 г.

⁷⁰ Вислинский В.С. Корни единства русской культуры. — «Имперское возрождение», №1 (15), 2008, с. 89

⁷¹ Затулин К., Севастьянов А. Российско-украинский договор: обман века. — ОБМАН ВЕКА. Документы и материалы. К проблеме ратификации «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве» между Россией и Украиной. Под ред. А.Н. Севастьянова. М.: Институт стран СНГ, 1999, сс. 193–194

⁷² «Русская правда» №1 (3), 2003 г.

⁷³ Бураков А.Н. «Русский вопрос» сквозь призму переписи населения. — «Русский мир», февраль 2002 г.

Глава 8

¹ цит. по «Донецкий кряж—плюс» от 14–20 марта 2002 г.

² «Русский мир» №4, декабрь 2001 г.

³ «Русская правда» №1 (3), 2003 г.

⁴ «Русский мир» №1 (5), 2002 г.

⁵ Шестаков В. «Москалей -- на ножи!». — «2000» №45 (341) от 10–16 ноября 2006 г.

⁶ Куняев С.Ю. Шляхта и мы. — М.: «Наш современник», 2003, сс.18–19

⁷ «Русский Вестник» №41–42, 2002 г.

⁸ цит. по Лозунько С. Из Галиции с фашистским приветом. Тягнибок как эволюция «оранжевого» режима. — «2000» №12 (454) от 20–26 марта 2009 г.

⁹ там же

¹⁰ там же

¹¹ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ. Организация украинских националистов: документы и материалы. Под. ред. В.И. Масловского. — М.: «Универсум», 1991, с.8

¹² цит. по Поддубный Л.А. Роман Шухевич. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ — ГЛАВНАЯ УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ. Автор-составитель Ю.К. Козлов. — М.: «Яуза-пресс» 2008, сс. 121–122

¹³ там же, сс. 122–124

¹⁴ там же, сс. 110–111

¹⁵ цит. по Федоровский Ю. К вопросу об украинском коллаборационизме. — «Имперское возрождение», №2 (22), 2009, с. 81

¹⁶ Бердник М. За что Скорцени спасал Бандеру? — «2000» №12 (359) от 23–29 марта 2007 г.

¹⁷ там же

¹⁸ там же

¹⁹ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... сс. 130—131

²⁰ Федоровский Ю. К вопросу об украинском коллаборационизме. — «Имперское возрождение», №2 (22), 2009, с. 82

²¹ БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... сс. 166—167

²² Федоровский Ю. К вопросу об украинском коллаборационизме. — «Имперское возрождение», №2 (22), 2009, с. 82

²³ там же, с. 83

²⁴ там же

²⁵ Бердник М. За что Скорцени спасал Бандеру? — «2000» №12 (359) от 23—29 марта 2007 г.

²⁶ там же

²⁷ Поддубный Л.А. Роман Шухевич. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 127

²⁸ там же

²⁹ там же, сс. 134—135

³⁰ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... с. 146

³¹ Поддубный Л.А. Роман Шухевич. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 140

³² там же, с. 133

³³ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... с. 90

³⁴ Поддубный Л.А. Роман Шухевич. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 142

³⁵ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... сс. 36—37

³⁶ там же, с. 76

³⁷ там же, с. 99

³⁸ там же, с. 50

³⁹ там же, сс. 18—19

⁴⁰ там же, с. 50

⁴¹ Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Геноцид против поляков. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... сс. 243—246

⁴² там же, сс. 250—253

⁴³ там же, сс. 254—256

⁴⁴ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... сс. 53—57

⁴⁵ Субтельный О. УКРАИНА: история. — Киев: «Либідь», 1994, сс. 541—544

⁴⁶ «Донецкий краж—плюс» №435 от 26 февраля—4 марта 2002 г.

⁴⁷ Россов О. Советская Украина и подполье ОУН: мир был возможен. Операция «Перелом». Малоизвестные подробности гражданского конфликта в Западной Украине. — «2000» №51 (443) от 19—25 декабря 2008 г.

⁴⁸ там же

⁴⁹ Засулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма. — БАНДЕРИЗАЦИЯ УКРАИНЫ... с. 285, с. 290

⁵⁰ «2000» №42 (386) от 19–25 октября 2007 г.

⁵¹ Лозунько С. ОУН–УПА действительно участвовала в Великой Отечественной. — «2000» №42 (386) от 19–25 октября 2007 г.

⁵² Западная Украина 40–50-х годов. Свидетельство очевидца. — «2000» №51 (443) от 19–25 октября 2008 г.

⁵³ Козорез В. Случай в Прикарпатье. — «Донецкий кряж–плюс» №32 от 1–7 сентября 2006 г.

⁵⁴ Денисенко В.Г. Кровь в лесах текла рекою. — «Донецкий кряж–плюс» №28 от 28 июля–3 августа 2006 г.

⁵⁵ «Донецкий кряж–плюс» №28 от 28 июля–3 августа 2006 г.

⁵⁶ Ребров С. Возвращение «Нахтигаль». — «2000» №21 (367) от 25–31 мая 2007 г.

⁵⁷ Корниенко В. Говорить об этом уже страшно. — «2000» №18-19 (413) от 9–15 мая 2008 г.

⁵⁸ там же

⁵⁹ ОБВИНЯЕТ ЗЕМЛЯ... с. 18

⁶⁰ «2000» №42 (386) от 19–25 октября 2007 г.

⁶¹ там же

Эпилог. Что делать

¹ Сидоренко С.Н. Украина — тоже Россия. — М.: «Альтернатива», 2005, с. 200

² там же, с. 201

³ там же, с. 203

⁴ там же, сс. 201–202

⁵ там же, сс. 191–192

⁶ там же, сс. 77–78

⁷ Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. — М.: «Имперская традиция», 2004, с. 219

⁸ Шульгин В.В. Украинствующие и мы. — «Украинская» болезнь русской нации. М.: «Имперская традиция», 2004, с. 207

⁹ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М.: «Алгоритм», 2000, с. 181

¹⁰ там же

¹¹ Сидоренко С.Н. Украина — тоже Россия... с. 168

¹² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: «Международные отношения», 1999, с. 179

¹³ там же, с. 134

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВИРТУАЛЬНАЯ НАЦИЯ И ЕЕ ЯЗЫК

- Глава 1. Украинский волапюк: цель и методы создания
(40-е годы XIX — начало XX века) 4
- Глава 2. Бацилла революционного разложения
(январь 1905 — ноябрь 1916). 51

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БРОСОК ХИМЕРЫ

- Глава 3. Бесы революции в «украинской» драпировке.
Пролог (март 1917 — март 1918). 102
- Глава 4. Фантом «украинської дєржавы»
(март 1918 — ноябрь 1921) 149
- Глава 5. Творцы новой «нации»: коммунистическая
эра украинства (1920—1991) 203
- Глава 6. Первые бесспорные выводы об «украинском
народе», его «мове» и «дєржавє» 255

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПРОЕКТ «УКРАИНА»:

ЦЕЛЬ — УНИЧТОЖЕНИЕ РОССИИ

- Глава 7. «Мы обречены воевать с Московской
империей»... Начальная подготовка
(1991—2009). 286
- Глава 8. «Наша власть должна внушать ужас!»..
Захват первых рубежей 337

ЭПИЛОГ.

- ЧТО ДЕЛАТЬ. 400

- Примечания 427